

БИБЛОТЕКА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОЦЕВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ

ЗАПАДНЫХЪ

издаваемая при Кіевской Духовной Академіи.

КНИГА 10.

Творенія блаженнаго Августина

Епископа Иппонійскаго.

ЧАСТЬ 3.

К І Е В Ъ

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., соб. д.

1880.

25
1880

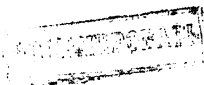
233
75480

ТВОРЕНІЯ

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА

Єпископа Иппонійскаго.

—

ЧАСТЬ 3.

КІЕВЪ

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., соб. д.

1880.

Изъ журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“
за 1880 г.

2007237094

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА,

епископа иппонійскаго,

О ГРАДЪ БОЖІЕМЪ,

КЪ МАРЦЕЛЛИНУ

ПРОТИВЪ ЯЗЫЧНИКОВЪ,

ДВАДЦАТЬ ДВѢ КНИГИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Опроверяетъ язычниковъ, которые бѣдствія имперіи, особенно же послѣднее опустошеніе Рима Готами приписывали христіанской религіи, запрещавшей культъ боговъ. Разсуждаетъ о благосостояніи и невзгодахъ, бывшихъ въ то время, по обыкновенію, общими и для людей добрыхъ, и для злыхъ. Обуздываетъ наглость тѣхъ, которые ставили въ укоръ христіанству изнасилованіе христіанскихъ женщинъ воинами.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О цѣли и содержаніи предпринятаго сочиненія.

Въ этомъ сочиненіи, любезнѣйшій сынъ мой Марцеллинъ, тобою задуманномъ, а для меня, въ силу даннаго мною обѣщанія, обязательномъ, я поставилъ своею задачею защитить Градъ Божій, славнѣйшій какъ въ этомъ теченіи временъ, когда странствуетъ онъ между нечестивыми, живи *отъ вѣры* (Аввак. II, 4), такъ и въ той вѣчной осѣблости, которой въ настоящее время онъ *терпнїемъ ждетъ* (Римл. VIII, 25), *дондеже правда обратится въ судъ* (Пс. XCIII, 15), но которую имѣетъ получить въ силу превосходства послѣднею побѣдою и окончательнымъ миромъ, — защитить

противъ тѣхъ, которые ставятъ своихъ боговъ выше его Основателя. Великъ и тяжелъ этотъ трудъ; но *Богъ помощникъ нашъ* (Пс. LXI, 9). Но безызвѣстно мнѣ, какія нужны силы для того, чтобы убѣдить гордыхъ, какъ велика доблесть смиренія, благодаря которой всѣ земныя величія, колеблющіяся отъ непостоянства времени, превосходятъ высота нечеловѣческою спѣсью присвоиваемая, а дарованная божественною благодатію. Ибо Царь и Основатель этого Града, о которомъ мы задумали говорить, открылъ въ писаніи своимъ народамъ опредѣленіе божественнаго закона, въ которомъ сказано: *Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Притч. III, 34.—Іак. IV, 6.—1 Петр. V, 5). Но то, что составляетъ Божію принадлежность, то старается присвоить себѣ и надменный духъ гордой души, и любить, чтобы ему вмѣняли въ славу

Щадитъ покорныхъ и низлагаетъ гордыхъ ¹⁾.

Поэтому, насколько требуетъ задача предпринятаго мною труда, и насколько представляется возможность, нельзя обойти молчаніемъ и земнаго града, который въ то самое время, какъ стремится къ господству, самъ находится подъ господствомъ этой страсти господствовать, хотя ему и раболѣпствуютъ народы.

ГЛАВА I.

О врагахъ имени Христова, которыхъ варвары при опустошеніи Рима пощадил ради Христа.

Изъ этого-то града и выходятъ враги; противъ которыхъ долженъ быть защищаемъ Градъ Божій. Многіе изъ нихъ; впрочемъ, исправивъ заблужденіе нечестія, дѣлаются достаточно годными гражданами въ томъ градѣ; но многіе до

¹⁾ Virg. Aeneid. VI. v. 853.

такой степени воспаляются ненавистью къ нему и до такой степени оказываются неблагодарными къ очевиднымъ благодѣяніямъ его Искупителя, что поднимаютъ противъ него въ настоящее время языки свои потому только, что, избѣгая вражескаго меча, спасли жизнь, которою гордятся, въ его священныхъ мѣстахъ. Развѣ враждебными имени Христову оказываются не тѣ именно римляне, которыхъ варвары пощадил ради Христа? Объ этомъ свидѣлствуютъ мѣста мучениковъ и базилики Апостоловъ, которыя во время опустошенія Рима приняли въ убѣжище къ себѣ и своихъ. и чужихъ. До ихъ порога свидѣлствовалъ кровожадный непріятель; тамъ останавливалась ярость убійцы; туда сострадательные враги приводили тѣхъ, кого щадил въ этихъ мѣсть, чтобы не набросились на нихъ такіе, которые подобнаго состраданія не имѣли. Даже у тѣхъ изъ нихъ, которые убивали и свирѣпствовали по обычаю враговъ въ другихъ мѣстахъ, и у тѣхъ,—послѣ того какъ приходили къ этимъ мѣстамъ, гдѣ запрещено было то, что въ другихъ мѣстахъ по праву войны дозволялось,—вся свирѣпость угрожалась, и пропадала жадность къ военной добычѣ. Такимъ-то образомъ уцѣлѣли многіе, унижающіе теперь времена христіанскія и винящіе Христа за тѣ бѣдствія, которыя испыталъ ихъ градъ, а тѣ блага жизни, что даны были имъ въ честь Христа, приписываютъ не нашему Христу, а своему фатуму. А между тѣмъ, если есть у нихъ сколько нибудь здраваго смысла, они должны были бы все такое, что претерпѣли отъ враговъ суроваго и жестокаго, приписать божественному провидѣнію, которое обыкновенно исправляетъ и изглаживаетъ войнами испорченные нравы людей, справедливую же и похвальную жизнь смертныхъ въ тоже самое время упражняетъ этими пораженіями, и по испытаніи, или переноситъ въ лучшій міръ, или удерживаетъ на этой землѣ для пользы другихъ; а то, что кровожадные варвары, вопреки

обычаю войнъ, пощадили ихъ ради имени Христова гдѣ бы то ни было или въ мѣстахъ, посвященныхъ имени Христову и обширнѣйшихъ, и по широтѣ милосердія избранныхъ для принятія массы народной,—то должны были бы приписать временамъ христіанскимъ. А за это должны были бы благодарить Бога, и чтобы избѣжать наказанія вѣчнымъ огнемъ, искренно прибѣгнуть къ Его имени,—имени, которое многіе употребили ложно, чтобы избѣгнуть наказанія предстоявшаго гибелью. Вѣдь въ числѣ ихъ самихъ, которыхъ ты видишь такъ дерзко и нагло ругающимися надъ рабами Христовыми, весьма много такихъ, которые не избѣжали бы этой гибели и истребленія, если бы не выдали себя ложно за рабовъ Христа. И вотъ по неблагодарной гордости и нечистивѣйшему безумію, чтобы получить наказаніе вѣчнымъ мракомъ, встаютъ они извращеннымъ сердцемъ противъ имени Его,—имени, къ которому лукавыми устами прибѣгли, чтобы пользоваться свѣтомъ временнымъ!

ГЛАВА II.

О томъ, что никогда никакія войны не были ведены такъ, чтобы побѣдители щадили побѣждаемыхъ ради боговъ тѣхъ, кого побѣдили.

Описано много войнъ, веденныхъ до основанія Рима, и послѣ его основанія, и по установленіи имперіи: пусть прочитаютъ и скажутъ, былъ ли какой либо городъ взятъ иноплемениками такъ, чтобы враги, взявшіе его, пощадили тѣхъ, кого нашли укрывшимися въ храмахъ своихъ боговъ; или чтобы какой нибудь предводитель варваровъ далъ повелѣніе, ворвавшись въ городъ, не убивать никого, кто убѣжалъ бы въ тотъ или другой храмъ? Развѣ не видѣлъ Эней, какъ Пріамъ на жертвенникѣ

Кровью своей осквернилъ имъ же самимъ посвященный огонь¹⁾?

¹⁾ Virg. Aeneid. II. v. 502.

Или не Діомидъ и Улиссъ

*Стражей священнаго замка убивъ, похитили
Образъ святѣйшій, и облитыи кровью руками
Дѣвственнѣмъ повязкамъ боини коснуться дерзнули ¹⁾?*

И однакоже то было неправда, что разсказывается далѣе:

*Послѣ того ослабѣла, и, пошатнувшись, отступила надежда
Грековъ.*

Потому что послѣ того они побѣдили; послѣ того они разрушили Трою желѣзомъ и огнемъ; послѣ того обезглавили Пріама, искавшаго убѣжища у жертвенниковъ. Что же такое потеряла передъ тѣмъ сама Минерва, что погибла? Не стражей ли своихъ? А вѣдь это правда. Она могла быть унесена только по умерщвленіи ихъ. Ибо не статуя охраняла людей, а люди статую. Какъ же это молились ей, чтобы она охраняла отчизну и гражданъ, когда она не имѣла силъ сохранить и своихъ стражей?

ГЛАВА III.

Какъ неразумно вѣрили римляне, будто имъ могутъ приносить пользу боги пенаты, не могшіе уберечь Трои.

И римляне утѣшались, что такимъ богамъ вѣрили въ охраненіе свой городъ. О заблужденіе, жалкое до крайности! И на насъ сердятся, что мы говоримъ подобныя вещи объ ихъ боггахъ; а на своихъ писателей не сердятся, и за изученіе ихъ назначили награду; самихъ же учителей, сверхъ того, сочли достойнѣйшими и общественнаго жалованья, и сановъ. А между тѣмъ у Виргилія, котораго малыя дѣти читаютъ для того, что величайшій-де изъ всѣхъ поэтъ, самый знаменитый и лучшій, не легко можетъ быть забытъ, если будетъ усвоенъ нѣжными душами, соотвѣтственно извѣстному изрѣченію Горація:

¹⁾ Ibid. v. 166—168.

*Новый изъ глины сосудъ надомо удержитъ запахъ
Разъ налитой въ него жидкости ¹⁾),—*

у этого самаго Виргилія непріязненная троянцамъ Юнона представляется говорящею Эолу, царю вѣтровъ, чтобы возбудить гнѣвъ его противъ нихъ:

*Родъ мнѣ враждебный плыветъ по Тирренскому морю,
Унося въ Италію Иліонъ и побѣжденныхъ пенатовъ ²⁾).*

Этимъ ли побѣжденнымъ пенатамъ мудрые люди должны были ввѣрить Римъ, чтобы сдѣлать его непобѣдимымъ? Но Юнона-де говорила это какъ раздраженная женщина, которая не знаетъ, что говорить? А самъ Эней, названный во всѣхъ отношеніяхъ благочестивымъ, не рассказываетъ ли такъ:

*Вотъ Пантей Отриадъ, замка и Феба священникъ,
Тащитъ рукою священной боговъ побѣжденныхъ и малаго
Внука, и потерявши сознанье пути, направляется къ дому ³⁾)?*

Не боговъ ли, которыхъ не сомнѣвается назвать побѣжденными, представляетъ онъ скорѣе ввѣренными ему, чѣмъ себя имъ, когда къ нему обращается такая рѣчь:

Троя тебѣ ввѣряетъ пенатовъ своихъ и святыню ⁴⁾)?

Итакъ, если Виргилій говорить, что боги таковы, что они были побѣждены, что были ввѣрены человѣку, чтобы, какъ побѣжденные, могли какимъ бы то ни было образомъ уйти: то какое безуміе полагать, будто дѣломъ мудрости было ввѣрить Римъ такимъ охранителямъ, и будто онъ не могъ бы подвергнуться опустошенію, еслибы не оставилъ ихъ? Да и поклоняться побѣжденнымъ богамъ, какъ правителямъ и защитникамъ, не значить ли, вмѣсто добрыхъ надеждъ на божество, становится подъ дурныя предзнаменованія? Гораздо разумнѣе вѣрить не тому, что Римъ не дошелъ бы до та-

¹⁾ Horat. Epist. lib. I. Epist. II. v. 69 et 70.

²⁾ Aeneid. I. v. 67 et 68.

³⁾ Aeneid. II. v. 318—321.

⁴⁾ Ibid. v. 293.

кого бѣдствія, еслибы не погибли прежде они, а тому, что они погибли бы давнымъ давно, еслибы ихъ не охранялъ, насколько могъ, Римъ. Ибо кто, вникнувъ въ дѣло, не пойметъ, какъ легкомысленно составилось предубѣжденіе, будто Римъ не могъ быть побѣжденъ подъ защитою побѣжденныхъ, и потому погибъ, что потерялъ своихъ стражей—боговъ, когда достаточною причиною гибели могло быть даже то одно, что онъ захотѣлъ имѣть стражей, которымъ угрожала гибель? Итакъ, когда вышеприведенное писалось и воспѣвалось о богахъ, то не былъ вымыселъ поэтовъ: то вынуждала говорить людей разумныхъ истина. Но объ этомъ будетъ удобнѣе съ большею тщательностію и обстоятельностью войти въ разсужденіе въ другомъ мѣстѣ. Въ настоящемъ же случаѣ я, какъ предположилъ, поговорю по возможности нѣсколько подробнѣе о тѣхъ неблагодарныхъ людяхъ, которые зло, терпимое ими заслужено вслѣдствіе развращенія ихъ нравовъ, богохульно вмѣняютъ въ вину Христу, а на то, что имъ, даже и такимъ, дана ради Христа пощада, не удостоиваютъ обратить своего вниманія; и въ безуміи святотатственной дерзости упражняютъ надъ Его именемъ свои языки,—языки, которыми лживо произносили это самое имя, чтобы остаться въ живыхъ, или которые по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ Ему посвященныхъ изъ страха удерживали, чтобы тамъ, гдѣ ради Его враги оставляли ихъ неприкосновенными, быть безопасными и защищенными, а оттуда выскочить съ враждебными противъ Него злословіями.

ГЛАВА IV.

Объ убѣжищѣ Юноны въ Троѣ, которое никого не спасло отъ грековъ, и о базиликахъ Апостоловъ, которыя защитили отъ варваровъ всѣхъ, кто въ нихъ искалъ убѣжища.

Какъ сказалъ я, сама Троя, мать римскаго народа, не могла въ священныхъ мѣстахъ своихъ боговъ оградить сво-

ихъ гражданъ отъ огня и меча грековъ; хотя греки почитали тѣхъ же боговъ. Потому что въ убѣжищѣ Юноны

*Стражи избранные, Фениксъ и лютый Улиссъ, добычу
Оберегами; сюда отовсюду изъ Трои сносились
Отнятыя у храмовъ зажженныхъ сокровища,
И боловъ трапезы, и массивнаго золота
Чаши, и захваченная въ добычу одежда;
Дѣти и дрожавшія отъ ужаса матери
Длиннымъ рядомъ стояли вокругъ ¹⁾*

Очевидно, что священное мѣсто такой великой богини избрано было не для того, чтобы оттуда не дозволялось забирать въ плѣнъ, а для того, чтобы туда можно было заключать плѣнныхъ. Теперь сравни это убѣжище не какого либо рядоваго бога, или одного изъ толпы боговъ низшихъ, а сестры и супруги самаго Юпитера, и царицы всѣхъ боговъ,—сравни съ мѣстами, посвященными памяти нашихъ Апостоловъ. Въ то убѣжище сносились добыча, награбленная изъ зажженныхъ храмовъ и у боговъ,—сносилась не того, чтобы возвратитъ побѣжденнымъ, а для того, чтобы подѣлить между побѣдителями: здѣсь же и то, что гдѣ бы то нибыло оказалось принадлежавшимъ такимъ мѣстамъ, было возвращено имъ съ честію и благоговѣйнымъ уваженіемъ. Тамъ свобода терялась; здѣсь она сохранялась. Тамъ взятое запиралось; здѣсь запрещено было брать. Туда владычествующій врагъ сгонялъ для обращенія въ рабство; сюда сострадательные враги приводили для освобожденія. Наконецъ тотъ храмъ Юноны избрала для себя жадность и гордость легкомысленныхъ грековъ, а эти базилики Христовы—милосердіе и смиреніе самыхъ необузданныхъ варваровъ. Но можетъ быть греки на самомъ дѣлѣ во время этой побѣды своей пощадили храмы общихъ и имъ боговъ

¹⁾ Virg. Aeneid. 762—767.

и не рѣшились убивать и забирать въ плѣнъ убѣжавшихъ туда несчастныхъ побѣжденныхъ троянъ; а Виргилій выдумалъ по обычаю поэтовъ все вышеприведенное? Но вѣдь онъ описалъ обычай враговъ разрушающихъ города.

ГЛАВА V.

Мнѣніе Цезаря объ общемъ обычаѣ враговъ, разрушающихъ городъ.

Даже Цезарь (какъ пишетъ о томъ Саллюстій, историкъ знаменитый своею правдивостію) не преминулъ въ своемъ мнѣніи, которое подавалъ въ сенатѣ относительно заговорщиковъ, упомянуть объ этомъ обычаѣ: «Похищать дѣвицъ и отроковъ; исторгать дѣтей изъ объятій родителей; матерей семействъ заставлятъ терпѣть все, что заблагодарсудится побѣдителямъ; храмы и дома грабить; производить убійства и пожары; наполнять наконецъ все стугомъ оружія, трупами, кровію и воплемъ ¹⁾». Еслибы онъ умолчалъ въ этомъ случаѣ о храмахъ, мы бы подумали еще, что враги имѣли обычай щадить мѣстопребыванія боговъ. И опасность такого рода угрожала римскимъ храмамъ не со стороны чужеземныхъ враговъ, а со стороны Катилины и его союзниковъ, благороднѣйшихъ сенаторовъ и гражданъ римскихъ. Но это-де люди потерянные и отцеубійцы отчизны....

ГЛАВА VI.

О томъ, что и сами римляне не брали никакихъ городовъ такъ, чтобы въ храмахъ ихъ щадили побѣжденныхъ.

Но за чѣмъ намъ перебирать множество народовъ, ведшихъ между собою войны и никогда не дававшихъ пощады

¹⁾ Sallust. de Catilinae conjurat.

побѣжденнымъ въ храмахъ ихъ боговъ? Посмотримъ на самихъ римлянъ; вспомнимъ, говорю, и пересмотримъ этихъ самыхъ римлянъ, которые въ особую славу себѣ вмѣняли

Щадить покорныхъ и низлагать гордыхъ,

и которые желали лучше прощать полученные оскорбленія, чѣмъ мстить за нихъ. Для распространенія своего владычества они разрушили столько и такихъ большихъ, взятыхъ силою оружія, городовъ. Пусть же прочитаютъ намъ, какіе храмы они имѣли обычай выдѣлять, чтобы освободить всякаго, кто убѣжалъ бы въ нихъ? Или они дѣлали это, но историки о томъ умалчивали? Неужели историки нарочито выискавши такое, что могли хвалить, обходили бы молчаніемъ подобныя, по ихнему же мнѣнію, самыя блистательныя доказательства благочестія? О знаменитомъ римлянинѣ Маркѣ Марцеллѣ, взявшемъ славный городъ Сиракузы, рассказываютъ, что онъ предварительно плакалъ объ угрожавшемъ городу разрушеніи и пролилъ свои о немъ слезы прежде, чѣмъ проливать его кровь. Озаботился онъ и объ охраненіи цѣломудрія, даже и въ отношеніи къ врагу. Ибо прежде чѣмъ, какъ побѣдитель, далъ повелѣніе вторгнуться въ городъ, предписалъ едиктомъ, чтобы никто не дѣлалъ насилія свободному тѣлу. Тѣмъ неменѣе городъ былъ разрушенъ по обычаю военному, и нигдѣ не считается, чтобы такой цѣломудренный и милостивый полководецъ далъ приказъ—оставлять неприкосновеннымъ того, кто убѣжалъ бы въ тотъ или иной храмъ. А объ этомъ ни коимъ образомъ не было бы умолчано, какъ скоро не нашли возможнымъ умолчать ни о его плачѣ, ни объ изданномъ имъ запрещеніи оскорблять цѣломудріе. Фабія, разрушителя Тарента, хвалить за то, что онъ не захотѣлъ обратить въ военную добычу кумировъ. Когда писецъ спросилъ у него, какъ онъ прикажетъ поступить съ статуями боговъ, которыхъ было набрано множество, онъ прикрылъ умѣренность

свою шуткою. Онъ спросилъ, каковы онѣ, и когда ему отвѣтили, что многія изъ нихъ не только велики, но и вооружены, онъ сказалъ: «оставимъ гнѣвливыхъ боговъ тарентинцамъ». Итакъ, если плачь того и смѣхъ этого, цѣломудренное состраданіе перваго и шутливо выраженное воздержаніе послѣдняго не были обойдены молчаніемъ римскими историками; то какъ могло бы быть опущено, если бы они оказали какимъ нибудь людямъ пощаду въ честь кого либо изъ ихъ боговъ въ томъ смыслѣ, что запретили бы въ какомъ нибудь храмѣ совершать убійства и грабежъ?

ГЛАВА VII.

О томъ, что все, что при разрушеніи Рима совершилось жестокаго, случилось по обычаю войны; а что дѣлалось снисходительнаго, то произошло отъ могущества имени Христова.

Итакъ всѣ эти опустошенія, убійства, грабежи, пожары, страданія, совершившіяся во время послѣдняго римскаго пораженія, все это произвелъ обычай войны. А что совершилось по новому обычаю; что варварская небузданность оказалась кроткою неупотребительнымъ въ войнѣ образомъ; что для наполненія народомъ, который долженъ былъ получить пощаду, были выбраны и указаны обширнѣйшія базилики, гдѣ никого не убивали, откуда ни каго не брали въ плѣнъ, куда сострадательные враги приводили многихъ для освобожденія, откуда не уводили въ плѣнъ никого даже враги жестокіе: все это слѣдуетъ приписать имени Христа; все это слѣдуетъ приписать времени христіанскому. Кто этого не видитъ, тотъ слѣпъ. Кто же видитъ, но не хвалитъ, тотъ неблагодаренъ. А кто дѣлаетъ возраженія хвалящему, тотъ безуменъ. Человѣкъ благоразумный ни въ какомъ случаѣ не станетъ объяснять этого варварствомъ враговъ. Кровожадные и жестокія души тотъ

устрашилъ, Тотъ обуздаль, Тотъ удивительнѣйшимъ образомъ умѣрилъ, кто задолго прежде предсказаль чрезъ пророка: *Посышу жезломъ беззаконія ихъ, и ранами неправды ихъ; милость же мою не разорю отъ нихъ* (Пс. LXXXVIII, 53. 34).

ГЛАВА VIII.

О благополучіи и злополучіяхъ, которыя по большей части общи и добрымъ и злымъ.

Скажетъ кто нибудь: такъ почему же это божественное милосердіе простерлось и на нечестивыхъ и неблагодарныхъ? А потому, полагаемъ, что его оказалъ тотъ, который ежедневно *солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на правдныя и неправдныя* (Мат. V, 45). Хотя нѣкоторые изъ нихъ, размышляя объ этомъ, исправляются отъ своего нечестія покаяніемъ, а нѣкоторые, какъ говоритъ апостоль, презирая богатство благодати и долготерпѣнія Божія, по жестокости своей и непокаянному сердцу собираютъ себѣ *гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія, иже водзастъ коемуждо по долгу его* (Римл II, 4—6), однако терпѣніе Божіе призываетъ къ покаянію злыхъ, какъ бичъ Божій учитъ терпѣнію добрыхъ. Также точно милосердіе Божіе обнимаетъ своимъ покровительствомъ добрыхъ, какъ божественная строгость блюдетъ для наказанія злыхъ. Ибо такія блага справедливымъ, которыми бы не пользовались несправедливые, и такія бѣдствія нечестивымъ, отъ которыхъ бы не страдали добрые, божественному провидѣнію угодно уготовить въ жизни будущей. А эти временныя блага и бѣдствія оно пожелало сдѣлать общими для тѣхъ и другихъ. Это для того, чтобы не было слишкомъ жаднаго стремленія къ благамъ, которыя оказываются въ распоряженіи и людей злыхъ, и нравственнаго отвращенія отъ бѣдствій, отъ которыхъ очень часто страдаютъ и люди добрые.

Но есть весьма большое различіе въ томъ, какъ пользуются люди тѣмъ ли, что называется счастіемъ, или тѣмъ, что—несчастіемъ. Ибо добрый ни временными благами не превозносится, ни временнымъ зломъ не сокрушается; а злой потому и казнится этого рода несчастіемъ, что отъ счастья портится. Впрочемъ Богъ часто обнаруживаетъ съ большею очевидностію дѣйствіе свое въ распредѣленіи и этого рода предметовъ. Ибо, если бы всякій грѣхъ былъ въ настоящее время наказываемъ очевиднымъ образомъ, можно было бы подумать, что для послѣдняго суда не остается ничего; и наоборотъ, если бы Божество въ жизни не наказывало открыто ни какого грѣха, подумали бы, что божественнаго провидѣнія нѣтъ вовсе. Также точно и въ отношеніи къ счастью: еслибы Богъ съ очевиднѣйшею щедростію не давалъ его нѣкоторымъ просящимъ, мы сказали бы, что оно не отъ Него зависитъ; а если бы давалъ всемъ просящимъ, подумали бы, что Ему только изъ-за такихъ наградъ и слѣдуетъ служить; служеніе же такое сдѣлало бы насъ не благочестивыми, а корыстолюбивыми и жадными. Если это такъ, и если какіе нибудь добрые и злые одинако подвергаются бѣдствіямъ, — изъ того, что не различено то, что терпятъ и тѣ и другіе, не слѣдуетъ, чтобы между ними самими не было никакого различія. Различіе между терпящими остается даже при сходствѣ того, что они терпятъ; и подъ однимъ и тѣмъ же орудіемъ пытки добродѣтель и порокъ не дѣлаются однимъ и тѣмъ же. Какъ въ одномъ и томъ же огнѣ золото блеститъ, а солома дымитъ: и въ одной и той же молотилкѣ стебли изламываются, а зерна очищаются; и отстой масляный не смѣшивается съ масломъ отъ того только, что выдавливается одною и тою же тяжестію пресса: такъ одна и та же, обрушивающаяся бѣдствіями, сила добрыхъ испытываетъ, очищаетъ, оцѣживаетъ, а злыхъ вынаруживаетъ, пустошитъ, искореняетъ. Поэтому, терпя одно и тоже бѣд-

ствіе, злые клянуть и хулятъ Бога, а добрые молятся Ему и хвалятъ Его. Важность не въ томъ, каково то, что терпятъ, а только въ томъ, каковъ тотъ, кто терпитъ. Ибо одинаковымъ движеніемъ взболтанные—навозъ смердитъ невыносимо, а благовопная пахнетъ пріятно.

ГЛАВА ІХ.

О причинахъ, по которымъ и добрые и злые одинаково подвергаются бѣдствіямъ.

Да и что въ этомъ общественномъ бѣдствіи потерпѣли христіане такое, что при болѣе вѣрномъ взглядѣ на дѣло не послужило бы къ ихъ усовершенствованію. Впервыхъ, смиренно размышляя о самыхъ грѣхахъ, разгнѣванный которыми Богъ наполнилъ міръ такими бѣдствіями, они хотя и далеко отстоятъ отъ злодѣевъ, людей распутныхъ и нечестивыхъ, однако не на столько признаютъ себя чуждыми проступковъ, чтобы не считать себя недостойными потерпѣть за нихъ даже временныя бѣдствія. Не говорю о томъ, что каждый, хотя бы ведущій и похвальную жизнь, въ нѣкоторыхъ случаяхъ поддается плотской наклонности если не къ безмѣрнымъ злодѣяніямъ, не къ крайнему распутству и не къ мерзости нечестія, то покрайней мѣрѣ къ нѣкоторымъ грѣхамъ или рѣдкимъ, или столько же частымъ, сколько и малозначительнымъ; объ этомъ я не говорю. Но легко ли найти такого человѣка, который бы къ этимъ самымъ лицамъ, изъ-за отвратительной гордости, распущенности и жадности, изъ-за омерзительныхъ неправдъ и нечестія которыхъ Богъ, какъ и предсказалъ съ угрозою, стираетъ земли (Исаи гл. XXIV и др.), относился бы такъ, какъ слѣдуетъ къ нимъ относиться,—жилъ съ ними такъ, какъ съ такими слѣдуетъ жить? Отъ того, чтобы ихъ научить, усовѣстить, а иногда обличить, и сдержать извѣстными мѣрами, по большей части неумѣстно воздерживаются: то

трудъ такой кажется тяжелымъ, то мы стѣсняемся оскорбить ихъ въ лицо; то избѣгаемъ вражды, чтобы они не помѣшали и не повредили намъ въ этихъ временныхъ вещахъ, къ приобрѣтенію которыхъ еще стремится наша жадность, или потери которыхъ боится наша слабость. Такимъ образомъ, хотя добрымъ и не нравится жизнь злыхъ, и они подвергнутся съ послѣдними тому осужденію, которое такимъ готовятъ послѣ этой жизни, однако, такъ какъ они щадятъ достойные осужденія грѣхи ихъ,—хотя за свои, даже легкіе и извинительные, боятся,—по справедливости подвергаются вмѣстѣ съ ними и временнымъ наказаніямъ, хотя въ вѣчности наказаны не будутъ. Терпя вмѣстѣ съ ними божественныя наказанія, они по справедливости вкушаютъ горечь этой жизни, такъ какъ, любя сладость ея, не захотѣли сдѣлать ее горькою упомянутымъ грѣшникамъ.

Конечно, если кто воздерживается отъ обличенія и обузданія поступающихъ дурно потому, что ищетъ болѣе удобнаго для того времени, или потому, что боится за нихъ же самыхъ, чтобы не сдѣлались отъ этого еще худшими, или не воспрепятствовали научить доброй и справедливой жизни другихъ слабыхъ, не произвели на нихъ дурнаго вліянія и не отвратили отъ вѣры: то въ этомъ обнаруживается не жадность, а мудрое правило любви. Грѣшно то, когда сами ведущіе жизнь, отличную и отвращающуюся отъ дѣлъ людей дурныхъ, снисходительно относятся къ чужимъ грѣхамъ, отъ которыхъ должны были бы отучать, или которые должны были бы обличать,—относятся снисходительно потому, что боятся оскорбленій со стороны дурныхъ людей, боятся вреда въ тѣхъ вещахъ, которыми они сами, какъ добрые и невинные, пользуются дозволительнымъ образомъ, но съ болѣею жадностію, чѣмъ слѣдовало бы это тѣмъ, которые странствуютъ въ этомъ мірѣ и имѣютъ предъ собою надежду вышней отчизны. Дѣйствительно, не одни только

слабѣйшіе, ведущіе жизнь супружескую, имѣющіе или желающіе имѣть дѣтей, владѣющіе домами и хозяйствами (къ такимъ Апостолъ обращаетъ рѣчь свою въ церквахъ, когда учить и убѣждаетъ, какъ должны жить жены съ мужьями, мужья съ женами, дѣти съ родителями, родители съ дѣтьми, слуги съ господами и господа со слугами) приобрѣтаютъ съ охотою и теряютъ съ огорченіемъ многое временное, многое земное; и потому не рѣшаются оскорблять людей, которыхъ развратнѣйшая и полная злодѣяній жизнь возбуждаетъ въ нихъ отвращеніе. Но и тѣ, которые ведутъ высшій родъ жизни, не связаны узами супружеской жизни, довольствуются малымъ въ пищѣ и одеждѣ, и тѣ, слишкомъ заботясь о своемъ добромъ имени и безопасности и опасаясь коварства и нападеній со стороны людей дурныхъ, воздерживаются отъ обличенія ихъ. Хотя они и не настолько боятся послѣднихъ, чтобы, уступая какимъ либо угрозамъ и непотребствамъ ихъ, поступать и самимъ подобнымъ же образомъ: однако по большей части не хотятъ порицать того, чего вмѣстѣ съ ними не дѣлаютъ, хотя своимъ обличеніемъ быть можетъ и исправили бы нѣкоторыхъ. Они боятся, чтобы въ случаѣ неуспѣха не подвергли опасности и крушенію свое собственное благосостояніе и доброе имя; и боятся этого не по тому соображенію, чтобы доброе имя свое и благосостояніе находили необходимыми для пользы людей, требующихъ наученія, а скорѣе по той слабости, которая любитъ ласкающій языкъ и человѣческій день (1 Кор. IV, 3), страшится суда черни, истязанія и умерщвленія плоти, т. е. по причинѣ нѣкоторыхъ узъ вожделѣнія, а не по обязанностямъ любви.

Итакъ я вижу въ этомъ достаточную причину, почему вмѣстѣ съ злыми подвергаются бѣдствіямъ и добрые, когда Богу бываетъ угодно поразить временными казнями развращенные нравы. Подвергаются наказаніямъ вмѣстѣ не потому, чтобы совмѣстно вели дурную жизнь, а потому, что со-

вмѣстно (хотя и неравномѣрно, но однакоже совмѣстно) любить временную жизнь, которую добрые должны бы презирать, чтобы дурные, будучи обличены и исправлены, наслѣдовали жизнь вѣчную (а если бы не захотѣли быть въ наслѣдованіи ея союзниками, пусть были бы терпимы и любимы какъ враги: ибо пока живутъ, остается всегда неизвѣстнымъ, не измѣнять ли своей воли на лучшее). Въ этомъ дѣлѣ они несутъ неодинаковую, а гораздо большую отвѣтственность, чѣмъ тѣ, которымъ сказано чрезъ пророка: *Тойъ въ беззаконіи своемъ умретъ, а крове его отъ руки стража взыщу* (Езек. XXXIII, 6). Для того и установлены стражи народовъ, т. е. предстоятели въ церквахъ, чтобы они не щадили своими обличеніями грѣховъ. Но при этомъ не вовсе чужды вины подобнаго рода и тотъ, кто, хотя и не есть предстоятель, но въ тѣхъ лицахъ, съ которыми связанъ необходимыми условіями этой жизни, видитъ многое заслуживающее предостереженіе и укора и оставляетъ это безъ вниманія, избѣгая ненависти ихъ ради того, чѣмъ въ этой жизни пользуется какъ должнымъ, но услаждается болѣе, чѣмъ должно. Затѣмъ есть и иная причина, по которой добрые подвергаются временнымъ бѣдствіямъ,—такая, какая имѣла мѣсто въ отношеніи Іова: чтобы душа человѣческая испытала саму себя и привела къ своему сознанию—до какой степени по силѣ благочестія она безкорыстно любить Бога.

ГЛАВА X.

О томъ, что съ потерей вещей временныхъ святые ничего не теряютъ.

Разсмотрѣвъ и обсудивъ сказанное надлежащимъ образомъ, обрати вниманіе на то, случается ли съ вѣрными и благочестивыми какое либо зло, которое не обратилось бы для нихъ въ добро? Развѣ только признать пустыми слова-

ми известное изрѣченіе Апостола, въ которомъ онъ говоритъ: *Вѣмы, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое* (Римл. VIII, 28)...

Потеряли они все, что имѣли?—Неужели и вѣру? неужели благочестіе? неужели благо внутренняго челоуѣка, богатаго предъ Богомъ (1 Петр. III, 4)? Вотъ это—богатства христіанъ, обогатившійся которыми Апостолъ говорилъ: *Есть же снисканіе велие благочестіе съ довольствомъ. Ничтоже бо внесохомъ въ міръ сей, явъ, яко ниже изнести что можемъ; имѣюще же пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ. А хотящій богатитися, впадаютъ въ напасты и стѣны, и въ похоты многи несмысленны и вреждающія, яже погружаютъ челоуѣка во всегубительство и погибель. Корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть; егоже нѣцыи желаютъ заблудшии отъ вѣры, и себе пригвоздиша болѣзнемъ многимъ* (1 Тим. VI, 6—10).

Итакъ, у кого во время этого разоренія погибли земныя богатства, тѣ, если смотрѣли на эти богатства такъ, какъ училъ тому этотъ по наружности бѣдный, а внутри богатый, могли сказать, какъ говорилъ оный тяжко испытанный, но нецобѣжденный: *Нагъ изыдохъ отъ чрева матере моея, нагъ и отъиду въ землю. Господь даде, Господь отъятъ; яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно* (Іов. I, 21). Какъ добрый рабъ, онъ считалъ за великое для себя богатство волю своего Господа, слѣдуя которой богатѣлъ умомъ и не огорчился, потерявъ при жизни тѣ вещи, которыя долженъ былъ потерять скоро со смертію. Тѣ же слабѣйшіе, которые, хотя и не предпочитали этихъ земныхъ благъ Христу, были однакоже хотъ съ нѣкоторою страстностію привязаны къ нимъ, тѣ, теряя ихъ, почувствовали, насколько, любя ихъ, грѣшили. Ибо они настолько именно

пострадали, насколько пригвоздили сами себя болѣзнямъ, какъ сказано то въ вышеупомянутыхъ словахъ Апостола. Имъ нужно было прибавить урокъ опыта, такъ какъ они долго пренебрегали урокомъ словеснымъ. Ибо, когда Апостоль говорилъ: *Хотящии богатитися впадаютъ въ напасты*, и т. д., онъ осуждалъ, конечно, пристрастіе къ богатству, а не имѣніе его; потому что въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ такое повелѣніе: *Богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ запрещай не высокоумдрствовать, ниже уповати на богатство погибующее, но на Бога жива, дающаго намъ вся обильно въ наслажденіе: благое дѣлати, богатитися въ дѣлахъ добрыхъ, благоподатливымъ быти, общительнымъ, сокровищующе себѣ основаніе добро въ будущее, да примутъ истинную жизнь* (1 Тим. VI, 17—19). Кто употреблялъ свое богатство такъ, тѣ ничтожные убытки свои покрыли великими прибылями; и были болѣе обрадованы тѣмъ, что, охотно раздавая, вѣрнѣе сохранили, чѣмъ опечалены тѣмъ, что, боязливо сберегая, легче потеряли. То могло погибнуть на землѣ, чего жаль было съ земли передавать. Принявъ же совѣтъ Господа своего, говорящаго: *Не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлитъ, и идѣже татіе подкопываютъ и крадутъ; скрывайте же себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь и тля тлитъ, и идѣже татіе ни подкопываютъ и крадутъ. Идѣже бо есть сокровище ваме, ту будетъ и сердце ваше* (Мат. VI, 19—21), они въ годину бѣдствія на опытѣ убѣдились, какъ благоразумно поступили, что не пренебрегли правдивѣйшаго Наставника и вѣрнѣйшаго и непобѣдимѣйшаго стража ихъ сокровища. Если многіе радовались, что имѣли богатства свои въ такихъ мѣстахъ, куда не случилось дойти непріятелю: то не тѣмъ ли вѣрнѣе и беззаботнѣе могли радоваться они, перенеси по совѣту Божію свои богатства туда, куда врагъ

вовсе проникнуть не могъ? Поэтому нашъ Павлинъ, епископъ Нолю, добровольно ставшій изъ богатѣйшаго бѣднѣйшимъ, но изобильнѣйшимъ святостію, когда варвары опустошили и самую Нолю, задержанный ими молился (какъ узнали мы потомъ отъ него самаго) въ сердцѣ своемъ такъ: *Господи, пусть не подвергаютъ меня истязаніямъ за золото и серебро; вѣдь ты знаешь, идъ все мое.* Все свое онъ имѣлъ тамъ, куда убѣждалъ его скрывать и копить Тотъ, Кто предсказалъ и эти бѣдствія, имѣвшія настичь міръ. Поэтому, кто послушалъ увѣщанія Господа своего относительно того, куда и какъ должно собирать сокровища, тотъ не потерялъ въ нашествіи варваровъ и самихъ земныхъ богатствъ; а кому пришлось раскаться, что не послушали, тѣ, если не изъ предшествующаго указанія мудрости, то изъ послѣдующаго опыта научились, какъ съ подобными вещами слѣдуетъ поступать.

Но нѣкоторыхъ и добрыхъ-де христіанъ подвергали пыткамъ, чтобы они выдали врагамъ свои имущества?—Но они не могли ни выдать, ни потерять добра, которое ихъ самихъ дѣлало добрыми. А если захотѣли лучше подвергнуться пыткамъ, чѣмъ выдать маммону неправды, то не были добрыми. Потерпѣвшіе же столько изъ-за золота получили урокъ относительно того, сколько должны претерпѣвать за Христа. Они научились, что лучше слѣдуетъ любить Того, Кто пострадавшихъ за Него обогатитъ вѣчнымъ блаженствомъ, чѣмъ золото и серебро, изъ-за котораго страдать было крайнимъ несчастіемъ,—которое скрыть можно было только ложью, но которое приходилось выдать, если говорить правду. Ибо въ пыткахъ никто не потерялъ Христа чрезъ исповѣданіе Его, а золота никто не сохранилъ иначе, какъ только чрезъ отрицаніе его. Поэтому пытки могли быть весьма полезны: онѣ учили любить благо нетлѣнное вмѣсто тѣхъ благъ, которыя безъ всякой пользы подвергали своихъ владѣльцевъ истяза-

ніямъ изъ-за любви къ нимъ.—Но нѣкоторые-де, даже не имѣвшіе ничего, что могли бы выдать, были подвергнуты пыткамъ по недовѣрію?—Но возможно, что эти желали имѣть, и были бѣдны не по святой волѣ. Такимъ слѣдовало показывать, что не имущества, а пристрастіе къ нимъ достойно такихъ истязаній. Если же въ чаяніи лучшей жизни они не имѣли здѣсь скрытаго золота и серебра,—хотя я и не знаю, случилось ли кому либо изъ такихъ, по недовѣрію, быть подвергнуто пыткамъ, но если и случилось,—то несомнѣнно, что исповѣдавшіе въ пыткахъ святую нищету, исповѣдывали Христа. Поэтому, если кто изъ нихъ и не заслужилъ у враговъ довѣрія, не могъ однакоже, какъ исповѣдникъ святой нищеты, терпѣть истязанія безъ небесной награды.

Говорятъ также, что многіе христіане были истощены долговременнымъ голодомъ. Но и это добрые вѣрные, переноса благочестиво, обратили въ пользу для себя. Ибо кого голодъ умертвилъ, тѣхъ онъ освободилъ отъ золъ этой жизни, какъ освобождаетъ болѣзнь тѣлесная; а кого не умертвилъ, тѣхъ научилъ жить умѣреннѣе, научилъ подольше поститься.

ГЛАВА XI.

О концѣ временной жизни, продолжительныя ли она или короче.

Но много христіанъ было и убито, много истреблено разными видами ужасныхъ смертей?—Но если объ этомъ слѣдуетъ скорбѣть, то вѣдь это—общій удѣлъ всѣхъ, которые родились въ эту жизнь. Я знаю одно, что не умеръ никто, кто рано или поздно не имѣлъ умереть. А конецъ жизни, какъ изъ жизни долгой, такъ и изъ короткой, дѣлается одно и то же. Одно не лучше, а другое не хуже, или одно не больше и другое не меньше, какъ скоро то и другое одинаково уже не существуетъ. И что за важность, ка-

кимъ родомъ смерти оканчивается эта жизнь, какъ скоро тотъ, для кого она оканчивается, не вынужденъ будетъ умирать снова? А если каждому изъ смертныхъ при ежедневныхъ случайностяхъ этой жизни угрожаютъ нѣкоторымъ образомъ безчисленные роды смерти, пока остается неизвѣстнымъ — какой именно изъ нихъ постигнетъ его: то скажи на милость, не лучше ли испытать одинъ изъ нихъ, умерши, чѣмъ бояться всѣхъ, продолжая жить? Знаю я, что непосредственное чувство предпочитаетъ лучше долго жить подъ страхомъ столькихъ смертей, чѣмъ, умерши разъ, не бояться потомъ ни одной. Но иное то, чего убѣгаетъ по слабости боязливое плотское чувство, и иное то, въ чемъ убѣждаетъ тщательно провѣренное указаніе разума. Та смерть не должна считаться злою, которой предшествовала жизньъ добрая. Смерть дѣлаетъ злою только то, что слѣдуетъ за смертію. Поэтому, кому предстоитъ необходимость умереть, тѣ не должны много заботиться о томъ, что случится съ ними такое, отъ чего они умрутъ; а должны заботиться о томъ, куда, умирая, они вынуждены будутъ идти. Итакъ, если христіанамъ извѣстно, что смерть благочестиваго бѣдняка подъ языками лижущихъ собакъ была гораздо лучше, чѣмъ смерть нечестиваго богача въ пурпуръ и виссонъ (Лук. XVI, 20 и слѣд. : то какой вредъ причинили эти ужасные роды смерти тѣмъ, кто жилъ хорошо?

ГЛАВА XII.

О погребеніи человѣческихъ тѣлъ, и о томъ, что мшение погребенія христіанъ ничего у нихъ не отняло.

Но при такой-де массѣ труповъ ихъ не могли и погребсти?—И этого благочестивая вѣра особенно не страшится, помня предсказаніе, что и пожирающіе ихъ звѣри не помѣшаютъ воскресенію тѣлъ, съ головы которыхъ не погибнетъ и волосъ (Лук. XXI, 18). Истина не сказала бы: *Не убой-*

тѣся отъ убивающихъ тѣло души же не могущихъ убити (Мат. X, 28), если бы будущей жизни могли принести какой либо вредъ то, что вздумали бы дѣлать враги надъ тѣлами убитыхъ. Развѣ уже кто нибудь будетъ до такой степени безсмысленъ, что станетъ утверждать, будто убивающихъ тѣло не слѣдуетъ бояться прежде смерти, чтобы не убили тѣла, а должно бояться послѣ смерти, чтобы не запретили погребсти убитое тѣло. Стало бытъ ложно то, что говорить Христосъ: *отъ убивающихъ тѣло, и потомъ не могущихъ лишше что сотворити* (Лук. XII, 4), если они имѣютъ нѣчто такое, что могутъ сдѣлать съ трупами? Но не дай Богъ, чтобы сказанное Истиною было ложно. Сказано, что они дѣлаютъ нѣчто, когда убиваютъ: потому что въ убиваемомъ тѣлѣ есть чувство; но послѣ не имѣютъ ничего, что могли бы сдѣлать: потому что въ тѣлѣ убитомъ чувства нѣтъ никакого. Итакъ земля не покрыла многія тѣла христіанъ; но никто не отлучилъ никого изъ нихъ отъ неба и земли, которую наполняетъ своимъ присутствіемъ Тотъ, Кто знаетъ, откуда воскреситъ сотворенное Имъ. Правда, въ псалмѣ говорится: *Положиша трупя рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ твоихъ зѣремъ земнымъ: проліяша кровь ихъ яко воду окрестъ Иерусалима, и не бѣ погребаяй* (Пс. LXXVIII, 2. 3); но говорится для увеличенія жестокости тѣхъ, которые сдѣлали это, а не несчастія тѣхъ, которые это потерпѣли. Хотя на взглядъ людей это и кажется жестокимъ и ужаснымъ, но *честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ Его* (Пс. CXV. 6). Поэтому все такое, какъ то: уборка тѣла, обстановка погребенія, пышность проводъ,—все это болѣе утѣшеніе живымъ, чѣмъ пособіе мертвымъ. Если бы дорого стоящее погребеніе приносило какую либо пользу нечестивому, тогда и дешевое или никакое повредило бы благочестивому. Но извѣстному облакавшемуся въ пурпуръ

богачу толпа слугъ на человѣческій взглядъ сдѣлала пышные проводы; а между тѣмъ на взглядъ Господа гораздо славнѣйшіе были сдѣланы покрытому ранами бѣдняку служеніемъ Ангеловъ, которые не выносили его въ мраморный сѣлепъ, а перенесли на лоно Авраама.

Они, противъ которыхъ мы рѣшились защищать Градъ Божій, смѣются надъ этимъ. Но вѣдь и ихъ собственные философы пренебрегали заботами о погребеніи. Нерѣдко и цѣлыя войска, умирая за земное отечество, не заботились о томъ, гдѣ будутъ лежать послѣ, или какимъ звѣрямъ сдѣлаются пищею; и поэтамъ дозволялось говорить объ этомъ съ похвалою такъ:

Небо покровъ ему, у кого нѣтъ урны ¹⁾.

Насколько же менѣе должны они издѣваться надъ погребеніемъ тѣлъ христіанъ, которымъ обѣщано въ опредѣленное время не только преобразование изъ земли этой плоти и всѣхъ членовъ ея, но и возвращеніе и возстановленіе ихъ изъ лона другихъ стихій, въ которыя обратились разложившіеся трупы?

ГЛАВА XIII.

Какая причина погребенія тѣлъ святыхъ.

Изъ этого однакоже не слѣдуетъ, что тѣла умершихъ должны быть пренебрегаемы и бросаемы, особенно тѣла праведныхъ и вѣрныхъ, которыми пользовался какъ органами и сосудами Духъ святой для всякихъ добрыхъ дѣлъ. Если отцовская одежда и кольцо, и другое въ томъ же родѣ, тѣмъ дороже для дѣтей, чѣмъ сильнѣе любовь ихъ къ родителямъ: то никоимъ образомъ не должны быть презираемы самыя тѣла, которыя во всѣхъ отношеніяхъ ближе

¹⁾ Lucan. in 7 de occisis.

къ намъ и тѣснѣе соединены съ нами, чѣмъ какая нибудь носильная одежда. Они принадлежать не къ украшенію или удобству, заимствуемому отъ нѣ, а къ самой природѣ чело-вѣка. Отсюда было долгомъ любви убирать тѣла и древнихъ праведниковъ, совершать торжественные ихъ выносы, заботиться о погребеніи; и сами они при жизни дѣлали завѣщанія своимъ сыновьямъ относительно погребенія и даже перенесенія ихъ тѣлъ (Быт. XLVII, 30; Л, 2, 25); и Товія, какъ свидѣтельствуетъ о томъ ангель, заслужилъ благоволеніе Божіе погребеніемъ мертвыхъ (Тов. XII, 12). Да и самъ Господь, имѣвшій воскреснуть въ третій день, называетъ добрымъ и рекомендуетъ для проповѣданія дѣло благочестивой жены, которая возлила на члены Его драгоценное миро, и тѣмъ приготовила Его къ погребенію (Мат. XXVI, 10). Также точно съ похвалою упоминаются въ евангеліи и тѣ, которые позаботились старательно снять со креста, съ честью покрыть и погребсти тѣло Его (Іоан. XIX, 38 и слѣд.). Всѣ эти свидѣтельства не даютъ, конечно, указанія на то, чтобы трунамъ присуще было какое нибудь чувство; но показываютъ, что Провидѣніе Божіе, которому угодны такія обязанности благочестія, печется и о тѣлахъ умершихъ, ради укрѣпленія вѣры въ воскресеніе. Изъ этихъ же свидѣтельствъ съ пользою усматривается и то, какъ велико можетъ быть воздаяніе за милостыни, которыя мы оказываемъ живымъ и чувствующимъ, если предъ Богомъ не погибнетъ и то, что оказывается по долгу и любви безжизненнымъ членамъ чело-вѣка. Есть впрочемъ и нѣчто другое, что желали дать уразумѣть святые патріархи своими изрѣченіями въ пророческомъ духѣ относительно погребенія и перенесенія тѣлъ своихъ. Но здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе этого; достаточно и сказаннаго нами. Но если отсутствіе и такихъ необходимыхъ для поддержанія жизни людей живыхъ вещей, каковы пища и одежда,

хотя и причиняетъ страданіе, не уничтожаетъ въ добрыхъ силы терпѣть и переносить лишенія, и не вырываетъ изъ души благочестія, а напротивъ дѣлаетъ его болѣе плодотытымъ: то не тѣмъ ли болѣе отсутствіе того, что дѣлается обыкновенно во время приготовленія къ погребенію и при самомъ погребеніи тѣлъ умершихъ, не дѣлаетъ несчастными уже упокоившихся въ тайныхъ селеніяхъ благочестивыхъ? А потому, если всего того не было сдѣлано трупамъ христіанъ при извѣстномъ опустошеніи столицы или другихъ городовъ, то это не вина живыхъ, которые сдѣлать этого не могли, и не наказаніе для мертвыхъ, которые чувствовать того не могутъ.

ГЛАВА XIV.

О плѣненіи святыхъ, которые никогда не имѣли недостатка въ божественныхъ утѣшеніяхъ.

Но многіе христіане, говорятъ они, были уведены въ плѣнъ. — Это дѣйствительно было бы величайшимъ несчастіемъ, еслибы они могли быть уведены въ какое нибудь такое мѣсто, гдѣ не нашли бы своего Бога. Есть въ святыхъ писаніяхъ великія утѣшенія и на случай такого бѣдствія. Были въ плѣну три отрока; былъ Даніилъ, были другіе пророки; былъ при нихъ и Богъ утѣшитель. Не оставилъ вѣрныхъ своихъ подѣ господствованіемъ народа, хотя и варварскаго, но челоуѣколюбиваго, Тотъ, Кто не оставилъ пророка своего даже во чревѣ морскаго чудовища. Тѣ, съ которыми мы имѣемъ дѣло, расположены скорѣе смѣяться надъ этимъ, чѣмъ этому вѣрить. Однакоже въ своихъ сочиненіяхъ они вѣрятъ, что Аріонъ Метимней. благороднѣйшій игрокъ на цитрѣ, когда былъ выброшенъ изъ корабля, былъ принятъ на спину дельфиномъ и вынесенъ на землю. Но наше-де сказаніе о пророкѣ Іонѣ невѣроятнѣе. Дѣйствительно невѣроятнѣе, потому что чудеснѣе; а чудеснѣе потому, что говорить о большемъ могуществѣ.

ГЛАВА XV.

О Регуль, представляющемъ собою примѣръ того, что плѣнъ долженъ быть переносимъ даже добровольно ради религіи; хотя такой плѣнъ и не могъ принести пользы этому читателю боговъ.

Въ исторіи своихъ знаменитыхъ мужей они имѣютъ благороднѣйшій примѣръ того, что ради религіи слѣдуетъ переносить плѣнъ даже добровольно. Маркъ Аттилій Регуль, полководецъ римскаго народа, былъ въ плѣну у карфагенянъ. Последніе, желая лучше возвратитъ отъ римлянъ своихъ плѣнныхъ, чѣмъ удержать у себя римскихъ, послали для испрошенія этого въ Римъ вмѣстѣ своими послами главнымъ образомъ самаго же Регула, обязавъ его предварительно клятвою возвратиться въ Карфагенъ, если онъ не достигнетъ исполненія ихъ желаній. Онъ отправился, но въ сенатѣ настоялъ на противоположномъ: потому что не считалъ полезнымъ для римской республики размѣнъ плѣнныхъ. Соотечественники, убѣдившись въ этомъ, и не принуждали его возвращаться къ врагамъ, но онъ самъ добровольно исполнилъ то, въ чемъ клялся. А тѣ умертвили его изысканными и ужасными истязаніями. Заключивъ его въ узкомъ деревянномъ пространствѣ, въ которомъ онъ вынужденъ былъ стоять, и набивъ со всѣхъ сторонъ его острѣйшихъ гвоздей, чтобы онъ не могъ прислониться ни къ одной сторонѣ безъ самыхъ жестокихъ страданій, они умертвили его бессонницею. Доблесть, ставшую выше такого великаго несчастія, конечно, хвалятъ заслуженно. А между тѣмъ онъ клялся тѣми богами, вслѣдствіе запрещенія культа которыхъ, полагаютъ, міръ пораженъ настоящими бѣдствіями. Но если ихъ почитали для того, чтобы они сдѣлали эту жизнь счастливою; то, пожелавъ или допустивъ подвергнуться такимъ казнямъ клявшагося въ истинѣ, что болѣе тяжкаго могли они, разгнѣванные, сдѣлать клятвопреступнику? Впрочемъ,

почему бы мнѣ не сдѣлать изъ этого двойственнаго вывода? Онъ дѣйствительно чтить боговъ до такой степени, что для исполненія клятвы не остался въ отечествѣ и не ушелъ изъ него въ какое либо другое мѣсто, а не поколебался возвратиться къ своимъ жесточайшимъ врагамъ. Если онъ считалъ полезнымъ это для настоящей жизни, которую покончилъ такъ ужасно, то онъ безъ всякаго сомнѣнія ошибался. Своимъ собственнымъ примѣромъ онъ доказалъ, что боги не приносятъ никакой пользы своимъ поклонникамъ для настоящаго временнаго счастья: потому что самъ онъ, преданный ихъ культу, былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ, и за то, что не хотѣлъ поступить иначе, чѣмъ какъ ими клялся, былъ умерщвленъ истязаніями казни новаго, до того времени неслыханнаго и до крайности ужаснаго рода. Если же культъ боговъ даетъ счастье въ видѣ награды послѣ этой жизни, то за чѣмъ взводить клевету на времена христіанскія, утверждая будто настоящее бѣдствіе постигло Римъ потому, что онъ пересталъ почитать своихъ боговъ, если могъ быть несчастнымъ и такой усерднѣйшей ихъ читель, какимъ былъ Регулъ? Развѣ ужъ какое нибудь чудовищно-слѣпое безуміе вооружится противъ очевиднѣйшей истины до такой степени, что осмѣлится утверждать, будто цѣлое гражданское общество, чуждое боговъ, несчастнымъ быть не можетъ, а одинъ-де человекъ можетъ; т. е. что могущество боговъ ихъ скорѣе способно охранять многихъ, чѣмъ взятыхъ отдѣльно, хотя множество слагается изъ единицъ.

Но они скажутъ, что Регулъ и въ плѣну, и въ самыхъ истязаніяхъ тѣлесныхъ могъ быть блаженнымъ душевною добродѣтелью. — Въ такомъ случаѣ прежде всего слѣдуетъ заботиться о добродѣтели, которая можетъ сдѣлать блаженнымъ и общество гражданское. Вѣдь не инымъ же блаженно общество, и не инымъ человекъ: потому что общество есть не иное что, какъ соединеніе множества людей.

Въ виду этого я не вхожу пока въ разсмотрѣніе того, какая была въ Регулѣ добродѣтель. На этотъ разъ мнѣ достаточно, что этотъ благороднѣйшій примѣръ вынуждаетъ ихъ признать, что боговъ слѣдуетъ почитать не ради благъ тѣлесныхъ или такихъ вещей, которыя достаются человѣку совнѣ: потому что Регулъ пожелалъ лучше лишиться всего этого, чѣмъ оскорбить боговъ, которыми клялся. Но что подѣлаешь съ людьми, которые хвалятся, что имѣли гражданина такого, какимъ боятся имѣть цѣлое общество гражданское? Вѣдь еслибы они не боялись, они согласились бы, что такое, что случилось съ Регуломъ, могло случиться и съ государствомъ, также какъ и Регулъ усердно почитающимъ боговъ; и не ввели бы клеветы на христіанскія времена. Но такъ какъ вопросъ поднять о тѣхъ христіанахъ, которые уведены въ плѣнъ, то безстыдно и бессмысленно смѣющіеся надъ спасительною религіею пусть умолкнутъ, обративъ вниманіе на слѣдующее. Если ихъ богамъ не было постыдно, что усерднѣйшій ихъ почитатель, сохраняя вѣрность данной имъ клятвѣ, потерялъ отчество, не имѣя другаго, и въ плѣну у враговъ былъ убитъ продолжительною смертію во вновь изобрѣтенномъ жестокомъ родѣ казни: то тѣмъ менѣе слѣдуетъ ставить въ вину христіанству плѣнъ его святыхъ, которые, съ нелживою вѣрою ожидая вышней отчизны, признаютъ себя странниками даже въ постоянныхъ мѣстахъ своего жительства.

ГЛАВА XVI.

Можетъ ли душевная добродѣтель скверниться насиліями, которымъ подверглись въ плѣну святые двѣстenniцы безъ ихъ на то соизволенія.

Думаютъ, что укоряютъ христіанъ въ весьма великомъ преступленіи, когда, преувеличивая бѣдствія плѣна три-соединяютъ и то, что бы ли насильственно осквернены не толь-

ко чужія жены и незамужнія дѣвицы, но и нѣкоторыя монахини. На самомъ же дѣлѣ этимъ ставится въ щекотливое положеніе не вѣра, не благочестіе, и не та добродѣтель, которая называется цѣломудріемъ, а самое разсужденіе наше, имѣющее предъ собою съ одной стороны стыдливость, съ другой—разумъ. И мы заботимся въ этомъ случаѣ не столько о томъ, чтобы дать отвѣтъ чужимъ, сколько о томъ, чтобы доставить утѣшеніе своимъ. Можно, конечно, прежде всего признать за несомнѣнное и доказанное, что добродѣтель, которая дѣлаетъ жизнь справедливою, повелѣваетъ членами тѣлесными имѣя пребываніе въ душѣ, и что тѣло бываетъ свято отъ употребленія его святою волею, при неизмѣнности и твердости которой, что другой кто ни сдѣлалъ бы изъ тѣла или въ тѣлѣ, будетъ внѣ вины потерпѣвшаго, если избѣжать того онъ не могъ безъ грѣха съ своей стороны. Но такъ какъ надъ чужимъ тѣломъ можно совершить не только такое, что причиняетъ болѣзнь, но и такое, что относится къ сладострастному наслажденію: то, когда что нибудь подобное бываетъ сдѣлано, оно хотя не уничтожаетъ цѣломудрія, удерживаемаго твердымъ постоянствомъ души, потрясаетъ однакоже чувство стыдливости; могутъ вѣдь подумать, что случилось не безъ соизволенія мысли такое, что быть можетъ и не могло совершиться безъ нѣкотораго плотскаго удовольствія.

ГЛАВА XVII.

О добровольной смерти изъ опасенія наказанія или безчестія.

Въ виду этого какое человѣческое чувство откажется извинить тѣхъ, которыя убивали себя, чтобы не потерпѣть чего либо въ этомъ родѣ? Но если нѣкоторыя не захотѣли убить себя для того, чтобы своимъ преступленіемъ избѣжать чужаго надъ собою злодѣйства, тотъ, кто поставилъ бы имъ это въ вину, не избѣжалъ бы самъ обвиненія въ неразу-

міи. Вѣдь если не позволительно вообще лицу частному своею властію убивать человѣка, хотя бы и совершающаго преступленія (нигакой законъ не даетъ права на подобное убійство): то и убивающій самаго себя, несомнѣнно, челоуѣкоубійца; и когда убиваетъ себя, бываетъ тѣмъ преступнѣе, чѣмъ онъ невиннѣе въ томъ дѣлѣ, изъ-за котораго считаетъ нужнымъ убить себя. Мы посправедливости гнушаемся поступкомъ Іуды, и по суду Истины онъ скорѣе увеличилъ, чѣмъ искупилъ преступленіе своего злодѣйскаго предательства тѣмъ, что удавился: потому что, отчаяваясь въ Божіемъ милосердіи, онъ въ чувствѣ раскаянія пагубнаго не оставилъ себѣ никакаго мѣста для покаянія спасительнаго. Но не тѣмъ ли болѣе долженъ воздерживаться отъ самоубійства тотъ, кто не имѣетъ въ себѣ ничего, что заслуживало бы подобнаго наказанія? Когда убилъ себя Іуда, онъ убилъ челоуѣка, запятнаннаго злодѣйствомъ, и все же окончилъ эту жизнь какъ виновный не только въ смерти Христа, но и въ своей собственной: потому что былъ убить хотя и за злодѣйство свое, но посредствомъ своего же другаго злодѣянія. Съ какой же стати челоуѣку, который не сдѣлалъ никакаго зла, совершать злодѣяніе надъ самимъ собою, и убивая себя, убивать челоуѣка невиннаго единственно для того, чтобы не допустить другаго стать виновнымъ? За чѣмъ совершать надъ собою грѣхъ самому для того только, чтобы надъ нами не былъ совершенъ грѣхъ чужой?

ГЛАВА XVIII.

О чужомъ насильственномъ сладострастіи, которое вынуждена бываетъ терпѣть въ обезсиленномъ тѣлѣ душа.

Не изъ опасенія ли, чтобы не осквернило чужое сладострастіе? Не осквернить оно, если будетъ чужое; а если осквернить, то не будетъ чужое. Если цѣломудріе состав-

ляеть душевную добродѣтель и имѣеть спутникомъ своимъ мужество, которое ставить своимъ правиломъ скорѣе переносить какое бы то ни было зло, чѣмъ злу сочувствовать; и если никто мужественный и цѣломудренный не имѣеть въ своей власти того, что дѣлается изъ его тѣла, а имѣеть лишь то, на что соизволяетъ или что отрицаетъ свою мыслию: то кто, сохраняя ту же чистоту мысли, сочтетъ себя потерявшимъ цѣломудріе, если бы случилось, что надъ его плотію, лишенною свободы и обезсиленною, стало упражняться и искать для себя удовлетворенія не его сладострастіе? Еслибы цѣломудріе погибало такимъ образомъ, цѣломудріе отнюдь не было бы добродѣтелью душевною, и не относилось бы къ тѣмъ благамъ, изъ которыхъ слагается добрая жизнь, а считалось бы между благами тѣлесными, каковы: сила, красота, крѣпкое и неповрежденное здоровье, и другія того же рода. Подобныя блага, если и подвергаются убыли, нисколько не убавляютъ доброй и справедливой жизни. Если цѣломудріе есть нѣчто такое же, то зачѣмъ, чтобы не потерять его, хлопотать изъ-за него даже съ опасностію жизни? А если оно есть благо душевное, то его нельзя лишиться и въ томъ случаѣ, если тѣло будетъ обезсилено. Напротивъ того, благо святаго воздержанія, какъ скоро не поддается нечистотѣ плотскихъ пожеланій, освящаетъ и самое тѣло; и потому, когда продолжаетъ не поддаваться имъ съ неизмѣннымъ постоянствомъ, святость не отнимается и у самаго тѣла: потому что остается расположеніе воли пользоваться имъ свято,—остается даже, насколько отъ него зависитъ, и возможность.

Не тѣмъ тѣло свято, что не повреждены члены его, или не тѣмъ, что не загрязнены они никакимъ прикосновеніемъ. Они могутъ подвергаться насильственнымъ поврежденіямъ въ разныхъ случаяхъ; а бываетъ, что и врачи, стараясь о восстановленіи здоровья, дѣлають надъ ними такое, что кажется на взглядъ ужаснымъ. Повивальная баба,

производя рукою какъбы изслѣдованіе невинности одной дѣвицы, по злomu ли умыслу, или по невѣжеству, или по случайности, уничтожала во время осмотра цѣлость ея. Не думаю, чтобы ктонибудь былъ такъ глупъ, чтобы пришелъ къ мысли, будто дѣвица потеряла чтонибудь даже въ смыслѣ святости самаго тѣла, хотя цѣлость извѣстнаго члена и погублена. Поэтому, пока остается неизмѣннымъ душевный объѣтъ, благодаря которому получило освященіе и тѣло, насиліе чужаго сладострастія и у самаго тѣла не отнимаетъ святости, которую сохраняетъ твердая рѣшимость воздержанія. И наоборотъ, если какаянибудь поврежденная умомъ женщина, нарушивъ объѣтъ, который дала Богу, льнетъ для преступленій къ своему обольстителю,—скажемъ ли мы, что она продолжаетъ быть святою и по тѣлу, потерявши и уничтоживши ту душевную святость, которою святить тѣло? Сохрани насъ Богъ отъ такого заблужденія, а лучше убѣдимся изъ этого, что при сохраненіи святости душевной не теряется и святость тѣлесная; хотя бы тѣло и потерпѣло насиліе; также точно, какъ при нарушеніи святости душевной теряется святость и тѣлесная, хотя бы тѣло оставалось неприкосновеннымъ. Поэтому женщина, безъ всякаго съ своей стороны соизволенія насильственно охваченная и обращенная въ орудіе чужаго грѣха, не имѣетъ въ себѣ ничего, что могла бы наказывать добровольною смертію. А еще менѣе имѣетъ это прежде, чѣмъ такое съ нею случится, въ послѣднемъ случаѣ она совершила бы вѣрное челоуѣкоубійство въ такое время, когда злодѣйство, при томъ и чужое, еще оставалось бы подъ сомнѣніемъ.

ГЛАВА XIX.

О Лукреціи, убившей себя по причинѣ нанесеннаго ей безчестія.

Когда мы говоримъ, что въ случаѣ совершеннаго надъ тѣломъ насилія, если объѣтъ чистоты не нарушается ника-

кимъ соизволеніемъ на зло, злодѣяніе совершается только тѣмъ, кто насилуетъ, а не тою, которая, подвергшись насилію, нисколько не соизволяетъ насилующему, — этому совершенно ясному положенію быть можетъ осмѣлятся противорѣчить тѣ, противъ которыхъ мы защищаемъ не только мысли христіанскихъ женщинъ, подвершихся въ плѣну насилію, но и самую святость ихъ тѣлъ? Дѣйствительно, они превозносятъ великими похвалами цѣломудріе Лукреціи, благородной древней римской матроны. Когда сынъ царя Тарквинія, совершивъ насиліе надъ ея тѣломъ, удовлетворилъ надъ нею свое сладострастіе, она объявила о злодѣйствѣ развратнѣйшаго юноши супругу своему, Каллатину, и родственнику Бруту, мужамъ знаменитѣйшимъ и храбрѣйшимъ, и обязала ихъ къ мести. А потомъ, болѣя душою и не будучи въ состояніи перенести брошеннаго на нее позора, умертвила себя. Что мы скажемъ на это? Считать ли ее виновною въ прелюбодѣяніи или цѣломудренною? Кто сталъ бы входить въ споры объ этомъ? Нѣкто превосходно и справедливо восклицаетъ по этому поводу: «Удивительно: было ихъ двое, но прелюбодѣяніе совершилъ одинъ!» Ридя въ совокупленіи двухъ тѣхъ свернѣйшее сладострастіе одного и чистѣйшую волю другого, и принимая во вниманіе не то, что дѣлалось совокупленіемъ членовъ, а то, что давалось различіемъ душъ, онъ говоритъ: »Было ихъ двое, но прелюбодѣяніе совершилъ одинъ«.

Но что же значить, что болѣе жестокое наказаніе постигаетъ ту, которая прелюбодѣянія не совершила? Вѣдь тотъ вмѣстѣ съ отцемъ былъ только изгнанъ изъ отечества; а эта понесла смертную казнь? Если то не есть распутство, когда она неволью терпитъ насиліе; то и это не есть справедливость, когда она, цѣломудренная, наказывается. Къ вамъ обращаюсь, законы и судьи римскіе. Вы и послѣ совершеннаго дѣйствительно преступленія не позволяете без-

наказанно убивать никакого злодѣя, пока онъ не будетъ осужденъ. И такъ, еслибы это преступленіе было передано гѣмъ нибудь на вашъ судъ, и вы бы нашли, что убита женщина не только не осужденная, но и чистая и невинная, — неужели вы не подвергли бы соотвѣтствующему строгому наказанію того, кто это сдѣлалъ? А сдѣлала это Лукреція: она сама, такъ прославленная Лукреція, невинную, чистую, потерпѣвшую насиліе Лукрецію вдобавокъ ко всему умертвила! Произнесите вашъ приговоръ. Если не можете произнести его потому, что нѣтъ на лицо кого вы могли бы наказать, то зачѣмъ же вы съ такою похвалою отзываетесь объ убійцѣ этой невинной и чистой женщины? У подземныхъ судей, даже у такихъ, какими изображаютъ ихъ въ стихахъ ваши поэты, вы не защитите ее конечно никакими резонами, потому что она стоитъ разумѣется въ ряду тѣхъ,

Что невинными

Будучи, сами себя причинили смерть, и свѣтъ

Возненавидѣвъ, жизнь свою прекратили 1).

И когда является у ней желаніе вернуться на свѣтъ,

Противъ того возстаютъ судьбы, и держатъ на мѣстѣ.

Непроходная волна печальнаго моря 2).

Или быть можетъ она не тамъ потому, что умертвила себя невинную, а чувствовавшую за собою преступленіе? Что если она (что могло быть извѣстно только ей самой), увлеченная сладострастіемъ юноши, сочувствовала ему, хотя онъ и употребилъ противъ ней насиліе; и не прощая себѣ за это, сокрушалась до такой степени, что полагала возможнымъ искупить свое преступленіе только смертью?—Хотя и въ этомъ случаѣ она не должна была бы убивать себя, если

1) Virg. Aeneid. VI. v. 434—436.

2) Ibid. v. 438, 439.

бы могла съ пользою приносить покаяніе предъ богами ложными. Но если это дѣйствительно такъ, и ложно то, что ихъ было двое, но прелюбодѣяніе совершилъ одинъ, а напротивъ—совершили прелюбодѣяніе оба, одинъ съ употребленіемъ открытой силы, другая съ тайнымъ соизволеніемъ: то она убила себя не невинную. Въ такомъ случаѣ ученые защитники ея могутъ сказать, что она не находится въ преисподней между тѣми,

Что невинными

Будучи, сами себя причинили смерть.

Такимъ образомъ съ той и другой стороны дѣло сводится къ тому, что отрицаніемъ человѣкоубійства утверждается прелюбодѣяніе, а оправданіемъ въ прелюбодѣяніи взводится обвиненіе въ человѣкоубійствѣ. Исхода рѣшительно нѣтъ, какъ скоро вопросъ ставится такъ: »Если прелюбодѣяствовала она, за что ее хвалятъ; а если осталась цѣломудреною, за что она убита«?

Но для насъ въ опроверженіе тѣхъ, которые, будучи чужды всякаго помышленія о святости, смѣются надъ христіанскими женщинами, потерпѣвшими въ плѣну насиліе,— для насъ въ примѣръ этой благородной женщины достаточно и того, что такъ прекрасно сказано въ ея похвалу: »Было ихъ двое, но прелюбодѣяніе совершилъ одинъ«. Такою вѣдь они по преимуществу представляютъ себя Лукрецію, что она не могла осквернить себя никакимъ прелюбодѣйнымъ соуслажденіемъ. А что она, и не совершивъ прелюбодѣянія, убила себя за то, что сдѣлалась орудіемъ прелюбодѣянія, въ этомъ выразилась не любовь къ цѣломудрію, а болѣзненное чувство стыдливости. Стыдно ей было, что надъ нею совершилось чужое непотребство, хотя и безъ ея участія; и римская женщина, до крайности жаждавшая добраго о себѣ мнѣнія, побоялась, чтобы о ней не подумали, будто то, что потерпѣла она черезъ насиліе при своей жизни, она потерпѣла

добровольно, если будетъ продолжать жить. И вотъ, не будучи въ состояніи показать людямъ своей совѣсти, она рѣшила представить ихъ глазамъ эту казнь, какъ свидѣтеля своихъ помысловъ. Она краснѣла при мысли, что ее могутъ счесть за сообщницу поступка, если она терпѣливо перенесетъ то, что сдѣлала позорнаго надъ нею другой. Этого не сдѣлали христіанскія женщины, которыя, потерпѣвъ подобное, продолжаютъ жить. Онѣ не наказали себя за чужое преступленіе, чтобы къ чужимъ злодѣйствамъ не прибавить своихъ; а это такъ бы и было, еслибы по той причинѣ, что враги, отдавшись страсти, обезчестили ихъ, онѣ изъ стыда совершили надъ собою челоуѣкоубійство. У нихъ есть внутренняя слава цѣломудрія, свидѣтельство совѣсти. Онѣ имѣютъ ее предъ лицомъ Бога своего; и не ищутъ большаго тамъ, гдѣ нѣтъ большаго, что могли бы онѣ сдѣлать по совѣсти,—не ищутъ, чтобы, избѣгая не у мѣста оскорбленія со стороны людской подозрительности, не увлониться отъ предписаній закона божественнаго.

ГЛАВА XX.

Нѣтъ ниодного авторитета, который бы давалъ христіанамъ въ какомъ-либо случаѣ право на самоубійство.

Въ самомъ дѣлѣ, не напрасно въ священныхъ каноническихъ книгахъ нельзя найти нигдѣ такого божественнаго предписанія или дозволенія на то, чтобы мы причиняли смерть самимъ себѣ даже ради приобрѣтенія безсмертія, или ради избѣжанія и освобожденія отъ зла. Когда законъ говорить: *не убій*, надлежитъ понимать, что онъ воспрещаетъ и самоубійство, потому въ особенности, что не прибавляетъ «друга твоего», подобно тому какъ, воспрещая ложное свидѣтельство, онъ говоритъ: *не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна* (Исх. XX, 13, 16). Впро-

чемъ и тотъ, кто далъ бы ложное показаніе противъ самаго себя, не долженъ считать себя свободнымъ отъ этого преступленія. Потому что правило—любить ближняго любящій беретъ съ самаго себя, такъ какъ написано: *возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе* (Мѣ. XXII, 39). Если же тотъ, кто дѣлаетъ ложное показаніе о самомъ себѣ, виновенъ въ лжесвидѣтельствѣ не меньше, чѣмъ если бы онъ далъ его противъ ближняго, хотя въ заповѣди, возбраняющей ложное свидѣтельство, возбраняется собственно ложное свидѣтельство противъ ближняго и людямъ, недостаточно разсудительнымъ могло бы казаться, что ею не воспрещается лжесвидѣтельство противъ самого себя: то восколько разъ болѣе слѣдуетъ думать, что человѣку непозволительно убивать самого себя, какъ скоро въ заповѣди—*не убій*, къ которой не сдѣлано никакого дальнѣйшаго добавленія, никто не представляется исключеннымъ, даже и самъ тотъ, кому заповѣдуются? Нѣкоторые стараются распространить заповѣдь эту даже на животныхъ и звѣрей, считая непозволительнымъ убивать никого и изъ нихъ. Но въ такомъ случаѣ почему же не распространять ее и на травы, и на все, что только питается и произрастаетъ изъ земли? Вѣдь и этого рода предметы, хотя и не обладаютъ чувствомъ, называются живущими, а потому могутъ умирать,—могутъ, слѣд., быть и убиваемы, коль скоро употребляется по отношенію къ нимъ насиліе. Отсюда апостоль, говоря о сѣменахъ ихъ, говоритъ: *ты еже съеши, не оживетъ, аще не умретъ* (1 Кор. XV, 36). И въ псалмѣ написано: *уби градомъ винограда ихъ* (LXXVII, 47). Неужели же, слыша заповѣдь: *не убій*, мы станемъ, на этомъ основаніи, считать преступленіемъ вырваніе кустарника и согласимся безумно съ заблужденіемъ манихеевъ? Итакъ, если мы, отвергнуши эти бредни, читая заповѣдь: *не убій*, согласимся, что она изречена не о растеніяхъ, ибо ниодно изъ нихъ не обладаетъ чув-

ствомъ, и не о неразумныхъ животныхъ, летающихъ, плавающихъ, ходящихъ или ползающихъ, ибо они не могутъ входить въ общеніе съ нами по разуму, который не дано имъ имѣть наравнѣ съ нами; почему ихъ жизнь и смерть, по правосуднѣйшему распоряженію Творца, служатъ къ нашей пользѣ: то заповѣдь: *не убій*, остается разумѣть относительно человѣка, — не убивай ни другаго, ни самого себя. Ибо кто убиваетъ себя, убиваетъ не что иное, какъ человѣка.

ГЛАВА XXXI.

Объ умерщвленіи людей, которое не относится къ преступленію челоукоубійства

Впрочемъ, тотъ же самый божественный авторитетъ допускаетъ и нѣкоторыя исключенія изъ запрещенія убивать человѣка. Но за исключеніемъ тѣхъ, кому повелѣваетъ убивать самъ Богъ или даннымъ закономъ, или же иногда особливо относительно того или другаго лица распоряженіемъ Въ этомъ случаѣ не тотъ убиваетъ, кто обязанъ служить повелѣвающему, какъ мечъ служитъ орудіемъ тому, кто имъ пользуется. И поэтому заповѣди: *не убій* — отнюдь не преступаютъ тѣ, которые ведутъ войны по полномочію отъ Бога, или, будучи въ силу Его законовъ, т. е. въ силу самаго разумнаго и правосуднаго распоряженія, представителями общественной власти, наказываютъ злодѣевъ смертію. И Авраамъ не только не укоряется въ жестокости, а напротивъ восхваляется за благочестіе потому, что хотѣлъ убить сына своего не какъ злодѣй, а повинувъсь волѣ Божіей (Быт. XXII). Справедливо также ставится вопросъ, не слѣдуетъ ли считать божественнымъ повелѣніемъ, что Іефай убилъ вышедшую ему навстрѣчу дочь свою, такъ какъ онъ далъ обѣтъ принести въ жертву Богу то, что прежде всего выдетъ ему навстрѣчу, когда будетъ возвращаться побѣдителемъ съ сраженія (Суд. XI). И Самсонъ оправдывается въ томъ, что

похоронилъ себя съ гостями подъ развалинами дома, не по-
 чему иному, какъ потому, что сдѣлать такъ повелѣлъ ему
 тайно Духъ, который творилъ чрезъ него чудеса (Суд. XVI).
 Итакъ, за исключеніемъ тѣхъ, кому повелѣваетъ убивать
 или вообще правосудный законъ, или въ частности самъ
 Богъ, источникъ правосудія,—всякій, кто убиваетъ себя ли
 самого, или кого иного, становится повиннымъ въ человекоубійствѣ.

ГЛАВА XXII.

*Добровольная смерть ни въ какомъ случаѣ не можетъ
 относиться къ величію души.*

И если совершившіе это надъ самими собою могутъ
 вызывать удивленіе къ величію душевному, не могутъ быть
 хвалимы за благоразуміе. Хотя, если всмотрѣться въ дѣло
 внимательнѣе, окажется, что и величіемъ духа называется
 неправильно, когда кто-либо умерщвляетъ себя потому, что
 не въ состояніи перенести или какія нибудь житейскія труд-
 ности, или чужіе грѣхи. Въ самомъ дѣлѣ, если наиболѣе сла-
 бымъ считается тотъ умъ, который не въ состояніи бываетъ пере-
 нести или грубаго рабства, коему подвергается его тѣло,
 или невѣжественнаго мнѣнія толпы; то наиболѣе великимъ
 по справедливости долженъ быть названъ духъ, который въ
 состояніи скорѣе вынести бѣдственную жизнь, чѣмъ бѣжать
 отъ нея, и который, въ состояніи чистоты и безупрочности
 совѣсти, презираетъ людское мнѣніе, въ особенности мнѣніе
 толпы, по большей части исполненное заблужденія. Поэтому,
 если бы величіемъ духа слѣдовало считать то, когда чело-
 вѣкъ причиняетъ смерть самому себѣ, то это величіе усма-
 тривается скорѣе всего въ Клеомбротѣ; говорятъ, что, про-
 читавши сочиненіе Платона, въ коемъ разсуждается о без-
 смертіи души, онъ ринулся стремглавъ со стѣны и такимъ
 образомъ перешелъ изъ этой жизни въ ту, которую счелъ

за лучшую. Въ самомъ дѣлѣ, его не удручало ничто бѣдственнаго, или преступнаго, истиннаго или ложнаго, чего не въ состояніи будучи перенести, онъ долженъ бы умертвить себя; но въ принятіи имъ смерти и въ разрушеніи сладкихъ оковъ въ настоящей жизни проявилось только величіе его духа. Тѣмъ не менѣе однакожь, что поступокъ его былъ скорѣе великимъ, чѣмъ добрымъ, свидѣтелемъ того можетъ быть самъ Платонъ, котораго онъ читалъ: безъ всякаго сомнѣнія Платонъ самъ скорѣе всякаго другаго поступилъ бы или, по крайней мѣрѣ, предписалъ бы поступать такъ, если бы не былъ того мнѣнія, что съ точки зрѣнія ума, созерцающаго безсмертіе души, никакъ не слѣдуетъ этого дѣлать, даже слѣдуетъ воспрещать подобное.

Но многіе-де умерщвляли себя, чтобы не попасть въ руки враговъ? Но мы разсуждаемъ не о томъ, дѣлалось ли такъ, а о томъ должно ли такъ дѣлать. Ибо здравый разумъ слѣдуетъ предпочитать примѣрамъ. Впрочемъ, съ нимъ согласны и примѣры, но только такіе, которые тѣмъ болѣе достойны подражанія, чѣмъ выше по благочестію. Не дѣлали такъ ни патріархи, ни пророки, ни апостолы. И самъ Христосъ Господь, заповѣдая апостоламъ, въ случаѣ гоненія на нихъ въ одномъ городѣ, бѣжать въ другой (Матѣ. X, 23), могъ повелѣть, чтобы они предавали себя смерти, дабы не впасть въ руки преслѣдователей. Но поелику Онъ не заповѣдывалъ и не повелѣлъ, чтобы такимъ образомъ переселялись къ Нему изъ этой жизни тѣ, коимъ Онъ, какъ страствующимъ, обѣтовалъ уготовать вѣчныя обители (Іоан. XIV, 2): то какіе бы примѣры люди не вѣрующіе въ Бога намъ ни противопоставляли, ясно, что чтущимъ единаго истиннаго Бога дѣлать такъ не позволительно.

ГЛАВА XXIII.

Какъ смотрѣть на примѣръ Катона, который умертвилъ себя, не перенося победы Цезаря.

Впрочемъ, и они, кромѣ Лукреціи, о которой, какъ кажется, выше мы сказали достаточно, не легко могутъ указать на человѣка, авторитетъ коего предписывалъ бы (самоубійство), за исключеніемъ развѣ умертвившаго себя въ Утикѣ Катона; это не потому, чтобы онъ одинъ поступилъ такъ, а потому, что считался человѣкомъ мудрымъ и добрымъ настолько, чтобы было основаніе думать, что такъ могло и можетъ быть сдѣлано правильно, какъ сдѣлалъ онъ. Что прежде всего сказать о его поступкѣ, какъ не то, что самые друзья его, изъ коихъ нѣкоторые были люди ученые, благоразумно уговаривавшіе его не дѣлать того, считали его поступокъ проявленіемъ духа скорѣе слабаго, чѣмъ сильнаго, доказывающимъ не честность, избѣгающую безчестнаго, а слабость, не могущую перенести несчастія? Это доказалъ и самъ Катонъ на своемъ любимѣйшемъ сынѣ. Вѣдь если было безчестіемъ жить подъ властію побѣдителя Цезаря, то зачѣмъ отецъ сдѣлался виновникомъ этого безчестія для сына, внушивъ ему всего ожидать отъ благосклонности Цезаря? Почему онъ не принудилъ и его умереть вмѣстѣ съ собою? Если Торкватъ поступилъ похвально, умертвивши сына, который вопреки приказанію сразился съ непріятелемъ и даже остался надъ нимъ побѣдителемъ, то почему же побѣжденный Катонъ, не пощадивши себя, пощадилъ побѣжденного сына? Ужели быть побѣдителемъ вопреки распоряженію было болѣе безчестно, чѣмъ терпѣть оставшагося побѣдителемъ вопреки чести? Такимъ образомъ Катонъ ни въ какомъ случаѣ не считалъ безчестнымъ жить подъ властію побѣдителя Цезаря; иначе онъ освободилъ бы своего сына отъ этого безчестія отеческимъ мечемъ. Итакъ,

что же значить его поступокъ, какъ не то, что насколько онъ любилъ сына, пощады которому онъ желалъ и ждалъ отъ Цезаря, настолько же завидовалъ славѣ самого Цезаря, опасаясь, чтобы тотъ не пощадилъ и его самого, какъ сказалъ объ этомъ, говорятъ, и Цезарь; или же (чтобы сказать о немъ что-либо болѣе снисходительное) онъ стыдился этой славы.

ГЛАВА XXIV.

Тю добродѣтелью, которую превзошелъ Катона Регуль, гораздо болѣе превосходятъ христіане.

Тѣ, противъ кого мы ведемъ свою рѣчь, не хотятъ, чтобы мы Катону предпочитали праведнаго мужа Юва, который лучше хотѣлъ перенести на своемъ тѣлѣ столь ужасныя страданія, нежели освободиться отъ всѣхъ этихъ мученій насильственной смертію, или другихъ святыхъ, о коихъ говорятъ наши, облеченныя высшимъ авторитетомъ и заслуживающія самаго полнаго довѣрія, священныя книги,—которые предпочитали терпѣть плѣнъ и владычество враговъ, нежели насильственно предать себя смерти. Но мы, изъ описанныхъ въ ихъ твореніяхъ, этому самому Марку Катону предпочитаемъ Марка Регула. Катонъ никогда не побѣждалъ этого Цезаря, которому, будучи побѣжденъ, не захотѣлъ покориться, и, чтобы не покориться, рѣшился умертвить самого себя. Между тѣмъ Регуль уже былъ побѣдителемъ кареагенянъ и римскому государству, какъ римскій полководецъ, доставилъ побѣду не надъ гражданами, которая заслуживала скорби, а надъ врагами, которая должна была вызывать похвалы, но потомъ, побѣжденный ими, захотѣлъ лучше терпѣть ихъ, перенося работы, нежели освободиться отъ нихъ смертію. Поэтому, находясь подъ владычествомъ кареагенянъ, онъ сохранилъ терпѣніе и неизмѣнность своей любви къ римлянамъ, оставляя свое побѣжденное тѣло вра-

гамъ, а непобѣдимый духъ гражданамъ. Если онъ не захотѣлъ умертвить себя, то слѣлалъ это не изъ любви къ жизни. Это доказалъ онъ, когда, ради даннаго обѣщанія и клятвы, безъ всякаго колебанія возвратился къ тѣмъ же врагамъ, которымъ онъ гораздо болѣе нанесъ вреда въ сенатѣ словами, нежели въ сраженіи оружіемъ. Итакъ, если этотъ, до такой степени не дорожившій жизнью, человѣкъ предпочелъ лучше окончить ее среди свирѣпыхъ враговъ въ какихъ угодно казняхъ, чѣмъ умерщвлять самаго себя, то онъ безъ сомнѣнія считалъ великимъ злодѣяніемъ, когда человѣкъ самъ себя убиваетъ. Между всѣми своими достохвальными и знаменитыми по добродѣтели мужами римляне не укажутъ лучшаго, котораго ни счастье не испортило, ибо при такой великой побѣдѣ онъ остался человѣкомъ самимъ бѣднымъ, ни несчастье не сломило, ибо онъ неустрашимо возвратился къ столь великимъ бѣдствіямъ. Если же самые знаменитые и мужественные защитники земнаго отечества, и хотя ложныхъ боговъ, но—читатели не лживые, а блюстители клятвы самые вѣрные, могшіе по обычаямъ и правамъ войны убивать побѣжденныхъ враговъ, не хотѣли убивать себя, когда въ свою очередь бывали побѣждаемы сами, и нисколько не боясь смерти, предпочитали лучше терпѣть господство побѣдителей, чѣмъ наносить ее самимъ себѣ: то во сколько разъ болѣе будутъ воздерживаться отъ этого злодѣянія христіане, чтущіе истиннаго Бога и воздыхающіе о небесномъ отечествѣ, если божественная воля, въ видахъ ли испытанія или исправленія, подвергнетъ ихъ временно власти враговъ,—христіане, которыхъ въ этомъ уничтоженіи не оставитъ Тотъ, Кто, будучи Высочайшимъ, явился ради нихъ въ такомъ уничтоженіи,—которыхъ притомъ никакія распоряженія военной власти или права войны не принуждаютъ убивать даже и побѣжденнаго врага? Итакъ, какое пагубное заблужденіе заставляеть человѣка убивать себя потому, что про-

тивъ него согрѣшилъ, или чтобы противъ него не согрѣшилъ врагъ, когда самаго этого врага, уже согрѣшившаго, или еще имѣющаго согрѣшить, онъ не смѣетъ убивать?

ГЛАВА XXV.

Не слѣдуетъ избѣгать грѣха посредствомъ грѣха.

Но слѣдуетъ-де остерегаться и бояться, чтобы тѣло, сдѣлавшееся предметомъ вражескаго сладострастія, не вызвало въ духѣ соизволенія на грѣхъ, приманивши его къ тому прелестію удовольствія. Поэтому, говорятъ, человѣкъ долженъ убить себя прежде, чѣмъ кто нибудь надъ нимъ это сдѣлаетъ, не по причинѣ чужаго, а по причинѣ своего собственного грѣха.—Конечно, духъ, преданный болѣе Богу и Его мудрости, нежели тѣлеснымъ пожеланіямъ, ни въ какомъ случаѣ не дозволитъ себѣ отклониться соизволеніемъ на похоть своей плоти, возбужденную чужою похотью. Однакоже, если очевидная истина представляетъ преступленіемъ гнуснымъ и злодѣяніемъ достойнымъ осужденія, когда человѣкъ убиваетъ самаго себя,—то кто будетъ настолько безуменъ, чтобы сказать: «Лучше теперь уже согрѣшить, чтобы не согрѣшить какъ нибудь послѣ; лучше теперь совершить человѣкоубійство, чтобы потомъ не впасть пожалуй въ прелюбодѣяніе»? Если уже неправда царствуетъ въ такой степени, что приходится дѣлать выборъ не между невинностію и грѣхомъ, а между грѣхомъ и грѣхомъ, то, и въ такомъ случаѣ, вѣроятное въ будущемъ прелюбодѣяніе не лучше ли, чѣмъ несомнѣнное въ настоящемъ человѣкоубійство? Неужели совершить такой грѣхъ, который можетъ быть заглаженъ покаяніемъ, хуже, чѣмъ такое злодѣяніе, послѣ котораго нѣтъ уже мѣста спасительному покаянію? Говорю это для тѣхъ мужчинъ и женщинъ, по мнѣнію которыхъ должно предавать себя насильственной смерти во избѣжаніе не чужаго, а своего собственного грѣха, изъ опасенія, какъ

бы подъ вліяніемъ похоти другаго не предаться похоти и въ собственной плоти. Впрочемъ, не думается, чтобы христіанскій умъ, который вѣруеть своему Богу и, возложивши на Него свое упованіе, надѣется на Его помощь, — не думается, говорю, чтобы такой умъ на удовольствія своей или чужой плоти отгליвался непотребнымъ соизволеніемъ. А если то непослушаніе похоти, которое обитаетъ въ смертныхъ членахъ, движется помимо закона нашей воли, какъбы по своему собственному закону, то, будучи извинительнымъ въ тѣлѣ спящаго человѣка, не гораздо ли болѣе извинительно оно въ тѣлѣ человѣка, не отгликающагося на него соизволеніемъ?

ГЛАВА XXVI.

Какъ надобно смотрѣть на дѣла, которыя совершить не позволено, когда оказывается, что они были совершаемы святыми.

Но, говорятъ, многія святыя женщины, избѣгая, во время гоненія, преслѣдователей своего цѣломудрія, бросались въ рѣку съ тѣмъ, чтобы она унесла и потопила ихъ; и хотя онѣ умирали такимъ образомъ, ихъ мученичество однакоже весьма чтится католическою церковію. — Не осмѣливаюсь судить объ этомъ необдуманно. Повелѣвалъ ли божественный авторитетъ какими нибудь, заслуживающими довѣрія, свидѣтельствами, чтобы церковь чтила подобнымъ образомъ ихъ память, — незнаю; можетъ быть — и такъ. Что если женщины эти поступили такимъ образомъ не по свойственной человѣку ошибкѣ, а въ исполненіе божественнаго повелѣнія, не заблуждаясь, а повинуюсь, подобно тому, какъ должны мы думать о Сампсонѣ? А когда повелѣваетъ Богъ и не оставляетъ никакихъ недоразумѣній относительно того, что повелѣваетъ Онъ, — кто сочтетъ послушаніе

преступленіемъ? кто обвинить благочестивую покорность? Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы всякій, кто рѣшился бы принести своего сына въ жертву Богу, не совершилъ бы преступленія потому, что похвально поступилъ подобнымъ образомъ Авраамъ. Ибо и солдатъ, когда убиваетъ человѣка, повинуваясь поставленной надъ нимъ законной власти, не дѣлается по законамъ своего государства повиннымъ въ человѣкоубійствѣ; напротивъ, если бы не сдѣлалъ того, былъ бы повиненъ въ ослушаніи и пренебреженіи власти. Но если бы онъ сдѣлалъ это самовольно, то совершилъ бы преступленіе пролитія человѣческой крови. Такимъ образомъ, за что наказывается онъ, если совершаетъ безъ приказанія, за то наказывается, если не совершаетъ по приказанію. А если бываетъ такъ, когда приказываетъ полководецъ, то восколько разъ болѣе должно быть такъ, когда повелѣваетъ Творецъ? Итакъ, кто слышитъ, что убивать себя непопозволительно, пусть убиваетъ, коль скоро ему повелѣлъ Тотъ, приказаній Котораго нельзя не исполнять; пусть смотритъ только, дѣйствительно ли имѣетъ онъ на это несомнѣнно божественное повелѣніе. Мы судимъ о совѣсти на основаніи того, что слышимъ; права судить о сокровенномъ совѣсти на себя не беремъ. Никто не знаетъ того, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ самомъ (1 Кор. II, 11). Мы одно говоримъ, одно утверждаемъ, одно всячески доказываемъ, что самовольно никто не долженъ причинять себѣ смерти, ни для избѣжанія временной скорби, потому что иначе подвергнется скорби вѣчной; ни изъ-за чужихъ грѣховъ, потому что иначе неоскверненный еще чужимъ грѣхомъ онъ совершитъ собственный самый тяжкій грѣхъ; ни изъ за своихъ прежнихъ грѣховъ, ради которыхъ настоящая жизнь особенно необходима, чтобы можно было уврачевать ихъ покаяніемъ; — ни изъ-за желанія лучшей жизни, приобрести которую надѣется

по смерти: потому что для виновныхъ въ собственной смерти нѣтъ лучшей жизни по смерти.

ГЛАВА XXVII.

Слѣдуетъ ли прибѣгать къ самоубійству во избѣжаніе грѣха.

Остается еще одинъ поводъ, — о немъ я уже начиналъ говорить, — по которому считается полезнымъ, чтобы каждый умерщвлялъ себя, именно — опасеніе, какъ-бы не впасть въ грѣхъ подъ влияніемъ или обольстительнаго сладострастія, или лютой скорби. Но если допустить этотъ поводъ, то въ своемъ дальнѣйшемъ приложеніи онъ приведетъ къ тому, что людямъ слѣдуетъ совѣтовать лучше всего умерщвлять себя въ то время, когда они, будучи омыты банею возрожденія, получаютъ отпущеніе всѣхъ своихъ грѣховъ. Ибо именно тогда — время страшиться всякихъ будущихъ грѣховъ, когда всѣ прежнія заглажены. Если добровольная смерть — дѣло хорошее, то почему не быть ей такимъ дѣломъ скорѣе всего тогда? Зачѣмъ каждому крестившемуся падать себя? Зачѣмъ человѣку оправданному подвергать себя снова столькимъ опасностямъ этой жизни, когда онъ имѣетъ полнѣйшую возможность избѣгать этихъ опасностей путемъ самоубійства, и когда при томъ написано: *любай бѣдство* (опасность) *впадетъ въ не* (Сирах. III, 25)? Зачѣмъ же любить, или, если не любить, по крайней мѣрѣ терпѣть столькія и такія опасности, продолжая эту жизнь, когда дозвоительно прекратить ее? Или уже безсмысленный развратъ до такой степени извратилъ сердце и до такой степени лишилъ его чувства истины, что въ ту пору, какъ всякій долженъ бы былъ умерщвлять себя изъ опасенія, какъ бы не впасть во грѣхъ, находясь подъ властію даже одного поработителя, всякій думаетъ, что ему слѣдуетъ жить, чтобы переносить этотъ міръ, полный ежечасныхъ испыта-

ній такихъ, изъ-за которыхъ страшна жизнь въ неволѣ и у одного господина, и другихъ безчисленныхъ, безъ которыхъ не проходитъ христіанская жизнь? Итакъ, зачѣмъ же мы тратимъ время на увѣщанія, посредствомъ которыхъ стараемся расположить крестившихся или къ дѣвственной чистотѣ, или къ вдовствующему воздержанію, или даже къ вѣрности супружескаго ложа, какъ скоро у насъ есть лучшія и устраняющія всякую опасность грѣха средства: вѣдь мы могли бы привести къ Господу болѣе чистыми и болѣе здоровыми всѣхъ, кого только были бы въ состояніи убѣдить—подвергнуть себя добровольной смерти вслѣдъ за только-что полученнымъ прощеніемъ грѣховъ? Но если бы ктонибудь полагалъ, что такъ слѣдуетъ поступать и совѣтовать поступать, я назвалъ бы его не глупымъ, а помѣшаннымъ. Сколько въ самомъ дѣлѣ нужно безстыдства, чтобы сказать человѣку: «Умертви себя, чтобы, живя подъ властію господина распущенныхъ варварскихъ нравовъ, не присоединить тебѣ къ своимъ малымъ грѣхамъ грѣховъ тягчайшихъ»? Кто иначе, какъ только съ самою преступною мыслию, можетъ сказать: «Умертви себя, чтобы по разрѣшеніи всѣхъ твоихъ грѣховъ, не совершилъ ты такихъ же или еще худшихъ, если останешся жить въ мірѣ, въ которомъ обольщаетъ столько нечистыхъ удовольствій, неистовствуетъ столько возмутительныхъ жестокостей, враждуетъ столько заблужденій и ужасовъ»? Если сказать такъ преступно, то преступно, конечно, и умерщвлять себя. Ибо, если бы могла быть какая—нибудь законная причина убивать себя добровольно, то во всякомъ случаѣ она не была бы законнѣе той, которую мы разбираемъ. Но поелику эта послѣдняя таковою оказывается, то, значитъ, нѣтъ законной никакой.

ГЛАВА XXVIII.

Почему Богъ попустилъ сладострастію враговъ совершить грѣхъ надъ тѣлами воздержницъ.

Итакъ, вѣрныя Христовы, пусть ваша жизнь не будетъ вамъ въ тягость, если ваша непорочность подверглась поруганію враговъ. Если совѣсть ваша чиста, вы имѣете великое и истинное утѣшеніе въ томъ, что у васъ не было соизволенія на грѣхъ тѣхъ, которымъ поущено согрѣшить надъ вами. А если спросите, почему поущено, то знайте, что есть нѣкое высшее провидѣніе Творца и Промыслителя міра, и *неиспытани судовъ Его и неизслѣдовани пути Его* (Римл. XI, 33). Тѣмъ не менѣе спросите чисто-сердно вашу душу, не слишкомъ ли возгордились вы благомъ вашей чистоты, воздержанія или цѣломудрія и, увлекшись человѣческими похвалами, не позавидовали-ли нѣкоторымъ даже и въ этомъ? Не обвиняю въ томъ, чего не знаю, и не слышу, что на вашъ вопросъ отвѣчаютъ вамъ сердца ваши. Однако, если бы они отвѣтили, что это такъ, то не удивляйтесь, что вы утратили то, чѣмъ думали нравиться людямъ, и остались при томъ, чего людямъ показать нельзя. Если соизволенія на грѣхъ у васъ не было, въ такомъ случаѣ вамъ ниспослана была божественная помощь, чтобы вы не утратили божественной благодати; но вы подверглись человѣческому поруганію, чтобъ не любили человѣческой славы. Утѣшьтеся малодушныя и тѣмъ и другимъ, — въ одномъ испытанныя, отъ другаго очищенныя, — въ томъ оправданныя, въ этомъ исправленныя. Тѣ же изъ васъ, сердца которыхъ отвѣтятъ, что они никогда не превозносились благомъ дѣвства, или вдовства, или супружеской вѣрности, но *смиранными ведущеся* (Рим. XII, 16) дару Божию радовались со страхомъ, не завидовали чьему-либо преосходству въ той же чистотѣ и святости, но, презирая

человѣческую похвалу, обыкновенно тѣмъ болѣе расточаемую, чѣмъ рѣже то, что требуетъ похвалы, желали, чтобы лучше число ихъ было больше, чѣмъ сами онѣ по малочисленности своей выдавались болѣе,—и тѣ, кто есть такіа, если подверглись кто насилію варварскаго сладострастія, пусть не нарекають на то, что такъ попущено; и пусть не думаютъ, что Богъ не придаетъ этому значенія, если попускаетъ такое, чего никто не дѣлаетъ безнаказанно. Есть, такъ сказать, своего рода грузы злыхъ вождедѣній, которые настоящимъ тайнымъ судомъ божественнымъ оставляются безнаказанными, и откладываются до суда послѣдняго явнаго. Но весьма возможно, что такіа, хорошо сознающія, что ихъ сердце никогда надменно не превозносилось благомъ чистоты, и тѣмъ не менѣе испытавшія на своей плоти враждебное насиліе, имѣли нѣкоторую тайную сладость, которая могла бы перейти въ горделивое высокомеріе, еслибъ онѣ при опустошеніи Рима избѣжали этого униженія. И вотъ, какъ нѣкоторые смертію восхищаются, *да не злоба измѣнитъ разумъ ихъ* (Премуд. IV, 11): такъ у этихъ похищается нѣчто насиліемъ, чтобы ихъ смиренія не измѣнило счастье. Такимъ образомъ и тѣ и другія, и гордившія уже, что не испытали ничего постыднаго пригношенія къ своей плоти, и могшія пожалуй возгордиться, если бы не подверглись враждебному насилію,—и тѣ и другія не чистоты лишились, а научились смиренію; первыя освободились отъ гордости уже существовавшей, послѣднія отъ гордости угрожавшей.

Впрочемъ, не слѣдуетъ обойти молчаніемъ и того, что на взглядъ нѣкоторыхъ, потерпѣвшихъ это, могло казаться, что благо воздержанія должно полагать въ числѣ благъ тѣлесныхъ и что оно остается въ томъ случаѣ, если тѣло не испытываетъ пригношенія ничьей похоти, а не заключается единственно въ силѣ воли, поддерживаемой божественною помощію такъ, чтобы святыми были вмѣстѣ и тѣло, и

духъ, и не представляетъ собою такого блага, которое бы не могло быть утрачено помимо соизволенія духа. Возможно, что исправлено это заблужденіе. Ибо, принимая во вниманіе чувство, съ какимъ онѣ служили Богу, и вѣруя несомнѣнно, что Богъ служащихъ Ему и призывающихъ Его съ чистою совѣстію никогда не могъ оставить, наконецъ не сомнѣваясь и относительно того, насколько угодна Ему чистота, онѣ должны видѣть и то, что отсюда слѣдуетъ, именно, что Богъ никогда не попустилъ бы случиться этому съ его святыми, если бы святость, которую Онъ сообщилъ имъ и которую Онъ любитъ въ нихъ, могла погибать подобнымъ образомъ.

ГЛАВА XXIX.

Что должна отвѣчать христіанская семья невѣрнымъ на упрекъ, что Христосъ не освободилъ ее отъ неистовства враговъ.

Итакъ, семья Бога высочайшаго и истиннаго имѣетъ свое утѣшеніе, — утѣшеніе неложное, состоящее въ надеждѣ не на предметы колеблющіеся и преходящіе; самую земную жизнь, въ которой она воспитывается для небесной, отнюдь не находитъ достойною сожалѣнія, и благами земными пользуется какъ странникъ, не плѣняясь ими, а зломъ или испытывается, или исправляется. Тѣ же, которые надъ испытаніями ея смѣются, и когда случается, что она подвергается какимъ-нибудь временнымъ несчастіямъ, говорятъ ей: *гдѣ есть Богъ твой* (Псал. XLI, 12), тѣ пусть скажутъ сами, гдѣ ихъ боги, когда они претерпѣваютъ такія именно несчастія, во избѣжаніе которыхъ почитаютъ ихъ, или утверждаютъ, что должно почитать. Первая отвѣтитъ: *Мой Богъ вездѣ, всюду весь и нигдѣ не заключенъ, можетъ тайно присутствовать и отсутствовать не удалившись; когда Онъ подвергаетъ меня несчастіямъ, то или мои заслуги*

испытываетъ, или грѣхи очищаетъ, и приготовляетъ мнѣ вѣчную награду за благочестиво перенесенныя мною временныя несчастія. А вы кто такіе, чтобы съ вами стоило говорить о вашихъ богахъ, а тѣмъ болѣе о моемъ Богѣ, который *страшенъ есть надъ всеми боги. Яко вси бози языкъ бѣсове: Господь же небеса сотвори* (Псал. ХСV, 4. 5).

ГЛАВА XXX.

Въ какихъ постыдныхъ благополучіяхъ желали бы утопать тѣ, которые жалуется на христіанскія времена.

Если бы живъ еще былъ вашъ извѣстный, бывшій нѣкогда первосвященникомъ, Назига Сципіонъ, котораго выбралъ весь сенатъ, когда искалъ самаго лучшаго мужа для принятія фригійскаго культа ¹⁾ въ ужасное время пунической войны, и которому вы не посмѣли бы, вѣроятно, взглянуть и въ лицо,—онъ самъ удержалъ бы васъ отъ этого безстыдства. Ибо почему, будучи угнетаемы несчастіями, жалуетесь вы на христіанскія времена, какъ не потому, что желали бы спокойно наслаждаться своею роскошью и предаваться распущенности развращенныхъ нравовъ, не тревожась ничѣмъ неприятнымъ? Вѣдь не для того же желаете вы сохраненія мира и изобилія богатствъ всякаго рода, чтобы этими благами пользоваться честно, т. е. скромно, трезво, умѣренно и благочестиво, а для того, чтобы извѣдать безконечное разнообразіе наслажденій цѣною безумной расточительности и чтобы въ нравахъ вашихъ среди благополучія возникло такое зло, которое гораздо хуже свирѣпыхъ враговъ. А Сципіонъ тотъ, вашъ великій первосвященникъ,—мужъ, по мнѣнію цѣлаго сената,

¹⁾ Купльта Цибелы.

самый лучший; — страпашь за подобнаго рода бѣдствія, не хотѣлъ, чтобы былъ разрушенъ Кароагенъ, тогдашній соперникъ римскаго государства, и возражалъ Катону, требовавшему его разрушенія, боясь безпечности, этого врага для слабыхъ душъ, и полагая, что страхъ также необходимъ для гражданъ, какъ необходимъ опекунъ для сиротъ. И мнѣніе его не оказалось ложнымъ; самое дѣло показало, что онъ говорить правду. Ибо, когда Кароагенъ былъ разрушенъ, т. е. когда великая гроза римскаго государства была разбѣяна и уничтожилась, то немедленно послѣдовало столько возникшихъ изъ благополучія золъ, что, по расторженіи согласія, сперва жестокими и кровавыми мятежами, потомъ сплетеніемъ несчастныхъ обстоятельствъ и даже междоусобными войнами произведено столько убійствъ, пролито столько крови, порождено столько жестокой жадности къ конфискаціи имуществъ и грабежамъ, что тѣ самые римляне, которые страшились, при неиспорченной жизни, зла отъ враговъ, съ утратою этой неиспорченности, потерпѣли отъ гражданъ зло гораздо худшее. И самая та страсть господствовать, которая наиболѣе другихъ пороковъ чловѣческаго рода присуща была всему римскому народу, одержавши побѣду въ лицѣ немногихъ сильнѣйшихъ, придавила игомъ рабства и остальныхъ, изнемогшихъ отъ усилій и изнуренія.

ГЛАВА XXXI.

Съ какою постепенностію развращенія возрастала въ римлянахъ страсть къ господствованію.

Развѣ эта страсть успокоивалась когда нибудь въ душахъ въ высшей степени гордыхъ, пока непрерывнымъ рядомъ почестей не достигала царской власти? Но этого непрерывнаго перехода къ новымъ и новымъ почестямъ не

существовало бы, если бы честолюбіе не превѣшивало всего. Честолюбіе же превѣшиваетъ только въ народѣ, испорченномъ сребролюбіемъ и роскошью. А сребролюбивымъ и роскошнымъ народъ сталъ вслѣдствіе того благополучія, которое Назика весьма предусмотрительно считалъ опаснымъ, когда не хотѣлъ, чтобы разрушенъ былъ весьма обширный, укрѣпленный и богатый непріятельскій городъ, дабы цохоть обуздывалась страхомъ, а обузданная не развивала роскоши. и съ устраненіемъ роскоши не являлось сребролюбія; при устраненіи этихъ пороковъ, процвѣтала бы и возрастала полезная для государства добродѣтель и существовала бы сообразная съ добродѣтелью свобода. Выходя отсюда же, изъ этой предусмотрительной любви къ отечеству, тотъ же самый великій первосвященникъ вашъ, единогласно избранный сенатомъ того времени (о которомъ часто придется говорить) какъ мужъ наилучшій, удержалъ сенатъ, когда онъ пытался построить театральнй партеръ, отъ этого предложенія и желанія, и своею строгою рѣчью убѣдилъ—не дозволять греческой роскоши проникать въ мужественные нравы отечества и не сочувствовать чужеземной распущенности къ расслабленію и обезсиленію доблести римской. Авторитетъ его былъ настолько силенъ, что предусмотрительность сената, возбужденная его словами, воспретила съ тѣхъ поръ ставить даже скамьи, которыми граждане начали было пользоваться въ театрѣ, внося ихъ на время представленій. Съ какимъ бы усердіемъ изгналъ онъ изъ Рима и самыя театральныя зрѣлища, если бы осмѣлился воспротивиться авторитету тѣхъ, кого считалъ богами? Но онъ еще не понималъ, что боги эти—демоны, или же если и понималъ, то думалъ и самъ, что ихъ надобно скорѣе умиловать, чѣмъ презирать. Въ то время не было еще открыто язычникамъ небесное ученіе, которое, очищая навѣрно сердце къ исканію небесныхъ и пренебесныхъ предметовъ, измѣнило

бы страстные движения человеческого чувства въ смиренное благочестіе и освободило бы отъ господства гордыхъ демоновъ.

ГЛАВА XXXII.

Объ учрежденіи театральныхъ представленій

Да, вы, еще того не знающіе или показывающіе видъ, что знаете, знайте, и ропшущіе на Освободителя отъ такихъ господъ, имѣйте въ виду, что сценическія игры, непотребныя зрѣлища и суетные разгулы учреждены въ Римѣ не благодаря порокамъ людей, а по повелѣнію вашихъ боговъ. Лучше бы вы дѣлали, воздавая божескія почести Сципіону, чѣмъ почитая подобнаго рода боговъ; ибо эти боги были не лучше своего первосвященника. Если только вашъ умъ, упивавшійся такъ долго заблужденіями, позволить вамъ понять что-нибудь здраво, обратите вниманіе на слѣдующее. Боги, для прекращенія тѣлесной заразы повелѣли давать имъ сценическія игры; между тѣмъ какъ Сципіонъ, для устраненія заразы душевной, запрещалъ строить и самую сцену. Если есть у васъ нѣсколько смысла, чтобы душу предпочесть тѣлу, выбирайте, кого почитать вамъ. Вѣдь и та тѣлесная зараза прекратилась не потому, что въ народъ воинственный и привыкшій только къ играмъ цирка, проникло тонченное безуміе сценическихъ игръ; но лукавство злыхъ духовъ, предвидя, что эта зараза прекратится въ опредѣленный срокъ сама собою, постаралась по этому поводу напустить—и на этотъ разъ уже не на тѣла, а на нравы—другую заразу, гораздо худшую, которою тѣшится всего болѣе. Эта послѣдняя ослѣпила бѣдныя души такимъ мракомъ, довела ихъ до такого безобразія, что (это покажется, пожалуй, невѣроятнымъ, если услышать наши потомки) въ то время, какъ Римъ былъ опустошенъ, тѣ, которыми она овладѣла и которые, ушедши изъ него, успѣли достигнуть Карфагена,

ежедневно въ театрахъ соперничествовали другъ съ другомъ въ изступленіи передъ комедіантами.

ГЛАВА XXXIII.

О порокахъ римлянъ, которыхъ не исправило разореніе отечества.

Умы безумные! Что это за такое, не заблужденіе, а сумазбродство, что вы, въ то время какъ восточные народы, какъ слышали мы, оплакиваютъ ваше бѣдствіе, и величайшіе города отдаленнѣйшихъ странъ налагаютъ на себя публичный трауръ,—вы заняты театрами, ходите въ нихъ, наполняете ихъ и предаетесь гораздо большому безумію, чѣмъ прежде? Этой-то душевной язвы и заразы, этой-то потери въ васъ совѣсти и чести и боялся Сципіонъ, когда запрещалъ строить театры, когда думалъ, что благополучіе легко можетъ испортить и развратить васъ, когда не хотѣлъ, чтобы вы были безопасны отъ враговъ. Онъ не думалъ, чтобы государство было счастливымъ, если его стѣны будутъ стоять, а нравы падутъ. Но для васъ гораздо болѣе значенія имѣетъ то, чѣмъ прельстили васъ нечестивые демоны, нежели то, относительно чего предостерегали васъ предусмотрительные люди. Откуда зло, которое совершаете, вы не хотите ставить себѣ въ вину, и зло, которое терпите, вы ставите въ вину временамъ христіанскимъ. Въ безопасности вашей вы ищете не мира для республики, а безнаказанности для своей распущенности; будучи испорчены счастіемъ, вы не могли исправиться и бѣдствіями. Сципіонъ хотѣлъ держать васъ въ страхъ отъ враговъ, чтобы вы не предались распущенности; а вы, и сокрушенные врагомъ, необуздали себя. Вамъ бѣдствіе не принесло пользы: вы сдѣлались и самыми несчастными, и въ то же время остались и самыми дурными.

ГЛАВА XXXIV.

О милосердіи Божіемъ, положившемъ границы истребленію Рима.

И однако то, что вы живете, есмь дѣло Божіе. Это онъ своею пощадою убѣждаетъ васъ, чтобы вы исправлялись чрезъ покаяніе; это Онъ далъ ее вамъ неблагодарнымъ, чтобы вы избѣжали непріятельскихъ рукъ или подъ именемъ Его рабовъ, или въ мѣстахъ Его мучениговъ. Разсказываютъ, что Ромуль и Ремъ, стараясь увеличить населеніе предположеннаго къ постройкѣ города, установили убѣжище, дабы каждый, прибѣгавшій туда, освобождался отъ всякаго наказанія. Но удивительный примѣръ этого въ честь Христа превосходнѣе. Разрушители Рима установили то, что прежде не было установлено его строителями. А что великаго въ томъ, если послѣдніе, чтобы увеличить число своихъ гражданъ, сдѣлали то, что первые сдѣлали съ цѣлію, чтобы пощадить великое число своихъ враговъ?

ГЛАВА XXXV.

О тайныхъ сынахъ церкви между нечестивыми и о ложныхъ христіанахъ внутри церкви.

Это и подобное этому, если можетъ отвѣчать пространнѣе и лучше, пусть отвѣчаетъ своимъ врагамъ искупленная семья Господа Христа и странствующій градъ Царя Христа. Пусть только помнитъ она, что и среди самыхъ враговъ скрываются будущіе граждане; и не считаетъ бесполезнымъ для нихъ того, къ чему они, пока не сдѣлались исповѣдниками, относятся враждебно; также точно и градъ Божій, доколѣ странствуетъ въ этомъ мірѣ, имѣетъ враговъ, соединенныхъ съ нимъ общеніемъ таинствъ, но не имѣющихъ наследовать жребія святыхъ, которые таковы отчасти тайно, отчасти явно; послѣдніе не колеблются даже роптать на Бога,

которому влялись, вмѣстѣ съ врагами, наполняя съ ними театры, а съ нами церкви. Но въ исправленіи и нѣкоторыхъ изъ нихъ отнюдь не слѣдуетъ отчаяваться, какъ скоро и среди враговъ самыхъ отъявленныхъ скрываются предопредѣленные друзья, еще не вѣдомые и для себя самихъ. Ибо эти два града переплетены и взаимно перемѣшаны въ настоящемъ вѣкѣ, пока не будутъ раздѣлены на послѣднемъ судѣ. Объ ихъ происхожденіи, преуспѣяніи и конечныхъ судьбахъ я постараюсь при помощи Божіей сказать, что, по моему мнѣнію, слѣдуетъ сказать, ради славы града Божія, которая отъ сравненія съ противоположностями выступить въ яснѣйшемъ свѣтѣ.

ГЛАВА XXXVI.

О какихъ предметахъ надлежитъ говорить въ дальнѣйшемъ разсужденіи.

Но мнѣ нужно сказать еще нѣчто противъ тѣхъ, которые паденіе римскаго государства приписываютъ нашей религіи, возбраняющей имъ приносить жертвы ихъ богамъ. Прежде всего слѣдуетъ напомнить имъ, какъ много бы можно указать (да и указано будетъ достаточно) несчастій, которыя римское государство или принадлежація ему провинціи перенесли прежде, чѣмъ были запрещены имъ ихъ жертвоприношенія: всѣ эти бѣдствія они безъ сомнѣнія приписали бы намъ, если бы наша религія была имъ тогда уже извѣстна, или если бы она возбраняла уже имъ святотатственные ихъ священнодѣйствія. Затѣмъ слѣдуетъ показать, за какіе ихъ нравы и по какой причинѣ Богъ, во власти котораго находятся всѣ царства, благоволилъ содѣйствовать увеличенію ихъ власти, и какъ тѣ, которыхъ они называютъ богами, ни въ чемъ имъ не помогли, а вѣрнѣе даже много имъ повредили, обольщая и обманывая. Наконецъ будетъ сказано противъ тѣхъ, которые, будучи опровергну-

ты и обличены на основаніи самыхъ очевидныхъ документовъ, стараются утверждать, что боговъ должно почитать не въ виду выгодъ настоящей жизни, а ради жизни, имѣющей наступить по смерти. Если не ошибаюсь, этотъ вопросъ будетъ гораздо труднѣе, и достойнѣе болѣе возвышеннаго изслѣдованія; такъ какъ придется говорить и противъ философовъ, не какихъ-нибудь, а такихъ, которые пользуются у нихъ превосходнѣйшею славой и которые согласны съ ними относительно многихъ пунктовъ, напр. безсмертія души, и того, что Богъ создалъ міръ, и о Его провидѣніи, которымъ Онъ управляетъ всѣмъ сотвореннымъ міромъ. Но такъ какъ и ихъ слѣдуетъ опровергнуть въ томъ, въ чемъ они держатся противоположныхъ съ нами возрѣній: то мы не должны уклоняться и отъ этой обязанности, чтобы, отразивши нечестивыя возраженія по мѣрѣ сообщенныхъ намъ отъ Бога силъ, защитить градъ Божій, истинное благочестіе и богопочтеніе, которое одно обѣщаетъ неложно вѣчное блаженство. Итакъ, пусть будетъ здѣсь конецъ настоящей книги, дабы то, что мы предположили, начать съ другой.

О ГРАДѢ БОЖІЕМЪ,

КНИГА ВТОРАЯ.

Въ этой книгѣ, начавъ разсужденіе о тѣхъ несчастіяхъ, какія римляне терпѣли до Христа, при господствѣ культа ложныхъ боговъ, бл. Августинъ прежде всего доказываетъ, что заботливость ложныхъ боговъ не только не освобождала римлянъ отъ нравственныхъ бѣдствій и душевныхъ пороковъ, которые слѣдуетъ почитать зломъ или единственнымъ или величайшимъ, а напротивъ увеличивала ихъ массу.

ГЛАВА I.

О предѣлѣ, до котораго обязательно вести разсужденіе.

Если бы свойственный человѣку слабый смыслъ не осмѣливался противиться очевидной истинѣ, а подчинялъ свою немощь спасительному ученію, какъ врачевству, пока не исцѣлитъ его божественная помощь, получаемая отъ благочестивой вѣры: то людямъ здравомыслящимъ и выражающимъ свои мнѣнія съ достаточною ясностію не было бы нужды много говорить для доказательства ошибочности того или другаго ложно составившагося представленія. Но преимущественная и наиболѣе отвратительная болѣзнь глупыхъ душъ въ настоящее время состоитъ въ томъ, что свои неразумныя движенія онѣ защищаютъ какъ самый разумъ и самую истину, даже и послѣ вполне яснаго доказательства, насколько таковое можетъ быть представлено однимъ человѣкомъ другому,—защищаютъ или по крайней

слѣпотѣ, вслѣдствіе которой не видятъ и очевиднаго, или по крайне-упорному упрямству, вслѣдствіе котораго не признаютъ и того, что видятъ. Поэтому оказывается необходимость говорить болѣе пространно и о самыхъ очевидныхъ вещахъ, чтобы не зрячимъ представить ихъ на видъ, а ошупывающимъ и зажмурившимся дать ихъ осязать. Тѣмъ не менѣе, гдѣ же былъ бы конецъ нашему разсужденію и мѣра нашему слову, если бы мы думали, что на всякое возраженіе нужно давать новый отвѣтъ? Ибо тѣ, которые или не могутъ понять того, что говорится, или настолько умышленно упрямы, что, хотя и понимаютъ, согласиться не хотятъ, тѣ, какъ написано, отвѣчаютъ и говорятъ неправду (Псал. ХСШ, 4). и лживы неутомимо. Если бы мы захотѣли опровергать ихъ возраженія всякій разъ, какъ только они задаются упрямымъ намѣреніемъ, не заботясь о томъ, что скажутъ, такъ или иначе противорѣчить нашимъ разсужденіямъ, то самъ видишь, насколько бы это было дѣломъ и безконечнымъ, и тяжелымъ, и бесполезнымъ. Поэтому я желалъ бы, чтобы ни самъ ты, сынъ мой Марцеллинъ, ни другіе, кому мой настоящій трудъ послужить къ пользѣ и дать благородное занятіе въ любви Христовой, не были такими судьями моего сочиненія, которые желаютъ постоянно новаго отвѣта, слыша, что есть какое-либо возраженіе противъ того, что они читаютъ; иначе будутъ они подобны тѣмъ женщинамъ, о которыхъ упоминаетъ апостолъ: *всегда учащаяся и николиже въ разумъ истины прити могущая* (2 Тим. III, 7).

ГЛАВА II.

О томъ, что сказано въ первой книгѣ.

Итакъ, въ предыдущей книгѣ, когда я началъ говорить о градѣ Божиемъ, чему, при помощи Божіей, посвятилъ весь этотъ трудъ, я счелъ необходимымъ прежде всего дать от-

< вѣтъ тѣмъ, которые войны, опустошающія настоящій міръ, въ особенности же недавній разгромъ Рима приписываютъ христіанской религіи, возбраняющей служеніе мерзкимъ демонамъ; между тѣмъ какъ скорѣе должны бы приписать Христу то, что варвары ради Его имени, вопреки военнымъ правиламъ и обычаю, предоставили имъ для убѣжища священныя и самыя обширныя мѣста, и не только дѣйствительному, но во многихъ случаяхъ и вымышленному подвліяніемъ страха состоянію въ числѣ рабовъ Христовыхъ оказывали такое почтеніе, что и дозволенное по отношенію къ нимъ правомъ войны считали для себя непозволительнымъ. Отсюда возникъ вопросъ: почему такихъ божественныхъ милостей удостоены были и люди нечестивые и неблагодарные и, наоборотъ, почему тѣ жестокости, которыя совершались непріятелемъ; наравнѣ съ нечестивыми обрушились и на людей благочестивыхъ? Надъ разрѣшеніемъ этого вопроса, имѣющаго обширное приложеніе (такъ какъ имъ задаются, обыкновенно, многіе, въ виду того, что всѣ вообще обыденныя какъ дары Божіи, такъ и человѣческія скорби, по большей части одинаково и безразлично выпадаютъ и на долю людей добродѣтельныхъ, и на долю порочныхъ), я остановился нѣсколько болѣе, чѣмъ то нужно было въ интересахъ предпринятаго труда; это—главнымъ образомъ для утѣшенія святыхъ и благочестиво-непорочныхъ женщинъ, надъ которыми враги совершили нѣчто такое, что причинило скорбь ихъ стыдливости, хотя и не отняло у нихъ самага цѣломудрія: чтобы не тяготились жизнію тѣ, которыя не имѣютъ повода упрекать себя въ непотребствѣ. Потомъ, я сказалъ нѣсколько словъ противъ тѣхъ, которые съ безстыдною наглостію позорятъ христіанъ, подвергшихся упомянутымъ несчастіямъ, въ особенности же—потерпѣвшихъ насиліе, хотя чистыхъ и святыхъ, женщинъ; между тѣмъ какъ сами люди въ высшей степени непотребныя и незаслуживающіе нига-

того уваженія, выродки тѣхъ римлянъ, которыхъ многія славныя дѣла воспоминаются и прославляются исторіей, даже— прямые враги ихъ славы. Ибо этотъ Римъ, трудами древнихъ основанный и возвеличенный, они обезобразили гораздо болѣе при его существованіи, чѣмъ обезобразило его разрушеніе: при разрушеніи его падали камни и бревна; а въ ихъ жизни, когда сердца ихъ пылали пагубнѣйшими вождельніями, будто кровли города огнями, пали всякія твердыни и украшенія не стѣнъ, а нравовъ. На этомъ я закончилъ первую книгу. Затѣмъ я предположилъ говорить о томъ, какія несчастія претерпѣлъ этотъ городъ съ самаго своего основанія какъ у себя дома, такъ и въ принадлежащихъ ему провинціяхъ,—несчастія, которыя цѣликомъ были бы приписаны христіанской религіи, если бы уже и тогда гремѣло евангельское ученіе съ его смѣлымъ свидѣтельствомъ противъ ложныхъ и лживыхъ боговъ ихъ.

ГЛАВА III.

О томъ, что надлежитъ обращаться къ исторіи, изъ которой открывається, какія несчастія выпали на долю римлянъ въ то время, когда они почитали боговъ, прежде чѣмъ распространилась христіанская религія.

Не забудь, впрочемъ, что, говоря все это, я имѣлъ дѣло еще съ людьми необразованными, невѣжество которыхъ породило и извѣстную ходячую пословицу: «нѣтъ дождя, причина—христіане». Но есть между ними и люди образованные, любящіе исторію, изъ которой прекрасно знаютъ все это, но притворяющіеся незнающими, чтобы возбудить противъ насъ враждебныя толпы невѣждъ. Они стараются распространить въ народѣ убѣжденіе, что тѣ бѣдствія, коимъ тамъ и здѣсь отъ времени до времени подвергается родъ

человѣческій, случаются по причинѣ христіанской религіи, которая на зло ихъ богамъ распространяется повсюду съ такою великою славою и съ такимъ блескомъ. Пусть же они пересмотрятъ вмѣстѣ съ нами, какимъ частымъ и разнообразнымъ бѣдствіямъ подвергалось римское государство, прежде чѣмъ Христосъ явился во плоти, прежде чѣмъ прославилось въ народахъ Его имя, которому завидуютъ они; и пусть, въ виду этихъ бѣдствій, защищаютъ, буде могутъ, своихъ боговъ, если почитаютъ ихъ ради того, чтобы ихъ читатели не претерпѣвали этихъ несчастій. Если они испытываютъ что-нибудь подобное теперь, они утверждаютъ, что винить въ этомъ слѣдуетъ насъ. Такъ почему же эти боги допустили, чтобы съ поклонниками ихъ случилось то, о чемъ я намѣренъ говорить, въ такое время, когда проповѣдь о Христѣ еще не досаждала имъ и не возбуждала ихъ жертвоприношеній?

ГЛАВА IV.

О томъ, что читатели боговъ никогда не получали отъ своихъ боговъ никакихъ предписаній о добродѣтельной жизни и въ видѣ культа имъ совершали всевозможныя мерзости.

Во первыхъ, почему ихъ боги не позаботились о томъ, чтобы самые нравы ихъ не были до крайности развращенными? Богъ истинный заслуженно оставилъ своимъ попеченіемъ тѣхъ, которые не чтили Его; но почему же тѣ боги, на возбраненіе культа которыхъ жалуются эти неблагодарнѣйшіе люди, не помогли добродѣтельной жизни своихъ поклонниковъ никакими законами? Справедливость требовала, чтобы какъ люди заботились такъ или иначе о культѣ боговъ, такъ и боги заботились о поведеніи людей. Но, говорятъ, каждый человѣкъ бываетъ дурень по собственной

волѣ.—Никто этого не отрицаетъ. Тѣмъ не менѣе дѣломъ боговъ—совѣтниковъ было не таить отъ чужаго ихъ народа заповѣди добродѣтельной жизни, а предлагать ихъ въ публичной проповѣди, — согрѣшающихъ вразумлять и сдерживать чрезъ пророковъ,—худо поступающимъ грозить открыто наказаніями,—добродѣтельно живущимъ обѣщать награды. О чемъ подобномъ когда-нибудь раздался въ храмахъ ихъ боговъ сильный и всепокрывающій голосъ? Нѣкогда, въ дни юности, хаживали и мы на святотатственнѣйшія зрѣлища и игры, смотрѣли на бѣснующихся, слушали пѣвцовъ, забавлялись гнуснѣйшими играми, которыя давались въ честь боговъ и богинь, въ честь небесной дѣвы и матери всѣхъ, Верекинеи¹⁾. Предъ ложемъ этой послѣдней, въ праздникъ ея омовенія, непотребнѣйшими актерами публично распѣвались такія вещи, которыхъ не подобало бы слушать не только матери боговъ, но и матери какихъ-нибудь сенаторовъ, или какихъ-нибудь честныхъ мужей, даже матери самыхъ этихъ актеровъ. Есть въ отношеніи къ родителямъ нѣкоторая человѣческая стыдливость, которой не можетъ истребить и самое непотребство. Сами же актеры, на домашнихъ репетиціяхъ, стыдились исполнять предъ своими матерями это безобразіе мерзкихъ словъ и дѣйствій; а публично, предъ матерью боговъ, въ присутствіи и въ слухъ многочисленнѣйшаго собранія людей обоего пола, исполняли. Если множество отовсюду собравшагося народа могло присутствовать при этомъ, привлеченное любопытствомъ, оно должно было уходить въ смущеніи съ оскорбленнымъ чувствомъ цѣломудрія. Что, послѣ этого, назовемъ святотатствомъ, если это—священнослуженіе, или что будетъ оскверненіемъ, если это—омовеніе? И это называлось Фергулами, точно бы совершалось пир-

¹⁾ *Верекинеи*—названіе Цибелы.

щество, на которомъ какъ бы питали нечестивыхъ демоновъ ихъ же пищею. Ибо кто не понимаетъ, какого рода духи услаждаются подобными мерзостями?—Тотъ развѣ, кто или совсѣмъ не знаетъ, что существуютъ нѣкоторые нечестивые духи, обольщающіе именовъ боговъ, или же проводить такую жизнь, въ которой ждетъ милости и страшится гнѣва этихъ духовъ болѣе, чѣмъ милости и гнѣва истиннаго Бога?

ГЛАВА V.

О мерзостяхъ, которыми чтили мать боговъ ея поклонники.

Судьею въ этомъ дѣлѣ я никоимъ образомъ не желалъ бы имѣть тѣхъ, которые стараются скорѣе сами услаждаться безнравственностію позорнѣйшаго обычая, чѣмъ бороться противъ нея, а хотѣлъ бы имѣть имъ того же Циціона Назигу, который избранъ былъ сенатомъ въ качествѣ наилучшаго мужа, и руками котораго идолъ этого демона былъ принятъ и перевезенъ въ Римъ. Пусть онъ скажетъ намъ, желалъ ли бы онъ, чтобы его мать оказала государству такія великія заслуги, чтобы ей были установлены божескія почести подобно тому, какъ у грековъ и римлянъ и у другихъ народовъ установлены онѣ нѣкоторымъ смертнымъ, благодѣянія которыхъ въ отношеніи къ себѣ эти народы цѣнили весьма высоко, и которыхъ они считали сдѣлавшимися безсмертными и принятыми въ число боговъ? Безъ всякаго сомнѣнія онъ пожелалъ бы своей матери такого счастья, если бы это могло быть. Затѣмъ, если бы мы его спростили, желалъ ли бы онъ, чтобы въ числѣ божескихъ почестей ей совершались эти мерзости? Не воскликнулъ ли бы онъ, что желалъ бы лучше, чтобы мать его лежала мертвою безъ всякаго чувства, чѣмъ жила богинею для того, чтобы имѣть удовольствіе слушать подобныя вещи?

Нѣтъ, сенаторъ римскій, одаренный такою пронизательностью ума, съ какою запретилъ строить театръ въ городѣ мужественнаго народа, не захотѣлъ бы, чтобы мать его почитали такъ, чтобы для умилоствленія богини совершались такія вещи, о которыхъ рѣчь была бы оскорбленіемъ для благородной женщины. Онъ никакъ не повѣрилъ бы, чтобы стыдливость достохвальной женщины чрезъ усвоеніе ей божественности до такой степени измѣнилась въ противоположное, что поклонники ея могли бы призывать ее такими похвалами, отъ которыхъ, еслибы онѣ были брошены въ попрекъ какой нибудь женщинѣ, еще жившей между людьми, покраснѣли бы за нее и родственники, и мужъ, и дѣти, если бы не заткнули ушей и не ушли. Такая мать боговъ, какою постыдилась бы имѣть матерью всякій самый дурной человѣкъ, намѣреваясь овладѣть римскими умами, требовала себѣ наилучшаго мужа, — не такого, котораго она сдѣлала бы наилучшимъ напоминаніемъ о лучшемъ и своимъ содѣйствіемъ, а такого, котораго обольстила бы обманомъ (похожа она на ту, о которой написано: *жена же мужей честныя души уловляетъ*; Притч. VI, 26), — требовала для того, чтобы богато надѣленный природными дарованіями духъ, возвысившись въ собственныхъ глазахъ этимъ, какъ бы божественнымъ, свидѣтельствомъ и считая себя дѣйствительно наилучшимъ, не искалъ истиннаго благочестія и религіи, безъ которой всякія самыя достохвальныя дарованія исчезаютъ и приходятъ въ упадокъ. Ибо съ какою другою, какъ не съ коварною, цѣлю требовала эта богиня наилучшаго мужа, если въ своемъ культѣ требуетъ такихъ вещей, какихъ наилучшіе мужи не допускаютъ, какъ гнусныхъ, на своихъ пирахъ?

ГЛАВА VI.

Боги языческіе никогда не дѣлали священнымъ ученія о добродѣтельной жизни.

Поэтому-то эти божества не заботились о жизни и нравахъ городовъ и народовъ, у которыхъ были въ почитаніи: безъ всякаго запрещенія, которое внушало бы страхъ, они дозволяли имъ дѣлаться наихудшими и подвергаться ужаснымъ и отвратительнымъ уронамъ не по имѣніямъ и виноградникамъ, не по хозяйству и денежнымъ, не въ отношеніи наконецъ къ тѣлу, которое находится въ подчиненіи мысли, а въ самой мысли, въ самой душѣ—правительницѣ тѣла. Но можетъ быть они запрещали? Въ такомъ случаѣ пусть намъ покажутъ это явнѣ, пусть докажутъ. Пусть не рассказываютъ намъ о какихъ-то шепотомъ на ухо и въ видѣ якобы тайной религіи передаваемыхъ вещахъ, въ которыхъ излагается-де ученіе о добродѣтельной жизни и чистотѣ; а пусть покажутъ или напомнимъ самыя мѣста, когда-нибудь посвященные такимъ собраніямъ, гдѣ совершались бы не игры съ безстыднымъ пѣніемъ и плясками гистрионовъ, гдѣ праздновались бы не Фугалии ¹⁾, дающія полный просторъ всякому непотребству (это по истинѣ Фугалии (*изгнаніе*), но Фугалии стыдливости и честности), но такія, гдѣ народы слышали бы, что повелѣваютъ боги относительно сдерживанія жадности, уничтоженія пролазничества, обузданія роскоши; гдѣ учились бы несчастные, чему заставлялъ учиться Персей, говоря:

*Учитесь, несчастные, и причины вещей узнавайте,
Что мы такое, иль за чѣмъ для жизни рождаемся;
Какой установленъ порядокъ, иль какія и гдѣ*

¹⁾ Празднество въ память изгнанія царей.

*Въ жизненномъ бытїи стоять для поворотовъ въхи;
Какая мѣра для лоботяжамья, чего намъ нужно желать,
Что есть полезнаго въ деньгахъ; насколько къ отчизнѣ и
милымъ*

*Роднымъ намъ щедрыми быть прилично; какимъ повелѣлъ
Богъ тебѣ быть, и какой на тебѣ лежитъ долгъ къ че-
ловѣчеству ¹⁾.*

Пусть скажутъ. въ какихъ мѣстахъ существовало у нихъ обыкновеніе провозглашать такія заповѣди боговъ—наставниковъ, подобно тому, какъ указываемъ мы на церкви, установленныя для этого повсюду, гдѣ распространена религія христіанская.

ГЛАВА VII.

Открытія философскія, не имѣющія авторитета божественнаго, бесполезны, какъ скоро всякій, имѣющій склонность къ порокамъ, слѣдуетъ скорее тому, что дѣлали боги, чѣмъ тому, что утверждали люди.

Развѣ не напомнятъ ли они намъ о школахъ и разсужденіяхъ философовъ? Но во первыхъ это не римское, а греческое; а если оно потому и римское, что Греція сдѣлалась римскою провинціею, то все же это не заповѣди боговъ, но откровенія людей, которые, будучи одарены проницательнѣйшимъ умомъ, старались такъ или иначе путемъ умозаключеній изслѣдовать, что скрывалось въ природѣ вещей, чего слѣдуетъ желать или чего избѣгать въ отношеніи къ нравамъ, что въ самыхъ правилахъ умозаключенія дается какъ прямой выводъ, или въ чемъ обнаруживается непослѣдовательность или даже противорѣчіе. Нѣкоторые изъ нихъ,

¹⁾ Persius, Satyr. III.

насколько пользовались божественною помощію, открыли нѣчто великое; но насколько встрѣчали препятствіе въ чело-вѣческой немощи, впали въ заблужденіе. Божественное провидѣніе вполне справедливо воспротивилось ихъ гордости, чтобы въ противоположность имъ указать начало пути къ небесному въ смиреніи. Разсудить и поговорить объ этомъ по волѣ истиннаго Господа Бога у насъ будетъ мѣсто по-слѣ. Однакоже, если философы открыли нѣчто, что могло бы быть достаточнымъ для добродѣтельной жизни и для приоб-рѣтенія блаженства: то не гораздо ли справедливѣе было бы установить божественныя почести имъ? Не гораздо ли лучше и честнѣе въ храмѣ Платона читать его книги, чѣмъ въ храмахъ демоновъ скопить Галловъ, — сдѣлавшихся жено-подобными посвящать, — сумазбродствующихъ заставлять истязывать себя, и совершать что-либо другое или жестокое, или постыдное, или постыдно-жестокое, или жестоко-по-стыдное, что совершается обыкновенно въ храмахъ такихъ боговъ? Не гораздо ли полезнѣе было бы, для наученія юно-шества справедливости, провозглашать публично законы бо-говъ, чѣмъ попусту хвалиться законами и установленіями предковъ? Вѣдь всѣ читатели такихъ боговъ, едва ихъ тол-кнетъ похоть, подправленная, какъ говоритъ Персей, жгу-чимъ ядомъ ¹⁾, скорѣе смотрять на то, что дѣлалъ Юпитеръ, чѣмъ на то, чему училъ Платонъ, или что думалъ Катонъ. Отсюда у Теренція развратный юноша смотритъ на одну картину, нарисованную на стѣнѣ, гдѣ было изображено, какъ Юпитеръ, по рассказамъ, послалъ на лоно Данаи нѣкій зо-лотой дождь, и находить въ этомъ оправданіе своему без-честному дѣлу, тщеславясь, что въ этомъ отношеніи подра-жаетъ богу. «Да и какому богу, говоритъ онъ? Такому, ко-

¹⁾ Persii Satyr. III.

торый громомъ своимъ храмы небесъ потрясаетъ. Я ли, маленький человѣчекъ, не сдѣлаю тогоже? Разумѣется, я сдѣлалъ, и сдѣлалъ съ большимъ удовольствіемъ¹⁾.

ГЛАВА VIII.

О сценическихъ играхъ, на которыхъ боги не оскорбляются, а умилоствляются тѣмъ, что выставляются на показъ ихъ безчестныя поступки.

Но всему-де подобному учать не культъ боговъ, а басни поэтовъ. — Я не утверждаю, что бы тѣ принадлежности таинствъ были постыднѣ этихъ принадлежностей зрѣлищъ. Я утверждаю одно (и отрицающихъ это уличить исторіа), что эти самыя игры, главное содержаніе которыхъ составляютъ вымыслы поэтовъ, не римляне изъ невѣжественной угодливости ввели въ культъ своихъ боговъ, а сами боги сурово вытребовали и нѣкоторымъ образомъ вымучили, чтобы эти игры были имъ даваемы и посвящаемы въ честь ихъ. Я упомянулъ объ этомъ коротко въ первой книгѣ²⁾. Ибо съ самаго начала сценическихъ игры въ Римѣ были установлены по опредѣленію понтифексовъ во время моровой язвы. Кто же послѣ этого не придетъ къ мысли, что въ образѣ жизни своей онъ долженъ скорѣе слѣдовать тому, что представляется на зрѣлищахъ, установленныхъ по повелѣнію божественному, чѣмъ тому, что пишется въ законахъ, обнародованныхъ мудростію человѣческою? Вѣдь еслибъ поэты лживо выставили Юпитера прелюбодѣемъ, то непорочныя боги должны были бы во всякомъ случаѣ разгнѣваться и отмстить за то, что подобное оскорбленіе божеству измыш-

¹⁾ Terent. in Eunuchis, act. III, sc. 6.

²⁾ Кн. I, гл. 32.

лено человѣческими играми, а не за то, что его не дѣлается. А между тѣмъ таковы самыя умѣренныя изъ сценическихъ игръ, разумѣю — комедіи и трагедіи, т. е. басни поэтовъ, назначенныя для представленія на зрѣлищахъ, хотя и весьма безстыдныя по содержанію, не безстыдныя по крайней мѣрѣ, какъ многія другія, по изложенію. Люди пожилые даже принуждаютъ отроковъ читать и изучать ихъ въ числѣ наукъ, которыя называются честными и свободными.

ГЛАВА ІХ.

Древніе римляне считали нужнымъ ограничить поэтическій произволъ, который греки, слѣдуя образу мыслей боговъ, желали оставить свободнымъ.

Что думали относительно этого древніе римляне, о томъ свидѣтельствуемъ Цицеронъ въ книгахъ, написанныхъ имъ о республикѣ, гдѣ Сципіонъ, рассуждая, говоритъ такъ: «Комедіи никогда не могли бы показывать на театрахъ своихъ мерзостей, если бы не дозволяли того нравы». Древнѣйшіе греки на этотъ разъ проводили даже ея нѣкоторую послѣдовательностію свой испорченный образъ мыслей: у нихъ даже закономъ было дозволено говорить въ комедіи что угодно и о комъ угодно, называя и по имени. »И потому, какъ говорить въ тѣхъ же книгахъ Африканскій, кого комедія не коснулась, или лучше кого не оскорбила, кого пощадила? Пусть бы она опозорила людей негодныхъ, искавшихъ любви народной, производившихъ мятежи въ государствахъ: Клеона, Клеофонта, Гипербола. Мы помирились бы съ этимъ, говоритъ Африканскій, хотя было бы лучше, если бы и этого рода гражданъ клеймилъ позоромъ цензоръ, а не поэтъ; но позорить въ стихахъ Перикла, послѣ того какъ онъ въ продолженіи многихъ лѣтъ держалъ въ рукахъ верховную власть въ мирное и военное время, и разыгрывать ихъ на

сценѣ также неприлично, какъ если бы нашъ Плавтъ или Невій вздумали безславить Публія и Кнея Сципіоновъ, или Цецилій Марка Катона». И нѣсколько далѣе прибавляетъ: «Наши Двѣнадцать таблицъ, напротивъ того, назначивъ уголовныя наказанія за весьма немногія преступленія, къ числу этихъ преступленій нашли справедливымъ отнести и то, еслибы кто пропѣлъ или сочинилъ стихи, безславящіе или позорящіе другаго. И это прекрасно. Жизнь наша должна подлежать суду магистратовъ и законному разбирательству, а не фантазіи поэтовъ; и слышать о себѣ позорныя вещи мы должны не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы мы могли отвѣчать и защищаться судебнымъ порядкомъ». Я нашелъ нужнымъ извлечь это буквально изъ четвертой книги Цицерона о республикѣ, опустивъ и немножко измѣнивъ кое-что для большей удобопонятности. Ибо это весьма близко относится къ вопросу, который я поставилъ для себя задачей разъяснить, если буду въ состояніи. Онъ говоритъ далѣе и другое, и заканчиваетъ это мѣсто тѣмъ, что древніе римляне, по словамъ его, не дозволяли никакого живаго чело-вѣка ни восхвалять, ни порицать на сценѣ. Но греки, какъ я сказалъ, показывая въ данномъ отношеніи хотя и менѣе стыда, но болѣе послѣдовательности, дозволяли это, какъ скоро видѣли, что богамъ ихъ угодны и пріятны рассказы-ваемые въ сценическихъ басняхъ вещи, позорящія не только людей, но и самихъ боговъ (вымышлены ли были эти вещи поэтами, или на театрахъ воспоминались и представлялись дѣйствительныя ихъ распутства, о еслибы ихъ поклонники находили это достойнымъ только смѣха, а не подражанія!). Ибо было бы крайнею гордостію падить доброе имя государственныхъ властей и гражданъ тамъ, гдѣ боги не желали падить своей чести.

ГЛАВА X.

Съ какимъ искусствомъ вредить демоны хотѣли, чтобы относительно ихъ разсказывались ложныя или дѣйствительныя преступленія.

То самое, что приводится въ оправданіе, именно что все это разсказываемое о богахъ не истинно, а ложно и вымышленно,—то самое, если разсматривать съ точки зрѣнія религіознаго благочестія, представляется еще болѣе преступнымъ, а если принять во вниманіе лукавство демоновъ, въ высшей степени хитрымъ и расчитаннымъ на обольщеніе. Вѣдь если позорныя вещи разсказываются о верховномъ правителѣ отечества, правителѣ добромъ и полезномъ,—не тѣмъ ли болѣе онѣ отвратительны, чѣмъ болѣе далеки отъ истины и чужды его жизни? Какія же наказанія могутъ быть достаточными, если такого рода нечестіе, если такое величайшее оскорбленіе дозволяется въ отношеніи къ Богу? Но злые духи, которыхъ они считаютъ богами, желаютъ, чтобы о нихъ разсказывались и такія постыдныя вещи, которыхъ они не дѣлали, дабы представленіями такого рода опутывать, какъ сѣтями, умы человѣческіе, и приводить вмѣстѣ съ собою къ предназначенному наказанію. Совершили ли эти постыдныя вещи люди, которые считаются за боговъ къ удовольствію (*демоновъ*), радующіеся человѣческимъ заблужденіямъ, вмѣсто которыхъ посредствомъ тысячи вредныхъ и коварныхъ уловоговъ они выставляютъ для почитанія самихъ себя; или преступленія эти въ дѣйствительности не были совершены нивѣмъ изъ людей, — коварнѣйшіе духи охотно допускаютъ вымышлять ихъ о божествахъ, чтобы для совершенія злодѣяній и мерзостей былъ поданъ на землю какъ бы съ самаго неба достаточно ободряющій примѣръ. Поэтому греки, считая себя рабами такихъ божествъ, ни какъ не думали, чтобы поэты должны были щадить ихъ самихъ,

позоря столько и такъ на театрахъ боговъ. Они или желали чрезъ это уподобляться богамъ своимъ, или боялись возбудить ихъ гнѣвъ, заботясь сдѣлать свое имя честнымъ и такимъ образомъ ставя себя выше ихъ.

ГЛАВА XI.

*Объ актерамъ, допущенныхъ у грековъ къ отправленію государствомъ на томъ основаніи, что было бы со стороны людей несправедливостью — презирать уми-
лостивителей боговъ.*

Сообразно съ симъ, и разыгравшихъ эти басни агте-ровъ они считали людьми достойными немалой гражданской чести. Такъ, — объ этомъ упоминается и въ книгѣ о Республикѣ, — Эсхинъ аеинянинъ, мужъ краснорѣчивѣйшій, управлялъ дѣлами государства, хотя, бывши юношей, разыгрывалъ трагедіи; равнымъ образомъ Аристодема, тоже трагическаго актера, аеиняне часто посылали посломъ къ Филиппу по весьма важнымъ дѣламъ мирнымъ и военнымъ. Дѣйствительно, если они видѣли, что самое искусство и игры театральныя были богамъ угодны, то смотрѣть на тѣхъ, которые ихъ разыгрываютъ, какъ на людей безславныхъ, было бы логическою несообразностію. Это было, конечно, постыдно для грековъ, но совершенно послѣдовательно въ отношеніи къ ихъ богамъ: они не отваживались защищать жизнь гражданъ отъ язвительнаго языка поэтовъ и гистрионовъ, какъ скоро имъ было извѣстно, что эти позорили жизнь боговъ; и какъ скоро эти люди представляли въ театрахъ такое, что, по ихъ понятіямъ, пріятно божествамъ, которымъ они были покорны, то и самихъ людей они считали не только не заслуживающими ни малѣйшаго презрѣнія въ государствѣ, но и достойными величайшей чести. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ бы основаніи они, почитая

жрецовъ ради того, что чрезъ нихъ приносятся пріятныя богамъ жертвы, считали бы людьми презрѣнными актеровъ, чрезъ которыхъ они получили возможность, по указанію самихъ же боговъ, доставлять удовольствіе и честь богамъ, которые того требовали и гнѣвались, если этого не дѣлалось? И это—въ особенности послѣ того, какъ Лабеоны, котораго считаютъ великимъ знатокомъ въ вещахъ подобнаго рода, отличилъ боговъ добрыхъ и злыхъ и культамъ различнымъ, такъ что злыя божества, какъ утверждаетъ онъ, умилостивляются де кровавыми жертвами и скорбными моленіями, а добрыя—веселымъ и шутливымъ почитаніемъ, напр. играми, пиршествами и лектистерніями ¹⁾. Каково все это, объ этомъ, дастъ Богъ, подробнѣе скажемъ послѣ. Что же касается настоящаго предмета, то всѣмъ ли богамъ оказывается и то и другое почитаніе безразлично, какъ богамъ добрымъ (поелику богамъ неприлично быть злыми, хотя вѣрнѣе всё они боги злые, такъ какъ они—нечистые духи), или же съ извѣстнымъ различіемъ, однимъ одно, другимъ другое, какъ это представляется у Лабеоны,—во всякомъ случаѣ греки поступаютъ какъ слѣдуетъ, считая одинаково достойными чести какъ жрецовъ, которые совершаютъ жертвоприношенія, такъ и актеровъ, которые исполняютъ театральныя игры. Ихъ нельзя упрекнуть, чтобы они дѣлали обиду богамъ своимъ, — всѣмъ ли то, если игры и всѣмъ имъ пріятны, или, что было бы еще хуже, тѣмъ, которыхъ считаютъ добрыми, если игры любятъ только лишь эти послѣдніе.

¹⁾ *Лектистерній* — пиръ, дававшійся богамъ, при чемъ сажали идоловъ за столъ.

ГЛАВА XII.

О томъ, что римляне, воспрещая поэтамъ свободу слова по отношенію къ людямъ и дозволяя ее по отношенію къ богамъ, были о себѣ лучшаго мнѣнія, нежели о богахъ.

Между тѣмъ римляне,—какъ въ томъ же сочиненіи о республикѣ тщеславится Сципіонъ,—не желали, чтобы ихъ жизнь и доброе имя подвергались порицанію и оскорбленіямъ со стороны поэтовъ, постановивъ закономъ подвергать уголовному наказанію того, кто осмѣлился бы сочинить стихи подобнаго содержания. Этимъ постановленіемъ они выразили довольно уважительное мнѣніе о себѣ самихъ; но по отношенію къ ихъ богамъ оно высокоумно и неблагочестиво. Если они знали, что боги принимаютъ оскорбленія и злословія со стороны поэтовъ не только терпѣливо, но и охотно, то значить они считали себя менѣ заслуживающими этихъ оскорбленій, чѣмъ боговъ, и себя оградили отъ нихъ закономъ, а оскорбленіямъ боговъ дали мѣсто въ священ-ныхъ празднествахъ. Неужели, Сципіонъ, ты хвалишь римлянъ за то, что они воспретили поэтамъ свободу поражать насмѣшкой кого-либо изъ гражданъ. когда видишь, что съ ихъ стороны не было пощады никому изъ вашихъ боговъ? Неужели, по твоему мнѣнію; больше слѣдуетъ уважать вашу курію, чѣмъ capitoлій, одинъ Римъ, чѣмъ цѣлое небо, такъ что граждане твои ограждены отъ злословія поэтовъ законами, а твоихъ боговъ поэты спокойно осыпаютъ оскорбленіями и—ни одинъ сенаторъ, ни одинъ цензоръ, ни одинъ сановникъ, ни одинъ понтифексъ не воспрещаютъ имъ того? Плавту, или Невію злословить Публия и Кнея Сципіона, или Цецилію—М. Катона было неприлично, а вашему Теренцію подстрекать юношей къ распутству описаніемъ злодѣяній всеблагаго и верховнаго Юпитера—прилично?

ГЛАВА XIII.

Римляне должны были бы понять, что ихъ боги, требовавшие себѣ почитанія, состоящаго въ мерзкихъ играхъ, не достойны божескихъ почестей.

Но еслибъ былъ живъ, онъ, быть можетъ, мнѣ отвѣтилъ бы: »Какимъ образомъ мы стали бы преслѣдовать наказаніями такое, что, по волѣ самихъ боговъ, священно; ибо театральныя игры, въ которыхъ все это отправляется, рассказывается и представляется, въ римскіе нравы ввели сами боги и повелѣли, чтобы это посвящалось и совершалось въ честь ихъ»? Но почему же, въ такомъ случаѣ, римляне не поняли изъ этого, что скорѣе эти боги—боги не истинные и совершенно не заслуживаютъ того, чтобы республика воздавала имъ божескія почести? Вѣдь, если бы они потребовали себѣ игръ, позорящихъ самихъ римлянъ, ихъ было бы неприлично и не слѣдовало почитать: какимъ же образомъ, спрашиваю, ихъ сочли достойными поклоненія божествами, а не гнусными духами, если изъ желанія ввести въ обманъ, они потребовали, чтобы въ видѣ поклоненія имъ прославлялись ихъ злодѣянія? Нужно замѣтить, что римляне, хотя и были подвержены вредному суевѣрію, состоявшему въ почитаніи боговъ, завѣдомо требовавшихъ, чтобы имъ посвящались театральныя мерзости, тѣмъ не менѣе не забывали своего достоинства и чувства стыда: они не питали, подобно грекамъ, никакого уваженія къ сочинителямъ этихъ басенъ, но, какъ говорить у Цицерона тотъ же Сципiонъ, «считая все сценическое и театральное искусство цѣлкомъ позорнымъ, постановили—этотъ родъ людей не только лишать чести, принадлежащей остальнымъ гражданамъ, но даже исключать изъ трибъ, по распоряженію цензора». Мудрость замѣчательная и вполне заслуживающая

быть отнесенною къ римскимъ достоинствамъ; но я желалъ бы, чтобы она была послѣдовательна и вѣрна самой себѣ. То правильно, что каждый, кто изъ римскихъ гражданъ захотѣлъ бы быть актеромъ, не только теряетъ всякое право на уваженіе, но, по цензорскому распоряженію, совершенно изгоняется изъ своей трибы. Это ты, ревнивый къ гражданской чести, настоящій римскій духъ! Но пусть же скажутъ мнѣ, на какомъ логическомъ основаніи актеры всецѣло лишаются чести, а театральныя игры относятся къ дѣйствіямъ, совершаемымъ въ честь боговъ? Долгое время римская доблесть не знала театральныхъ искусствъ. Если бы ихъ ввели для услажденія человѣческой похоти, они вреднымъ образомъ подѣйствовали бы на человѣческіе нравы. Это боги потребовали, чтобы они давались имъ. Какимъ же образомъ считается презрѣннымъ актеръ, чрезъ котораго чтится богъ? На какомъ основаніи актеръ, разыгрывающій театральную мерзость, подвергается презрѣнію, если потребавшій ея богъ пользуется почитаніемъ? Въ отношеніи къ этому предмету греки и римляне расходятся между собою. По мнѣнію грековъ, они правильно уважаютъ актеровъ, такъ какъ чрезъ актеровъ почитаются боги, изобрѣтатели театральныхъ игръ; по мнѣнію же римлянъ, актеры обезчестили бы даже плебейскую трибу, тѣмъ болѣе сенаторскую курію. Сущность вопроса въ этомъ разногласіи разрѣшается слѣдующимъ силлогизмомъ. Греки говорятъ: «Если слѣдуетъ почитать подобнаго рода боговъ, то должно уважать, конечно, и людей подобнаго рода». Римляне прибавляютъ вторую посылку: «Но людей подобнаго рода уважать не должно». Христиане же заключаютъ: «Слѣдовательно не должно почитать и боговъ подобнаго рода».

ГЛАВА XIV.

О томъ, что Платонъ, въ своемъ идеальномъ государствѣ не дававшій мѣста поэтамъ, былъ лучше тѣхъ боговъ, которые пожелали, чтобы ихъ чествовали театральными играми.

Спросимъ далѣе, почему не считаются презрѣнными, подобно актерамъ, и поэты, составители подобнаго рода ба- сень, которымъ закономъ Двѣнадцати таблицъ воспрещено оскорблять доброе имя гражданъ, но которые между тѣмъ осыпаютъ боговъ столь оскорбительными насмѣшками? На какомъ основаніи актеры, разыгрывающіе измышленія стихотворцевъ и воспроизводящіе позорныхъ боговъ, считаются презрѣнными, а самые авторы пользуются уваженіемъ? Не слѣдуетъ ли скорѣе отдать преимущество греческому Платону, который, изображая идеальное государство, полагалъ, что изъ него должны быть изгнаны поэты, какъ враги истины? Съ одной стороны онъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на оскорбленія боговъ, съ другой не хотѣлъ, чтобы и духъ гражданъ развращали и искажали вымыслами. Сравни же теперь человѣчность Платона, изгоняющаго поэтовъ изъ государства въ предупрежденіе развращенія гражданъ, съ божественностію боговъ, въ честь себѣ требующихъ театральныхъ игръ. Платонъ своими разсужденіями, если не убѣдилъ, по крайней мѣрѣ посовѣтовалъ легкомысленнымъ и распущеннымъ нравственно грекамъ, чтобы произведенія подобнаго рода даже и не писались; напротивъ, боги настоятельно потребовали отъ солидныхъ и умѣренныхъ римлянъ, чтобы такія произведенія разыгрывались и на сценѣ, и не только разыгрывались, но посвящались, и торжественно исполнялись въ честь ихъ. Кому же спрашивается, государство должно воздавать божескія поче-

сти съ большею пристойностію—Платону ли, возбраняющему подобнаго рода мерзости и непотребства, или же демонамъ, находящимъ удовольствіе въ подобномъ обманѣ людей, которыхъ Платонъ и не могъ убѣдить въ истинѣ?

Лабеонъ полагалъ, что Платона слѣдуетъ считать за полубога, какъ Геркулеса и Ромула; полубоговъ же онъ ставитъ выше героевъ, хотя и тѣхъ и другихъ помѣщаетъ между божествами. Но я думаю, что того, кого онъ называетъ полубогомъ, слѣдуетъ ставить выше не только героевъ, но и самихъ боговъ. Съ возрѣніями же Платона имѣютъ аналогію римскіе законы въ томъ отношеніи, что Платонъ осуждаетъ всякаго рода поэтическіе вымыслы, а римскіе законы воспрещаютъ поэтамъ по крайней мѣрѣ свободу оскорбительно говорить о людяхъ; Платонъ изгоняетъ изъ государства поэтовъ, римскіе же законы лишаютъ права гражданства по крайней мѣрѣ актеровъ, разыгрывающихъ поэтическія басни, и пожалуй, изгнали бы ихъ изъ государства совсѣмъ, если бы не боялись боговъ, требовавшихъ себѣ театральныхъ игръ. Итакъ, римляне не могли ни въ какомъ случаѣ получить или ждать отъ боговъ законовъ, направленныхъ къ воспитанію нравовъ добрыхъ и исправленію дурныхъ: потому что превосходили ихъ своими законами. Ибо боги требуютъ въ честь себѣ театральныхъ игръ, а римляне устраняютъ актеровъ отъ всякихъ должностей, соединенныхъ съ честію; боги повелѣваютъ, чтобы позорныя дѣла ихъ разслаблялись поэтическими вымыслами, а римляне не дозволяютъ безстыдству поэтовъ позорить и людей. Полубогъ же тотъ, Платонъ, возстаетъ и противъ распутства подобныхъ боговъ, и показываетъ, что долженъ бы сдѣлать врожденный римлянамъ здравый смыслъ: онъ рѣшительно не допускаетъ, чтобы въ благоустроенномъ государствѣ жили поэты, которые или произвольно лгутъ, или предлагаютъ для подражанія бѣднымъ людямъ отвратитель-

нѣйшія дѣла такъ называемыхъ боговъ. Мы не считаемъ Платона ни богомъ ни полубогомъ; не сравниваемъ его ни съ святымъ ангеломъ всевышняго Бога, ни съ истиннымъ пророкомъ, ни съ какимъ-либо апостоломъ, ни съ какимъ-нибудь мученикомъ христовымъ, ни съ какимъ угодно христіаниномъ. Почему это, мы, при помощи Божіей, объяснимъ въ своемъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что они сами почитаютъ его полубогомъ, мы думаемъ, что его слѣдуетъ предпочитать если не Ромулу и Геркулесу (хотя никто изъ историковъ и поэтовъ не говоритъ о Платонѣ, чтобъ онъ убилъ брата, или совершилъ какое-либо преступленіе), то по крайней мѣрѣ Пріапу, или нѣкоему Кинокефалу, или, наконецъ, Лихорадѣ—божествамъ, которыя римляне частію заимствовали со стороны, частію обоготворили сами. Итакъ, какимъ бы образомъ стали устранять добрыми заповѣдями и законами угрожавшее душѣ и нравамъ страшное зло или заботиться объ уничтоженіи уже укоренившагося зла такіе боги, которые, напротивъ, сами старались сѣять и умножать беззаконія, желая, чтобы посредствомъ театральныхъ представленій народъ узнавалъ о такихъ божественныхъ или какъ бы божественныхъ дѣлахъ, что непотребнѣйшая человѣческая похоть возжигалась сама собою, какъ бы опираясь на божественный авторитетъ? Цицеронъ напрасно указывалъ на это, говоря о поэтахъ: «Въ ту пору, какъ доносится до нихъ одобрительный крикъ народа, точно какого-то великаго и мудраго учителя, какого напускаютъ они мрака? какихъ нагоняютъ страховъ? какія возжигаютъ дурныя страсти?».

ГЛАВА XV.

О томъ, что римляне ввели у себя нѣкоторыхъ боговъ не по разумнымъ побужденіямъ, а изъ лести.

И въ самомъ избраніи ложныхъ боговъ чѣмъ другимъ руководились они по преимуществу, какъ не лестию? Платона,

котораго считаютъ за полубога, за столь многія изслѣдованія его, направленныя къ охраненію нравовъ людскихъ отъ поврежденія духовнымъ зломъ, котораго особенно надлежитъ бояться, они не удостоили даже небольшого храма; а своего Ромула поставили выше многихъ боговъ, хотя, по тайной доктринѣ, и его считаютъ скорѣе полубогомъ, чѣмъ богомъ. Ибо ему установили даже и фламينا, каковой родъ жречества въ культѣ римлянъ пользовался (какъ это показываетъ и шапка фламиновъ) такимъ превосходствомъ, что фламиновъ было только три, установленныхъ тремъ богамъ: фламинъ юпитеровскій—Юпитеру, марсовскій—Марсу и квиринальскій—Ромулу (ибо послѣдняго, какъ бы по благосклонности гражданъ принятаго въ число небесныхъ боговъ, они потомъ назвали Квириномъ). Такимъ образомъ онъ предпочтенъ былъ Нептуну и Плутону, братьямъ Юпитера, и даже Сатурну, отцу ихъ, такъ что тотъ самый родъ жречества, который усвоился Юпитеру, усвоенъ былъ и ему, а Марсу, вѣроятно, уже благодаря Ромулу, отцемъ котораго онъ считался.

ГЛАВА XVI.

О томъ, что если бы боги сколько-нибудь заботились о справедливости, то римляне должны бы скорѣе отъ нихъ получить правила жизни, чѣмъ заимствовать законы отъ другихъ людей.

Затѣмъ, если бы римляне могли получить отъ своихъ боговъ законы для жизни, то не заимствовали бы они отъ аѳинянъ законовъ Солона, спустя нѣсколько лѣтъ по основаніи Рима; и притомъ заимствованные содержали не въ такомъ видѣ, какъ приняли, а старались улучшить и исправить. Хотя Ликурзь и притворялся, будто законы для лакедемонянъ онъ составилъ по повелѣнію Аполлона, однако

римляне благоразумно не повѣрили тому, и приняли законы не оттуда. Рассказываютъ, что преемникъ Ромула, Нума Помпилій, издалъ нѣкоторыя, хотя и рѣшительно недостаточныя для управленія государствомъ, законы, которыми установилъ для нихъ многія священнослуженія; однако не утверждаютъ, чтобы эти законы получилъ онъ отъ боговъ. Такимъ образомъ боги римлянъ ни сколько не заботились отвратить отъ своихъ поклонниковъ душевное зло, зло жизни и нравовъ, которое такъ велико, что ученѣйшіе мужи ихъ утверждаютъ, что отъ него погибаютъ республики и при цѣлости городовъ; а напротивъ всячески старались, чтобы, какъ сказано выше, зло то еще увеличивалось.

ГЛАВА XVII.

О похищеніи сабинянокъ и другихъ несправедливостяхъ, которыя творились въ римскомъ государствѣ и въ восхваляемыя времена.

Но, быть можетъ, боги не предписывали римскому народу законовъ потому, что у нихъ, какъ говорить Силлюстій, „чувство правды и добра сильно было больше отъ природы, а не благодаря законамъ“¹⁾. Полагаю, что подъ вліяніемъ именно этого чувства правды и добра были похищены сабинянки... Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть справедливѣе и лучше, какъ чужихъ дочерей, привлеченныхъ подъ предлогомъ зрѣлица, не изъ рукъ родителей взять, а похитить силою, кто какъ могъ? Ибо если несправедливо поступили сабиняне, не захотѣвши выдать въ замужество дочерей, которыхъ у нихъ просили, то во сколько разъ несправедливѣе было похитить тѣхъ, которыхъ не выдавали?

¹⁾ Sallust., *de conjurat. Catilinae*, cap. 9.

Было бы справедливѣе воевать съ народомъ, который не хотѣлъ выдавать сосѣдямъ своихъ дочерей въ замужество, когда ихъ просили, чѣмъ воевать съ народомъ, который требовалъ возвращенія дочерей похищенныхъ. Было бы лучше, еслибы Марсъ помогъ своему сыну отмстить вооруженною рукою обиду за отказанные браки и такимъ образомъ доставилъ бы ему возможность получить женщинъ, которыхъ онъ искалъ. Въ такомъ случаѣ онъ, пожалуй по нѣкоторому праву войны, справедливо отнялъ бы тѣхъ, въ которыхъ ему было отказано несправедливо; но онъ не имѣлъ основанія ни въ какомъ правѣ мирнаго времени—похищать дѣвицъ, которыхъ не давали, и вести несправедливую войну съ ихъ справедливо раздраженными родителями. Послѣдующее было полезнѣе и удачнѣе: хотя въ память объ этомъ обманѣ установлено было цирковое зрѣлище, однако самый поступокъ не былъ поставленъ въ примѣръ для подражанія ни народомъ, ни правительствомъ; и римляне, поставивъ Ромула послѣ этой несправедливости въ число боговъ, сдѣлали болѣе легкую ошибку, чѣмъ если бы дозволили подражать ему въ похищеніи женщинъ какимъ либо закономъ или обычаемъ.—Подъ вліяніемъ, далѣе, этого чувства правды и добра, по изгнаніи съ дѣтьми царя Тарквинія, сынъ котораго совершилъ насиліе надъ Лукреціей, консулъ Юній Брутъ принудилъ отказаться отъ должности и выслалъ изъ государства Тарквинія Коллатина, мужа Лукреціи, своего товарища, человѣка добраго и невиннаго, за то лишь одно, что онъ носилъ имя Тарквиніевъ и приходился имъ родственникомъ. Это злодѣйство Брутъ совершилъ съ согласія или по допущенію народа, отъ котораго Коллатинъ, какъ и самъ онъ, Брутъ, получилъ консульство.—Подъ вліяніемъ этого же чувства правды и добра поступлено было и съ Маркомъ Камилломъ: этотъ благородный своего времени человѣкъ, послѣ 10-ти лѣтней войны съ

жесточайшими врагами римскаго народа вейетами, — войны, продолженіе которой несчастныя сраженія истощили римское войско до крайности, когда и самый Римъ уже отчаявался и трепеталъ за свое спасеніе, — одержалъ надъ этими врагами побѣду и овладѣлъ ихъ богатѣйшимъ городомъ; но благодаря зависти порицателей его доблести и безстыдству народныхъ трибуновъ, онъ былъ отданъ подъ судъ и освобожденное имъ государство нашелъ въ такой степени неблагодарнымъ, что, увѣренный въ своемъ осужденіи, добровольно удалился въ ссылку, и въ отсутствіи былъ присужденъ къ штрафу въ десять тысячъ ассовъ. И подобнымъ образомъ поступлено было съ человѣкомъ, который вскорѣ послѣ того явился отмстителемъ за неблагодарное отечество противъ галловъ! Не хочется уже и вспоминать о тѣхъ безчисленныхъ мерзостяхъ и несправедливостяхъ, которыя волновали римское государство въ то время, когда сильные старались подчинить себѣ народъ, а народъ не хотѣлъ имъ подчиняться, и когда защитники той и другой стороны скорѣе старались побѣдить, чѣмъ думали сколько нибудь о правдѣ и добрѣ.

ГЛАВА XVIII.

Что передаетъ исторія Саллюстія о римскихъ нравахъ, которые то были обуздываемы страхомъ, то приходили въ распущенность при увѣренности въ безопасности.

Итакъ, отъ себя я перестану говорить и обращусь къ свидѣтельству Саллюстія. Хотя вышеприведенныя нами слова: „чувство правды и добра у нихъ было сильно болѣе отъ природы, а не благодаря законамъ“ Саллюстій высказалъ въ похвалу римлянъ, относя эту похвалу собственно къ тому времени, когда, по изгнаніи царей, республика въ ко-

роткій періодъ времени достигла невѣроятно-высокаго процвѣтанія; тѣмъ не менѣе въ самомъ началѣ первой же книги своей исторіи тотъ же Саллюстій признается, что чрезъ самый малый промежутокъ времени, послѣ того какъ республикой вмѣсто царей начали управлять консулы, въ Римѣ обнаружались притѣсненія со стороны сильнѣйшихъ, а вслѣдствіе ихъ, распри народа съ патриціями и другія несогласія. Ибо упомянувши, что римскій народъ, въ періодъ времени между второю и послѣднею пуническою войною, отличался превосходными нравами и величайшимъ согласіемъ, и сказавши, что причиною этого была не любовь къ правдѣ, а страхъ, который порождало сознаніе ненадежности мира при существованіи Карфагена (почему и Назика, заботясь объ устраненіи распущенности и сохраненіи этихъ превосходныхъ нравовъ, не хотѣлъ разрушать Карфагена, чтобы пороки были обуздываемы страхомъ), Саллюстій продолжаетъ такъ: „Но, по разрушеніи Карфагена, въ сильнѣйшей степени увеличились раздоры, корыстолюбіе, честолюбіе и другіе виды зла, являющіеся обыкновенно среди благополучія“. Этимъ онъ даетъ понять, что все это имѣло обыкновеніе появляться и до извѣстной степени увеличиваться и прежде. Далѣе, поясняя, почему онъ такъ славилъ, Саллюстій говоритъ: „Ибо уже съ самаго начала явились обиды со стороны сильнѣйшихъ и, вслѣдствіе того, раздоры плебеевъ съ патриціями и другія домашнія несогласія; и справедливость и безпристрастіе соблюдались лишь дотолъ, пока, по изгнаніи царей, боялись Тарквинія и пока не окончилась жестокая война съ Этруріей“. Замѣть, что и за тотъ короткій промежутокъ времени, когда, по изгнаніи царей, вѣскольکو соблюдались справедливость и безпристрастіе, причиною этого, по словамъ Саллюстія, былъ страхъ; потому что римляне боялись войны, которую изгнанный изъ государства и лишенный престола Тарквиній, въ союзъ съ этрусками, велъ

противъ нихъ. Теперь послушай, что говоритъ Саллюстій да-
дѣе: „Потомъ патриціи начали поработать народъ, распоря-
жаться его жизнію и шкурою съ царскою властію, лишать
его полей и управлять государствомъ одни, съ устраненіемъ
отъ участія въ томъ остальныхъ. Выведенные изъ терѣвнїа
этими жестокостями и особенно долгами, когда непрерывныя
войны требовали и податей и отправленїа военной службы,
вооруженный народъ удалился на священную и авентин-
скую гору и здѣсь учредилъ для себя народныхъ трибуновъ
и другїя права. Конецъ этимъ раздорамъ и усобицамъ по-
ложила вторая пуническая война“. Видишь, съ какого вре-
мени, т. е. немного спустя послѣ изгнанїа царей, и какими
стали римляне, о которыхъ Саллюстій говоритъ, что у нихъ
„чувство правды и добра сильно было болѣе отъ природы,
а не благодаря законамъ“!

Если теперь такими оказываются тѣ времена, когда
римская республика, какъ говорятъ, была въ превосходнѣй-
шемъ и наилучшемъ состоянїи, то что-же должны мы ска-
зать и думать о послѣдующемъ времени, когда она, выра-
жаясь словами того же историка, „мало по малу измѣняясь,
изъ прекраснѣйшей и наилучшей стала самою равращенною
и распущенною“, именно—о времени послѣ разрушенїа
Кароагена? Въ какихъ чертахъ изображаетъ и описываетъ
эти времена Саллюстій, на какїе виды нравственнаго зла,
явившіеся среди благополучїа, указываетъ онъ какъ на
причину, породившую даже междуусобныя войны,—объ этомъ
можно читать въ его исторїи. „Съ этого времени, говоритъ
онъ, нравы предковъ не мало по малу, какъ прежде, а какъ
бы потокомъ были ниспровергнуты, молодежь развратилась
до такой степени роскошью и корыстолюбіемъ, что можно
было по справедливости сказать, что народились люди,
которые не могли ни сами имѣть хозяйства, ни терпѣть,
чтобы имѣли его другїе“. Затѣмъ Саллюстій говоритъ весьма

многое о порокахъ Суллы и другихъ мерзостяхъ времени республики; говорятъ объ этомъ и другіе писатели, хотя далеко не съ такимъ краснорѣчіемъ.

Теперь, полагаю, ты видишь, — да и всякій, кто только обратитъ вниманіе, пойметъ весьма легко, — въ какую глубокую пропасть нравственнаго развращенія повергнуто было римское государство до пришествія всевышняго нашего Царя. Ибо все это происходило не только прежде, чѣмъ Христосъ началъ учить, явившись во плоти, но и прежде, чѣмъ родился отъ Дѣвы. Итакъ, если столь великое зло, раньше болѣе терпимое, а по разрушеніи Кароагена нестерпимое и ужасное, они не осмѣливаются приписывать своимъ богамъ, съ злоехидною хитростію вкоренявшимъ въ человѣческіе умы такія вѣрованія, изъ которыхъ произросли этого рода пороки: то почему же настоящее зло они приписываютъ Христу; который своимъ спасительнѣйшимъ ученіемъ воспрещаетъ почитаніе ложныхъ и лживыхъ боговъ и, оуждая и осуждая съ божественною властію вредныя и мерзкія человѣческія страсти, отъ тлѣющаго и во злѣ лежащаго міра мало, но малу восхищаетъ семью свою и созидаетъ изъ нея вѣчный и, по суду истины, а не суетному одобренію, славнѣйшій градъ?

ГЛАВА XIX.

О развращеніи римской республики раньше уничтоженія Христомъ почитанія боговъ.

Итакъ, римская республика „мало по малу измѣняясь, изъ превосходнѣйшей и наилучшей стала самою развращенною и распущенною“ (это говорю я не первый, а гораздо раньше пришествія Христа говорили такъ ихъ авторы, которые научили насъ тому за деньги). Итакъ, раньше пришествія Христа, вскорѣ по разрушеніи Кароагена, „нравы

предковъ не мало по малу, какъ прежде, а какъ бы потомъ были ниспровергнуты, молодежь развратилась роскошью и корыстолюбіемъ“. Пусть прочитаютъ намъ предписанія противъ роскоши и корыстолюбія, данныя римскому народу его богами. О, если бы они скрывали только отъ него требованія чистоты и умѣренности, а не обязывали его даже предписаніями позорными и безчестными, сообщая имъ пагубный авторитетъ своею мнимою божественностію! Пусть прочитаютъ теперь наши столь многія предписанія противъ роскоши и корыстолюбія, преподанныя и пророками, и святыми евангеліями, и дѣяніями апостольскими, и посланіями, — предписанія, которыя такъ чудно и такъ божественно гремятъ и раздаются повсюду, гдѣ только собираются для этого чтенія народы, не какъ изъ пререканій философскихъ, а какъ бы изъ облаковъ и оракуловъ божіихъ. И однакожь того, что ихъ республика вслѣдствіе роскоши и корыстолюбія, вслѣдствіе грубыхъ и гнусныхъ нравовъ, еще раньше пришествія Христа сдѣлалась самою развращенною и распущенною, они не приписываютъ богамъ своимъ; а всякое неблагополучіе ея въ настоящее время, какъ скоро оно затрогиваетъ ихъ гордость и изнѣженность, поставляютъ въ вину христіанской религіи! Между тѣмъ, если бы предписываемыхъ этою религіей заповѣдей одинаково слушались и старались ихъ исполнять всѣ земные цари и народы, князья и судьи, юноши и дѣвы, старцы и отроки (Пс. СXLVШ, 11—12), каждый полъ и возрастъ и даже мытари и воины, о которыхъ упоминаетъ Іоаннъ Креститель (Лук. Ш, 12—14): подобное государство и въ настоящей жизни разливало бы счастье въ своихъ владѣніяхъ, и въ будущемъ блаженнѣйшемъ царствѣ вѣчной жизни заняло бы высшее мѣсто. Но поелику эти заповѣди одинъ слушаетъ, а другой презираетъ, и наибольшая часть людей любитъ болѣе пороки съ ихъ приманчивостію, чѣмъ добродѣтель съ ея полезною сурово-

стію, то слугамъ Христа, цари ли они или князья, судьи или воины, жители ли провинцій, богатые ли или бѣдные, свободные или рабы, того или другаго пола, повелѣвается терпѣть, какъ скоро это необходимо, даже и самую развращенную и распущенную республику, и этимъ терпѣніемъ готовить себѣ свѣтлѣйшее мѣсто въ святѣйшемъ и священнѣйшемъ сенатѣ ангельскомъ и въ небесномъ царствѣ, гдѣ закономъ служить воля Божія.

ГЛАВА XX.

Какимъ желали бы наслаждаться счастьемъ и какою жизнію жить тѣ, которые винятъ времена христіанской религіи.

Но такіе читатели и поклонники боговъ, которые съ удовольствіемъ подражаютъ имъ въ злодѣяніяхъ и непотребствахъ, нисколько не беспокоятся, что ихъ республика самая развращенная и распущенная. „Лишь бы, говорятъ, она стояла, лишь бы процвѣтала, будучи полна богатствами и славна побѣдами, или,—что еще лучше,—обезпечена миромъ. Чего еще намъ нужно? Все, что намъ болѣе всего нужно, это—чтобы каждый постоянно увеличивалъ богатства, которыхъ хватало бы на обыденные расходы и при помощи которыхъ каждый сильнѣйшій подчинялъ бы себѣ слабѣйшихъ. Пусть бѣдные прислуживаютъ богатымъ изъ-за пропитанія и изъ-за того, чтобы наслаждаться лѣнливимъ бездѣйствіемъ; а богатые пусть пользуются бѣдными для пошлости и послугъ собственному тщеславію. Пусть народы рукоплещутъ не тѣмъ, которые даютъ имъ полезные совѣты, а тѣмъ, которые доставляютъ имъ удовольствія. Пусть трудное не приказывается, нечистое не воспрещается. Цари пусть заботятся не о томъ, насколько ихъ подданные добры, а о томъ, насколько они покорны. Провинціи пусть слу-

жать царямъ не какъ правителямъ нравовъ, а какъ обладателямъ и радѣтелямъ о собственныхъ утѣхахъ,—не чтутъ ихъ сердечно, а непотребно и рабски боятся. Пусть законъ воспрещаетъ каждому скорѣе вредить чужому винограднику, нежели собственной жизни. Къ суду пусть не привлекаютъ никого, развѣ ужъ кто причинить вредъ чужой вещи, чужому дому, здоровью, или будетъ надоѣдать кому-либо противъ его желанія, или вредить; но изъ своихъ, или съ своими, или со всѣми, которые на то согласны, каждый пусть дѣлаетъ, что ему угодно. Пусть размножаются общественныя блудницы какъ ради тѣхъ, которымъ хотѣлось бы пользоваться ими, такъ въ особенности ради тѣхъ, которые не въ состояніи имѣть своихъ собственныхъ. Пусть строятся обширные и богато-меблированные дома, задаются часто пышные обѣды; пусть днемъ и ночью происходятъ, гдѣ и кому угодно и можно, игры, попойки до пресыщенія, до рвоты. Пускай повсюду идутъ пляски, театры наполняются криками дикой радости, всевозможными выраженіями самаго скотскаго удовольствія. Пусть того считаютъ общественнымъ врагомъ, кому благополучіе этого рода не нравится; пусть не слушаютъ, гонять съ глазъ долой, стираютъ съ лица земли всякаго, кто захотѣлъ бы отмѣнить или уничтожить его. Пусть считаются тѣ боги истинными, благодаря заботливости которыхъ оно усвоено народомъ и усвоенное поддерживается. Пусть чтутъ ихъ такъ, какъ они хотѣли бы; пусть боги требуютъ игръ, какихъ они желали бы и могли бы имѣть отъ своихъ и съ своими читателями; пусть только будетъ такъ, чтобы эта счастливая жизнь не омрачалась страхомъ ни со стороны непріятели, ни со стороны заразы, ни со стороны другаго бѣдствія“. — Какой здравомыслящій человекъ сравнить подобную республику, не скажу съ римскою имперіей, а съ домомъ Сарданапала, который, будучи нѣкогда царемъ, до такой степени преданъ былъ удоволь-

ствіямъ, что на своей гробницѣ приказалъ сдѣлать надпись, что онъ мертвый имѣеть то лишь одно, что, при жизни его, расточило его сладострастіе? Если бы былъ у нихъ этотъ, снисходительный въ такихъ вещахъ и не прекословящій въ нихъ никому ни малѣйшею строгостію, царь, они посвятили бы ему храмъ и фламينا охотнѣе, чѣмъ древніе римляне Ромулу.

ГЛАВА XXI.

Каково было мнѣніе Цицерона о римской республикѣ.

Но если они пренебрегаютъ тѣмъ, кто называетъ римскую республику самую развращенною и позорною, и не заботятся о томъ, какою язвѣ и безчестію нравственной распущенности и безобразія она подвергается, а лишь о томъ, чтобъ она стояла и оставалась цѣлою: въ такомъ случаѣ пусть выслушаютъ не Саллюстія, по описанію котораго она стала самою развращенною и распущенною, а Цицерона, по изображенію котораго, она уже въ то время совершенно погибла и никакой республики уже не оставалось. Цицеронъ вводитъ Сципіона,—того самаго, который разрушилъ Картагенъ,—разсуждающимъ о республикѣ въ то время, когда предчувствовалось, что республика вотъ-вотъ погибнетъ отъ того развращенія, которое описываетъ Саллюстій. Ибо разсужденіе происходитъ въ то время, когда одинъ изъ Гракховъ, съ котораго, по описанію Саллюстія, начались жестокия возмущенія, былъ уже умерщвленъ. Въ книгахъ Цицерона уже упоминается о смерти его. Въ концѣ второй книги Сципіонъ сказалъ, что какъ на струнныхъ инструментахъ и флейтахъ, и въ самомъ пѣніи и говорѣ должно быть соблюдаемо извѣстное соотношеніе между различными звуками, измѣненіе или отсутствіе котораго оскорбляетъ образованный слухъ; и это соотношеніе, давая различнымъ

звукамъ извѣстный строй, образуетъ изъ нихъ гармоническое сочетаніе: такъ изъ высшихъ и низшихъ, и промежуточныхъ между ними среднихъ состояній, какъ бы изъ своего рода звуковъ, посредствомъ разумнаго сочетанія разностей, составляется общество гражданское; и то, что у музыкантовъ называется гармоніею, то въ государствѣ—согласіе, которое представляетъ собою самую прочную и лучшую во всякой республикѣ охрану благосостоянія и которое не мыслимо безъ справедливости. Затѣмъ Циціонъ входитъ въ нѣкоторыя подробности о томъ, насколько полезна для государства справедливость и насколько вредно ея отсутствіе. Въ это время выступаетъ съ словомъ Филь, одинъ изъ участвовавшихъ въ состязаніи, и требуетъ, чтобы вопросъ этотъ былъ подвергнутъ болѣе обстоятельному обсужденію, и чтобы о справедливости сказано было поболѣе въ виду того, что въ то время было уже ходячимъ мнѣніе, будто республика не можетъ быть управляема безъ неправды. Соглашаясь, что вопросъ этотъ дѣйствительно заслуживаетъ обслѣдованія и обсужденія, Циціонъ отвѣчаетъ, что сказанное о республикѣ доселѣ, а равно и то, что могли бы они сказать о ней впередъ, не имѣетъ, по его представленію, никакого значенія, какъ скоро не признана не только ложность мнѣнія, будто республика не можетъ быть управляема безъ неправды, но и совершенная истинность того, что республикой нельзя управлять безъ справедливости. Такъ какъ разъясненіе этого вопроса отложено было до слѣдующаго дня, то жаркое преніе объ этомъ предметѣ излагается въ третьей книгѣ. Филь защищаетъ сторону тѣхъ, по мнѣнію которыхъ республика не можетъ быть управляема безъ неправды, прося предварительно не думать, будто такого мнѣнія держится лично и самъ онъ. Онъ говоритъ намѣренно за неправду противъ справедливости, какъ бы стараясь доказать правдоподобными доводами и примѣрами, что неправда для рес-

публики полезна, а справедливость бесполезна. Тогда, по просьбѣ всѣхъ, Лелій принимаетъ на себя защиту справедливости и, насколько умѣетъ, утверждаетъ, что ничто такъ не враждебно общественному порядку, какъ неправда, и что республика рѣшительно не можетъ поддерживаться и существовать иначе, какъ посредствомъ великой справедливости.

Когда вопросъ этотъ обслѣдованъ былъ настолько, насколько это казалось достаточнымъ, Сципіонъ возвращается къ прежней прерванной рѣчи, припоминаетъ и предлагаетъ принять то краткое свое опредѣленіе республики, въ которомъ назвалъ ее дѣломъ народнымъ. Народъ же онъ опредѣляетъ не какъ всякій сбродъ толпы, а какъ совокупность людей, соединенныхъ согласіемъ въ началахъ права и взаимною пользою. Затѣмъ показываетъ, какую пользу въ состязаніи приносятъ опредѣленія, и изъ своихъ опредѣленій выводитъ заключеніе, что республика, т. е. народное дѣло, существуетъ тогда, когда она управляется хорошо и справедливо однимъ ли то царемъ, или немногими вельможами, или же всѣмъ народомъ. Если же царь несправедливъ (такого царя онъ называетъ греческимъ именемъ тиранна), или несправедливы вельможи (ихъ соглашеніе онъ называетъ въ такомъ случаѣ заговоромъ), или же, наконецъ, самъ народъ несправедливъ (для такого народа онъ не находитъ подходящаго названія, если не назвать и его тиранномъ): то республика является уже не только имѣющею недостатки, какъ объ этомъ говорено въ состязаніи предшествовавшаго дня, а какъ показываетъ выводъ, вытекающій изъ вышеприведенныхъ опредѣленій, не существующею вовсе: потому что она не была бы дѣломъ народнымъ, если бы ее злоумышленно захватилъ въ свои руки тираннъ; равно и самъ народъ, если бы оказался несправедливымъ, не былъ бы уже народомъ, потому что пересталъ бы быть обществомъ, соединеннымъ согласіемъ въ началахъ права и

взаимною пользою, соотвѣтственно данному о народѣ опредѣленію.

Итакъ, если римская республика была такою, какою описываетъ ее Саллюстій, она была уже не самую возвращенною и распущенною, какъ говоритъ онъ, а не была вовсе и республикой, какъ то очевидно изъ сужденія, которое вели о республикѣ тогдашніе ея великіе представители. Такъ говоритъ и самъ Туллій, и уже не отъ лица Сципіона, или кого-либо другаго, а отъ своего собственнаго. Въ началѣ пятой книги, приведши предварительно стихъ поэта Эннія:

*Римская республика держится древними нравами и
мужами,*

онъ говоритъ: „этотъ стихъ, и по краткости и по истинности, представляется мнѣ какъ бы изреченіемъ нѣкоего оракула. Ибо ни мужи, если бы не было государства съ такими нравами, ни нравы, если бы не управляли имъ такіе мужи, не могли бы ни основать, ни такъ долго поддерживать такой обширной и столь правосудно повелѣвающей республики. Итакъ, до нашей памяти, какъ отеческіе нравы рождали превосходныхъ мужей, такъ равно и превосходные мужи поддерживали древніе нравы и установленія предковъ. Между тѣмъ нашъ вѣкъ, получивши республику, какъ бы прекрасную, но полинявшую отъ давности, картину, не только не позаботился возобновить ее тѣми же самыми красками, которыми она была написана, но не постарался даже и о томъ, чтобы сохранить, по крайней мѣрѣ, ея форму и основные штрихи. Ибо что остается отъ древнихъ нравовъ, которыми, по словамъ поэта, держится римская республика, если мы видимъ ихъ преданными такому забвенію, что они не только не уважаются, но даже неизвѣстны? О мужахъ и говорить нечего. Ибо и самые нравы погибли отъ недостатка мужей: въ этомъ, столь великомъ, злѣ мы должны не только отдать отчетъ, но быть

судимы какъ уголовные преступники. Вслѣдствіе именно нашихъ пороковъ, а не какой-либо иной причины, мы сохраняемъ республику только на словахъ, а на дѣлѣ давно ее утратили“.

Такое признаніе высказываетъ Цицеронъ, хотя и долго спустя послѣ смерти Сципіона, котораго онъ заставляетъ въ своихъ книгахъ состязаться о республикѣ, однакожь еще до пришествія Христа. Если бы все подобное почувствовалось и высказалось послѣ того, какъ христіанская религія сдѣлалась общеизвѣстною и преобладающею, кто изъ нихъ задумался бы обвинить въ этомъ христіанъ? Почему же тогда не позаботились ихъ боги предохранить отъ гибели эту республику, которую Цицеронъ такъ горько оплакиваетъ, какъ погибшую еще задолго до пришествія во плоти Христа? Хвалители ея увидятъ, процвѣтала ли истинная справедливость въ ней даже такой, какою она была при древнихъ нравахъ и мужахъ; а не была ли она скорѣе не живою нравственно, а разрисованною красками. Это, превознося ее похвалами, выразилъ безсознательно и самъ Цицеронъ. Но мы, если Богъ благословитъ, увидимъ это въ другомъ мѣстѣ. Въ свое время, на основаніи краткихъ, отъ лица Сципіона сдѣланныхъ, опредѣленій самого Цицерона о томъ, что такое республика и что такое народъ (а также основываясь и на многихъ мнѣніяхъ какъ его самого, такъ равно и тѣхъ, которыхъ онъ заставилъ говорить въ состязаніи о республикѣ), я постараюсь показать, что республика римская никогда не была республикой, потому что въ ней не было никогда истинной справедливости. По болѣе правдоподобнымъ опредѣленіямъ, она была республикой въ своемъ извѣстномъ родѣ, и древнѣйшими римлянами управлялась лучше, чѣмъ позднѣйшими. Но истинной справедливости нѣтъ нигдѣ, кромѣ той республики, основатель и правитель которой—Христосъ, если и эту послѣднюю угодно называть республикой,

такъ какъ нельзя отрицать, что и она—народное дѣло. Но можетъ быть это названіе, употребительное въ иномъ случаѣ и иномъ смыслѣ, покажется необычнымъ для нашей рѣчи; въ такомъ случаѣ—истинная справедливость существуетъ только въ томъ Градѣ, о которомъ святое писаніе говоритъ: *преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій* (Пс. LXXXVI, 3).

ГЛАВА XXII.

Римскіе боги нисколько не заботились о томъ, чтобы республика не погибла отъ развращенія нравовъ.

Но что касается настоящаго вопроса, то какъ бы ни называли ту республику заслужившею или заслуживающею похвалы, по свидѣтельству ихъ же ученѣйшихъ писателей, она уже задолго до пришествія Христа сдѣлалась самою развращенною и распущенною; даже ея не было вовсе, и она погибла отъ развращеннѣйшихъ нравовъ. А чтобы она не погибла, боги—хранители ея должны были бы особенно позаботиться о томъ, чтобы дать предписанія о нравахъ и жизни этому народу, который въ честь ихъ воздвигъ столько храмовъ, установилъ столько жрецовъ и столько разныхъ родовъ жертвъ, такое множество и разнообразіе священнослуженій, столько празднествъ, и такое множество и такихъ пышныхъ игръ. А между тѣмъ всѣмъ этимъ пользовались только для своихъ цѣлей демоны, заботящіеся не о томъ, какъ должны жить ихъ чтители, а напротивъ о томъ, чтобы они жили развращенно, лишь бы изъ-подъ страха совершали все это въ честь ихъ. Если упомянутыя предписанія боги давали, то пусть объявятъ, покажутъ и прочитаютъ намъ, какіе законы боговъ, данные этому государству, преступили Гракхи, внеся всюду безпорядокъ и возмущеніе; какіе—Марій, Цинна и Карбонъ, вступившіе даже въ между-

усобныя войны, начатыя по самымъ несправедливымъ причинамъ, веденныя съ жестокостію и оконченныя еще съ большею жестокостію; какія, наконецъ, самъ Сулла, жизнь, дѣянія и нравы котораго, какъ изображаютъ ихъ Саллюстій и другіе историки, приводятъ каждаго въ ужасъ? Кто не сознается, что республика еще тогда погибла?

Но, быть можетъ, въ защиту своихъ боговъ они осмѣлятся, какъ это и дѣлается обыкновенно, сослаться на извѣстное мѣсто Virgilія, что, по причинѣ такихъ нравовъ гражданъ,

*Храмы и алтари оставивъ, ушли въ
Боги, которыми царство держалось ¹⁾?*

Но если это такъ, то, во первыхъ, нѣтъ основанія жаловаться на христіанскую религію, будто бы боги удалились, оскорбленные ею: потому что предки ихъ давнымъ давно своими нравами отогнали отъ алтарей своего города боговъ, столь же многихъ и мелкихъ, какъ мухи. Но тѣмъ не менѣе, гдѣ же была эта толпа боговъ въ то время, когда гораздо раньше, чѣмъ древніе нравы подверглись поврежденію, Римъ былъ взятъ и сожженъ галлами? Или они присутствовали, но, быть можетъ, спали? Ибо въ то время, какъ весь городъ перешелъ во власть враговъ, оставался одинъ лишь холмъ капитолійскій; да и тотъ былъ бы взятъ, если бы, когда спали боги, не спали по крайней мѣрѣ гуси. Съ этого времени римляне, установивши празднество въ честь гусей, впали почти въ суевѣріе египтянъ, почитавшихъ звѣрей и птицъ. Впрочемъ, объ этихъ случайныхъ и касающихся скорѣе тѣла, чѣмъ души, несчастіяхъ, которыя происходятъ или отъ непріятеля, или отъ другихъ бѣдствій, я пока не

¹⁾ Энеида, кн. II. ст. 351 и 352.

намѣренъ говорить. Я разсуждаю теперь собственно объ упадкѣ нравовъ, сначала повреждавшихся мало по малу, а потомъ ниспровергшихся какъ потокъ: таково было, при цѣлости крышъ и стѣнъ, крушеніе республики, что великіе римскіе писатели не колеблются назвать ее уже въ то время погибшею. Боги, пожалуй, имѣли бы право, оставивъ храмы и алтари, удалиться, предоставляя ее погибели, если бы она пренебрегла ихъ предписаніями о добродѣтельной жизни и справедливости. Но при данныхъ условіяхъ, спрашивается, каковы были эти боги, если они не захотѣли жить вмѣстѣ съ почитавшимъ ихъ народомъ, котораго они, когда онъ жилъ порочно, не научили жить добродѣтельно?

ГЛАВА XXIII.

Различіе во временномъ благосостояніи зависитъ не отъ благоволенія или ненависти демоновъ, а отъ опредѣленій истиннаго Бога.

Ну, а что если они обазываются даже содѣйствовавшими удовлетворенію ихъ страстей, а въ обузданіи этихъ страстей не принимавшими никакого участія? Ибо кто помогъ Марію, выскочкѣ и человѣку не знатному, кровожаднѣйшему зачинщику и виновнику междоусобныхъ войнъ, — кто помогъ ему семь разъ быть консуломъ, умереть старикомъ во время седьмага консульства и не попасть въ руки Суллы, вслѣдъ за тѣмъ оказавшагося побѣдителемъ? Если же во всемъ этомъ боги ему не помогали, то изъ этого вытекаетъ весьма важный выводъ, именно — что человѣкъ, даже когда гъ нему боги его немилостивы, можетъ достигать такого великаго, чрезвычайно ими любимаго, временнаго благополучія; что люди, подобные Марію, могутъ, не смотря на гнѣвъ боговъ, наслаждаться здоровьемъ, силами, богатствомъ, почестями, знатностію и долгою жизнію; что, напротивъ, люди, подобные

Регулу, не смотря на любовь къ нимъ боговъ, могутъ томиться и умирать въ плѣну, въ рабствѣ, въ нищетѣ, въ безсонницѣ, въ страданіяхъ. Если они согласятся, что это такъ, то должны въ заключеніе допустить, что эти боги пользы имъ не приносятъ никакой и почитаются напрасно. Въ самомъ дѣлѣ, если по отношенію къ добродѣтелямъ душевнымъ и доброй жизни, за которую награды должны быть ожидаемы по смерти, боги распорядились, чтобы народъ учился даже противоположному; если потомъ и въ отношеніи преходящихъ, временныхъ благъ они или нисколько не вредятъ тому, кого ненавидятъ, или вовсе не помогаютъ тому, кого любятъ: то зачѣмъ почитать ихъ? Зачѣмъ обращаться къ нимъ съ такимъ усердіемъ? За чѣмъ во время трудныхъ и несчастныхъ обстоятельствъ роптать, будтобы они удалились, и изъ-за нихъ поносить христіанскую религію самымъ недостойнымъ образомъ? Если же въ области этихъ благъ имъ принадлежитъ власть дѣлать или добро или зло, въ такомъ случаѣ почему Марію, человѣку самому дурному, они покровительствовали, а наилучшему, Регулу, не оказали этого покровительства? Или этимъ дается понять, что сами они въ высшей степени несправедливы и злы? Но если предполагается, что именно вслѣдствіе этого—то ихъ нужно болѣе бояться и почитать, то и это не такъ. Ибо Регулъ почиталъ ихъ не менѣе, чѣмъ Марій. Также точно изъ того, что боги Марію покровительствовали болѣе, чѣмъ Регулу, не слѣдуетъ, чтобы нужно было предпочитать жизнь самую дурную. Ибо Метеллъ, самый достохвальный изъ римлянъ, имѣвшій пятерыхъ сыновей консулами, былъ счастливъ и во временныхъ благахъ; а Катилина, человѣкъ самый дурной, удрученный бѣдностію и въ своей злодѣйской войнѣ потерявшій пораженіе, напротивъ, былъ несчастенъ. Истиннымъ и прочнымъ счастіемъ наслаждаются добродѣтельные читатели Бога, который одинъ можетъ подавать его.

Итакъ, когда римская республика погибала отъ развращенія нравовъ, боги не сдѣлали ничего для исправленія и улучшенія нравовъ, чтобы спасти ее отъ гибели; напротивъ посодѣйствовали развращенію и ухудшенію нравовъ, чтобы она погибла. Пусть они и не выставляютъ себя за добрыхъ въ томъ смыслѣ, якобы удалились оскорбленные порочностію гражданъ. Нѣтъ, они были на мѣстѣ: присутствіе ихъ обнаруживается, доказывается; они не могли ни придти на помощь съ наставленіемъ, ни скрыть себя молчаніемъ. Не говорю о томъ, какъ Маріи сжалившимися минтурнинцами былъ отведенъ въ рошу, посвященную богинѣ Марикѣ, и былъ порученъ ея покровительству, и какъ, счастливо избѣгши крайне отчаяннаго положенія, этотъ свирѣпый чѣловѣкъ повелъ къ Риму свирѣпое войско. Насколько кровава, насколько безчеловѣчна, насколько люте неприятельской была здѣсь его побѣда, пусть, кто хочетъ, прочтаетъ у тѣхъ, которые описали ее. Я, какъ сказалъ, обхожу это молчаніемъ; и кровавое счастье Маріи приписываю не Марикѣ какой-то, а скорѣе таинственному провидѣнію Божію, которое хотѣло заградить ихъ уста и освободить отъ заблужденія тѣхъ, кто пристрастіемъ не увлекается, а благоразумно наблюдаетъ подобныя явленія. Ибо, если демоны и имѣютъ нѣкоторую силу въ области подобныхъ предметовъ, то лишь настолько, насколько дозволяетъ имъ это сокровенная воля Всемогущаго, дабы мы не цѣнили высоко земное счастье, которое весьма часто предоставляется и людямъ злымъ, подобнымъ Марію; но въ то же время и не считали его чѣмъ-то злымъ, видя, что имъ, наперекоръ демонамъ, пользуются и многіе благочестивые и добродѣтельные читатели единого Бога; и не думали, чтобы ради этихъ земныхъ благъ или золъ слѣдовало умиловивлять или бояться нечистыхъ духовъ. Какъ злые на землѣ люди, такъ и злые духи могутъ дѣлать не все то, чего хотятъ; а лишь

то, что будетъ поущено распоряженіемъ Того, судьбъ котораго никто не можетъ ни вполнѣ постигнуть, ни справедливо укорить.

ГЛАВА XXIV.

О дѣйствіяхъ Суллы, въ которыхъ помощниками ему явились демоны.

Времена Суллы были таковы, что по сравненію съ временами предшествовавшими, за которые онъ являлся мстителемъ; заставляли сожалѣть объ этихъ временахъ предшествовавшихъ. А между тѣмъ, когда, по свидѣтельству Ливія, онъ предпринималъ въ первый разъ походъ къ Риму противъ Марія, получилъ при жертвоприношеніи такія счастливыя предзнаменованія во внутренностяхъ жертвеннаго животного, что гаруспексъ Постумій предоставлялъ взять себя подъ стражу съ тѣмъ, чтобы потомъ подвергли его смертной казни, если замыслы Суллы не осуществятся при содѣйствіи боговъ. Итакъ, боги не удалились, погинувъ храмы и алтари, если предсказывали Суллѣ о благополучныхъ результатахъ предпріятого имъ дѣла, но и не постарались объ исправленіи его самого. Обѣщали ему посредствомъ предзнаменованія великое счастье, но не обуздали злой его страсти посредствомъ угрозы. Затѣмъ, когда Сулла велъ въ Азіи войну противъ Митридата, Юпитеръ чрезъ Люція Тиція повелѣлъ сказать ему, что онъ одержитъ побѣду надъ Митридатомъ, и это исполнилось. Послѣ, когда Сулла собирался возвратиться въ Римъ и отмстить за собственные обиды и за обиды друзьямъ кровію гражданъ, тотъ же Юпитеръ, чрезъ какого-то солдата шестаго легіона, велѣлъ опять сказать ему, что прежде онъ предсказалъ ему побѣду надъ Митридатомъ, а теперь обѣщастъ дать ему власть — возвратитъ республику изъ рукъ враговъ, хотя и съ великимъ кровопролитіемъ. Тогда Сулла началъ спрашивать, каковъ былъ по виду тотъ, кто являлся солдату, а

когда тотъ разсказалъ, призналъ въ немъ того самаго, о которомъ слышалъ прежде отъ Люція, сообщившаго ему предсказаніе о побѣдѣ надъ Митридатомъ. Какой въ этомъ случаѣ могутъ дать отвѣтъ на вопросъ: почему боги старались сообщать о такихъ якобы благополучіяхъ, а ни одинъ изъ нихъ не позаботился объ исправленіи самаго Суллы, своими злодѣйскими междуусобными войнами имѣвшаго надѣлать такого зла, какое не только осквернило, но и совершенно уничтожило республику? По истинѣ то—были демоны, какъ часто говорилъ я, и какъ намъ извѣстно то изъ священныхъ книгъ,—и самое дѣло показываетъ, что преслѣдовали они въ этомъ свои цѣли, именно—чтобъ ихъ считали и чтили за боговъ, и совершали въ честь ихъ такія вещи, за которыя и совершающіе вмѣстѣ съ ними получаютъ одинаковую казнь на судѣ Божіемъ.

Потомъ, когда Сулла прибылъ въ Тарентъ и приносилъ здѣсь жертву, онъ увидѣлъ на верхушкѣ телячьей печени подобіе золотой короны. Тотъ же гаруспексъ Постумій отвѣтилъ, что предзнаменованіе предвѣщаетъ Суллѣ славную побѣду, и велѣлъ ему съѣсть одному эти внутренности. Не много спустя, рабъ какого-то Люція Понтія закричалъ въ пророческомъ изступленіи: »я иду вѣстникомъ отъ Беллоны; побѣда, Сулла, твоя«. Затѣмъ онъ прибавилъ, что Капитолій сгоритъ. Сказавши это, онъ тотчасъ же вышелъ изъ лагеря; но на слѣдующій день явился снова и прокричалъ, что Капитолій сгорѣлъ. Капитолій, дѣйствительно, сгорѣлъ. Конечно, демону легко было и предусмотрѣть это и тотчасъ возвѣстить о томъ. Но ты обрати вниманіе на то, что относится къ дѣлу главнѣйшимъ образомъ, именно—подъ какими богами хотѣлось бы жить тѣмъ, которые хулятъ Спасителя, избавляющаго волю вѣрныхъ отъ владычества демоновъ. Человѣкъ провричалъ въ пророческомъ изступленіи: »побѣда Сулла, твоя«; и чтобы повѣрили, что кричитъ онъ по вну-

шенію божественнаго духа, возвѣстилъ и нѣчто такое, что имѣло скоро совершиться и вслѣдъ за тѣмъ совершилось на далекомъ разстояніи отъ того, чрезъ кого говорилъ духъ тотъ. Однакожь, не закричалъ онъ: »Остерегись, Сулла, отъ злодѣяній«,—отъ тѣхъ ужасныхъ злодѣяній, которыя, оставшись побѣдителемъ, совершилъ тотъ, кому явилась на те-лячьей печени золотая корона въ знакъ его блистательнѣйшей побѣды. Если бы подобные знаки имѣли обыкновеніе давать боги правосудные, а не демоны нечестивые, они безъ сомнѣнія этими внутренностями указали бы скорѣе на какое-нибудь гнусное и для самаго Суллы крайне вредное будущее зло. Ибо побѣда та не столько послужила къ возвышенію его достоинства, сколько повредила его страстнымъ стремленіямъ; она была причиною, что, предавшись неумѣреннымъ желаніямъ и возгордившись и превознесшись благополучіемъ, онъ больше погибъ нравственно самъ, чѣмъ погубилъ тѣлесно враговъ. Объ этихъ по истинѣ печальныхъ и плачевныхъ вещахъ боги тѣ не возвѣщали ни посредствомъ внутренностей жертвенныхъ животныхъ, ни посредствомъ авгуровъ, ни посредствомъ сна или пророчества чьего-либо. Ибо они больше боялись того, какъ бы онъ не исправился, нежели того, какъ бы онъ не остался побѣжденнымъ. Они даже нарочито старались, чтобы, оставшись торжествующимъ побѣдителемъ гражданъ, но побѣжденный и плѣненный непотребными пороками, онъ чрезъ то еще болѣе рабски подчинился и самимъ демонамъ.

ГЛАВА XXV.

До какой степени лукавые духи подстрекаютъ людей къ постыднымъ дѣламъ, когда въ своемъ примѣрѣ даютъ имъ на совершеніе злодѣяній какъ бы божественное уполномоченіе.

Кто не пойметъ, кто не усмотритъ (кромѣ того, конечно, кто такихъ боговъ приметъ для себя скорѣе въ об-

разецъ для подражанія, чѣмъ пожелаетъ при помощи благодати Божіей устранишься отъ общенія съ ними), до какой степени эти лукавые духи стараются своимъ примѣромъ дать какъ бы божественное полномочіе на совершеніе злодѣйствъ, когда на одной обширной равнинѣ Кампаніи, гдѣ спустя немного времени гражданскія войска вступили взаимно въ преступную битву, они явились прежде сами сражающимися между собою? Сперва на томъ мѣстѣ былъ слышенъ страшный гулъ; а вслѣдъ за тѣмъ многіе рассказывали, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней они видѣли тамъ сражавшимися два войска. А когда сраженіе прекратилось, нашли тамъ и слѣды какъ бы людей и лошадей, насколько такіе слѣды могла оставить послѣ себя видѣнная битва. Итакъ, если божества дѣйствительно сражались между собою, то войны гражданскія между людьми уже вполне извинительны. Но заслуживаетъ вниманія коварство или ничтожность такихъ боговъ. Представляя себя сражающимися, они дѣлали это для того лишь, чтобы римляне, ведя междоусобную войну, не казались въ виду примѣра боговъ совершающими преступленіе. Ибо войны гражданскія въ то время уже начались и произошло уже нѣсколько святотатственныхъ кровопролитій въ достойныхъ проклятія битвахъ. Уже многихъ приводило въ ужасъ то обстоятельство, что одинъ воинъ, обирая убитаго, когда обнажилъ трупъ, узналъ въ немъ брата, и проклявъ войны гражданскія, тамъ же надъ братнимъ тѣломъ убилъ самъ себя. И вотъ, чтобы подобное зло не вызвало отвращенія, а напротивъ того жажда къ злодѣйскимъ кровопролитіямъ сильнѣе и сильнѣе разгоралась, демоны—губители, которыхъ они, считая за боговъ, ставили для себя предметомъ поклоненія и почитанія, порѣшили явиться людямъ сражающимися между собою, чтобы чувство гражданское не боялось подражать такимъ битвамъ, но чтобы человѣческое злодѣйство

находило даже извиненіе для себя въ божественномъ примѣрѣ. Съ такимъ же лукавствомъ злые духи повелѣли ввести въ составъ религіозныхъ дѣйствій и посвятить имъ и игры, о чемъ я уже много говорилъ,—игры, на которыхъ подобныя злодѣянія боговъ прославлялись театральными пѣснями и драматическими дѣйствіями, такъ что всякій,—вѣрилъ ли онъ тому, что они совершали подобныя злодѣянія, или не вѣрилъ,—видѣлъ однакоже, что они страстно желали, чтобы имъ были показываемы такія вещи, и безъ всякаго опасенія подражалъ. А чтобы не подумалъ кто нибудь, будто поэты, упоминая по мѣстамъ, что они сражались между собою, скорѣе ввозили на боговъ хулу, чѣмъ приписывали имъ достойное ихъ,—они для оболъщенія людей подтвердили сказанія поэтовъ сами, представивъ глазамъ человѣческимъ свои битвы не только чрезъ актеровъ на сценѣ театральной, но и самолично на открытомъ полѣ.

Мы вынуждены были указать на это; потому что ихъ же собственные писатели отнюдѣ не стѣснялись говорить и писать, что римская республика, благодаря крайне испорченнымъ нравомъ гражданъ, погибла еще прежде и не сохранилась до пришествія Господа Иисуса Христа. Эту погибель ея они не ставятъ въ вину своимъ богамъ, а зло переходящее отъ котораго добрые, живутъ ли они или умираютъ погибать не могутъ, ставятъ въ вину нашему Христу! Между тѣмъ какъ нашъ Христосъ далъ многочисленныя заповѣди въ пользу наилучшихъ нравовъ и противъ разврата, а ихъ боги никакими подобными заповѣдями чтившему ихъ народу не сдѣлали ничего въ пользу республики, чтобы предотвратить ея погибель; даже напротивъ, внося своимъ примѣромъ, какъ вреднымъ авторитетомъ, порчу въ эти самыя нравы, содѣйствовали тому, чтобы она погибла. Думаю, что никто не осмѣлится утверждать, что она погибла уже въ то время потому, что,

*Храмы и алтари оставивъ, ушли въ
Боги,*

какъ друзья-де добродѣтелей, оскорбленные пороками людскими. Что боги были на лице, это доказывается столькими предзнаменованіями на внутренностяхъ животныхъ, въ полетѣ птицъ, въ прорицаніяхъ, въ которыхъ они съ величайшимъ удовольствіемъ выставляли себя предузнающими будущее и помощниками въ сраженіяхъ. Не будь ихъ дѣйствительно, собственныя страсти римлянъ не возбудили бы послѣднихъ къ войнамъ гражданскимъ до такой степени, какъ ихъ подстрекательства.

ГЛАВА XXVI.

О тайныхъ демонскихъ наставленіяхъ, относящихся къ доброй нравственности, параллельно тому, какъ открыто въ ихъ религіозныхъ установленіяхъ люди учились всякому распутству.

Если это такъ; если явно и открыто выставлялись безобразія, соединенныя съ жестокостями, и позорныя дѣла и преступленія божествъ,—дѣйствительныя ли то или вымышленныя,—выставлялись по ихъ требованію и подъ угрозою ихъ гнѣва въ случаѣ невыполненія требованія, даже-въ опредѣленные и установленные дни праздниковъ, какъ посвященныя имъ; и если все это совершалось для вѣдома на глазахъ всѣхъ, какъ предлагаемое для подражанія: то какое значеніе имѣло при этомъ то, что эти же самые демоны, давашіе подобнаго рода увеселеніями узнавать въ своемъ лицѣ нечистыхъ духовъ, и своими постыдными дѣлами и преступленіями, дѣйствительными ли то или вымышленными, и прославленіемъ этихъ преступленій, котораго они отъ людей безстыдныхъ желали, а отъ скромныхъ насильственно требовали, доказывавшіе, что они ви-

новники жизни преступной и нечистой,—какое значеніе имѣло то, что эти же самые демоны внутри своихъ святилицъ и въ недоступныхъ для народа тайникахъ давали нѣкоторыя добрыя наставленія относительно нравовъ кому-либо изъ лицъ посвященныхъ имъ, какъ лицу избранному? Если это такъ, то это самое же должно служить яснѣйшимъ признакомъ и доказательствомъ коварства злыхъ духовъ. Сила добра и нравственной чистоты такова, что всякая или почти всякая человѣческая природа относится къ ней съ уваженіемъ и не доходитъ до такой степени нравственной испорченности, чтобы потерять всякое чувство благопристойности. Поэтому коварство демоновъ успѣваетъ въ обманѣ не иначе, какъ преобразуясь въ томъ или иномъ случаѣ въ ангеловъ свѣта (2 Кор. XI, 14), какъ о томъ знаемъ мы изъ своихъ писаній. И вотъ внѣ храмовъ торжественно и громко проповѣдуется народамъ грязное нечестіе, а внутри притворно нашентывается немногимъ чистота; для дѣлъ постыдныхъ открыты публичныя мѣста, для дѣлъ похвальныхъ—тайники; приличіе скрыто, безобразіе открыто; то, что дѣлается дурнаго, привлекаетъ къ себѣ въ качествѣ зрителей всѣхъ, а то, что говорится добраго, едва имѣетъ слушателями немногихъ: такъ какъ бы честнаго слѣдовало стыдиться, а безчестнымъ хвалиться. Гдѣ подобное возможно, какъ не въ храмахъ демоновъ? гдѣ, какъ не въ пристанищѣ лжи? Одно дѣлается для того, чтобы оболъстить честнѣйшихъ, которыхъ мало; а другое для того, чтобы большинство, которое состоитъ изъ людей безчестнѣйшихъ, не исправилось.

Гдѣ и когда служители Целесты слышали заповѣди о нравственной чистотѣ, мы не знаемъ. Но передъ самымъ капищемъ, гдѣ мы видѣли поставленнымъ этотъ идолъ, всѣ изъ разныхъ мѣстъ сходясь и стоя гдѣ кто могъ, мы съ величайшимъ вниманіемъ наблюдали совершавшіяся игры, и переводя взоры съ одного на другое, въ одномъ мѣстѣ ви-

дѣли празднество распутства, въ другомъ богию дѣвственницу: ее колѣнопреклоненно чтили, а передъ нею совершались безстыдства; ни мима застѣнчиваго, ни сколько нибудь скромной актрисы мы не замѣтили; непристойности всякаго рода выполнялись какъ слѣдуетъ. Узнавалось, что было бы угодно дѣвственному божеству, и показывалось, что вразумленная матрона должна была унести съ собою въ домъ изъ храма! Нѣкоторыя, болѣе стыдливыя, отворачивали лице отъ гадкихъ движеній сцениковъ, и изучали искусство безстыдства украдкою. Стыдась людей, онѣ не осмѣливались прямо смотрѣть на похабные жесты актеровъ; но тѣмъ не менѣе не осмѣливались осуждать бульть той, которую почитали чистымъ сердцемъ. Въ храмѣ открыто преподавалось то, что дома подготавливалось по крайней мѣрѣ тайно: чувство стыдливости смертныхъ (если таковое существовало) было приводимо въ крайнее недоразумѣніе тѣмъ, что людямъ не было свободы удовлетворять безстыднымъ человѣческимъ пожеланіямъ, которымъ они между тѣмъ даже съ благоговѣніемъ учились у боговъ, и знали, что боги разгнѣваются, если они не постараются подобныя вещи выставить на показъ! Какой другой духъ, возбуждая тайнымъ внушеніемъ нечистые помыслы, и располагаетъ къ совершенію любодѣвій, и улаживается совершенными, какъ не тотъ же самый, который находитъ удовольствіе въ подобныхъ религіозныхъ установленіяхъ,—въ храмахъ ставить образы демоновъ, въ играхъ любить образы пороковъ; въ тайнѣ нашентываетъ о справедливости, чтобы обольстить и немногихъ добрыхъ, а открыто то и дѣло выставляетъ на видъ приманки распутства, чтобы держать въ своей власти безчисленное множество людей дурныхъ?

ГЛАВА XXVII.

Съ какимъ вредомъ для общественнаго порядка римляне совершали для умилостивленія боговъ своихъ непристойныя игры.

Мужъ положительный, но плохой философъ, будущій эдилъ, Туллій жаловался въ слухъ гражданъ, что, между другими своими обязанностями по должности, онъ поставленъ въ необходимость умилостивить играми мать Флору¹⁾; а эти игры совершались обыкновенно тѣмъ съ большимъ безстыдствомъ, чѣмъ съ большею набожностію. Въ другомъ мѣстѣ онъ, будучи уже консуломъ, говоритъ, что при крайне опасныхъ для государства обстоятельствахъ были даваемы въ теченіе десяти дней игры и не было забыто ничего, что относилось къ умилостивленію боговъ²⁾: какъ будто не полезно было раздражить такихъ боговъ воздержностію, чѣмъ умилостивлять неумѣренностію,—даже вызвать вражду съ ихъ стороны благопристойностію, чѣмъ смягчать ихъ такимъ безобразіемъ! Самою безжалостною жестокостію они не повредили бы столько людямъ, за которыхъ ихъ умилостивляли, сколько вредили тѣмъ самымъ, что были умилостивляемы дѣйствіями, выражавшими отвратительнѣйшую нравственную испорченность. Чтобы отвратить то, чѣмъ врагъ угрожалъ тѣламъ, привлекали милость богомъ такими средствами, которыми уничтожалась добродѣтель въ душахъ: потому что боги не прежде принимали на себя защиту стѣнъ отъ нападающихъ, какъ уничтоживъ сами добрые нравы. Такое умилостивленіе подобныхъ божествъ, полное необузданности, мерзостей, безстыдства, нечистоты, нечистоты, котораго исполнителей врожденное римлянамъ достохвальное чувство

¹⁾ Cic., in Verr. VI.

²⁾ Id., in Catil. III.

доблести лишило правъ на почетныя должности, удалило изъ трибъ, признало позорными, объявило безчестными, — такое, говорю, срамное, противное истинному религиозному чувству и омерзительное умилостивленіе подобныхъ божествъ, — эти соблазнительныя, и поносительныя басни о ботахъ, — эти безчестныя дѣянія боговъ, злодѣйски и подло советныя, или еще болѣе злодѣйски и болѣе подло измышленныя, — все это глазами и ушами публично изучало цѣлое государство; видѣло, что эти преступленія нравятся божествамъ; и потому вѣрило, что все это не только слѣдуетъ представлять въ честь ихъ, но и самому для себя брать въ примѣръ для подражанія, а отнюдь не то, — не вѣсть что такое, якобы доброе и честное, — что говорилось (если только говорилось) такъ не многимъ и такъ секретно, что скорѣе слѣдовало опасаться того, чтобы оно не сдѣлалось извѣстнымъ, чѣмъ того, чтобы оно не оставалось безъ исполненія.

ГЛАВА XXVIII.

О спасительности христіанской религіи.

И жалуются, что имя Христово освободило людей отъ тартарскаго ига этихъ нечистыхъ властей и преступнаго сообщества съ ними, и отъ этой ночи гибельнѣйшаго нечестія перевело къ свѣту спасительнаго благочестія! И ропщутъ, несправедливые, неблагодарные и до крайности порабощенные упомянутымъ нечестивымъ духомъ, ропщутъ на то, что народы стекаются въ церкви на собранія непорочныя съ благоприличнымъ отдѣленіемъ того и другаго пола, гдѣ слушаютъ, какъ хорошо они должны проводить эту временную жизнь, чтобы заслужить послѣ нея жизнь блаженную и вѣчную; гдѣ съ возвышеннаго мѣста открыто для всѣхъ провозглашается священное писаніе и ученіе о справедливости, которое тѣ, кто его исполняютъ, слушаютъ въ пользу, а кто не исполняетъ — въ осужденіе! Если и появляются

тамъ дозволяющіе себѣ насмѣшки надъ подобными заповѣдями, ихъ дерзость или исчезаетъ вслѣдствіе неожиданной перемѣны, или подавляется страхомъ или стыдомъ. Ничего дурнаго и постыднаго не предлагается имъ для созерцанія и подражанія тамъ, гдѣ внушаются заповѣди истиннаго Бога, гдѣ повѣствуется о чудесахъ Его, гдѣ восхваляются Его дары или испрашиваются милости.

ГЛАВА XXIX.

Увещаніе къ римлянамъ оставить культъ боговъ.

Въ этому лучше обратись, богато одаренный природою римскій народъ, потомство Регуловъ, Сцевольтъ, Сципіоновъ, Фабриціевъ! Обратись лучше къ этому и это предпочти той гнуснѣйшей пустотѣ и коварнѣйшему зложелательству демоновъ. Если есть въ тебѣ отъ природы какое-либо превосходное дарованіе, оно можетъ очищаться и совершенствоваться не иначе, какъ посредствомъ истиннаго благочестія; нечестіе же его губить и навлекаетъ на него наказаніе. Такъ выбирай же теперь, чему слѣдовать, чтобы слава твоя, чуждая всякаго заблужденія, имѣла опору не въ тебѣ самомъ, а въ Богѣ истинномъ. Тебѣ была присуща тогда слава, производящая впечатлѣніе на народъ; но истинной религіи, которую ты могъ бы избрать, по таинственному суду Божественнаго провидѣнія у тебя не было. Пробудись же, день насталь, какъ пробудился ты въ лицѣ нѣкоторыхъ, нравственная доблесть и даже страданія за истинную вѣру которыхъ составляютъ нашу славу. Ведя непрестанно борьбу съ враждебными силами и побѣждая ихъ мужественною смертію, они приобрѣли намъ своею кровію настоящее отечество. Въ это отечество мы зовемъ и тебя и убѣждаемъ присоединиться къ числу его гражданъ: истинное отпущеніе грѣховъ есть въ немъ какъ бы своего рода убѣжище. Не слушай своихъ

выродковъ, которые отвлекають тебя отъ Христа и христіанъ и жалуются якобы на дурныя времена, между тѣмъ какъ желаютъ такихъ временъ, которыя не столько обезпечивали спокойствіе жизни, сколько безопасность распутства. Ты никогда не одобрялъ этого и въ отношеніи къ земному отечеству. Теперь же овладѣвай небеснымъ; потрудиись для него немного, и будешь царствовать въ немъ истинно и вѣчно. Тамъ уже не очагъ Весты и не камень Капитолія, а единый и истинный Богъ »не укажетъ границъ власти, не положитъ предѣла времени, а дастъ господство безъ конца«¹⁾).

Не ищи снова своихъ ложныхъ и лживыхъ боговъ, а лучше брось ихъ и пренебреги ими, воспрянувъ въ истинную свободу. Они не боги, а злые духи, для которыхъ твое вѣчное блаженство—казнь. Не столько Юнона завидовала Троянамъ, отъ которыхъ ты ведешь свое плотское происхожденіе, въ холмахъ римскихъ²⁾, сколько эти демоны, которыхъ ты считаешь за боговъ, завидуютъ всему роду человѣческому въ его вѣчныхъ обиталищахъ: Ты и самъ достаточно осудилъ ихъ, когда умилоствлялъ ихъ играми, а тѣхъ людей, черезъ которыхъ совершалъ игры, отнесъ къ разряду безчестныхъ. Докажи свою свободу въ отношеніи къ нечистымъ духамъ, которые наложили на твою шею обязанность посвящать имъ и праздновать ихъ позорныя дѣла. Ты устранилъ отъ почетныхъ должностей своихъ актеровъ, представляющихъ преступленія божественныя: молись Богу истинному, чтобы онъ и отъ тебя устранилъ тѣхъ боговъ, которые услаждаются своими преступленіями, истинными ли то—что въ высшей степени позорно, или ложными—что въ высшей степени коварно. Прекрасно, что ты по собственному усмотрѣнію не захотѣлъ признать правъ гражданства за гистріонами

¹⁾ Virg., Aeneid. I. v. 278 et 279.

²⁾ Ibid.

и сцениками; отрезви свою мысль еще болѣе: божественное величіе никоимъ образомъ не можетъ умилоствляться такими искусствами, которыя грязнятъ человѣческое достоинство. Какимъ образомъ ты думаешь, что въ числѣ святыхъ небесныхъ Властей могутъ быть такіе боги, которые находятъ удовольствіе въ подобномъ угожденіи имъ, когда не думаешь, чтобы людей, чрезъ которыхъ совершается такое угожденіе, слѣдовало имѣть въ числѣ какихъ бы то ни было римскихъ гражданъ? Вышній Градъ, гдѣ побѣда—истина, гдѣ достоинство—святость, гдѣ миръ—блаженство, гдѣ жизнь—вѣчность, несравненно знатнѣе. Еще менѣе онъ можетъ имѣть въ своей средѣ такихъ боговъ, если ты въ своей средѣ постыдился имѣть такихъ гражданъ. Поэтому, если хочешь достигнуть блаженнаго Града, избѣгай сообществъ демоновъ. Позорно для людей честныхъ почитать тѣхъ, которые умилоствляются людьми безчестными. Пусть очищеніе христіанское также удалитъ ихъ отъ твоего благочестія, какъ послѣднихъ отстраняла отъ твоей сановитости цензорская отмѣтка. О благахъ же тѣлесныхъ, которыми одними желаютъ наслаждаться люди дурные, и о злѣ тѣлесномъ, котораго одного не желали бы они терпѣть, о томъ именно, что и въ отношеніи этого демоны не имѣютъ той власти, которую считаются имѣющими (хотя, если бы и имѣли, мы должны были бы скорѣе презирать все это, чѣмъ ради этого почитать ихъ, и почитая, не имѣть возможности достигнуть того, въ чемъ они намъ завидуютъ), и не имѣютъ того значенія, которое приписываютъ имъ утверждающіе, что изъ-за этого ихъ слѣдуетъ почитать,—о томъ скажемъ послѣ, чтобы на этомъ покончить настоящую книгу.

О ГРАДѢ БОЖІЕМЪ,

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Какъ въ предыдущей книгѣ бл. Августинъ говорилъ о злѣ нравственномъ и духовномъ, такъ въ настоящей разсуждаетъ о бѣдствіяхъ тѣлесныхъ и внѣшнихъ, показывая, что римляне отъ самаго основанія Рима постоянно терпѣли ихъ, и что къ отвращенію этого рода зла ничего не сдѣлали ложные боги, хотя до пришествія Христова они были почитаемы свободно.

ГЛАВА I.

О тѣхъ бѣдствіяхъ, которыхъ боятся одни дурные люди, и которыя всегда терпѣлъ міръ, пока чтилъ боговъ.

Думаю, что относительно зла нравственного и духовнаго, котораго особенно слѣдуетъ беречься, мною сказано уже достаточно: ложные боги нисколько не старались помочь чтившему ихъ народу освободиться отъ массы золъ этого рода, а напротивъ заботились о томъ, чтобы масса эта давила его какъ можно болѣе. Теперь нахожу нужнымъ сказать о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыхъ единственно они не желаютъ терпѣть, каковы: голодъ, болѣзнь, война, потеря имущества, плѣнь, насильственная смерть, и другія въ томъ же родѣ, о которыхъ мы упоминали въ первой книгѣ. Ибо эти только бѣдствія, которыя не дѣлаютъ людей злыми, злые единственно и считаютъ зломъ; и при тѣхъ благахъ, которыя они выдаютъ за блага, сами выдающіе на

стыдятся оставаться злыми; они даже болѣе недовольны плохую дачею, чѣмъ дурною жизнію: какъ будто величайшее благо для человѣка состоитъ въ томъ, чтобы имѣть все хорошее, за исключеніемъ себя самого! Но и отъ этого рода золь, которыхъ они единственно страдаютъ, не охранили ихъ боги въ то время, когда были свободно ими чтимы. Когда въ разныя времена по различнымъ мѣстамъ до пришествія нашего Искупителя родъ человѣческій былъ стираемъ съ лица земли безчисленными и иногда даже невѣроятными бѣдствіями, развѣ другихъ, а не этихъ боговъ чтилъ міръ, за исключеніемъ одного народа, еврейскаго, и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ внѣ этого народа, которыхъ благодать божественная и таинственнѣйшій и справедливѣйшій судъ Божій находилъ гдѣ либо того достойными? Чтобы не заходить слишкомъ далеко, я умолчу даже о наиболѣе тяжелыхъ бѣдствіяхъ другихъ народовъ. Буду говорить лишь о томъ, что касается Рима и римской имперіи, т. е. о томъ, что вытерпѣлъ до пришествія Христова собственно самый городъ и что вытерпѣли тѣ области, которыя были соединены съ нимъ въ качествѣ союзныхъ или покоренныхъ силою оружія, и входили какъ бы въ организмъ его республики.

ГЛАВА II.

Имѣли ли причины допустить разрушеніе Иліона эти боги, которыхъ одинаково чтили и римляне и греки.

И во первыхъ, изъ-за чего была побѣждена, взята и разрушена греками сама Троя или Иліонъ, откуда ведетъ свое происхожденіе народъ римскій, — Троя, имѣвшая и чтившая тѣхъ же самыхъ боговъ (не нахожу возможнымъ обойти молчаніемъ то, чего коснулся уже въ первой книгѣ) ¹⁾?

Говорятъ, что Пріамъ понесъ наказаніе за клятвопреступленіе своего отца Лаомедонта¹⁾. Въ такомъ случаѣ вѣрно то, что Аполлонъ и Нептунъ служили у того самаго Лаомедонта по найму. Ибо рассказываютъ, что онъ обѣщаль имъ плату за работы и далъ въ томъ ложную клятву. Удивляюсь, какимъ образомъ Аполлонъ, названный предсказателемъ, столько работалъ, не зная, что Лаомедонтъ откажется исполнить обѣщанное. Впрочемъ и самому Нептуну, дядѣ его, брату Юпитера и царю морей, не къ лицу было не знать будущаго. Вѣдь представляетъ же его Гомеръ предсказывающимъ нѣчто великое относительно поколѣнія Энея, потомками котораго построены Римъ, хотя поэтъ жилъ, какъ говорятъ, до основанія Рима²⁾; Нептунъ уноситъ даже въ облакѣ этого Энея, чтобы, какъ самъ же говорить, онъ не былъ убитъ Ахилломъ въ то время, какъ Нептунъ желалъ ниспровергнуть построенныя его-же руками стѣны клятвопреступной Трои. Объ этомъ рассказывается у Виргилія³⁾. Итакъ, такіе боги, какъ Нептунъ и Аполлонъ, волею - неволею строили троянскія стѣны, не зная, что Лаомедонтъ откажется заплатить имъ. Пусть же вникнуть, не болѣе ли тяжкій грѣхъ вѣровать въ такихъ боговъ, чѣмъ нарушать клятву, данную такимъ богамъ? Самъ Гомеръ не особенно вѣрилъ послѣднему: потому что, представляя Нептуна сражающимся противъ троянъ, онъ Аполлона представляетъ сражающимся за троянъ; хотя басня рассказываетъ, что они оба были оскорблены клятвопреступленіемъ. Итакъ, если они баснямъ вѣрятъ, пусть стыдятся имѣть такихъ боговъ; а если не вѣрятъ баснямъ, пусть не ссылаются на троянское клятво-

¹⁾ Virg. Georg. I.

²⁾ Илиад. II.

³⁾ Virg. Aeneid. V. v. 810—811.

преступленіе; или пусть объяснять ту странность, что боги клятвопреступленія троянскія наказывали, а римскія любили. Ибо откуда бы иначе заговоръ Катилины пріобрѣлъ въ такомъ обширномъ и такъ развращенномъ городѣ такую массу сторонниковъ, „которыхъ руки и языкъ питали клятвопреступленіемъ и кровію согражданъ“¹⁾. А столько сенаторовъ, судившихъ не по совѣсти, а весь народъ на выборахъ и въ другихъ дѣлахъ, которыя рѣшались на его собраніяхъ, чѣмъ другимъ грѣшили, какъ не клятвопреступленіемъ? При крайнемъ развращеніи нравовъ древній обычай клятвы сохранялся не для того, чтобы удерживать отъ злодѣйства страхомъ религіи, а для того, чтобы къ другимъ злодѣйствамъ прибавлять и клятвопреступленіе.

ГЛАВА III.

Боювъ не могло оскорбить прелюбодѣяніе Париса, потому что, по рассказамъ, оно часто случалось и между ними самими.

Итакъ, если боги, которыми, какъ говорятъ, держалось то государство, оказываются побѣжденными со стороны болѣе сильныхъ грековъ, то нѣтъ причины представлять ихъ разгнѣванными клятвопреступленіемъ троянъ. Не разсердило ихъ до такой степени, чтобы они могли оставить Трою, и прелюбодѣяніе Париса, какъ стараются защитить ихъ нѣкоторые другіе. Ибо они привыкли быть пособниками и учителями грѣховъ, а не мстителями. „Городъ Римъ, какъ узналъ я, говоритъ Саллюстій, основали и удерживали за собою первоначально трояне, которые, бѣжавъ подъ предводительствомъ Энея, бродили туда и сюда безъ опредѣлен-

¹⁾ Sallust. Catil. cap. XIV.

наго пристанища“¹⁾). Поэтому, еслибы боги считали должнымъ отмстить прелюбодѣяніе Париса, божественная кара скорѣе всего обнаружилась бы на римлянахъ или по крайней мѣрѣ и на римлянахъ: потому что прелюбодѣяніе совершила и мать Энея. На какомъ основаніи они отнеслись бы немилостиво къ постыдному дѣлу того, если относились милостиво къ прелюбодѣянію своей подруги Венеры, совершенному ею (не говоря о другихъ) съ Анхизомъ, отъ котораго она родила Энея? Развѣ уже не на томъ ли, что первое совершено при негодованіи на него со стороны Менелая, а послѣднее съ согласія Вулкана? Боги, полагаю, не ревнуютъ своихъ женъ, до такой степени, что считаютъ приличнымъ имѣть ихъ общими даже съ людьми. Но подумаютъ, пожалуй, что я смѣюсь надъ баснями, а не разсуждаю серьезно о предметѣ такой важности. Итакъ не будемъ, если угодно, вѣрить тому, что Эней былъ сыномъ Венеры. Я сдѣлаю эту уступку, если и Ромулъ не былъ сыномъ Марса. Если одно, то почему же бы и не другое? Или богамъ позволительно смѣшиваться съ женщинами-людьми, а мужчинамъ - людямъ съ богинями не позволительно? Условіе непріятное, или скорѣе—невѣроятное: что съ соизволенія Венеры было можно Марсу, того было нельзя самой Венерѣ. Но то и другое одинаково подтверждается римскими документами. Позднѣйшій Цезарь не менѣе вѣрилъ тому, что его бабкою была Венера, какъ и древнѣйшій Ромулъ тому, что отцемъ его былъ Марсъ.

ГЛАВА IV.

О мнѣніи Варрона, считавшаго полезнымъ, чтобы люди выдумывали, будто они рождены отъ боговъ.

Скажетъ кто нибудь: „Неужели ты этому вѣришь? Я по крайней мѣрѣ этому не вѣрю“. Дѣйствительно, и ученѣйшій

¹⁾ Ibid. cap. VI.

ихъ мужъ Варронъ, хотя и не рѣшительно и не съ полною увѣренностію, но признаеть все это ложнымъ. Но онъ считаеть полезнымъ для государствъ, чтобы люди выдающіеся считали себя рожденными отъ боговъ, хотя бы то было и ложно: чтобы въ силу этого духъ человѣческій, питая въ себѣ такъ сказать самоувѣренность божественнаго отпрыска, смѣлѣе приступалъ къ совершенію великихъ дѣлъ, съ большею горячностію велъ ихъ и счастливѣе, въ силу самой увѣренности, выполнялъ ихъ. Видишь самъ, какое обширное мѣсто открываетъ лжи это мнѣніе Варрона, которое я выразилъ, какъ могъ, своими словами. Поймемъ же, что очень многое и священное и какъ бы религіозное могло быть измыслено тамъ, гдѣ ложь о самихъ богахъ считаелась полезною для гражданъ.

ГЛАВА V.

Нѣтъ доказательствъ, чтобы боги наказали прелюбодѣяннѣ Париса, если не отмстили за прелюбодѣяннѣ матери Ромула.

Но вопросъ о томъ, могла ли Венера отъ совокупленія съ Анхизомъ родить Энея, или Марсъ отъ совокупленія съ дочерью Нумитора родить Ромула, оставимъ открытымъ. Такой же почти вопросъ возникаетъ и изъ нашихъ писаній. Спрашиваютъ: не преступные ли ангелы смѣсились съ дщерями человѣческими (Быт. VI, 4), и рожденными отъ этого смѣшенія гигантами, т. е. людьми чрезвычайнаго роста и силы, въ извѣстное время наполнилась земля? Наше разсужденіе можетъ одинаково относиться къ тому и другому. Итакъ, если вѣрно то, что у нихъ читается относительно матери Энея и отца Ромулова, то почему бы богамъ могли не нравиться прелюбодѣяннѣ человѣческія, когда себѣ самими они дозволяли ихъ безпрекословно? А если ложно. то

и въ такомъ случаѣ не могутъ приходиться въ гнѣвъ отъ дѣйствительныхъ человѣческихъ прелюбодѣяній тѣ, которые улаждаются своими даже вымышленными. Кромѣ того, если одно невѣроятно относительно Марса, какъ другое относительно Венеры, то преступленіе матери Ромула не находить для себя оправданія ни въ какомъ божественномъ совокупленіи. Въдѣ Сильвія была жрицею Весты, и потому боги ея святотатственное преступленіе должны были бы отмстить на римлянахъ гораздо строже, чѣмъ мстили прелюбодѣяніе Париса на троянахъ. Сами древніе римляне обличенныхъ въ прелюбодѣянніи жриць Весты зарывали въ землю даже живыми, между тѣмъ какъ прелюбодѣйствовавшихъ женщинъ, хотя и наказывали извѣстнымъ образомъ, смертной казни не подвергали никакой: до такой степени они строже охраняли неприкосновенность святыни божественной сравнительно съ неприкосновенностію ложа человѣческаго.

ГЛАВА VI.

О братоубійствѣ Ромуловомъ, за которое боги не отмстили.

Прибавлю еще: если эти боги были до такой степени недовольны человѣческими преступленіями, что оскорбившись поступкомъ Париса предали оставленную ими Трою огню и мечу: то убитый братъ Ромула долженъ бы еще болѣе вооружить ихъ противъ римлянъ, чѣмъ оскорбленный греческій супругъ вооружилъ противъ троянъ; братоубійство рождающагося государства должно бы разгнѣвать болѣе, чѣмъ прелюбодѣяніе бывшаго уже въ силѣ. Для вопроса, которымъ мы занимаемся въ данномъ случаѣ, не имѣетъ особой важности—велѣлъ ли Ромулъ сдѣлать это, или сдѣлалъ это самъ; что многіе съ безстыдствомъ отрицаютъ, а многіе по чувству стыда подвергаютъ сомнѣнію, многіе же

по чувству сожалѣнія обходить молчаніемъ. Мы не будемъ останавливаться надъ болѣе тщательнымъ разслѣдованіемъ провѣренныхъ уже свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ многихъ писателей. Несомнѣнно, что братъ Ромула былъ убитъ, и убитъ не врагами, не чужеземцами. Совершилъ ли или только приказалъ это Ромулъ, во всякомъ случаѣ онъ былъ болѣе главою римлянъ, чѣмъ Парисъ троянъ. Почему же тотъ похититель чужой жены навлекъ на троянъ гнѣвъ боговъ, а этотъ убійца своего брата привлекъ на римлянъ покровительство тѣхъ же самыхъ боговъ? Если же и дѣломъ и повелѣніемъ Ромулъ былъ чуждъ этого злодѣйства, то, поелику оно во всякомъ случаѣ должно было быть отмщено, его совершилъ весь этотъ городъ, такъ какъ весь не обратилъ на него вниманія; и убилъ онъ уже не брата, но что еще преступнѣе—отца. Ибо и тотъ и другой были основателями города, въ которомъ одному изъ нихъ злодѣйски причиненная смерть не дозволила царствовать. По моему мнѣнію, нельзя указать ничего дурнаго, чѣмъ Троя заслужила бы, чтобы боги оставили ее и она подверглась вслѣдствіе того разрушенію, и ничего добраго, чѣмъ заслужилъ бы Римъ, чтобы боги въ немъ обитали и онъ вслѣдствіе того возвышался, кромѣ того развѣ, что боги оттуда убѣжали, будучи побѣждены, и перебрались къ этимъ, чтобы и ихъ также точно обольстить. Впрочемъ, они остались тамъ, чтобы по обычаю своему обольщать тѣхъ, которые снова населили тѣ самыя области; и здѣсь, давши даже большее развитіе своему искусству обмана, приобрѣли еще большій почетъ.

ГЛАВА VII.

О разрушеніи Иліона, уничтоженнаго Фимбриєю, вождемъ Маріевымъ.

Затѣмъ, что дурнаго сдѣлалъ уже во время войнъ гражданскихъ Иліонъ, что былъ разрушенъ Фимбриєю, не-

годнѣйшимъ челоуѣкомъ изъ сторонниковъ Марія, — разрушенъ съ большимъ звѣрствомъ и жестокостію, чѣмъ въ древнее время греками? Тогда многіе ушли изъ него, а многіе, понавшись въ плѣнъ, остались по крайней мѣрѣ живы, хотя и были обращены въ рабство. Фимбрія же началъ обнародованіемъ эдикта, которымъ предписывалъ не падать никого, и сжегъ весь городъ и всѣхъ людей въ немъ. Этимъ отплатили Иліону не греки, которыхъ онъ вывелъ изъ терпѣнія своею несправедливостію, а римляне, усилению которыхъ онъ жертвовалъ своимъ благосостояніемъ, и общіе боги ничѣмъ не помогли, а вѣриѣе ничѣмъ не могли помочь для отвращенія этого. Неужели и тогда боги, которыми держался этотъ городъ по возстановленіи его послѣ древнихъ грековъ изъ пепла и развалинъ, ушли всѣ оставивъ храмы и алтари? Если дѣйствительно ушли, ищущу на то причины; и нахожу, что граждане настолько же поступили съ своей стороны лучше, насколько боги хуже. Тѣ затворили ворота передъ Фимбрию, чтобы удержать городъ во власти Суллы: за это Фимбрія, разгнѣвавшись, истребилъ или точнѣе — совершенно стеръ ихъ съ лица земли. А Сулла въ то время стоялъ еще во главѣ лучшей части гражданъ, старался еще о возстановленіи республики силою оружія: благимъ начинаніямъ своимъ онъ не давалъ еще дурнаго исхода. Могли ли граждане этого города поступить лучше, честнѣе, добросовѣстнѣе и достойнѣе своего родства съ римлянами, чѣмъ поступили они, сохраняя городъ для лучшей части римлянъ и запирая ворота передъ отцеубійцею римской республики? Пусть же защитники боговъ обратятъ вниманіе на то, какъ послужило это къ ихъ гибели. Пусть боги оставили прелюбодѣевъ, и предоставили Иліонъ огню грековъ, чтобы изъ пепла его родился болѣе цѣломудренный Римъ, но зачѣмъ же они потомъ оставили тотъ же самый городъ, когда онъ былъ родственнымъ римлянамъ, не возставалъ противъ бла-

городнаго дѣтища своего, Рима, а сохранялъ съ величайшимъ постоянствомъ и добросовѣстностію вѣрность къ честнѣйшей его части, и дозволили разрушить его не храбрымъ мужамъ изъ грековъ, а подлѣйшему челоуѣку изъ римлянъ? Или богамъ не нравилось дѣло сторонниковъ Суллы, для котораго несчастные хотѣли сохранить городъ, затворивъ ворота? Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же они общали и предсказывали тому же самому Суллѣ столько добраго? Или и въ этомъ случаѣ они высказываютъ себя скорѣе льстецами счастливымъ, чѣмъ защитниками несчастныхъ? Ибо и въ это время Иліонъ не потому былъ разрушенъ, что былъ ими оставленъ. Демоны, въ высшей степени старательные во всемъ, что касается обольщенія, сдѣлали съ своей стороны все, что могли. Въ ту пору, какъ всѣ статуи боговъ были разрушены и сожжены вмѣстѣ съ городомъ, одна статуя Минервы, какъ пишетъ Ливій, оказалась стоящею въ неповрежденномъ видѣ подъ развалинами ея храма. Не для того, конечно, случилось это, чтобы къ чести ихъ можно было сказать, что они-де боги отеческіе, подъ покровомъ которыхъ находится Троя всегда, а для того, чтобы нельзя было сказать въ ихъ защиту: „Оставивъ-де храмы и алтари, ушли всѣ боги“. Имъ поупущена была возможность сдѣлать не такое, что могло бы служить доказательствомъ ихъ могущества, а такое, что служило бы доказательствомъ ихъ присутствія.

ГЛАВА VIII.

Слѣдовало ли вернуть Римъ на сохраненіе богамъ иліонскимъ.

На какомъ же разумномъ основаніи, послѣ опыта надъ самою же Троею, ввѣренъ былъ богамъ иліонскимъ на сохраненіе Рима? Скажетъ кто нибудь, что они уже обитали въ Римѣ въ то время, когда Фимбрія, овладѣвъ Иліономъ,

разрушилъ его. Въ такомъ случаѣ почему устояла статуя Минервы? Затѣмъ, если они были въ Римѣ въ то время, когда Фимбрія разрушилъ Иліонъ, то, вѣроятно, они въ Иліонѣ были въ то время, когда самъ Римъ былъ взятъ и сожженъ галлами, но такъ какъ владѣють, весьма острымъ слухомъ и быстротою въ движеніяхъ, скоро на крикъ гусей вернулись назадъ, чтобы охранить по крайней мѣрѣ Капитолій, который остался цѣлымъ; для того же, чтобы защитить прочее, ихъ увѣдомили позднолато.

ГЛАВА IX.

Слѣдуетъ ли думать, будто тотъ миръ, которымъ отличалось царствованіе Нумы, былъ дарованъ богами.

Думаютъ, будто, благодаря ихъ помощи, Нума Помпильій; преемникъ Ромула, пользовался миромъ во все время своего царствованія, и затворилъ двери храма Януса, стоявшія обыкновенно открытыми во время войнъ; и это якобы въ награду за то, что онъ установилъ для римлянъ многіе священные обряды. Человѣкъ этотъ заслуживалъ бы благодарности за подобный миръ, если бы умѣлъ воспользоваться имъ для дѣлъ полезныхъ и, оставивъ пытливость вреднѣйшаго свойства, съ истиннымъ благочестіемъ искалъ Бога истиннаго. При данныхъ же условіяхъ не боги дали ему этотъ покой; но то вѣроятно, что они успѣли бы менѣе обольстить его, если бы нашли его менѣе спокойнымъ. Чѣмъ менѣе нашли они его занятымъ, тѣмъ болѣе успѣли занять его сами. Варронъ передаетъ о томъ, что имъ сдѣлано и какими средствами онъ успѣлъ стать въ сношенія съ подобными богами самъ и поставить въ эти сношенія городъ. Если Господу угодно будетъ, мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ. Въ настоящемъ же случаѣ, такъ какъ рѣчь идетъ объ ихъ бла-

годѣяніяхъ, замѣтимъ, что миръ есть дѣйствительно великое благодѣяніе, но по большей части, какъ и солнце, какъ дожди, какъ и другія пособія къ жизни, благодѣяніе Бога истиннаго для неблагодарныхъ и негодныхъ. Если же это великое благо доставили Риму или Помпилю тѣ боги: то почему они послѣ не доставляли его государству римскому никогда, даже въ болѣе заслуживавшія похвалъ времена? Или священные обряды болѣе были полезны въ то время, когда устанавливались, чѣмъ въ то, когда установленные совершались? Но вѣдь тогда ихъ еще не было, а они вводились только, чтобы были; послѣ же они уже были, и соблюдались, чтобы приносили пользу. Что же такое значитъ, что тѣ сорокъ три года, или, по другимъ, тридцать девять лѣтъ царствованія Нумы, были проведены въ такомъ продолжительномъ мирѣ, а потомъ, когда священные обряды были установлены и сами боги, привлеченные этими именно обрядами, явились защитниками и хранителями,—потомъ, чрезъ долгій періодъ времени отъ основанія Рима до Августа, едва упоминается, какъ великое чудо, одинъ годъ послѣ первой пунической войны, въ который римляне могли затворить двери войны?

ГЛАВА X.

Слѣдовало ли желать, чтобы государство римское разрослось посредствомъ такихъ жестокихъ войнъ, когда оно могло быть и спокойнымъ и безопаснымъ слѣдую той политикѣ, посредствомъ которой усилилось при Нумѣ.

Отвѣтить развѣ, что государство-де римское не могло бы разростись такъ широко и пріобрѣсть такую громадную славу, еслибы не вело постоянныхъ, непрерывно одна за другою слѣдовавшихъ, войнъ? Нечего сказать: уважительная причина! Зачѣмъ же государство, чтобы сдѣлаться великимъ,

должно было не имѣть покоя? Развѣ въ томъ, что касается тѣла человѣческаго, не лучше имѣть посредственный ростъ съ здоровьемъ, чѣмъ достигнуть какихъ либо гигантскихъ размѣровъ посредствомъ постоянныхъ мученій, и по достиженіи, не успокоиться, а подвергаться тѣмъ большимъ бѣдствіямъ. чѣмъ громаднѣе будутъ члены? Неужели было бы дурно, а не лучше гораздо, если бы продолжались тѣ времена, которыя очертилъ Саллюстій, говоря: «Итакъ въ началѣ цари (ибо таково сперва было названіе земныхъ властей). держась различныхъ мнѣній, одни давали образованіе уму, другіе тѣлу: въ то время люди жили еще не увлекаясь страстью любостыжанія, и всякій былъ доволенъ своимъ»¹⁾? Неужели для такого расширенія государства слѣдовало быть тому, что проклинаетъ Вергилій, говоря:

*Мало по малу смѣнили ихъ времена худыя,
Бѣшенство войны и страсть наживы* ²⁾?

Правда, вчиная и ведя такое множество войнъ, римляне имѣли достаточное оправданіе въ томъ, что, когда на нихъ нагло нападали враги, ихъ вынуждала сопротивляться не жадность къ славѣ, а необходимость охраненія собственнаго благосостоянія и свободы. Пусть это и такъ; «Ибо, какъ пишетъ тотъ же Саллюстій, когда государство ихъ, возросшее благодаря законамъ, нравамъ и расширенію владѣній, казалось достаточно счастливымъ и достаточно могущественнымъ, благосостояніе его, какъ это по большей части бываетъ у людей, возбудило зависть. И вотъ сосѣдніе цари и народы стали враждебно нападать на нихъ, а изъ друзей не многіе подавали имъ помощь. Остальные, поддавшись страху, устранились отъ опасностей. Но римляне, одинаково преданные

¹⁾ Sallust. in Catilin. cap. II.

²⁾ Virg. Aeneid. VIII. v. 326 et 327.

дѣламъ внутреннимъ и военнымъ; не теряли времени, вооружались, воодушевляли другъ друга и шли на встрѣчу врагамъ, защищая оружіемъ свободу, отчизну и родителей. Послѣ, когда своею доблестію устранили угрожавшія имъ опасности, они подавали помощь своимъ союзникамъ и друзьямъ, и снискали дружбу не столько получая сами, сколько оказывая другимъ благодѣянія“¹⁾). При такомъ образѣ дѣйствованія возвышеніе Рима было вдолнѣ заслуженнымъ. Но въ царствованіе Нумы, когда такъ долго продолжался миръ, нападали ли на него и вызывали ли его на войну недобросовѣстные сосѣди; или ничего не было такого, и отъ того миръ этотъ могъ оставаться не нарушимымъ? Вѣдь если на Римъ нападали и въ то время, но оружію не было противопоставляемо оружіе же: то какъ дѣлалось тогда, что враги были останавливаемы, не будучи побѣждены ни въ одномъ сраженіи, не будучи уstraшены ни какимъ воинственнымъ натискомъ, также точно могло дѣлаться и всегда, и всегда Римъ царствовалъ бы при затворенныхъ дверяхъ Януса. Если же это было не возможно, то Римъ пользовался миромъ не до тѣхъ поръ, пока того хотѣли боги его, а до тѣхъ поръ, пока того хотѣли окружавшіе его съ той или иной стороны люди, которые не вызывали его на войну; развѣ уже боги этого рода дерзнуть выдавать человѣку за идущее отъ нихъ и то, чего желаетъ или не желаетъ другой человѣкъ. То вѣрно, пожалуй, что демонамъ попускается устрашать или возбуждать злыя души; но важно то, насколько это попускается. Если бы они всегда могли это дѣлать, и высшая таинственная сила не дѣлала многого вопреки ихъ усиліямъ, они имѣли бы всегда въ своей власти и миръ, и успѣхи военные, такъ какъ по-

¹⁾ Sallust. in Catil. cap. VI.

слѣдніе всегда почти зависятъ отъ возбужденія душъ чело-
вѣческихъ; но что по большей части они бывали вопреки
ихъ волѣ, объ этомъ говорятъ не только басни, рассказы-
вающія много ложнаго и едва кое-что передающія или озна-
чающія истинное, но и сама римская исторія.

ГЛАВА XI.

*О статую Аполлона кумскаго, плачь которой былъ
признанъ за указаніе пораженія грековъ, которымъ
помочь Аполлонъ не могъ*

Вѣдь не по другой какой либо причинѣ плакалъ, какъ
рассказываютъ, впродолженіе четырехъ дней извѣстный Апол-
лонъ кумскій во время войны противъ ахейнъ и царя Ари-
стоники. Встревоженные этимъ необыкновеннымъ явленіемъ,
гаруспексы полагаали, что статую слѣдовало бросить въ
море; но вмѣшались въ дѣло старики кумскіе и передали,
что подобное же явленіе было замѣчено на этой статуѣ и
во время войны Антиоха и Персея, и такъ какъ дѣло окон-
чилось счастливо для римлянъ, то по опредѣленію сената,
говорили они, этому же самому Аполлону ихъ были при-
сланы дары. Тогда вновь призванные якобы болѣе свѣдущіе
гаруспексы отвѣтили, что плачь Аполлона представляетъ
счастливое предзнаменованіе для римлянъ: потому что ко-
лонія кумская есть колонія греческая, и плачь Аполлона ука-
зываетъ на бѣдствіе и пораженіе тѣмъ роднымъ ему стра-
намъ, откуда онъ принесенъ, т. е. самой Греціи. Вслѣдъ
за тѣмъ была получена вѣсть, что царь Аристонинъ былъ
побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ; хотя Аполлонъ отнюдь не
желалъ, чтобы онъ былъ побѣжденъ, и скорбѣлъ о томъ,
и высказывалъ это даже слезами, которыя текли изъ его
камня. Поэтому не кажутся вполне несообразными обычаи
демоновъ, которые описываются въ стихахъ поэтовъ, хотя

и баснословныхъ, но похожихъ на истину. У Виргилія, на примѣръ, Діана скорбитъ о Камиллѣ и Геркулесъ оплакиваетъ смерть Палланта. Поэтому, быть можетъ, и Нума Помпиль, наслаждаясь миромъ, но не зная и не доискиваясь, кому этимъ миромъ обязанъ, когда размышлялъ на досугъ о томъ, какимъ богамъ вѣрить на сохраненіе римское благосостояніе и царство,—и съ одной стороны не думалъ, чтобы Богъ высочайшій, истинный и всемогущій промышлялъ объ этихъ земныхъ вещахъ, а съ другой—припоминалъ, что боги троянскіе, привезенные Энеемъ, не могли на долго сохранить ни царства троянскаго, ни лавинійскаго, основаннаго самимъ Энеемъ,—пришелъ къ мысли, что слѣдуетъ заpastись другими, придавъ ихъ къ прежнимъ (перешли ли они въ Римъ вмѣстѣ съ Ромуломъ, или могли перейти въ него потомъ, когда была разрушена Альба) или въ качествѣ стражей, какъ къ способнымъ предаться бѣгству, или въ качествѣ помощниковъ, какъ къ слабосильнымъ.

ГЛАВА XII.

О множествѣ боговъ, которое римляне добавили себѣ сверхъ установленныхъ Нумою; и которое однакоже ничѣмъ имъ не пособило.

Римъ однакоже не нашелъ возможнымъ удовольствоваться и этими святынями, какъ ни много установилъ ихъ ему Помпиль. Такъ онъ не имѣлъ еще важнѣйшаго изъ храмовъ, храма Юпитера. Капитолій построилъ въ немъ царь Тарквиній. А изъ Епидавра привлекъ къ себѣ сердца Рима Эскулапъ, чтобы въ качествѣ наиболѣе свѣдущаго врача заниматься въ знаменитѣйшемъ городѣ своимъ искусствомъ съ большею славою. Явилась изъ какого-то Пессинунта и мать боговъ. Ибо не прилично же было, чтобы въ

ту пору, какъ ея сынъ управлялъ уже капитолійскимъ небомъ, сама она скрывалась еще въ незначительномъ мѣстѣ. Будучи же матерью всѣхъ боговъ, она не только пришла въ Римъ вслѣдъ за нѣкоторыми изъ своихъ сыновей, но и шла впереди другихъ, которые имѣли послѣдовать за нею. Желалъ бы я знать только, она ли родила Кинокефала, который спустя долгое время послѣ того пришелъ изъ Египта. Отъ ней ли родилась и богиня Лихорадка, это пусть рѣшить правнукъ ея Эскулапъ. Но отъ кого бы она ни родилась, думаю, что боги чужеземные не осмѣлятся назвать ее низкою по происхожденію, — ее — богиню, римскую гражданку. Поставленный подъ охрану столькихъ боговъ (боговъ, которыхъ и пересчитать нельзя: туземныхъ и чужеземныхъ, небесныхъ, земныхъ, подземныхъ, морскихъ, родниговыхъ, рѣчныхъ, и какъ говоритъ Варронъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, во всякомъ родѣ боговъ, какъ между животными, мужчинъ и женщинъ), — поставленный, говорю, подъ охрану столькихъ боговъ, Римъ не долженъ былъ бы потерпѣть и выстрадать столько великихъ и ужасныхъ бѣдствій, изъ множества которыхъ я напому только не многія. Высоко поднимавшимся дымомъ своихъ куреній, какъ бы нарочито поданнымъ знакомъ, онъ собралъ для своего охраненія чрезвычайное множество боговъ; но устанавливая имъ храмы, алтари, жертвоприношенія, священниковъ, онъ оскорблялъ высочайшаго истиннаго Бога, которому одному должны были принадлежать эти обряды религіознаго почитанія. И хотя при меньшемъ количествѣ боговъ онъ жилъ счастливѣе; однако, насколько увеличился самъ, подумалъ, что ему настолько же нужно увеличить количество и ихъ, какъ матросовъ для корабля. Полагаю, что онъ не понадѣялся, чтобы малое число ихъ, при которомъ онъ въ сравнительно худшихъ условіяхъ жилъ лучше, было достаточно для поддержанія величины его. Во первыхъ, при самыхъ царяхъ, за исключеніемъ

Нумы Помпиля, о которомъ я уже говорилъ выше, до какой степени достигло зло враждебнаго разногласія, если довело до убійства брата Ромулова?

ГЛАВА XIII.

На основаніи какого права и на какихъ условіяхъ римляне заключили первые супружескіе союзы.

Какимъ образомъ ни Юнона, принявшая впослѣдствіи вмѣстѣ съ Юпитеромъ въ свое благоволеніе

Римлянъ, вселенной владыкъ и народъ носившій тогу¹⁾, ни даже Венера, родная потомству Энея, не были въ состояніи помочь римлянамъ получить женъ путемъ честнымъ и мирнымъ, и они огазались въ такомъ затруднительномъ положеніи, что похитили ихъ коварнымъ образомъ и вслѣдъ затѣмъ вынуждены были сражаться съ тестями; такъ что несчастныя женщины, не успѣвшія еще привязаться къ мужьямъ, нанесли имъ насиліе, получили уже отъ нихъ, вмѣсто брачнаго дара, кровь родителей? Но римляне-де въ этомъ столкновеніи побѣдили своихъ сосѣдей.—А сколько и какихъ ранъ и смертей стоили той и другой сторонѣ подобныя побѣды родныхъ надъ родными и сосѣдей надъ сосѣдями? Изъ-за одного тестя, Цезаря, и одного зятя, Помпея, когда дочери Цезаря и жены Помпея уже не было въ живыхъ, съ какою глубокою и справедливою скорбію восклицаетъ Луканъ:

Пишемъ мы о войнахъ болѣе грустныхъ,
Чѣмъ гражданскія, о войнахъ
На поляхъ эмаейскихъ, гдѣ злодѣйству
Данъ былъ просторъ²⁾.

¹⁾ Virg. Aeneid. I. v. 282.

²⁾ Lucan. Lib. 1.

Да, римляне побѣдили, чтобы обогранными кровію тестей руками исторгнуть жалгія объятія отъ ихъ дочерей! И послѣднія не смѣли оплакивать убитыхъ отцевъ, чтобы не оскорбить побѣдителей-супруговъ. Даже, когда тѣ еще сражались, онѣ не знали, кому изъ нихъ желать побѣды. Такими браками наградила римлянъ не Венера, а Беллона; или, можетъ быть, Алектто, извѣстная адская фурія, въ то время, когда Юнона покровительствовала уже имъ, имѣла большую возможность имъ вредить, чѣмъ тогда, когда Юнона возбуждала ее противъ Энея своими просьбами ¹⁾? Плѣнъ Андромахи былъ счастливѣе, чѣмъ эти римскіе браки: послѣ объятій ея, хотя и рабскихъ, Пирръ не убилъ никого изъ троянъ. Римляне же предавали въ сраженіяхъ смерти отцевъ послѣ того, какъ заключали уже въ свои объятія на брачномъ ложѣ ихъ дочерей. Та, подпавши подъ власть побѣдителя, могла оплакивать родныхъ только уже умершихъ, но не бояться за живыхъ; а эти, связанные узами сожительства съ сражающимися, боялись смерти своихъ отцевъ, когда мужья выступали въ походъ, оплакивали ее, когда—они возвращались, и не могли свободно выражать ни опасеній своихъ, ни скорби. Имъ приходилось или по чувству родственной любви сокрушаться о гибели согражданъ, родственникововъ, братьевъ, отцевъ, или, подавивъ въ себѣ жалость, радоваться побѣдамъ мужей. Въ этому присоединилось и то, что при обоюдности сраженій нѣкоторыя изъ нихъ потеряли мужей отъ оружія отцевъ, а нѣкоторыя и отцевъ и мужей отъ ихъ взаимнаго оружія. Ибо не малымъ опасностямъ этого рода подвергались и римляне. Дѣло дошло до осады Рима, и римляне защищались, затворивъ ворота. Когда послѣднія посредствомъ обмана были отворены и враги проникли внутрь

¹⁾ Virg Aeneid. VII. v. 319 et sqq.

стѣнь, между тестями и зятьями произошло преступное и крайне жестокое сраженіе на самой площади городской. И вотъ похитители эти начинали даже терпѣть поражение, и, во множествѣ причесавъ по домамъ своимъ, покрывали еще большимъ позоромъ свои вчерашнія побѣды, и безъ того постыдныя и достойныя оплачиванія. Въ это время Ромуль, не надѣясь уже на храбрость своихъ, попросилъ Юпитера, чтобы они остановились: по этому случаю Юпитеръ и получилъ имя Статора. Но великому бѣдствію этому не было бы конца, если бы эти похищенныя женщины не выскочили съ распущенными волосами и, припавъ къ ногамъ отцевъ, не смягчили ихъ въ высшей степени справедливый гнѣвъ не оружіемъ побѣднымъ, а умоляющею любовью. Послѣ этого Ромуль, не выносившій совмѣстнаго участія въ правленіи роднаго брата, вынужденъ былъ принять въ соправители царя сабиняня, Тита Тація: но могъ ли долго терпѣть его тотъ, кто не могъ стерпѣть брата и близнеца? Поэтому, умертвивши и этого для вящаго божескаго достоинства, онъ сталъ царствовать одинъ. Что это за право брачное? что за побужденія къ войнамъ? что за основанія для родства, свойства, сообщества, обожанія? Что наконецъ за жизнь государственная подъ покровительствомъ столькихъ боговъ? Видишь самъ, что и какъ многое могло бы быть сказано по этому поводу, если бы наше вниманіе не устремлялось къ тому, что остается впереди, и рѣчь не спѣшила перейти къ другому.

ГЛАВА XIV.

О нечестивомъ характерѣ войны, которую римляне начали противъ альбанцевъ, и о побѣдѣ, одержанной страстію господства.

А что потомъ, послѣ Нумы, при другихъ царяхъ? Съ ка-
кимъ великимъ бѣдствіемъ не только для себя, но и для римлянъ,

были вызваны на войну альбанцы,—вызваны потому, что слишкомъ долгій миръ при Нумѣ потерялъ свою цѣну? Какія частыя пораженія терпѣли войска римскія и альбанскія, и до какого безсилія дошли оба государства? Та Альба, которую построилъ Асканій, сынъ Энея, и которая была матерью Риму болѣе близкою, чѣмъ сама Троя, начала войну, будучи вызвана царемъ Тулломъ Гостилиемъ; но, вступивъ въ борьбу, она то была отражаема, то отражала въ свою очередь, пока одинаковая потеря множества сраженій не наскучила той и другой сторонѣ. Тогда рѣшили покончить войну сраженіемъ трехъ братьевъ близнецовъ отъ каждой изъ сторонъ. Со стороны римлянъ выступили три Горація; со стороны альбанцевъ—три Куриція. Три Куриція побѣдили и умертвили двухъ Гораціевъ; но одинъ Горацій побѣдилъ и убилъ трехъ Куриціевъ. И такъ Римъ оказался побѣдителемъ, и въ послѣднемъ сраженіи—цѣною такой крови, что изъ шести живыхъ возвратился домой только одинъ. Кто потерпѣлъ уронъ съ обѣихъ сторонъ? Кому было горе, какъ не роду Энея, потомкамъ Асканія, племени Венеры, правнукамъ Юпитера? Вѣдь и эта война была болѣе грустною, чѣмъ война гражданская: сражались между собою города, бывшіе въ отношеніи дочери къ матери. Къ послѣднему сраженію трехъ братьевъ близнецовъ присоединилось и другое жестокое и ужасное зло. Такъ какъ оба народа прежде были дружественными (ибо были сосѣдственные и родственные между собою), то съ однимъ изъ Куриціевъ была сговорена сестра Гораціевъ. Когда послѣдняя увидѣла потомъ на братъ-побѣдителя отнятое у убитаго жениха оружіе, была убита и сама этимъ же братомъ за то, что заплакала. На мой взглядъ чувство одной женщины было человѣчнѣе, чѣмъ чувство всего народа римскаго. Думаю, что ея слезы не были преступны, оплакивала ли она мужа, котораго согласно съобща данному слову уже считала своимъ, или скорбѣла о самомъ

братѣ, который убилъ его. У самого же *Виргилія* благочестивый *Эней* высказываетъ похвальное чувство скорби о врагѣ, убитомъ его же собственною рукою. И *Марцеллъ* оплакивалъ *Сиракузы*, припоминая не задолго передъ тѣмъ уничтоженное руками его величіе и славу ихъ и приводя себѣ на память общую судьбу. Пусть же человѣческое чувство не вмѣняетъ въ преступленіе то, что женщина оплакивала своего жениха, убитаго ея братомъ, если мужчинамъ вмѣнялось въ похвалу то, что они оплакивали даже враговъ, ими побѣжденныхъ. И такъ, когда упомянутая женщина оплакивала смерть жениха, убитаго ея братомъ, въ то самое время *Римъ* торжествовалъ, что нанесъ такое страшное пораженіе городу-матери и одержалъ побѣду съ такимъ пролитіемъ родственной крови съ той и другой стороны.

И къ чему выставляютъ мнѣ на видъ такъ называемую славу и блескъ побѣды? Устранивъ это прикрытіе безсмысленною славою, рассмотрите, взвѣсьте, обсудите голые факты. Пусть будетъ указана вина *Альбы*, какъ выставлялось на видъ прелюбодѣяніе *Трои*. Ничего такого, ничего подобнаго не оказывается; а выставляется лишь одно, что *Туллу* нужно было призвать къ оружію «облѣнившихся мужей и отвыгшихъ отъ *тріумфовъ* войска» ¹⁾. И такъ, злодѣйство гражданской и родственной войны совершилось благодаря тому пороку, котораго мимоходомъ касается *Саллюстій*. Упомянувъ съ похвалою въ короткихъ словахъ о временахъ древнѣйшихъ, когда люди проводили жизнь безъ жадности и каждый былъ вполне доволенъ своимъ собственнымъ, онъ говоритъ: «Послѣ же, когда въ *Азіи* *Киръ*, а въ *Греціи* *лакедемоняне* и *аеиняне* начали погорять города и народы, побужденіемъ къ войнѣ имѣть страсть къ господствованію, считать за величайшую славу величайшую власть» ²⁾, и такъ далѣе,

¹⁾ *Virg. Aeneid. VI. v. 813 et 814.*

²⁾ *Sallust. in. Catil. II.*

соотвѣтственно ходу его рѣчи. Мнѣ достаточно остановиться на этихъ его словахъ. Эта страсть къ господствованію терзаетъ и губитъ родъ человѣческой великими бѣдствіями. Побѣжденный этою страстію, Римъ считалъ въ то время торжествомъ для себя, что онъ побѣдилъ Альбу и рассказы о своемъ злодѣйствѣ называлъ славою. *Яко хвалимъ естъ грѣшныи въ похотехъ дууми своя*, говоритъ наше писаніе, *и обидяи благословимъ естъ* (Пс. ІХ 24). И такъ, пусть снимутся съ вещей ложные покровы и обманчивыя прикрасы, чтобы подвергнуть ихъ безпристрастному суду. Пусть никто не говоритъ мнѣ, что такой-то и таковой-то великій-де человѣкъ, потому что сражался съ тѣмъ-то и тѣмъ-то и побѣдилъ. Сражаются и гладіаторы; и они побѣждаютъ; и безчеловѣчіе этого рода вознаграждается похвалами. Но по моему мнѣнію, лучше кому бы то ни было понести наказаніе за бездѣятельность, чѣмъ добиваться славы ихъ подвиговъ. И однакоже, еслибы выступили на арену съ цѣлю сразиться между собою такіе гладіаторы, изъ которыхъ одинъ былъ бы отецъ, а другой сынъ, кто стерпѣлъ бы это? кто этого не отстранилъ бы? Какимъ же послѣ этрго образомъ могла быть славною вооруженная борьба между государствами, изъ которыхъ одно было матерью, а другое дочерью? Развѣ не въ томъ ли уже была разница, что арена была другая, и болѣе обширныя поля были покрыты трупами не двухъ гладіаторовъ, а множества людей изъ среды двухъ народовъ, и что эти битвы происходили не въ стѣнахъ амфитеатра, а на глазахъ всего міра, и нечестивое зрѣлище давалось и современникамъ, и потомкамъ, до кого только могъ дойти о немъ слухъ?

Не смотря на то, эти боги, покровители римской власти, допустили жестокость поединка и оставались какъ бы театральными зрителями подобныхъ сраженій до тѣхъ поръ, пока за трехъ убитыхъ Куріаціевъ не была братнимъ мечемъ

добавлена къ двумъ братьямъ третью и съ другой стороны сестра Гораціевъ: это для того, чтобы и Римъ, который побѣдилъ, имѣлъ не менѣе мертвыхъ. За тѣмъ въ видѣ выгоды, доставленной побѣдою, была разрушена Альба, гдѣ послѣ Иліона, разрушеннаго греками, и послѣ Лавинія, въ которомъ Эней основалъ-было временное и переходное царство, уже въ третьемъ мѣстѣ обитали пресловутые троянскіе боги. Но можетъ быть они по обычаю своему уже перекочевали оттуда, и потому Альба была разрушена?

*Храмы и алтари оставивъ, ушли-де въ
Боги, которыми держалось то царство?*

Въ такомъ случаѣ они теперь ушли уже въ третій разъ, чтобы получить отъ предусмотрительнѣйшихъ людей съ свое охраненіе четвертый городъ, Римъ. Альба, въ которой царствовалъ Амулій, изгнавши брата, имъ не понравилась; но Римъ, въ которомъ царствовалъ Ромуль, убивши брата, понравилась.—Но, говорятъ, прежде чѣмъ Альба была разрушена, населеніе ея было переведено въ Римъ, чтобы изъ двухъ городовъ образовать одинъ. — Пусть и такъ. Но все же царственный городъ Асканія и третье мѣстожительство троянскихъ боговъ былъ разрушенъ городомъ, стоявшимъ къ нему въ отношеніи дочери къ матерп. А чтобы остатки послѣ войны отъ двухъ народовъ свернулись въ одинъ жалкій творогъ, нужно было прежде пролить много крови каждаго изъ нихъ. Я не буду уже входить въ подробности о томъ, сколько разъ при послѣдующихъ царяхъ возобновлялись тѣ самыя войны, которыя казались оконченными побѣдами, и какъ завершившись новыми и новымъ кровопролитіями, послѣ договоровъ и мира между зятьями и тестями и между ихъ поколѣніемъ и потомствомъ, онѣ повторялись снова и снова. Яснымъ признакомъ этого бѣдствія было то, что ни одинъ изъ этихъ царей не затворялъ дверей войны.

Ни одинъ изъ нихъ слѣдовательно не царствовалъ мирно при столькихъ богахъ охранителяхъ.

ГЛАВА XV.

Какова была жизнь и кончина римскихъ царей.

А какова была кончина самихъ этихъ царей? О Ромуль рассказываетъ баснословная лесть, будто онъ взятъ на небо. Рассказываютъ и нѣкоторые изъ писателей, но утверждаютъ, что онъ былъ разсѣченъ на части сенатомъ за жестокость и что какой-то Юлій Прокулъ былъ подушень распустить слухъ, будто онъ явился ему и велѣлъ черезъ него народу римскому почитать его въ числѣ божествъ; и такимъ образомъ народъ, начинавшій негодовать на сенатъ, былъ оставленъ и успокоенъ. Къ тому же случилось солнечное затменіе. Невѣжественная чернь, не зная, что оно имѣло опредѣленную причину въ солнечномъ теченіи, приписало его заслугамъ Ромула. Между тѣмъ, если бы это затменіе было сѣтованіемъ солнца, по поводу его слѣдовало бы скорѣе прийти къ убѣжденію, что Ромуль убитъ и что фактъ злодѣянія доказывается и отвращеніемъ дневнаго свѣтила. Такъ было въ дѣйствительности въ то время, когда былъ распятъ Господь по жестокости и нечестію іудеевъ. Что въ послѣднемъ случаѣ солнечное затменіе случилось не въ силу правильного теченія планетъ, достаточно видно изъ того, что въ то время была іудейская пасха; послѣдняя празднуется въ полнолуніе, а обыкновенное солнечное затмѣніе бываетъ только въ исходѣ луны. Это принятіе Ромула въ число боговъ и Цицеронъ довольно ясно выставляетъ скорѣе за предполагаемое, чѣмъ за дѣйствительное, когда, дѣлая даже похвальный отзывъ о Ромулѣ, говорить въ книгахъ о республикѣ устами Сципіона: „Онъ достигъ столь многого, что, когда послѣ солнечнаго затме-

нія его неожиданно не оказалось, пришли къ заключенію, что онъ перемѣщенъ въ число боговъ: подобнаго мнѣнія о себѣ никто изъ смертныхъ не могъ никогда внушить другимъ, если не украшался чрезвычайными добродѣтелями¹⁾“. Въ томъ случаѣ, гдѣ Цицеронъ говоритъ, что его неожиданно не оказалось, разумѣется, конечно, или неистовство бури, или тайное убійство, тайное злодѣяніе. Ибо другіе изъ ихъ писателей приурочиваютъ къ затменію солнечному и неожиданную бурю, которая безъ сомнѣнія или дала возможность совершить злодѣяніе, или погубила Ромула сама. А о Туллѣ Гостиліѣ, который былъ послѣ Ромула третьимъ царемъ и былъ убитъ молніею, тотъ же Цицеронъ и въ тѣхъ же книгахъ говоритъ: „Объ немъ не составилось мнѣнія, что такимъ родомъ смерти онъ взятъ въ число боговъ; это вѣроятно потому, что римляне не хотѣли дѣлать обыкновеннымъ, т. е. незначительнымъ то, въ чемъ успѣли убѣдить относительно Ромула: что случилось бы, если бы они тоже самое охотно приписали и другому“. Въ обличительныхъ же рѣчахъ онъ говоритъ открыто: „Мы возвели Ромула въ боги безсмертные по благорасположенію къ нему и по доброму о немъ мнѣнію“²⁾, чтобы показать этимъ, что этого не было въ дѣйствительности, а рассказывалось и разглашалось такъ изъ благорасположенія къ нему ради доблести его. Въ Гортензіѣ же, говоря о подлежащихъ точнымъ вычисленіямъ солнечныхъ затменій, онъ замѣчаетъ: „Темнота бываетъ такая же, какая произошла во время убійства Ромула, которое совершилось во время солнечнаго затменія“. На этотъ разъ онъ не побоялся говорить объ убійствѣ, очевидно, потому, что занимался болѣе серьезнымъ изслѣдованіемъ вопроса, чѣмъ похвалами.

¹⁾ Cic. De republ. lib. II.

²⁾ Cic. Orat. III. Catilin.

А остальные цари римскаго народа, за исключеніемъ Нумы Помпилія и Анка Марція, умершихъ отъ болѣзни, какою имѣли ужасный конецъ? Туллъ Гостилій, побѣдитель и разрушитель Альбы, былъ, какъ я сказалъ, со всѣмъ до-
момъ своимъ сожженъ молніею. Прискъ Тарвиній былъ убитъ дѣтми своего предмѣстника. Сервій Туллій погибъ отъ гнусаго злодѣйства своего зятя Тарвинія Гордаго, на-
слѣдовавшаго послѣ него царство. И послѣ такого отцеубій-
ства, жертвою котораго сдѣлался лучшій царь этого народа, не ушли же, оставивъ храмы и алтари, эти боги, о кото-
рыхъ говорятъ, что они сдѣлали такъ съ несчастною Троею и предоставили ее на разрушеніе и сожженіе грекамъ, бу-
дучи возмущены прелюбодѣніемъ Париса! Напротивъ того, Тарвиній же и наслѣдовалъ умерщвленному имъ тестю. Боги не отступили отъ этого гнусаго отцеубійцы, который царствовалъ благодаря умерщвленію тестя, прославился сверхъ того многими войнами и побѣдами и построилъ изъ добычи военной Капитолій, а напротивъ того охраняли все и наблюдали за всѣмъ, и допустили царя своего Юпитера стать во главѣ своей и повелѣвать ими изъ этого величай-
шаго храма, т. е. изъ зданія, воздвигнутаго отцеубійцею. Ибо не такъ было дѣло, чтобы онъ прежде, когда былъ еще невиннымъ, построилъ Капитолій, а потомъ за преступленія былъ изгнанъ изъ Рима; а такъ, что самое царство, въ ко-
торомъ построенъ Капитолій, онъ получилъ посредствомъ самаго звѣрскаго злодѣянія. А что римляне впоследствии лишили его царства и удалили его изъ стѣнъ города, такъ это за безчестіе, нанесенное Лукреціи не имъ са-
мимъ, а сыномъ его, не только безъ его вѣдома, но даже въ его отсутствіи. Онъ осаждалъ въ то время го-
родъ Ардею и велъ войну за народъ римскій. Что сдѣлалъ бы онъ, если бы о мерзкомъ поступкѣ его сына было до-
ведено до его свѣдѣнія, мы не знаемъ. Не спросивъ его

мнѣнія и не попробовавъ обратиться къ его суду, народъ отнялъ у него власть; и, отобравъ войско, изъ котораго ему велѣно было удалиться и затворивъ потомъ ворота, не дозволилъ ему войти въ городъ, когда онъ возвращался. Тѣмъ не менѣе онъ,—послѣ жесточайшихъ войнъ, которыми, возбудивъ сосѣдніе народы, истощилъ этихъ самыхъ римлянъ, и послѣ того, какъ оставленный всѣми, на чью помощь надѣялся, оказался не въ силахъ возвратить царство,—прожилъ, какъ рассказываютъ, въ сосѣднемъ Риму городѣ Тускулѣ четырнадцать лѣтъ какъ человѣкъ частный въ полномъ покоѣ; вмѣстѣ съ женою достигъ старости и умеръ вѣроятно болѣе желанною смертію, чѣмъ его тесть, погибшій отъ злодѣянія своего зятя и не безъ вѣдома, какъ прибавляютъ, своей дочери. Римляне однакоже называли этого Тарквинія не жестокимъ или злодѣемъ, а Гордымъ; вѣроятно—потому, что его царственной гордости они не выносили по высокомерію другаго рода. На преступленіе же убійства имъ своего тестя, лучшаго изъ царей ихъ, обратили такъ мало вниманія, что сдѣлали его царемъ своимъ: не было ли еще большимъ злодѣйствомъ воздавать такую награду за такое злодѣйство? И однакоже не ушли, оставивъ храмы и алтари, боги. Развѣ ктонибудь станетъ, пожалуй, защищать ихъ въ томъ смыслѣ, что они для того и остались въ Римѣ, чтобы имѣть возможность не столько оказать благодѣяніе римлянамъ, сколько наказать ихъ тѣмъ, что увлекали ихъ пустыми побѣдами и истребляли тяжкими войнами. Такова была жизнь римлянъ при царяхъ въ тотъ достойный хвалы періодъ государственной жизни, который продолжался почти двѣсти сорокъ три года, до изгнанія Тарквинія Гордаго,—періодъ, въ теченіе котораго всѣ тѣ побѣды, купленные цѣною такого множества крови и столь великихъ бѣдствій, едва раздвинули границы государства на двадцать миль отъ города: пространство, съ которымъ

нельзя поставить въ настоящее время въ сравненіе даже территоріи любаго маленькаго города Гетовъ!

ГЛАВА XVI.

О первыхъ консулахъ у римлянъ, изъ которыхъ одинъ изгналъ изъ отечества другаго, и вслѣдъ за тѣмъ послѣ зѣвскаго отцеубійства погибъ въ Римъ, получивъ рану отъ раненнаго врага.

Присоединимъ къ этому періоду и то время, когда, по словамъ Саллюстія ¹⁾, соблюдались еще справедливость и безпристрастіе, когда еще боялись Тарквинія и велась жестокая война съ Этрурією. Ибо пока этрусски помогали Тарквинію въ его усиліяхъ возвратить царство, жестокая война потрясала Римъ. Поэтому-то, говоритъ Саллюстій, въ управленіи государственномъ соблюдались справедливость и безпристрастіе, — соблюдались подъ давленіемъ страха, а не по внушенію чувства справедливости. Но и въ этотъ кратчайшій промежутокъ времени какимъ печальнымъ годомъ былъ тотъ, въ который поставлены были первые консулы, по отмѣнѣ царской власти? Не прожили они и года, на который были избраны. Юній Врутъ изгналъ изъ Рима лишеннаго сана товарища своего, Люція Тарквинія Коллатина; а вслѣдъ за тѣмъ палъ въ сраженіи отъ ранъ, которыми обмѣнялся съ врагомъ, убивъ предварительно самъ же своихъ сыновей и братьевъ своей жены, потому что узналъ, что они составили заговоръ на возстановленіе Тарквинія. Хотя Virgilій и отзывался впоследствии съ похвалою объ этомъ поступкѣ, однако высказалъ вслѣдъ за тѣмъ и нѣкоторый ужасъ къ нему. Ибо сказавши:

¹⁾ См. выше кн. II. гл. 18.

... И дѣтей, возбуждавшихъ новыя войны,
 Предалъ казни отецъ, защищая благо свободы,

онъ тотъ часъ-же восклицаетъ:

Какъ бы потомство о томъ ни судило—несчастный!

Пусть, говоритъ онъ, потомство какъ угодно судить о подобныхъ дѣйствіяхъ, т. е. пусть ихъ оправдываетъ и превозноситъ,—убившій своихъ дѣтей несчастенъ. И за тѣмъ какъ бы въ утѣшеніе несчастнаго прибавляетъ:

*Побѣдила любовь къ отчизнѣ и жажда безмѣрная
 Славы ¹⁾.*

Не очевидно ли, что на этомъ Брутъ, который убилъ собственныхъ сыновей и, будучи пораженъ взаимно тѣмъ, кого поразилъ самъ, не пережилъ своего врага, сына Тарквинія, но былъ пережить этимъ же Тарквиніемъ, отмщена была невинность товарища его Коллатина, который, будучи добрымъ гражданиномъ, потерпѣлъ по изгнаніи Тарквинія тоже, что и самъ Тарквиній? Вѣдь и тотъ же самый Брутъ, какъ говорятъ, былъ родственникомъ Тарквинія. А между тѣмъ Коллатина погубило только сходство имени: онъ назывался также и Тарквиніемъ. Въ такомъ случаѣ пусть бы принудили его переименовать имя, но не отчизну. Пусть бы наконецъ въ имени его не было этого названія; пусть бы онъ просто звался Люцій Коллатинъ. Но его не лишили того, чего могъ лишиться онъ безъ всякаго ущерба, чтобы заставить, какъ перваго консула, потерять санъ а какъ добраго гражданина—гражданство. Не эта ли отвратительная, и во всѣхъ отношеніяхъ бесполезная для республики, суровость и составляетъ славу Юнія Брута? Не ради ли осуществленія ея и

*Побѣдила любовь къ отчизнѣ и жажда безмѣрная
 Славы?*

¹⁾ Virg. Aeneid. lib. VI. v. 820—823.

Люцій Тарквиній Коллатинъ, мужъ Лукреціи, во всякомъ случаѣ былъ поставленъ консуломъ вмѣстѣ съ Брутомъ тотчасъ же по изгнаніи Тарквинія тирана. До какой степени справедливо относился къ дѣлу народъ, обращавшій въ гражданинѣ вниманіе на нравы, а не на имя? И до какой степени несправедливо лишилъ отечества и власти Брутъ своего товарища по этой первой и новой власти, когда могъ лишить его только имени, если имя его оскорбляло? Такія злыя дѣла дѣлались, такія случались бѣдствія, когда въ этой республикѣ соблюдались справедливость и безпристрастіе. Также точно и Лукрецій, избранный на мѣсто Брута, умеръ отъ болѣзни прежде, чѣмъ окончился тотъ годъ. Послѣ уже П. Валерій, бывшій преемникомъ Коллатина, и М. Гораций, избранный на мѣсто умершаго Лукреція, закончили этотъ похоронный и тартарскій годъ, имѣвшій пять консуловъ,—годъ, въ который римская республика установила впервые новый санъ и власть самаго консульства.

ГЛАВА XVII.

Какими бѣдствіями послѣ первыхъ лѣтъ консульства была терзаема римская республика, не получавшая помощи отъ боговъ, которыхъ чтитъ.

Потомъ, когда страхъ нѣсколько уменьшился,—не потому, чтобы утихли войны, а потому, что не давили уже такою великою тяжестію,—по окончаніи т. е. того времени, въ которое соблюдались безпристрастіе и справедливость, послѣдовало то, что коротко рассказываетъ самъ же Саллюстій: „Потомъ патриціи стали относиться къ народу, какъ къ своимъ рабамъ, распорядиться поцарски его жизнью и шкурою, отнимать у него землю и, устраняя другихъ, управлять всѣмъ одни. Обремененный этими жестокостями, а особенно долгами вслѣдствіе непомѣрныхъ про-

центовъ, неся въ то же время при непрерывныхъ войнахъ тяжесть налоговъ и военной службы, народъ съ оружіемъ въ рукахъ занялъ Священную и Авентинскую гору. Въ то время онъ вытребовалъ для себя народныхъ трибуновъ и другія права. Разногласіямъ и столкованіямъ между тою и другою стороною положила конецъ вторая пуническая война⁴⁾). Итакъ за чѣмъ я стану вдаваться въ такія длинныя описанія или останавливать на нихъ своихъ читателей? До какой степени была несчастна республика въ столь продолжительный періодъ; въ теченіе столькихъ лѣтъ до второй пунической войны, когда совнѣ не переставали беспокоить ее войны, а внутри — раздоры и мятежи, это выяснилъ коротко Саллюстій. Поэтому знаменитыя побѣды Рима были не истинною радостію людей вполне довольныхъ, а суетнымъ утѣшеніемъ несчастныхъ и приманчивымъ возбужденіемъ къ перенесенію новыхъ и новыхъ бесполезныхъ страданій для людей безпокойныхъ. Добрые и благо-разумные римляне пусть не сердятся на насъ за то, что мы говоримъ подобныя вещи: хотя объ этомъ ихъ не слѣдовало бы ни просить, ни убѣждать, такъ какъ несомнѣнно, что они не будутъ сердиться. Ибо мы высказываемъ не болѣе жестоко и не болѣе жестокія вещи, чѣмъ высказываютъ ихъ же писатели, далеко превосходящіе насъ въ языкѣ и подробностяхъ изложенія; а между тѣмъ они и сами трудились надъ изученіемъ ихъ, и заставляютъ надъ этимъ трудиться дѣтей своихъ. А тѣ, которые сердятся, выслушаютъ ли меня спокойно, если я скажу только то, что говоритъ Саллюстій? „Возникли весьма частыя безпорядки, возстанія, а наконецъ и войны гражданскія, когда немногіе сильные, которымъ очень многіе старались угождать, подъ благовиднымъ предлогомъ защиты интересовъ патри-

⁴⁾ Sallust. Histor. lib. 1.

ціевъ или плебеевъ стали стремиться къ господству; и добрыми и дурными гражданами стали называться не за заслуги республикъ, — такъ какъ всё одинаково были испорчены, — а за добраго считался тотъ, кто наиболѣе былъ богатъ и могъ сильнѣе наносить обиды, какъ скоро защищалъ данное положеніе дѣлъ¹⁾. Далѣе, если упомянутые историки считали принадлежностію истинной свободы не молчать о болѣзняхъ своего государства, которое во многихъ отношеніяхъ по неволѣ превозносили похвалами, такъ какъ для нихъ не существовало другаго болѣе истиннаго государства, которое должно составляться изъ вѣчныхъ гражданъ: то какъ прилично поступать намъ, которые, чѣмъ лучшую и вѣрнѣйшую надежду имѣемъ въ Бога, тѣмъ большую должны имѣть и свободу, когда нашему Христу вмѣняють въ вину болѣзни настоящаго времени, чтобы болѣе слабые и болѣе простые умы отклонить отъ того государства, въ которомъ одномъ возможна жизнь непрерывная и блаженная? Да мы и не говоримъ о богахъ ихъ болѣе ужасныхъ вещей, чѣмъ какія то-и дѣло говорятъ ихъ же писатели, которыхъ они читаютъ и восхваляютъ. То, что мы говоримъ, мы беремъ именно у этихъ самыхъ писателей, и притомъ отнюдь не въ состояніи высказать все и съ такою же силою.

Итакъ, гдѣ же были эти боги, которыхъ полагаютъ нужнымъ почитать ради короткаго и обманчиваго счастія въ мірѣ, — гдѣ были они, когда такія бѣдствія обрушивались на римлянъ, которымъ они съ коварнѣйшею ложью выставляли себя для почитанія? Гдѣ были они, когда былъ убитъ консулъ Валерій, мужественно защищавшій Капитолій, зажженный ссыльными рабами? Скорѣе самъ онъ могъ принести

¹⁾ Ibid.

пользу храму Юпитера, чѣмъ въ состояніи была помочь ему толпа столькихъ божествъ съ величайшимъ и верховнымъ царемъ своимъ, храмъ котораго онъ отстаивалъ. Гдѣ были они, когда измученный непрерывными мятежами и нѣсколько усюкоившійся въ ожиданіи пословъ, отправленныхъ въ Аѳины для заимствованія законовъ, городъ былъ опустошенъ тяжкимъ голодомъ и моровою язвою? Гдѣ были они, когда народъ, снова страдавшій отъ голода, поставилъ перваго префекта хлѣбныхъ запасовъ; и когда, при усиленіи голода, былъ обвиненъ въ исцательствѣ царской власти Спурій Мелій, раздававшій хлѣбъ голодавшей черни и, по настоянію того же самаго префекта и распоряженію одряхлѣвшаго отъ старости диктатора Л. Квинтія, былъ убитъ Квинтомъ Сервиліемъ, магистромъ всадникомъ, при величайшемъ и опаснѣйшемъ смятеніи города? Гдѣ были они, когда съ появленіемъ страшной моровой язвы народъ, долго и безпомощно страдавшій, пришелъ къ мысли устроить бесполезнымъ для него богамъ новыя лектистерніи, чего прежде никогда не дѣлалъ? Постилались въ честь боговъ ложа (*lecti sternerbantur*); отсюда получалъ свое названіе и самый религиозный обрядъ или вѣриѣ—святотатство. Гдѣ были они, когда римское войско, безуспѣшно сражаясь, терпѣло подъ Веіями въ теченіе десяти лѣтъ постоянныя и страшныя пораженія, пока наконецъ не помогъ ему Фурій Камиллъ, котораго потомъ осудили неблагодарные граждане? Гдѣ были они, когда Римъ взяли, разграбили, сожгли и наполнили трупами галлы? Гдѣ были они, когда произвела величайшее опустошеніе та необыкновенная язва, отъ которой погибъ и этотъ Фурій Камиллъ, защищавшій неблагодарную республику отъ вейенцевъ, а потомъ освободившій отъ галловъ? Это была та язва, во время которой сценическаго игры внесли другую новую язву уже не въ тѣла римлянъ, а—что гораздо губительнѣе—въ нравы. Гдѣ были они, когда по-

явилась другая страшная язва отъ употребленія, какъ полагають, ядовъ матронами, нравы которыхъ, въ невѣроятномъ числѣ и изъ благородныхъ фамилій, оказались ужаснѣе всякой язвы? Или когда оба консула съ войскомъ, осажденные самнитянами въ кавдинскихъ ущеліяхъ, вынуждены были заключить постыдный договоръ; такъ что, давъ заложниками шесть сотъ римскихъ всадниковъ, остальные, сложивъ оружіе и лишенные врагами всѣхъ другихъ доспѣховъ, должны были въ одномъ платьѣ пройти подъ игомъ враговъ? Или когда, при страданіи другихъ тяжкими заразительными болѣзнями, многіе въ войскѣ погибли отъ ударовъ молніи? Или когда также во время другой невыносимой язвы Римъ вынужденъ былъ вызвать изъ Эпидавра и принять въ число боговъ Эскулапа, въ качествѣ бога-врача: такъ какъ царю всѣхъ боговъ, Юпитеру, сидѣвшему въ Капитоліѣ уже издавна, сладострастіе, которому онъ передавался въ юности, не дозволило вѣроятно изучить медицину? Или въ то время, какъ вступившіе однажды въ заговоръ враги, луканы, брутти, самнитяне, этрусски и галлы сеноны, сперва убили пословъ, а потомъ разбили предводимое преторомъ войско, при чемъ погибло семь трибуновъ и тринадцать тысячъ воиновъ? Или когда послѣ жестокихъ и продолжительныхъ раздоровъ въ Римѣ, въ заключеніе которыхъ народъ отъ собственнаго врагамъ грабежа удалился на Лнигуль, бѣдствіе приняло такой грозный характеръ, что ради этого, какъ дѣлалось обыкновенно въ крайнихъ опасностяхъ, былъ поставленъ диктаторомъ Гортевзій; и когда Гортевзій этотъ, возвративъ народъ, умеръ во время отпращиванія своей должности, чего прежде не случалось ни съ однимъ диктаторомъ и что служило для этихъ боговъ тѣмъ болѣе тяжкимъ уворомъ, что случилось уже въ присутствіи Эскулапа?

Послѣ же того разныя войны усилились до такой степени, что по недостатку воиновъ въ службу военную стали набирать и пролетаріевъ, которые отъ того и получили свое имя, что, не будучи въ состояніи по бѣдности нести военную службу, освобождались отъ ней для рожденія дѣтей (*proles*). Врагомъ римлянъ сдѣлался и призванный тарентинцами Пирръ, царь греческій, пользовавшійся въ то время чрезвычайною славою. Между прочимъ, когда онъ спрашивалъ о возможномъ исходѣ своего предпріятія, Аполлонъ довольно остроумно далъ ему такое двусмысленное предсказаніе, что могъ оставаться вѣщуномъ, что-бы изъ двухъ ни случилось. Онъ сказалъ: *Dico te, Pyrrhe, vincere posse Romanos*. Поэтому, Пирръ ли бы побѣдилъ римлянъ, или римляне Пирра, предсказатель судебъ могъ спокойно ждать какого угодно изъ двухъ исхода. Какія тогда и до какой степени ужасныя послѣдовали пораженія войскъ той и другой стороны? Иногда казался побѣдителемъ Пирръ, такъ что могъ бы уже истолковать предсказаніе Аполлона въ свою пользу; но вслѣдъ за тѣмъ изъ другаго сраженія выходили побѣдителями римляне. При такой гибели людей отъ войнъ, появилась и сильная моровая язва на женщинахъ. Онѣ умирали беременныя прежде, чѣмъ наступалъ срокъ разрѣшенія отъ беременности. Думаю, что Эскулапъ на этотъ разъ извинялъ себя тѣмъ, что онъ состоялъ въ должности врача, а не повивальной бабки. Подобнымъ же образомъ погибалъ и скотъ, такъ что опасались даже исчезновенія животнаго рода. А что сказали бы они, если бы въ наше время случилась та достопамятная зима, до такой невѣроятной степени суровая, что ужасной глубины снѣгъ даже на форумъ лежалъ впродолженіе сорока дней, а Тибръ былъ скованъ льдомъ? А та также страшная язва, которая такъ долго свирѣпствовала, такъ многихъ погубила? Когда эта язва продолжилась и на другой годъ, принявъ

еще болѣе ужасные размѣры, то, въ виду бесполезности присутствія Эскулапа, обратились къ сивиллинымъ книгамъ. Въ предсказаніяхъ этого рода, какъ упоминаетъ Цицеронъ въ книгахъ о гаданіи, вѣрили обыкновенно болѣе толкователямъ, которые высказывали свои предположенія о вещахъ сомнительныхъ, какъ могли или какъ хотѣли. Тогда сказано было, что причина язвы заключается въ томъ, что многіе, захвативъ значительное число священныхъ зданій, держать ихъ въ частномъ владѣніи. Эскулапъ такимъ образомъ былъ оправданъ отъ тяжелаго обвиненія въ невѣжествѣ или бездѣйствіи. Но отъ чего многіе овладѣли упомянутыми храмами, не встрѣчая ни съ чьей стороны препятствія, какъ не отъ того, что долго молились такой толпѣ боговъ безъ всякой пользы; и потому мало по малу мѣста эти оставались почитателями, такъ что могли, не вызывая ни чьего неудовольствія, какъ пустыя, быть обращены по крайней мѣрѣ на человѣческое употребленіе? Вѣдь если бы и эти, возвращенные и возстановленные въ то время якобы для прекращенія язвы храмы, не были въ послѣдствіи такимъ же образомъ забыты, какъ брошенные и перешедшіе въ частное владѣніе: то въ заслугу великой учености Варрона отнюдь не поставили бы того, что въ сочиненіи о священныхъ зданіяхъ онъ упоминаетъ такъ много неизвѣстныхъ. Впрочемъ, въ то время забота была не объ удачномъ прекращеніи язвы, а объ искусномъ оправданіи боговъ.

ГЛАВА XVIII.

Сколько пораженій потерпѣли римляне во время пуническихъ войнъ, ожидая напрасно помощи отъ боговъ.

А во время пуническихъ войнъ,—когда побѣда долго оставалась сомнительною и колебалась между тѣмъ и другимъ

государствомъ, когда два наиболѣе сильные народа направляли другъ на друга самые мужественные и самые могущественные удары,—сколько стерто съ лица земли мелкихъ царствъ? сколько разрушено обширныхъ и знаменитыхъ городовъ? сколько пострадало, сколько погибло гражданскихъ обществъ? на какихъ громадныхъ разстояніяхъ произведено опустошеніе столькихъ странъ и областей? Сколько разъ побѣжденные сперва были побѣдителями послѣ? Сколько истреблено людей какъ изъ среды сражавшихся воиновъ, такъ и изъ среды народовъ, не поднимавшихъ оружія? Какое множество кораблей частію истреблено было въ морскихъ сраженіяхъ, частію погибло отъ бурь? Если бы вздумали все это рассказывать или припоминать, мы обратились бы въ ничто иное, какъ въ писателя исторіи. Встревоженный сильными опасеніями, Римъ прибѣгъ въ то время къ суетнымъ и смѣшнымъ средствамъ. По указанію книгъ сивилинскихъ, были восстановлены столѣтнія игры. Празднованіе ихъ было установлено черезъ сто лѣтъ; но при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ оно прекратилось, по забвенію. Возобновили понтифексы и священныя игры въ честь умершихъ, которыя также вышли изъ употребленія въ предшествовавшія лучшія времена. Конечно, въ то время, когда онѣ были возобновлены, царству мертвыхъ, которое обогащалось такою массою умирающихъ, было пріятно позабавиться: но несчастные люди и безъ того давали великія игры въ честь демоновъ и приносили богатыя жертвы подземному царству, ведя эти бѣшенныя войны, выказывая кровавую храбрость и празднуя тамъ и здѣсь убійственныя побѣды. Но ничего болѣе достойнаго сожалѣнія не случилось во время первой пунической войны, какъ то пораженіе римлянъ, вслѣдствіе котораго попалъ въ плѣнъ даже извѣстный Регулъ, упоминавшійся нами въ первой и второй книгѣ, мужъ дѣйствительно великій и передъ тѣмъ побѣдитель и покоритель.

кареагенянь. Онъ покончилъ бы и самую первую пуническую войну, если бы изъ чрезмѣрнаго желанія славы не предписалъ обезсиленнымъ войною кареагенянамъ условій болѣе суровыхъ, чѣмъ какія могли они принять. И неожиданный плѣнь этого мужа, и въ высшей степени возмутительное его рабство, равно какъ его вѣрность глѣтвѣ и до крайности лютаѣ смерти, — все это, если не заставляетъ боговъ краснѣть, то потому развѣ, что они воздушны и крови не имѣютъ.

Не было въ то время недостатка въ тяжкихъ бѣдствіяхъ и внутри стѣнъ Рима. Отъ необыкновенно сильнаго разлитія рѣки Тибра разрушились почти всѣ одноэтажные дома въ городѣ, одни не выдержавъ стремительнаго напора волнъ, другіе размокнувъ и рассыпавшись отъ продолжительнаго стоянія въ водѣ. За бѣдствіемъ отъ воды послѣдовало еще болѣе губительное бѣдствіе отъ огня, который, охвативъ нѣкоторыя великолѣпнѣйшія зданія подлѣ форума, не пощадилъ и наиболѣе близкаго ему храма Весты, гдѣ ему обыкновенно какъ бы давали вѣчную жизнь старательнѣйшею подкладкою дровъ не столько почтенныя, сколько присужденныя къ наказанію своего рода, дѣвы. Но въ то время огонь здѣсь не жилъ, а бѣшенствовалъ. Приведенныя въ ужасъ его стремительностію, дѣвы не въ состояніи были спасти эти роковыя святыни, которыя погубили уже три города, въ которыхъ находились. За ними бросился съ нѣкоторымъ забвеніемъ о своей жизни и вытащилъ ихъ понтифексъ Метеллъ, до половины опаленный. Или огонь не узналъ его; или тамъ уже не оставалось ни одного бога, который бы еще не бѣжалъ, если былъ. Итакъ человекъ могъ принести болѣе пользы святынѣ Весты, чѣмъ она человекѣу. Если же она не могла предохранить саму себя отъ огня: то чѣмъ могла помочь она противъ воды и огня городу, благосостояніе котораго, какъ думали, она охраняла? Самое дѣло показало съ полною ясностію, что она рѣшительно ничѣмъ не

могла помочь. Мы не сдѣлали бы съ своей стороны никакого возраженія, еслибы они сказали, что эта святыня установлена не для охраненія настоящихъ временныхъ благъ, а для обозначенія благъ вѣчныхъ, и поэтому, если случится, что она какъ тѣлесная и видимая, погибнетъ, отъ этого не будетъ никакого вреда тому, ради чего она была установлена, и она можетъ быть снова восстановлена для того же самаго употребленія. Но по изумительной слѣпотѣ они полагаютъ, что благодаря именно этой святынѣ, которая можетъ погибнуть, возможно, что земное благосостояніе и временное счастье государства не можетъ погибнуть. По этому, когда имъ указываютъ, что и при существованіи святыни благосостояніе надало или бѣдствія обрушивались, они стыдятся переменить свое мнѣніе, которое защитить не въ состояніи.

ГЛАВА XIX.

О бѣдствіяхъ второй пунической войны, которыя истожили силы той и другой стороны.

Было бы слишкомъ длинно перечислять тѣ бѣдствія во время второй пунической войны, которыя терпѣли два народа, такъ долго и упорно сражавшіеся между собою. Даже тѣ изъ писателей, которые поставили для себя задачу не столько описывать войны римскія, сколько выхвалять римское владычество, признаются, что побѣдитель бывалъ похожъ на побѣжденнаго. Когда Аннибалъ всталъ изъ Испаніи, перешагнувъ Пиринейскія горы, прошелъ Галлію, проломилъ Альпы, и съ увеличенными во время такого обхода силами, все опустошая и покоряя, ворвался, какъ потокъ, въ устья Италіи, — какія послѣдовали кровопролитыя войны, сколько сраженій? Сколько разъ римляне были побѣждены? Сколько городовъ передано было непріятелю, сколько взято силою оружія и разру-

шено? Какія жестокія битвы, и сколько изъ нихъ славныхъ для Аннибала пораженіемъ римлянъ? Что скажу я объ этомъ изумительно ужасномъ бѣдствіи при Каннахъ, гдѣ Аннибалъ, хотя былъ до крайности жестокъ, однако, насытившись ужаснымъ пролитіемъ крови враговъ, приказалъ, говорятъ, щадить ихъ? Онъ послалъ оттуда въ Карфагенъ три четверика золотыхъ колець. Изъ этого должны были понять, что въ сраженіи тамъ пало столько знати римской, что опредѣлить количество ея легче было мѣрою, чѣмъ счетомъ; а сколько пало рядоваго войска, которое вообще тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ ниже по общественному положенію, которое лежало безъ колець, о томъ-де скорѣе можно предполагать, чѣмъ пересказать. Затѣмъ послѣдовалъ такой недостатокъ въ войнахъ, что римляне собирали осужденныхъ за преступленія, освобождая ихъ отъ наказанія, давали рабамъ свободу и не столько пополняли ими, сколько составляли изъ нихъ постыдное войско. Но у рабовъ, а чтобы не обижать ихъ, пожалуй уже—у освобожденныхъ, не доставало оружія, чтобы сражаться за римскую республику. Было забрано оружіе изъ храмовъ; римляне какъ бы такъ говорили своимъ богамъ: «Сложите оружіе, которое держали такъ долго безъ всякаго толку; можетъ быть наши рабы будутъ въ состояніи принести какую нибудь пользу тамъ, гдѣ вы, наши боги, ничего не могли сдѣлать.» Въ то же время государственная казна оказалась недостаточною для выдачи жалованья войскамъ; на общественное дѣло пошли частныя богатства, при чемъ каждый отдавалъ все, что имѣлъ, до такой степени, что даже сенаторы, а тѣмъ болѣе другія состоянія и трибы, не оставили у себя ничего изъ золота, кромѣ золотыхъ колець, по одному у cadaго, и буллъ ¹⁾, по одной же, жалкихъ

¹⁾ Буллами назывались золотыя украшения, которыя носились дѣтьми знатныхъ фамилій, въ отличіе отъ другихъ; также точно,

знаковъ достоинства. Кто перенесъ бы все это, еслибы дѣла дошли до такой крайности въ наше время, когда мы едва переносимъ настоящее, когда ради излишняго развлеченія дарятъ гистрионамъ гораздо болѣе, чѣмъ въ то время, въ виду крайней опасности, было собрано легионамъ?

ГЛАВА XX.

О бѣдственномъ концѣ сагунтянъ, которымъ не оказали помощи римскіе боги, когда они погибали изъ-за римлянъ.

Изъ всѣхъ этихъ бѣдствій второй пунической войны не было ни одного заслужившаго болѣе сожалѣнія и жалобъ, какъ гибель Сагунта. Этотъ испанскій городъ, весьма дружественный римскому народу, былъ разрушенъ за то, что хранилъ вѣрность этому народу. Ибо Аннибалъ, разорвавъ заключенный съ римлянамъ договоръ, изыскивалъ случаи побудить ихъ къ войнѣ. Съ этою цѣлю онъ нагло подвергъ осадѣ Сагунтъ. Когда до Рима дошли объ этомъ слухи, были отпращены къ Аннибалу послы, чтобы убѣдить его снять осаду. Не удостоенные вниманія, послы направились въ Каррагенъ и жаловались тамъ на нарушеніе договора; но не добившись, нечего, возвратились въ Римъ. Пока все это тянулось, несчастный тотъ городъ, самый богатѣйшій, которымъ наиболѣе дорожили какъ Испанія, такъ и римская республика, былъ разрушенъ каррагенянами по восьмомъ или девятомъ мѣсяцѣ осады. Ужасно читать о его гибели, а еще ужаснѣе описывать ее. Однакоже я напомию ее коротко; она имѣетъ близкое отношеніе къ предмету, о

какъ золотыя кольца носились исключительно сенаторами, высшими магистратами и всадниками, въ отличіе отъ другихъ званій и состояній.

которомъ идетъ рѣчь. Сперва онъ былъ изнуренъ голодомъ до такой степени, что нѣкоторые употребляли въ пищу даже трупы своихъ близкихъ. Затѣмъ, истощивъ всевозможныя средства, онъ, чтобы не перейти по крайней мѣрѣ плѣннымъ въ руки Аннибала, воздвигъ съобща громадный костеръ, и когда костеръ этотъ загорѣлся, въ него бросились все сами и побросали свои семейства, даже закалывая и закалываясь. Въ этомъ случаѣ обнаружили какуюнибудь дѣятельность эти боги, обжоры и плуты, съ жадностію домогающіеся жертвеннаго тука, и дурачащіе людей, помрачая ихъ умы мнимыми откровеніями въ ложныхъ гаданіяхъ? Въ этомъ случаѣ проявили какуюнибудь дѣятельность—помогли городу наиболѣе дружественному къ народу римскому, не дали погибнуть ему, когда онъ погибалъ вслѣдствіе сохраненія вѣрности? Они же сами присутствовали несомнѣнно въ качествѣ посредниковъ, когда онъ вступалъ въ союзъ съ римскою республикою, заключивъ съ нею договоръ. И вотъ, вѣрно храня договоръ, который заключилъ полагаясь на покровительство ихъ, подтвердилъ честнымъ словомъ, закрѣпилъ клятвою, онъ подвергся со стороны вѣроломнаго врага осадѣ, взятію, истребленію. Если эти самые боги навели потомъ бурю и молніями ужасъ на Аннибала, когда онъ былъ вблизи римскихъ стѣнъ, и заставили его отойти далеко: то нѣчто подобное имъ слѣдовало сдѣлать тогда, съ самаго начала. Смѣю сказать, что честнѣе было бы съ ихъ стороны разразиться бурю за друзей римлянъ, которые погибали за то, что не нарушали вѣрности римлянамъ, и не имѣли ни откуда помощи, чѣмъ на самихъ римлянъ, которые сражались сами за себя и владѣли достаточными силами противостать Аннибалу. Если они были блюстителями римскаго благоденствія и славы, они должны были не допустить лечь несмываемымъ пятномъ на эту славу гибели Сагунта. Въ противномъ же

случаѣ не глупо ли вѣрить, будто, благодаря ихъ защитѣ, Римъ не погибъ отъ руки побѣдителя Аннибала, когда они не въ силахъ были помочь городу, погибавшему за дружбу къ Риму? Если бы населеніе Сагунта было христіанскимъ, и потерпѣло нѣчто подобное за вѣру евангельскую: оно не употребило бы противъ себя ни меча, ни огня, а подвергшись истребленію за вѣру евангельскую, оно потерпѣло бы это въ той надеждѣ, какую возлагало бы на Христа, въ чаяніи награды не кратковременной, а безпредѣльной по вѣчности. Но эти боги ради того и выставляютъ себя для почитанія, ради того и люди находятъ нужнымъ почитать ихъ, чтобы никакая опасность не угрожала благополучію въ вещахъ гибнущихъ и преходящихъ. Что же отвѣтятъ намъ въ защиту этихъ боговъ ихъ оборонители и защитники на вопросъ о погибшихъ сагунтянахъ, какъ не тоже, что и на вопросъ о замученномъ Регулѣ? Различіе въ томъ, что тамъ одинъ человѣкъ, а здѣсь цѣлый городъ; но въ томъ и другомъ случаѣ, причиною гибели было сохраненіе клятвы. Ради этого сохраненія тотъ рѣшилъ возвратиться къ врагамъ, а этотъ не захотѣлъ предаться имъ. Итакъ, сохраненіе клятвы вызываетъ гнѣвъ боговъ? Или и при покровительствѣ боговъ могутъ погибать не только отдѣльные люди, но даже и цѣлые города? Пусть выбираютъ изъ двухъ, что хотятъ. Если этихъ боговъ раздражаетъ сохраненіе клятвы, пусть они ищутъ для своего почитанія влятвопреступниковъ. Если же и при покровительствѣ ихъ могутъ подъ ударами множества тяжкихъ бѣдствій погибать люди и города, то почитаніе ихъ совершенно бесплодно для земнаго счастья. Пусть же перестанутъ сердиться тѣ, которые думаютъ, что, лишившись культа своихъ боговъ, они сдѣлались несчастными. Вѣдь они могли бы не только при сохраненіи этого культа, но и при благопріятномъ къ нимъ отношеніи боговъ, не только, какъ теперь, роптать на несча-

стіе, но и такъ, какъ тогда Регулъ и сагунтяне, погибнуть совершенно послѣ ужасныхъ истязаній.

ГЛАВА ХХІ.

Какъ неблагодаренъ былъ Римъ къ своему освободителю Сципіону и каковы были его нравы въ тотъ періодъ, въ который Саллюстій изображаетъ его наилучшимъ.

Далѣе, въ промежутокъ между второю и послѣднею карфагенскою войною, когда, по словамъ Саллюстія, римляне отличались наилучшими нравами и полнѣйшимъ согласіемъ (ибо я многое опускаю, чтобы не давать сочиненію слишкомъ большихъ размѣровъ),—итагъ въ это самое время наилучшихъ нравовъ и полнѣйшаго согласія извѣстный Сципіонъ (разумѣю Сципіона Африканскаго, старшаго), освободитель Рима и Италіи, знаменитый и удивительный окончатель этой самой второй пунической войны,—войны такой ужасной, такой убійственной, такой бѣдственной—побѣдитель Аннибала и покоритель Карфагена, посвятившій, какъ пишутъ о немъ, отъ юности жизнь свою богамъ и воспитавшійся въ храмахъ,—этотъ Сципіонъ оказался безсильнымъ противъ обвиненій враговъ и, потерявъ отечество, которому доблестію своею возвратилъ благоденствіе и свободу, провелъ и закончилъ остальную жизнь въ мѣстечкѣ линтернескомъ, до такой степени послѣ знаменитаго своего триумфа не желая возвращенія въ Римъ, что, говорятъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы даже по смерти его не погребали въ неблагодарномъ отечествѣ. Послѣ этого впервые занесена въ Римъ Кнеемъ Манліемъ, побѣдителемъ галатовъ, азіатская роскошь, худшая всякаго врага. Тогда впервые появились мѣдныя ложи и драгоценныя покрывала; тогда введены пѣвицы на пирахъ и другія безпутныя вольности. Но въ настоящемъ случаѣ я предположилъ говорить о томъ злѣ,

которое люди терпят невольно, а не о томъ, которое они дѣлаютъ сами по доброй волѣ. Упомянутое мною о Сципионѣ, именно—что, оказавшись безсильнымъ противъ враговъ, онъ умеръ въ отечества, которое освободилъ,—я упомянулъ потому, что оно относится къ предмету моего настоящаго разсужденія, т. е. чтобы показать, что римскія божества, почитаемыя единственно ради земнаго счастья, отъ храмовъ которыхъ онъ заставилъ бѣжать Аннибала, не отплатили ему тѣмъ же. Но такъ какъ Саллюстій утверждаетъ, что нравы того времени были въ Римѣ наилучшими, то я счелъ нужнымъ упомянуть объ азіатской роскоши, чтобы дать понять, что Саллюстій говорить и это по сравненію только съ другими временами, когда нравы были гораздо хуже и проявлялись сильнѣйшими разногласіями. Ибо въ то же время, т. е. въ промежутокъ между второю и послѣднею карфагенскою войною, былъ изданъ извѣстный законъ Воконія, запрещавшій кому бы то ни было дѣлать наслѣдницею имущества своего женщину, хотя бы даже—единственную дочь. Не знаю, можно ли издать или придумать постановленіе болѣе несправедливое, чѣмъ этотъ законъ. Тѣмъ не менѣе въ этотъ промежутокъ между двумя пуническими войнами бѣдственное положеніе было довольно сносно. Гибло только войско отъ внѣшнихъ войнъ, но находило утѣшеніе въ побѣдахъ; внутри же не свирѣпствовали, какъ въ другое время, никакія разногласія. Но вотъ въ послѣднюю пуническую войну однимъ натискомъ другаго Сципиона, получившаго за это также названіе Африканскаго (Африканскій младшій), была разрушена до основанія соперница римской власти; и вслѣдъ за тѣмъ на римскую республику обрушилась такая масса золъ, что счастьемъ и безонасностію, которыя при испорченности нравовъ и накопили эту массу зла, разрушенный Карфагенъ, оказалось, въ самый короткій срокъ повредилъ Риму гораздо болѣе, чѣмъ вредилъ ему прежде своею долгою враждою. За

весь этотъ періодъ времени, простирающійся до Цезаря Августа, который рѣшительно отнялъ у римлянъ, и на взглядъ ихъ самихъ, уже не славную, а сварливую и распущенную свободу, все подчинилъ царской волѣ и возстановилъ и возобновилъ какъ бы одряхлѣвшую отъ болѣзненной старости республику—за весь этотъ періодъ я умолчу о новыхъ и новыхъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, военныхъ пораженіяхъ, и о нумантійскомъ мирѣ, запятнанномъ ужаснымъ безславіемъ (послѣднее случилось вслѣдствіе того, что улетѣли изъ вѣтки куры и дали консулу Манцину, какъ говорятъ, худое предзнаменованіе; какъ будто въ продолженіе столькихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ этотъ небольшой осажденный городокъ (Нумантія) съ успѣхомъ отражалъ римское войско и начиналъ уже наводить ужасъ на самую республику римскую, другія куры пророчили ему зло).

ГЛАВА XXII.

Объ эдиктѣ Митридата, которымъ онъ повелѣлъ умертвить всѣхъ римскихъ гражданъ, какіе найдутся въ предѣлахъ Азіи.

Обо всемъ этомъ, какъ сказалъ я, я умолчу; но не умолчу о томъ, какъ царь Азіи, Митридатъ, приказалъ умертвить въ одинъ день повсемѣстно римскихъ гражданъ, которые путешествовали по Азіи и въ безчисленномъ множествѣ занимались тамъ своими дѣлами; что и было приведено въ исполненіе. Какая то была жалкая картина, когда вдругъ, нечаянно и вѣроломно убивали всякаго, гдѣ бы кто ни былъ найденъ, въ полѣ, на дорогѣ, въ городѣ, въ домѣ, въ деревнѣ, на площади, въ храмѣ, на ложѣ, на пиру? Какой былъ стонъ со стороны умиравшихъ, какія слезы со стороны зрителей, а можетъ быть со стороны и самихъ убивавшихъ? Какая жестокая необходимость для людей, оказывав-

шихъ гостепрїимство, не только видѣть въ своемъ домѣ эти безбожныя убійства, но и самимъ совершать ихъ; отъ дружественной ласковости человѣколюбія, неожиданно мѣняя видъ, переходить къ враждебнымъ во время мира дѣйствіямъ, нанося, могу сказать, взаимныя другъ другу раны: такъ какъ пораженный получаетъ рану въ тѣло, а поражающій—въ душу? Неужели и эти всѣ пренебрегли птицегаданіемъ? Развѣ у нихъ не было ни домашнихъ, ни публичныхъ боговъ, къ которымъ они могли бы обратиться съ вопросомъ, когда отправлялись съ мѣста жительства своего въ это безвозвратное путешествіе? Если же это такъ, то у нихъ нѣтъ основанія жаловаться въ этомъ отношеніи на наши времена. Римляне издревле пренебрегаютъ этими пустяками. Если же они обращались къ богамъ съ вопросами, то пусть скажутъ намъ, чему это помогло, какъ скоро дѣлались по человѣческимъ законамъ, безъ препятствія съ чьей либо стороны.

ГЛАВА XXIII.

О бѣдствіяхъ внутреннихъ, которыми терзаема была римская республика; чему предшествовало странное предзнаменованіе, состоявшее въ бѣшенствѣ всѣхъ животныхъ, служащихъ человеку.

Теперь припомнимъ коротко, насколько можемъ, тѣ бѣдствія, которыя поколику были внутренними, потолку болѣе достойными сожалѣнія, а именно—раздоры гражданскіе, или вѣрнѣе—противогражданственные, и не распри только, а даже безстыдныя войны, въ которыхъ столько пролито крови, въ которыхъ взаимная вражда партій выразились уже не спорами въ собраніяхъ и раздѣленіями голосовъ на ту и другую сторону, а открытымъ оружіемъ и битвами. Такъ называемыя войны союзническія, войны невольническія, войны гражданскія,—сколько пролили онѣ

римской крови какое опустошеніе и опустѣніе внесли въ Италію? Но прежде чѣмъ возсталъ противъ Рима союзный Лаціумъ, всё животныя, служація человѣку, какъ то: собаки, лошади, ослы, коровы, и другія до того времени покорныя человѣческой власти, вдругъ одичавъ и забывъ свойственную домашнимъ животнымъ кротость, бросили жилье, стали бродить по произволу и не давать доступа къ себѣ не только чужимъ, но и хозяевамъ, угрожая гибелью или по крайней мѣрѣ опасностію тѣмъ, кто осмѣливался приближаться къ нимъ. Какого великаго бѣдствія было знакомъ, если было знакомъ, такое зло, во всякомъ случаѣ великое, если и не было знакомъ? Случись это въ наше время, они (*язычники*) отнесли бы къ намъ съ большимъ бѣшенствомъ, чѣмъ ихъ животныя къ нимъ.

ГЛАВА XXVI.

О гражданскомъ раздорѣ, возбужденномъ возмущеніями Гракховъ.

Началомъ гражданскихъ войнъ были возмущенія Гракховъ, вызванныя аграрными законами. Они хотѣли раздѣлить между народомъ земли, которыми неправильно владѣли люди знатные. Но рѣшиться на искорененіе застарѣлой несправедливости было весьма опасно; даже, какъ показалъ опытъ, въ высшей степени губительно. Сколько было совершено похоронъ, когда былъ убитъ первый (Тиберій) Гракхъ? и сколько потомъ, когда спустя немного времени былъ убитъ другой братъ его? И знатныхъ и не знатныхъ убивали не на основаніи законовъ и не по распоряженію властей, а толпою и въ вооруженныхъ столкновеніяхъ. Послѣ умерщвленія другаго Гракха (Каія Гракха), консулъ Люцій Описній, поднявшій противъ него оружіе внутри Рима, и по захватѣ и умерщвленіи его вмѣстѣ съ его товарищами,

производившій жестокое истребленіе гражданъ, уже потомъ, когда производилъ разслѣдованіе преслѣдуя остальныхъ судебнымъ порядкомъ, убилъ, говорятъ, три тысячи человекъ. Изъ этого можно понять, какую массу мертвыхъ могла оставить послѣ себя вооруженная свалка во время народнаго мятежа, если столько предано смерти вслѣдствіе какъ бы безпристрастнаго судебного разбирательства дѣла. Убійца самаго Гракха продалъ консулу его голову за столько по вѣсу золота, сколько своею тяжестью тинула она. Условіе такого рода было заключено еще до убійства. Тогда же былъ убитъ съ дѣтьми и прежній консулъ Маркъ Фульвій.

ГЛАВА XXV.

О храмъ Согласія, построенномъ по опредѣленію сената на мѣстѣ мятежей и убійствъ.

По опредѣленію сената, дѣйствительно слишкомъ уже замысловатому, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ произошелъ этотъ кровавый мятежъ, гдѣ пало столько гражданъ всѣхъ состояній, построенъ храмъ Согласія, чтобы, въ качествѣ свидѣтеля казни Гракховъ, кололъ глаза тѣмъ, которые говорили бы рѣчи къ народу, и явилъ ихъ память. Но что иное было, какъ не насмѣшка надъ богами, строить храмъ той богинѣ, которая еслибы присутствовала въ городѣ, послѣдній не подвергся бы разгрому, растерзанный такими раздорами? Развѣ, быть можетъ, порѣшено было въ этомъ храмѣ, какъ въ тюрьмѣ, заключить богиню Согласія, какъ виновницу происшедшаго злодѣянія, за то, что она оставила души гражданъ? Ибо, если они хотѣли примѣниться къ ходу дѣлъ, почему они не построили тамъ скорѣе храма Раздору? Развѣ можетъ быть указано какое нибудь основаніе тому, почему бы Согласіе могло быть богинею, а Раздоръ нѣтъ, когда по различію Лабеоны первое—богиня добрая, а по-

слѣдній—злая? Послѣдній очевидно руководился тѣмъ, что нашель въ Римѣ построенными храмы и Лихорадкѣ, и Здравью. Слѣдовательно такимъ же точно образомъ надлежало построить храмъ не только Согласію, но и Раздору. Поэтому римляне поступили очень рискованно, рѣшившись имѣть раздраженною противъ себя такую злую богиню, и позабывъ, что первоначальная причина гибели Трои лежала въ озлобленіи ея. Вѣдь это она, подбросивъ золотое яблоко, сочинила ссору между тремя богинями за то, что вмѣстѣ съ другими богами не была приглашена на пирь: отъ этой ссоры вражда между бежествами, побѣда Венеры, похищеніе Елены, разрушеніе Трои. Возможно, что негодую именно на то, что ее не удостоили въ Римѣ ни какимъ храмомъ рядомъ съ богами, она въ данное время и подвергла городъ такимъ сильнымъ смятеніямъ: насколько же могъ усилиться ея гнѣвъ, когда на мѣстѣ упомянутаго кровопролитія, т. е. на мѣстѣ работы ея рукъ, она увидѣла храмъ, построенный ея противницѣ? Эти ученые и мудрые мужи сердятся, когда мы смѣемся надъ подобными пустяками; тѣмъ не менѣе однакоже для нихъ, какъ почитателей боговъ добрыхъ и злыхъ, вопросъ о Согласіи и Раздорѣ остается во всей своей силѣ: или они пренебрегли культомъ этихъ богинь и предпочли имъ Лихорадку и Беллону, которымъ построили древнія капища; или почитали ихъ, когда разевирѣпѣвшая такимъ образомъ богиня раздора довела ихъ, съ удаленіемъ Согласія, даже до войнъ гражданскихъ.

ГЛАВА XXIV.

О различныхъ войнахъ, послѣдовавшихъ за построеніемъ храма Согласію.

Да, они придумали по истинѣ замысловатое средство противъ мятежей, противопоставивъ говорящимъ рѣчи къ

народу храмъ Согласія, какъ свидѣтеля пораженія и казни Гракховъ. Сколько принесло это пользы, показываютъ послѣдующія событія, далеко худшія. Народные вожаки заботились послѣ этого не о томъ, чтобы избѣжать образа дѣйствій и судьбы Гракховъ; а о томъ, чтобы пойти далѣе ихъ предположеній. Таковы были Люцій Сатурнинъ трибунъ народный и Кай Сервилій преторъ, а потомъ гораздо позже Маркъ Друзъ. Отъ ихъ возмущеній произошли сперва жестокія кровопролитія, а за тѣмъ союзническія войны, нанесшія Итали страшные удары и доведшія ее до разоренія и запустѣнія. Потомъ послѣдовала война невольническая и войны гражданскія. Сколько во время послѣднихъ было дано сраженій, сколько пролито крови для того, чтобы усмирить, будто какую нибудь варварскую орду, всѣ почти народы Итали, которые по преимуществу и составляли силу римскаго государства? Война невольничья была начата весьма малымъ числомъ людей, менѣе чѣмъ семьюдесятью гладиаторами,—числомъ, которое превзошло количество императоровъ римскаго народа; а между тѣмъ до какихъ она достигла размѣровъ, до какой силы и жестокости, и сколько и до какой степени опустошила городовъ и областей, то едва были въ состояніи передать писавшіе исторію. И это не была единственная невольничья война. Еще прежде того была опустошена провинція Македонская, а потомъ Сицилія и приморская страна. Сколько и какихъ ужасныхъ совершено при этомъ разбойническихъ нападеній на сушѣ, а за тѣмъ какія сильныя велись морскія разбойничьи войны, едва ли кто въ состояніи описать.

ГЛАВА XXVII.

О гражданской войнѣ Марія и Суллы.

Марій уже запятналъ себя кровію гражданскою, умертвивъ множество людей противной себѣ партіи, когда, бу-

лучи побѣжденъ, бѣжалъ изъ Рима; но едва, скажу словами Цицерона ¹⁾, городъ успѣлъ перевести духъ, какъ одержалъ побѣду Цинна въ соединеніи съ Маріемъ. Вслѣдъ за тѣмъ, съ умерщвленіемъ знаменитѣйшихъ мужей, погасли свѣтила государственныя. За эту жестокость побѣдителей отмстилъ потомъ Сулла; но нѣтъ нужды и говорить, какимъ истребленіемъ гражданъ и какимъ бѣдствіемъ для республики сопровождалась эта месть. Объ этой мести, которая была гораздо гибельнѣе, чѣмъ безнаказанность злодѣйствъ, противъ которыхъ она была направлена, говорить и Луканъ:

*Леченье перешло границы, и слишкомъ далеко
Зашла рука по слѣдамъ болѣзни. Преступники
Погибли. Но когда одиночныя изъ нихъ
Моглибъ и остаться, тогда просторъ былъ данъ
враждѣ,*

И мнѣзь, уздою законовъ не сдержанный, хлынулъ ²⁾.

Кромѣ тѣхъ, которые пали внѣ Рима въ рядахъ войска, внутри самаго Рима во время этой войны Марія и Суллы трупами были наполнены улицы, дворы, площади, театры, храмы; такъ что трудно было судить, когда побѣдители совершили болѣе убійствъ, сперва ли, чтобы одержать побѣду, или послѣ, вслѣдствіе того, что побѣду одержали. Вотъ побѣда на сторонѣ Марія, когда онъ самъ возвращаетъ себя изъ ссылки. За исключеніемъ убійствъ, совершенныхъ гдѣ пришлось повсемѣстно, кладутъ на каедрѣ, съ которой говорились рѣчи въ народу, голову Октавія консула; Цезаря и Фимбрию убиваютъ въ ихъ домахъ; двухъ Крассовъ, отца и сына, закалываютъ на глазахъ у другъ друга; Бебій и

¹⁾ Cic. Orat. III. Catilin.

²⁾ Lucan. lib. II.

Нумиторій умирають съ растерзанными внутренностями, когда ихъ волокутъ крюками; Катулль избѣгаетъ рукъ враговъ тѣмъ, что принимаетъ ядъ; Мерула, фламинъ Юпитера, разсѣвши жилы, совершаетъ возліаніе Юпитеру собственною кровію. На глазахъ у самого Марія постоянно убиваютъ тѣхъ, кому онъ, въ отвѣтъ на привѣтствіе, не желалъ протягивать руки.

ГЛАВА XXVIII.

Какова была побѣда Суллы, явившаяся мстительницею за жестокость Марія.

Въ видѣ мстительницы за эту жестокость, послѣдовала побѣда Суллы. Но послѣ такого количества крови гражданъ, пролитіемъ котораго она приобрѣтена, побѣда эта, — когда война была уже окончена, но жива была еще ненависть, — выразилась въ мирное время большими жестокостями. Уже Марій молодой и Карболъ, принадлежавшіе къ Маріевой же партіи, къ прежнимъ и позднѣйшимъ убійствамъ старшаго Марія прибавили новыя, болѣе жестокія. Когда Сулла наступалъ еще, они, отчаявшись не только въ побѣдѣ, но и въ собственномъ спасеніи, наполнили все убійствами своихъ и чужихъ. Независимо отъ кровопролитія, широко повсюду распространеннаго, былъ осажденъ даже сенатъ, и изъ самаго мѣста его засѣданій, будто изъ тюрьмы, выводили на казнь. Первосвященникъ Муцій Сцевола былъ убитъ въ то время, какъ, считая храмъ Весты наибольшою святынею для римлянъ, обнималъ самый ея жертвенникъ: свою кровію онъ едва не погасилъ тотъ огонь, который горѣлъ постоянно благодаря неуспной заботливости дѣвъ. Затѣмъ вступилъ въ Римъ побѣдителемъ Сулла. На Марсовомъ полѣ (*мѣсть народныхъ собраній*), уже не во время войны, а жестокаго мира, онъ истребилъ семь тысячъ сдавагося ему, и потому

безоружнаго, народа,—истребилъ не въ битвѣ съ нимъ, а давъ повелѣніе истребить. Въ цѣломъ же Римѣ всякій сторонникъ Суллы убивалъ, кого хотѣлъ. Поэтому не было никакой возможности опредѣлить количества совершенныхъ убійствъ. Наконецъ Суллѣ доложили, что слѣдуетъ позволить нѣкоторымъ жить, чтобы побѣдителямъ было кѣмъ повелѣвать. Неистовая свобода убійствъ, свирѣпствовавшая повсемѣстно безъ разбора, была обуздана. Къ общей великой радости былъ обнародованъ списокъ, содержащій двѣ тысячи именъ лицъ изъ двухъ знатныхъ классовъ, всадническаго и сенаторскаго, предназначенныхъ къ смерти и изгнанію. Количество внушало тревогу, но опредѣленность успокоивала; уже не столько скорбѣли о множествѣ погибавшихъ, сколько радовались за безопасность остальныхъ. Но и сами оставшіеся въ этой жестокой безопасности вздрогнули отъ изысканныхъ родовъ смерти тѣхъ, которые были осуждены на смерть. Ибо одного разрывали руками безъ всякихъ орудій: живаго человѣка люди растерзывали съ большимъ звѣрствомъ, чѣмъ звѣри выброшенный трупъ. Другаго, выколовъ глаза и отсѣвая одинъ за другимъ члены, заставляли въ такихъ мучахъ долго жить, или вѣрнѣе—долго умирать. Были проданы съ публичнаго торго нѣкоторые знатные города, будто какіе нибудь хутора. А одинъ городъ былъ казненъ весь подобно тому, какъ осуждаютъ на казнь одного преступника. Все это дѣлалось въ мирное время послѣ войны, не для того, чтобы ускорить полученіе побѣды, а для того, чтобы кто нибудь не вздумалъ пренебрегать побѣдою одержанною. На этотъ разъ миръ оспаривалъ жестокость у войны, и одержалъ побѣду. Война убивала вооруженныхъ, а онъ безоружныхъ. Война была для того, чтобы убиваемый, если былъ въ состояніи, самъ убивалъ; а миръ—не для того, чтобы избѣжавшій смерти жилъ, а для того, чтобы умирая не защищался.

ГЛАВА XXIX.

Сравненіе вторженія готовъ съ тѣми пораженіями, которыя римляне терпѣли какъ отъ галловъ, такъ и отъ зачинщиковъ гражданскихъ войнъ.

Какая жестокость вѣшнихъ народовъ, какая лютость варваровъ можетъ сравниться съ этою побѣдою гражданъ надъ гражданами? Что было для Рима гибельнѣе, постыднѣе, противнѣе: вторженіе ли въ древнее время галловъ и не долго передъ этимъ готовъ, или необузданность Марія и Суллы, и другихъ знаменитыхъ съ той и другой стороны мужей, украсеній общества, совершавшихъ звѣрство надъ его же членами? Правда, галлы умертвили сенаторовъ, сколько могли найти ихъ въ цѣломъ Римѣ, за исключеніемъ Капитолія, который одинъ былъ кое-какъ защищенъ; но тѣмъ, которые жили на холмѣ капитолійскомъ, они предоставили по крайней мѣрѣ выкупить золотомъ жизнь, которую, если не могли отнять оружіемъ, могли истощить осадюю. Галлы же пощадили такое множество сенаторовъ, что болѣе удивительнымъ оказалось то, что они убили нѣкоторыхъ. Но Сулла, еще при жизни Марія, занялъ по праву побѣдителя бывшій въ безопасности отъ галловъ Капитолій для того, чтобы изъ него-то и распорядиться убійствами; а когда Марій спасся бѣгствомъ, чтобы возвратиться потомъ болѣе жестокимъ и болѣе кровожаднымъ, Сулла въ самомъ Капитоліѣ лишилъ по сенатскому опредѣленію жизни и имущества многихъ. А для сторонниковъ Марія, въ отсутствіе Суллы, что было такого святаго, что пощадили бы они, когда они не пощадили даже Муція, гражданина, сенатора, первосвященника, державшаго въ жалкихъ объятіяхъ тотъ самый жертвенникъ, съ которымъ связаны были, какъ говорятъ, самыя судьбы римскія? Наконецъ, чтобы не говорить о безчисленномъ количествѣ другихъ убійствъ, одинъ послѣдній

списокъ Суллы лишилъ жизни большее число сенаторовъ, чѣмъ сколько могли даже ограбить ихъ готы.

ГЛАВА XXX.

О непрерывномъ слѣдованіи одной за другою множествъ, и самыхъ тяжкихъ, войнъ до пришествія Христа.

Итакъ съ какимъ лбомъ, съ какимъ сердцемъ, съ какимъ безстыдствомъ, съ какимъ неразуміемъ или вѣрнѣе—съ какимъ безуміемъ они во всемъ прописанномъ боговъ своихъ не винятъ, а въ этомъ послѣднемъ (*вторженіи готовъ*) винятъ нашего Христа? Безжалостныя войны гражданскія, по сознанію ихъ же собственныхъ писателей болѣе бѣдственныя, чѣмъ всякія войны съ врагами внѣшними,—войны, которыя считаются не только подорвавшими, но и совершенно погубившими республику,—всѣ онѣ начались гораздо ранѣе пришествія Христова,—и по преемственному продолженію преступнаго дѣла партій переходили изъ войны Марія и Суллы въ войны Серторія и Катилины, изъ которыхъ первый былъ изгнанникомъ, а послѣдній воспитанникомъ Суллы; потомъ—въ войну Ленида и Катугла, изъ которыхъ одинъ хотѣлъ уничтожить, другой отстоять дѣло Суллы; далѣе—въ войны Помпей и Цезаря, изъ которыхъ Помпей былъ послѣдователь Суллы и равнялся съ нимъ или даже превосходилъ его во власти, а Цезарь власти Помпей не выносилъ (но не выносилъ потому, что самъ ея не имѣлъ; когда же Помпей былъ побѣжденъ и убитъ, превзошелъ и Помпей); затѣмъ—въ войны другаго Цезаря, названнаго впоследствии Августомъ, въ правленіе котораго родился Христосъ. Ибо и Августъ велъ также гражданскія войны со многими, и въ этихъ войнахъ погибло также много знатнѣйшихъ мужей, между которыми былъ и Цицеронъ, извѣстный краснорѣчивый художникъ по части управления республикою. Причиною было то, что вступившіе

въ заговоръ яко - бы ради спасенія республиканской свободы, нѣкоторые изъ знатныхъ сенаторовъ умертвили въ мѣстѣ самыхъ засѣданій сената побѣдителя Помпея, Кая Цезаря, за предполагаемое домогательство царской власти, — Цезаря, который снисходительно пользовался своею гражданскою побѣдою и оставилъ жизнь и общественное положеніе врагамъ своимъ. За тѣмъ власти Цезаря сталъ добиваться Антоній, далеко не похожій на него нравами, человекъ испорченный и запятнавшій себя всякаго рода пороками. Цицеронъ усиленно противился ему во имя тойже яко бы свободы отечества. Тогда выдвинулся замѣчательно даровитый юноша, другой Цезарь, пріемный сынъ перваго Кая Цезаря, названный потомъ, какъ сказалъ я, Августомъ. Съ цѣлію выставить въ лицѣ его соперника во власти Антонію, Цицеронъ покровительствовалъ этому юношѣ Цезарю. Онъ надѣялся, что, по устраненіи и по уничтоженіи господства Антонія, Цезарь возстановитъ свободу республики; но оказался до такой степени слѣпымъ и не предусмотрительнымъ, что этотъ же самый юноша, возвеличенію и могуществу котораго онъ содѣйствовалъ, и самаго Цицерона дозволилъ, какъ бы по нѣкоторой полюбившой сдѣлкѣ, убить Антонію и свободу республики, за которую тотъ столько ратовалъ, подчинилъ игу собственной власти.

ГЛАВА XXXI.

О томъ, что недопускаемые къ почитанію боговъ безстыдно винятъ за настоящія несчастія Христа, какъ скоро такія великія бѣдствія случались въ то время, когда боги почитались.

Пусть же неблагодарные нашему Христу за такія великія блага винятъ боговъ своихъ за такое великое зло. Вѣдь когда это зло совершалось; когда граждане проливали столько крови гражданъ повсюду, — не только въ другихъ мѣстахъ, но и у самыхъ алтарей боговъ: алтари боговъ

пылали тогда огнемъ и издавали запахъ сабейскаго фими-ама и свѣжихъ гирляндъ; священства были въ высокой чести; капища поражали блескомъ; жертвы приносились; игры давались, изступленными наполнялись храмы. Туллій не избралъ для себя мѣстомъ убѣжища храма; потому что Муцій напрасно избиралъ. Эти же лица, которыя съ величайшимъ озлобленіемъ нападаютъ на времена христіанскія, или искали убѣжища въ мѣстахъ, Христу посвященныхъ, или были отведены туда самими варварами для сохраненія ихъ жизни. Одно я знаю, и въ этомъ легко согласится со мною всякій, кто судить о дѣлѣхъ безпристрастно, а именно: если бы передъ пуническими войнами (о другомъ многомъ, о чемъ я упоминалъ, и еще гораздо большею, о чемъ я счелъ слишкомъ долгимъ упоминать, я умалчиваю) родъ человѣческій принялъ христіанство, и послѣдовало то страшное разореніе, которому во время тѣхъ войнъ подверглись Европа и Африка: то каждый изъ тѣхъ лицъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло, приписалъ бы это зло ни чему иному какъ религіи христіанской. Еще менѣе удерживали бы они свои языки, еслибы, насколько то касается римлянъ, за принятіемъ и распостраненіемъ христіанства послѣдовали извѣстное вторженіе галловъ, или опустошеніе Рима рѣкою Тибромъ и пожарами, или упомянутыя войны гражданскія, превосходящія всякія бѣдствія. Даже такіе роды зла, которые дотога представлялись невѣроятными, что считались чудесными (*prodigia*), еслибы случились во времена христіанскія, кому другому были бы поставлены въ вину, какъ не христіанамъ? Я не буду говорить о тѣхъ явленіяхъ, которыя были болѣе удивительными, чѣмъ вредными, какъ на примѣръ: о говорившихъ быкахъ, о дѣтяхъ, которыя произносили нѣкоторыя слова еще до рожденія изъ чрева матерей, о летавшихъ змѣяхъ, о женщинахъ и курицахъ, обратившихся въ особы мужескаго пола, и о другихъ того же свойства, о которыхъ разсказывается въ ихъ книгахъ.

не баснословныхъ, а историческихъ, и которыя, дѣйстви-
тельны ли они или ложны, причиняютъ людямъ не гибель,
а изумленіе. Но когда падала дождемъ земля; когда падалъ
дождемъ мѣль; когда шель каменный дождь,—настоящій
каменный дождь, а не градъ, который обыкновенно назы-
ваютъ этимъ именемъ: то таія явленія могли дѣйствительно
нанести сильный вредъ. Читаемъ у нихъ же, что отъ огней
Этны, текшихъ съ вершины горы къ ближайшему берегу,
море кипѣло до такой степени, что расплавлялись скалы и
распускалась смола на корабляхъ. И это причиняло не малый
вредъ, хоть было до невѣроятности изумительно. Пишутъ
далѣе, что отъ тогоже дѣйствія огня Сицилія была покрыта
такою массою горячаго пепла, что заваленныя и подавлен-
ныя ею кровли города Катаны обрушились: тронутые такимъ
бѣдствіемъ, римляне освободили на тотъ годъ городъ отъ
податей. Пишутъ также, что въ Африкѣ, когда она была
уже римскою провинціею, появилась однажды чудовищная
масса саранчи. Уничтоживши плоды и листья деревьевъ, она,
какъ рассказываютъ, огромнымъ и превосходящимъ всякое
описаніе облакомъ спустилась въ море. Умершая тамъ и
выброшенная на берега, она заразила потомъ воздухъ и произ-
вела такую страшную моровую язву, что въ одномъ царствѣ
Массиниссы погибло, говорятъ, восемьдесятъ тысячъ чело-
вѣкъ, а въ странахъ ближайшихъ къ берегамъ гораздо болѣе.
Въ Утигѣ въ то время изъ тридцати, бывшихъ тамъ, тысячъ
юношей, какъ утверждаютъ, осталось лишь десять. Чего изъ
этого, если бы случилось оно во времена христіанствія, не при-
писало бы христіанской религіи то пустословіе, которое мы
должны выслушивать и на которое вынуждены отвѣчать? И
однакоже они не приписываютъ этого своимъ богамъ: требуютъ
возстановленія культа ихъ для того, чтобы не испытывать даже
меньшихъ бѣдствій подобнаго свойства, между тѣмъ какъ пре-
жде, когда боги были почитаемы, испытали отъ нихъ упомяну-
тыя большія!

О ГРАДѢ БОЖІЕМЪ,

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ этой книгѣ доказывается, что обширность и долговременное существованіе римской имперіи должны быть приписаны не Юпитеру и языческимъ богамъ, изъ коихъ каждый въ отдельности признается способнымъ для охраненія только лишь отдельныхъ вещей и совершенія дѣйствій низшаго порядка, а единому истинному Богу—виновнику блаженства, властію и по опредѣленію котораго возникаютъ и поддерживаются земныя государства.

ГЛАВА I.

О чемъ разсуждалось въ первой книгѣ.

Начавши говорить о градѣ Божіемъ, я счелъ нужнымъ прежде всего отвѣтить тѣмъ его врагамъ, которые, гоняясь за земными радостями и стремясь къ предметамъ преходящимъ, за все, что только претерпѣваютъ они въ этомъ отношеніи непріятнаго,—хотя претерпѣваютъ скорѣе по милосердію вразумляющаго, чѣмъ по строгости наказующаго Бога,—порицаютъ христіанскую религію, представляющую собою единственно истинную и спасительную религію. И такъ какъ они, хотя въ числѣ ихъ находится и невѣжественная чернь, возбуждаются противъ насъ наибольшою ненавистью якобы на научныхъ основаніяхъ, воображая по невѣжеству, будто того, что случается съ ними необычнаго въ ихъ время, въ другія, прежнія времена обыкновенно не

бывало; а тѣ, которые знаютъ ложность ихъ мнѣнія, подтверждаютъ его молчаніемъ о своемъ знаніи, чтобы ропотъ противъ насъ казался справедливымъ: то, на основаніи книгъ, которыя писатели ихъ оставили потомству для изученія исторіи прошлыхъ вѣковъ, нужно было доказать, что дѣло было совсѣмъ иначе, чѣмъ они думаютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно было доказать, что ложные боги, коихъ они или чтили явно, или чтутъ еще тайно, суть нечистѣйшіе духи и коварнѣйшіе демоны,—нечистѣйшіе и коварнѣйшіе въ такой степени, что улаждаются своими, дѣйствительными-ли то, или вымышленными, злодѣянiami, повелѣвши прославлять эти злодѣянiя въ дни ихъ праздниковъ; это для того, чтобы слабая человѣческая природа не могла воздерживаться отъ предосудительныхъ дѣяній, какъ скоро ей представляется для подражанiя въ этомъ какъ бы божественный примѣръ. Это мы и доказали, основываясь не на догадкѣ нашей, а частію на указанiяхъ свѣжей памяти, поелику выдали и сами, что въ честь ихъ боговъ совершаются подобныя вещи,—частію же на сочиненiяхъ тѣхъ, которые оставили потомству описанiя всего этого не въ порицаніе, а въ прославленіе своихъ боговъ. Такъ поступилъ напр. Варронъ, человѣкъ ученѣйшій и пользующійся у нихъ величайшимъ авторитетомъ: при составленіи своихъ книгъ, особыхъ о предметахъ человѣческихъ и особыхъ о предметахъ божественныхъ, относилъ одни предметы, соответственно достоинству каждой вещи, къ человѣческимъ, другіе къ божественнымъ, онъ поставилъ сценическія игры отнюдь не въ разрядъ вещей человѣческихъ, но божественныхъ; хотя, если бы общество состояло только изъ людей добрыхъ и честныхъ, сценическія игры не должны были бы находиться даже и въ числѣ вещей человѣческихъ. Такъ поступилъ онъ, конечно, не по собственному убѣжденію, а потому, что, будучи рожденъ и воспитанъ въ Римѣ, засталъ ихъ въ ряду

божественныхъ предметовъ.—А такъ какъ въ концѣ первой книги мы сказали коротко, о чемъ слѣдовало говорить далѣе, и нѣчто изъ того изложили въ двухъ послѣдующихъ книгахъ: то посмотримъ, относительно чего ожиданіе читателей нашихъ остается еще не удовлетвореннымъ.

ГЛАВА II.

О содержаніи второй и третьей книгъ.

Итакъ, мы обѣщали сказать нѣчто противъ тѣхъ, которые пораженія римской республики приписываютъ нашей религіи, и рассказать о тѣхъ, — какія только и насколько могли придти на память или казаться достаточными, — бѣдствіяхъ, которыя потерпѣлъ Римъ, или находящаяся подъ его властію провинціи, прежде, чѣмъ воспрещены были ихъ жертвоприношенія: всѣ эти бѣдствія они, безъ сомнѣнія, приписали бы намъ, если бы наша религія уже и тогда была имъ извѣстна, или воспрещала имъ какъ теперь ихъ святотатственные культы. Эту задачу мы выполнили, насколько думается мнѣ, во второй и третьей книгѣ, — во второй, когда говорили о злѣ нравственномъ, которое слѣдуетъ почитать зломъ или единственнымъ или величайшимъ, а въ третьей, когда шла рѣчь о бѣдствіяхъ, которыхъ однихъ страшатся люди глупые (т. е. о бѣдствіяхъ тѣлесныхъ и внѣшнихъ, которыя весьма часто терпятъ и люди добродѣтельные); между тѣмъ какъ то зло, которое дѣлаетъ ихъ самихъ злыми, они переносятъ не только терпѣливо, но и охотно. И какъ мало сказали мы объ одномъ только Римѣ и его имперіи?—далеко не все даже изъ времени до Цезаря Августа. А что было бы, еслибы я захотѣлъ припоминать и перечислять не тѣ бѣдствія, которыя причиняютъ люди взаимно другъ другу, каковы опустошенія и разгромы вою-

ющихъ, а тѣ, которымъ подвергается земная жизнь отъ дѣйствія міровыхъ стихій; чего слегка касается Апулей въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія «о Мірѣ», говоря, что все земное подвержено измѣненіямъ, превратностямъ и разрушенію? Онъ говоритъ, что (пользуясь словами его) вслѣдствіе чрезмѣрныхъ землетрясеній разверзалась земля и были поглощены города вмѣстѣ съ ихъ жителями; что внезапными дождями были смыты цѣлыя области; что такия области, которыя прежде были континентами, со стороны пришлыми волнами обращены были въ острова, а другія чрезъ пониженіе моря дѣлались удобопроходимыми для пѣшеходовъ; что вѣтрами и бурями были разрушены города; что облака производили пожары, отъ которыхъ погибли испепеленныя ими восточныя страны,—а страны западныя подвергались подобнымъ же катастрофамъ отъ воды, просачивавшейся изъ земли и затоплявшей мѣстности. Такъ же точно изъ разверзшихся на вершинахъ Этны кратеровъ, дѣйствіемъ небеснаго огня устремились нѣкогда по ея отлогостямъ, подобно потоку, огненные рѣки. Если бы я захотѣлъ по возможности перечислять эти и подобныя имъ бѣдствія, о которыхъ рассказываетъ исторія, окончилъ ли бы я когда нибудь повѣствованіе о томъ, что случилось въ тѣ времена, когда религія Христа еще не обуздывала ихъ суетныхъ и гибельныхъ для истиннаго спасенія вѣрованій?—Обѣщаль я также показать, за какіе ихъ нравы и по какой причинѣ истинный Богъ, во власти коего находятся всѣ царства, благоволилъ споспѣшествовать увеличенію ихъ имперіи; и какъ мало оказали имъ помощи, или лучше какъ много повредили имъ своею ложью и обманомъ тѣ, кого считаютъ они богами. Объ этомъ, я считаю нужнымъ говорить теперь. Преимущественно же буду говорить о расширеніи римской имперіи. Ибо о томъ, сколько зла причинила ихъ нравамъ вредная лживость демоновъ, которыхъ они почитаютъ за

боговъ, мною не мало уже сказано во второй книгѣ. Во всѣхъ же трехъ оконченныхъ книгахъ, гдѣ представлялось удобнымъ, мы старались указывать, сколько и какимъ именно образомъ посредствомъ имени Христова, которому варвары вопреки военнымъ обычаямъ воздавали такъ много уваженія,—сколько и какимъ образомъ среди самыхъ бѣдствій войны оказалъ помощи добрымъ и злымъ Богъ, который заставляеть Свое солнце свѣтитъ на добрыхъ и злыхъ и дождить на праведныхъ и неправедныхъ (Матѣ. V, 45).

ГЛАВА III.

Слѣдуетъ ли считать обширность имперіи, которая создается исключительно только войнами, однимъ изъ благъ людей или мудрыхъ или счастливыхъ.

Итакъ, разсмотримъ теперь, какъ много дерзости въ томъ, что обширность и долговременное существованіе римской имперіи они приписываютъ этимъ богамъ своимъ, почитать которыхъ совершеніемъ мерзкихъ игръ чрезъ мерзкихъ людей они считаютъ даже дѣломъ благопристойнымъ. Но прежде я хотѣлъ бы изслѣдовать немного, насколько основательно и благоразумно тщеславятся они величіемъ и обширностію имперіи, какъ скоро нельзя считать счастливыми людей, въ мрачномъ страхѣ и съ кровавыми инстинктами живущихъ постоянно среди бѣдствій войны и потоковъ крови,—согражданъ-ли то или враговъ, но все же людей—чтобы приобрести минутную, свѣтящуюся непрочнымъ блескомъ, радость, въ постоянномъ опасеніи, какъ бы не утратить ея внезапно. Чтобы легче обсудить этотъ предметъ, не будемъ вдаваться въ пустую напыщенность и утомлять вниманіе громкими словами, въ родѣ: «народы», «царства», «провинціи», а возьмемъ двухъ отдѣльныхъ челоувѣкъ (ибо каждый отдѣльный челоувѣкъ, какъ въ рѣчи

буква, представляет собою своего рода элементъ государства, какъ бы обширно оно ни было по территоріи). Изъ нихъ одного вообразимъ себѣ бѣднымъ, или лучше человѣкомъ посредственнаго состоянія, а другаго весьма богатымъ; но богато-удрученнымъ страхами, снѣдаемымъ печалью, обуреваемымъ пожеланіями, не имѣющимъ ни на минуту спокойствія и душевнаго мира, живущимъ въ атмосферѣ постоянныхъ враждебныхъ споровъ, умножающимъ цѣною этихъ несчастій свое имѣніе до безконечности, и съ умноженіемъ его, умножающимъ самыя тяжкія заботы; человѣка же посредственнаго состоянія—довольствующимся своими малыми и скудными пожитками, милымъ для семьи, живущимъ въ вождельнѣйшемъ мирѣ съ родственниками, сосѣдями, друзьями, религіозно-благоговѣйнымъ, привѣтливымъ по характеру, здоровымъ по тѣлу, бережливымъ въ жизни, чистымъ въ нравственномъ отношеніи и спокойнымъ въ своей совѣсти. Не знаю, будетъ ли кто-нибудь настолько сумасброденъ, чтобы усумниться, кому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Какъ гь двумъ отдѣльнымъ человѣкамъ, такъ примѣнимо это и къ двумъ семействамъ, къ двумъ народамъ и къ двумъ государствамъ; проводя такую параллель внимательно, мы весьма легко увидимъ, если будемъ наблюдательны, гдѣ находится суетность и гдѣ счастье. Поэтому, когда почитается истинный Богъ и Ему воздается поклоненіе дѣйствительными священнодѣйствіями и добрыми нравами, бываетъ полезно могущественное и долговременное управленіе людей добродѣтельныхъ. И полезно оно не столько для нихъ самихъ, сколько для тѣхъ, къ которымъ они управляютъ. Что касается ихъ самихъ, то для истиннаго ихъ счастья, въ которомъ хорошо проводится и настоящая жизнь, и получается потомъ жизнь вѣчная, достаточно благочестія и честности, представляющихъ собою великіе дары Божіи. Итакъ въ настоящемъ мѣрѣ царствова-

ніе людей добродѣтельныхъ полезно не столько для нихъ самихъ, сколько для благосостоянія подданныхъ. Напротивъ того, царствованіе злыхъ вредно всего болѣе для самихъ царствующихъ, которые губятъ свои души необузданностію пороковъ, тѣмъ же, которые находятся подъ ихъ властію, не вредить ничто, кромѣ ихъ собственной порочности. Ибо, какое бы зло праведники ни претерпѣвали отъ неправедныхъ властителей, зло это представляетъ собою не наказаніе за преступленіе, а испытаніе добродѣтели. По этому, человекъ добродѣтельный, хоть и находится въ рабствѣ, свободенъ; напротивъ злой, хоть и царствуетъ, рабъ, и рабъ не одного человека, а что гораздо хуже—столькихъ господъ, сколько порокамъ онъ подверженъ. Св. Писаніе говоритъ, разсуждая объ этихъ порокахъ: *имже кто побѣжденъ бываетъ, тому и работенъ есть* (2 Петр. II, 9).

ГЛАВА IV.

Насколько государства, чуждыя справедливости, подобны разбойническимъ шайкамъ.

Итакъ, при отсутствіи справедливости, что такое государства, какъ не большія разбойническія шайки; такъ какъ и самыя разбойническія шайки что такое, какъ не государства въ миниатюрѣ? И онѣ также представляютъ собою общества людей, управляются властію начальника, связаны обоюднымъ соглашеніемъ и дѣляютъ добычу по добровольно установленному закону. Когда подобная шайка потерянныхъ людей возрастаетъ до такихъ размѣровъ, что захватываетъ области, основываетъ осѣдлыя жилища, овладѣваетъ городами, подчиняетъ своей власти народы: тогда она открытѣе принимаетъ названіе государства, которое уже исполнѣ усвоитъ ей не жадность подавленная а пріобрѣтенная безнаказанность. Прекрасно и вѣрно отвѣчалъ Александру вели-

кому одинъ пойманный пиратъ. Когда царь спросилъ его, какое право имѣеть онъ грабить на морѣ, тотъ дерзко отвѣчалъ: «Такое же, какое ты повсемѣстно, но такъ какъ я дѣлаю это на небольшомъ суднѣ, меня называютъ разбойникомъ, а поелику ты располагаешь огромнымъ флотомъ, тебя величаютъ императоромъ».

ГЛАВА V.

О бѣлыхъ гладиаторахъ, могущество которыхъ было подобно царскому достоинству.

Не ставлю вопроса о томъ, какихъ людей набралъ къ себѣ Ромуль: этимъ людямъ принесло великую пользу то, что послѣ разбойничьей жизни, получивъ права гражданства, они перестали думать о тѣхъ наказаніяхъ, страхъ предъ которыми наталкивалъ ихъ на еще большія злодѣйства; такъ что сдѣлались наконецъ болѣе мирными въ отношеніи къ условіямъ человѣческой жизни. Остановлюсь на томъ, что саму римскую исторію, сдѣлавшуюся уже великою чрезъ покореніе многихъ народовъ и грозною для остальныхъ, заставило испытать горькое чувство и жестокой страхъ, и много трудиться, чтобы избѣжать жестокаго пораженія. Это было тогда, когда нѣсколько убѣжавшихъ съ игръ въ Кампаніи гладиаторовъ набрали многочисленное войско, поставили трехъ вождей и начали опустошать повсюду Италію съ страшною жестокостью. Пусть скажутъ мнѣ, какой помогъ имъ богъ—изъ состоянія маленькой и презрѣнной разбойнической шайки перейти въ состояніе государства, котораго пришлось страшиться римлянамъ съ столькими ихъ войсками и крѣпостями? Ужь не скажутъ ли, что они не пользовались помощью свыше, потому что существовали не долго? Но развѣ жизнь каждаго человѣка продолжительна? Въ такомъ случаѣ боги никому не помогаютъ въ достиженіи могущест-

ва, потому что каждый въ отдѣльности человѣкъ скоро умираетъ; и не слѣдуетъ считать благодареніемъ того, что въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, а отсюда по одиночкѣ и во всѣхъ людяхъ, въ короткое время исчезаетъ подобно пару. Какая, въ самомъ дѣлѣ, польза людямъ, чтившимъ боговъ при Ромулѣ и давно умершимъ, въ томъ, что послѣ ихъ смерти римское государство достигло великаго могущества, когда сами они ведутъ расчетъ въ преисподней за свои личныя дѣла (хорошія-ли, или дурныя, это къ настоящему предмету не относится)? А такъ должно думать и относительно всѣхъ тѣхъ, которые въ теченіе своего краткаго существованія прошли быстро исчезающею тѣнью по римскому государству (хотя само оно не переставало существовать въ преемственной смѣнѣ умирающихъ живыми), унося съ собою бремя своихъ дѣяній. Если же благодаренія и этихъ кратковременнѣйшихъ существованій должны быть приписаны помощи боговъ; то не малую помощь оказали они и тѣмъ гладиаторамъ, которые свергли съ себя оковы рабства, бѣжали, собрали многочисленное и весьма сильное войско, и повинувась совѣтамъ и приказаніямъ своихъ вождей, сдѣлались для римскаго величія весьма страшными, а для столькихъ римскихъ полководцевъ непобѣдимыми, захватили много въ свои руки; одержавши же множество побѣдъ, предавались удовольствіямъ, какихъ желали; дѣлали, что внушала похоть, и ожили подобно царямъ, пока наконецъ съ величайшимъ трудомъ не были побѣждены. Но перейдемъ къ примѣрамъ болѣе значительнымъ.

ГЛАВА VI.

О жадности царя Пина, который первый началъ воевать съ сосѣдями, чтобы распространить свое господство.

Юстинъ, который, слѣдуя Трогу Помпею, не только, подобно ему, написалъ на латинскомъ языкѣ греческую или,

лучше сказать, иностранную исторію, но сдѣлалъ изъ нея и сокращеніе, такъ начинается свое твореніе: «Отъ начала міра власть надъ областями и народами имѣли цари, которымъ право на это верховное достоинство давало не народное тщеславіе, а испытанная на глазахъ добродѣтельныхъ людей умѣренность. Народы не имѣли никакихъ законовъ: закономъ для нихъ служила воля государей. Въ обычаѣ было болѣе защищать границы государства, нежели расширять ихъ: границы государствъ находились внутри родной для каждаго отчины. Нинъ, царь ассирійскій, первый изъ всѣхъ нарушилъ, вслѣдствіе жадности къ власти, этотъ старинный и какъ бы прародительскій для народовъ обычай. Онъ первый началъ воевать съ сосѣдями и до самыхъ предѣловъ Ливіи покорилъ не искусные еще въ защитѣ народы.» И нѣсколько дальше: «Обширность пріобрѣтеннаго господствованія Нинъ упрочилъ непрерывностію обладанія. И такъ, покоривши сосѣдніе народы, онъ съ увеличенными силами и мужествомъ переходилъ къ другимъ, и такъ какъ каждая новая побѣда была средствомъ для послѣдующей, покорилъ народы всего востока.» Какова бы ни была правдивость, съ которою писали Юстинъ или Трогъ (нѣкоторые болѣе правдивые источники показываютъ, что они кое-что пригнали), извѣстно однако, на основаніи другихъ писателей, что ассирійское царство расширено было на далекое пространство царемъ Ниномъ. Оно существовало такъ долго, что римское государство пока не можетъ еще поравняться съ нимъ своими годами. Ибо, какъ показываютъ писатели исторической хронологіи, царство это существовало 1240 л., считая съ перваго года царствованія Нина до тѣхъ поръ, пока оно перешло къ мидійцамъ. Но нападать войной на сосѣдей и отсюда идти ея дальше, сокрушать и покорять безобидные народы единственно изъ побужденій властолюбія—какъ назвать это иначе, если не величайшимъ разбоемъ?

ГЛАВА VII.

Помогаютъ ли боги земнымъ царствамъ въ ихъ расширеніи и оставляютъ ли ихъ своею помощію при ослабленіи.

Если это государство сдѣлалось столь великимъ и прочнымъ безъ всякой помощи боговъ, то почему же римскимъ богамъ приписывается расширение и долговременное существованіе римской имперіи? Ибо какая бы ни была причина (*могущества*) тамъ, таже самая она и здѣсь. А если скажутъ, что (*могущество*) и того государства должно быть приписано помощи боговъ, то, спрашиваю, чьихъ? Ибо и тѣ другіе народы, которыхъ покорилъ и подчинилъ Нинъ, почитали не другихъ боговъ. А если ассиріане имѣли боговъ особыхъ, которые были нѣкоторымъ образомъ искуснѣе въ созиданіи и сохраненіи государства: то развѣ эти боги умерли, когда и ассиріане сами потеряли свою власть, или, не получивъ себѣ награды или получивъ обѣщаніе награды большей, предпочли перейти къ мидійцамъ, а отъ нихъ къ персамъ, куда переманилъ ихъ Киръ болѣе выгоднымъ предложеніемъ? Послѣдній народъ, послѣ обширной, но кратко-временной монархіи Александра Македонскаго, продолжаетъ царствовать и доселѣ, занимая не малыя пространства востока. Если это такъ, то боги—или вѣроломны, если оставляютъ своихъ и переходятъ къ врагамъ (чего не сдѣлалъ даже и человекъ Камиллъ, когда, будучи побѣдителемъ и завоевателемъ непріятельскаго города, встрѣтилъ со стороны Рима, для котораго одержалъ побѣду, неблагодарность, и тѣмъ не менѣе, забывши эту несправедливость и помня только объ отечествѣ, освободилъ его впоследствии отъ галловъ снова); или не настолько сильны, какъ подобаетъ быть сильнымъ богамъ, если могутъ быть побѣждаемы политикой или силой людей. Но можетъ быть боги ведутъ войны между собою и побѣждаются не людьми, а другими богами, которыхъ то или

другое государство считаетъ своими: слѣдовательно имѣють вражду между собою, которой подвергается каждый въ своей сторонѣ. Въ такомъ случаѣ государство не должно почитать своихъ боговъ болѣе, чѣмъ чужихъ, которые оказываютъ помощь его богамъ. Наконецъ, какъ бы мы ни считали это — переходомъ ли боговъ, или бѣгствомъ ихъ, или переселеніемъ, или пораженіемъ въ сраженіи, во всякомъ случаѣ въ тѣ времена и въ тѣхъ странахъ пмя Христа еще не было проповѣдано, когда царства тѣ страшными военными разгромами были разрушены или перешли во власть другихъ. Между тѣмъ, если бы въ то время, когда у ассирійцевъ, по истеченіи тысячи двухъ сотъ слишкомъ лѣтъ, отнято было царство, христіанская религія уже проповѣдывала тамъ о иномъ, вѣчномъ царствѣ и воспрещала святотатственное почитаніе ложныхъ боговъ, — не сказали ли бы суетные люди того народа, что ихъ, столь долго существовавшее государство могло погибнуть не почему иному, какъ потому, что ихъ религіи оставлены, а принята христіанская? Пусть въ этомъ предположительномъ голосѣ суеты римляне слышатъ выраженіе собственнаго мнѣнія и пусть стыдятся подобныхъ жалобъ, если есть еще въ нихъ сколько — нибудь стыда. Впрочемъ, римское государство скорѣе разстроено, чѣмъ разрушено; подобное случалось съ нимъ и въ прежнія времена, до христіанства, и оно отъ такого разстройства оправлялось. Не слѣдуетъ отчаяваться въ этомъ и теперь. Ибо кто знаетъ относительно этого волю Божию?

ГЛАВА VIII.

При помощи какихъ боговъ, по мнѣнію римлянъ, государство ихъ увеличилось и сохранялось, если они вѣрятъ, что каждому въ отдѣльности изъ ихъ боговъ ввѣрено охраненіе только отдѣльныхъ предметовъ.

• Посмотримъ далѣе, если угодно, какою или какіе изъ этой толпы боговъ, которыхъ римляне почитали, всего болѣе,

по ихъ мнѣнію, расширяли и сохраняли ихъ имперію? Вѣдь не посмѣютъ же приписывать они какого-либо участія въ этомъ, столь прекрасномъ и величественнѣйшемъ дѣлѣ богинѣ Клоацинѣ, или Волюпіи, названной такъ отъ чувственнаго удовольствія (*voluptas*), или Либентинѣ, имя которой взято отъ слова похоть (*libido*), или Ватикану, который завѣдуетъ воплями (*vagitus*) младенцевъ, или Кунинѣ, охраняющей колыбели (*cuna*) ихъ. Но возможно-ли въ одномъ мѣстѣ этой книги припомнить всѣ имена боговъ или богинь, которыя они едва могли вмѣстить въ цѣлыя огромные томы, приурочивая къ каждой отдѣльной вещи спеціальныя божества? Даже охраненіе селъ они не сочли возможнымъ ввѣрить одному какому-либо богу, но надъ деревнями (*rura*) поставили богиню Рузину, надъ вершинами (*juga*) горъ—бога Югатина; надъ холмами (*collis*) богиню Коллатину, надъ долинами (*vallum*)—Валлонію. Не могли выдумать даже такой Сегетіи, которой одной ввѣряли бы исполнѣ жатвы (*segetes*); но посѣянные сѣмена, доколѣ они находятся въ землѣ, подлежатъ, по ихъ мнѣнію, вѣдѣнію богини Сеи, а когда выходятъ изъ-подъ земли и образуютъ жниво (*Seges*),—богинѣ Сегетіи; наконецъ, когда хлѣбъ обмолоченъ и убранъ, безопасная сохранность (*tutum*) его поручалась богинѣ Тутилинѣ. Кто бы могъ подумать, что пока сѣмена выходятъ изъ земли травкой и даютъ спѣлыя колосья, не достаточно одной Сегетіи? И однакожь, для людей, которые любятъ множество боговъ, что бы бѣдная душа, презрѣвши чистое общеніе съ единымъ истиннымъ Богомъ, отдана была на поруганіе толпы демоновъ,—одной Сегетіи было недостаточно. Къ зеленымъ всходамъ сѣмянъ они приставили Прозерпину; къ колѣнцамъ и узламъ (*nodus*) стеблей—бога Нодута; къ покровамъ (*involumenta*) колосьевъ—богиню Волютину; когда же покровы раскрываются (*patesco*), чтобы дать выходъ колосьямъ, ихъ поручали

богинѣ Пателянѣ; когда нивы покрываются новыми колосьями—богинѣ Гостилинѣ, такъ какъ покрываясь новыми, онѣ возмѣщаютъ (*hostire*), говорили, старыя; зацвѣтшія (*florens*) жатвы вѣряли богинѣ Флорѣ; наливающимся (*lactesco*)—богу Ляктурну; поспѣвающимъ (*maturesco*)—богинѣ Матутѣ; сжинаемая (*runco*)—богинѣ Рунцинѣ. Не упоминаю всего, поелику то, чего не стыдятся они, на меня нагоняетъ скуку. Это же весьма не многое сказано мною съ цѣлю показать, что они никоимъ образомъ не могутъ говорить, будто римскую имперію основали, расширили и сохраняли тѣ божества, изъ коихъ каждому назначалась специальная обязанность, такъ что дѣло общее не поручалось никому изъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было Сегетіи думать о государствѣ, когда ей не позволено было смотрѣть вмѣстѣ съ жатвами и за деревьями? Какъ было думать Кунинѣ о сраженіяхъ, когда ей нельзя было отходить отъ порученной ей колыбели младенцевъ? Какимъ бы образомъ Нодуть сталъ помогать въ войнѣ, когда онъ имѣлъ отношеніе только къ колѣнцамъ ствола и никакого къ повровамъ колосьевъ? Каждый къ своему дому приставляетъ одного только привратника, и такъ какъ онъ человекъ, его вполне достаточно; но они поставили трехъ боговъ—Форкула къ дверямъ (*fores*), Кардею къ петлямъ (*cardo*), Лиментина къ порогу (*limentum*). Такимъ образомъ, Форкулъ не могъ въ одно и тоже время охранять петель и порога.

ГЛАВА IX.

Можно ли приписывать обширность и долговременное существованіе римской имперіи Юпитеру, который почитается его поклонниками богомъ высочайшимъ.

Итакъ, оставивъ вовсе или отложивъ на время эту толпу мелкихъ боговъ, мы должны рассмотреть дѣятель-

ность боговъ главнѣйшихъ, благодаря которой Римъ сдѣлался такъ могущественнымъ, что долгое время повелѣвалъ столь многими народами. Безъ всякаго сомнѣнія, это—дѣло Юпитера. Его считаютъ они царемъ всѣхъ боговъ и богинь: это именно означаетъ его скипетръ и Капитолій на высокомъ холмѣ. Объ этомъ богѣ, говорятъ они, сказано вполне удачно, хотя и поэтомъ:

Полно Юпитерамъ все ¹⁾.

Варронъ думаетъ, что его почитаютъ и тѣ, которые поклоняются только единому Богу, не представляя его подъ видимымъ образомъ, но только называютъ инымъ именемъ. Если это такъ, то почему же въ Римѣ (а также и у другихъ народовъ) чтили его такъ плохо, что устроили ему идола? Это и самому Варрону такъ не нравилось, что хотя онъ и зараженъ былъ нечестивымъ обычаемъ Рима, однако, нисколько не колеблясь, говорилъ и писалъ, что тѣ, которые повелѣли народамъ ставить идоловъ, уменьшили страхъ (*къ богамъ*) и увеличили заблужденіе.

ГЛАВА X.

Какими представленіями руководствовались тѣ, которые къ различнымъ частямъ міра приставили различныхъ боговъ.

Зачѣмъ къ нему присоединяется, въ качествѣ жены, еще Юнона, которая называется сестрою его и супругою ²⁾? Затѣмъ, отвѣчаютъ, что Юпитера мы ощущаемъ въ эфирѣ, а Юнону въ воздухѣ; эти двѣ стихіи соединены вмѣстѣ,

¹⁾ Virgil. Eclog. III. v. 60.

²⁾ Virgil., Aeneid., lib. I, v 47.

хотя изъ нихъ одна выше, а другая ниже.—Въ такомъ случаѣ не о немъ сказано:

Полно Юпитерамъ все,

если нѣкоторую часть (міра) наполняетъ и Юнона. Или тотъ и другой изъ нихъ наполняютъ и ту и другую стихію, и супруги эти находятся и въ обѣихъ стихіяхъ, и въ каждой изъ нихъ вмѣстѣ? Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, эфиръ отводится Юпитеру, а воздухъ Юнонѣ? Наконецъ достаточно бы этихъ двухъ: къ чему же еще море отдается Нептуну, а земля Плутону? Въ свою очередь не остаются безъ супруговъ и эти послѣдніе: Нептуну дается Салаяція, а Плутону Прозерпина— Это, говорятъ, потому, что какъ низшею частію неба, т. е. воздухомъ, завѣдуетъ Юнона, такъ низшею частію моря— Салаяція, низшею частію земли—Прозерпина.—Стараются исправить басни, но не находятъ способа. Вѣдь если бы это было такъ, то предки ихъ указали бы на три стихіи, а не на четыре, чтобы къ каждой стихіи приурочить по особой парѣ боговъ. Въ настоящее время рѣшено окончательно, что иное—эфиръ и иное—воздухъ. Но вода, верхняя-ли то, или нижняя, все же вода: пусть она и разная но настолько-ли, что бы не быть водою? И нижняя земля чѣмъ инымъ можетъ быть, какъ не землею же, какъ бы ни различалась она? Но вотъ изъ этихъ трехъ или четырехъ стихій состоитъ весь тѣлесный міръ: гдѣ же будетъ Минерва? чѣмъ будетъ она завѣдывать? что собою наполнять? Вѣдь вмѣстѣ же съ ними помѣщается и она въ Капитоліѣ, хотя не дочь ни того, ни другой. Или, быть можетъ, скажутъ, что Минерва завѣдуетъ верхнею частію эфира и что въ этомъ именно заключается поводъ къ поэтическому вымыслу, будто она рождена изъ головы Юпитера: въ такомъ случаѣ почему же не почитать ее царицею

боговъ, такъ какъ она выше и Юпитера? Развѣ не потому ли, что дочь не прилично предпочитать отцу? Такъ почему же не соблюдена эта справедливость въ отношеніи Юпитера къ Сатурну? Потому развѣ, что послѣдній былъ побѣжденъ? Такъ, значить, они сражались?—Нѣтъ, говорятъ: это вздоръ басней.—Значить, баснямъ не слѣдуетъ вѣрить, и о богахъ нужно мыслить лучше. Въ такомъ случаѣ почему же не отведено отцу Юпитера, если не высшее, по крайней мѣрѣ равное почетное мѣсто?—Потому, говорятъ, что Сатурнъ означаетъ собою долготу времени.—Итакъ тѣ, которые чтутъ Сатурна, чтутъ время: выходитъ, что царь боговъ, Юпитеръ, рожденъ во времени. Да и почему не прилично сказать, что Юпитеръ и Юнона рождены во времени, если онъ—небо, а она—земля, когда небо и земля несомнѣнно созданы? Такъ говорятъ въ своихъ книгахъ ихъ ученые и мудрецы; и Виргилій основывается не на поэтическихъ вымыслахъ, а на философскихъ книгахъ, когда говорить:

*Въ то время отецъ всемогущій Эвиръ животворнымъ
ждемъ*

На лоно сурруи веселой промляя¹⁾.

т. е. на лоно теллуры, или земли. И въ этомъ случаѣ, на ихъ взглядъ, есть нѣкоторое различіе: и въ самой землѣ, по мнѣнію ихъ, иное—Земля, иное Теллура, иное—Теллумонъ. И всѣхъ этихъ они считаютъ богами, имѣющими каждый свое имя, надѣляютъ особливими обязанностями, чтутъ отдѣльными алтарями и культурами. Ту же самую Землю называютъ и матерью боговъ; такъ что поэты въ своихъ вымыслахъ являются даже болѣе умѣренными, чѣмъ они, если по ихъ не поэтическимъ, но священнымъ кни-

¹⁾ Virgil., Georg., lib. II, v. 325, 326.

гамъ Юнона оказывается не только сестрой и супругой, но и матерью Юпитера. Ту же самую Землю считают они еще Церерою, а также и Вестою; хотя чаще утверждают, что Веста—не что иное, какъ огонь, содержащійся въ очагахъ, безъ которыхъ не можетъ существовать государство; а дѣвы потому собственно прислуживаютъ обыкновенно огню, что какъ отъ дѣвы, такъ и отъ огня не рождается ничего. Уничтожить и искоренить все это пустое суевѣріе долженъ былъ Тотъ, Кто родился именно отъ Дѣвы. Кто, въ самомъ дѣлѣ, помирится съ тѣмъ, что, приписывая столько чести и какъ бы чистоты огню, они не красѣя называютъ иногда Весту и Венерой, такъ что почтенное дѣвство въ ея служительницахъ оказывается пустою вещью? Дѣйствительно, если Веста—Венера, то на какомъ основаніи должны были служить ей дѣвы, обязательно сохраняя цѣломудріе? Или двѣ есть Венеры, одна—дѣва, другая женщина? даже три, одна—дѣвственницъ (она же и Веста), другая замужнихъ женщинъ, третья—развратницъ? Этой послѣдней финикіяне приносили въ даръ даже дѣвство своихъ дочерей, прежде чѣмъ онѣ выходили замужъ. Которая же изъ нихъ жена Вулкана? Конечно не дѣвственница, поелику имѣла мужа. А что бы не причинить обиды сыну Юноны и сотруднику Минервы, пусть будетъ она и не развратница. Итакъ, значитъ—замужняя; но намъ не хотѣлось бы только, что бы ей подражали въ томъ, что продѣлывала она съ Марсомъ.—Опять, скажутъ, ты возвращаешься къ баснямъ.—Но развѣ справедливо,—на насъ, за то что мы говоримъ объ ихъ богатыхъ подобныя вещи, сердиться, а на себя самихъ, за то что въ театрахъ они смотрятъ на эти преступленія своихъ боговъ съ величайшимъ удовольствіемъ, не сердиться? А между тѣмъ всѣ эти сценическія представленія преступлений боговъ ихъ установлены въ честь тѣхъ же самихъ боговъ; что было бы невѣроятно, если бы не подтверждалось неопровержимѣйшимъ образомъ.

ГЛАВА ХІ.

О многихъ богахъ, которыхъ языческіе ученые защищаютъ, говоря, что всѣ эти боги одинъ и тотъ же Юпитеръ.

За тѣмъ пусть они сколько угодно доказываютъ на основаніи законовъ естественныхъ и своихъ соображеній, что Юпитеръ представляетъ собою лишь душу настоящаго тѣлеснаго міра, которая наполняетъ собою и движетъ эту міровую массу, составленную и сплоченную изъ четырехъ, или сколькихъ имъ угодно, стихій; что онъ то уступаетъ изъ ней нѣкоторыя части сестрѣ и братьямъ, — то представляетъ собою эфиръ, сверху объемлющій собою воздухъ, подъ нимъ разлитый, т. е. Юнону, — то вмѣстѣ съ воздухомъ самъ представляетъ собою цѣлое небо, а землю оплодотворяетъ, какъ супругу и мать (это въ божественныхъ отношеніяхъ не считается гнустнымъ), плодотворными дождями и сѣменами, — то наконецъ (нѣтъ нужды распространяться намъ обо всемъ этомъ) является богомъ единымъ, о которомъ, по мнѣнію многихъ, именно и сказано знаменитымъ поэтомъ:

*Шествуетъ богъ по пространствамъ земныхъ, глубинамъ
морскимъ*

И неизмѣримому небу ¹⁾.

Пусть въ эфирѣ онъ—Юпитеръ; въ воздухѣ—Юнона; въ морѣ—Нептунъ; въ глубинахъ морскихъ—Салаяція; въ землѣ—Плутонъ; въ глубинахъ земли—Прозерпина; въ домашнихъ очагахъ—Веста, въ печи кузнецовъ—Вулканъ; въ свѣтилахъ небесныхъ—солнце, луна и звѣзды; въ прорицателяхъ—Аполлонъ; въ торговлѣ—Меркурій; въ Янусѣ—

¹⁾ Virgil. Georg., lib. VI. v. 221—222.

начинатель; въ Терминъ—довершитель; Сатурнъ—во времени; Марсъ и Беллона въ войнѣ; Либерь—въ виноградникахъ; Церера—въ хлѣбныхъ посѣвахъ; Діана—въ лѣсахъ; Минерва—въ наукахъ и искусствахъ. Пусть онъ же будетъ и въ этой толпѣ своего рода боговъ—плебеевъ: подъ именемъ Либера пусть завѣдуетъ мужескимъ сѣменемъ, а подъ именемъ Либеры—сѣменемъ женскимъ; пусть будетъ Діеспитеромъ, который плодъ выводитъ на свѣтъ (*dies*); пусть онъ же будетъ Менюю, завѣдывающею мѣсячными очищеніями женщинъ; пусть онъ же—Люціана, которую призываютъ мучаціяся родами; пусть онъ же подаетъ помощь (*ops*) рождающимся, принимая ихъ на лоно земли, и называется Опюю; пусть онъ же открываетъ для крика (*vagitus*) уста ихъ и называется богомъ Ватиканомъ пусть самъ же поднимаетъ (*levo*) ихъ съ земли и называется богинею Леванюю; пусть самъ же охраняетъ колыбели (*cuna*) и называется богинею Куною; пусть онъ же, а не другой кто, и подъ видомъ тѣхъ богинь, которыя предсказываютъ судьбы рождающихся, и называются Карментами, завѣдуетъ жребіями, и называется Фортуною; пусть подъ видомъ богини Румины влагаетъ младенцу сосцы, такъ какъ сосцы у предковъ назывались *ruma*,—подъ видомъ богини Потины даетъ имъ питье (*potio*),—въ лицѣ богини Эдуки питаетъ ихъ; пусть называется Павентіей отъ перепуга (*pavor*) младенцевъ, — Вениліей отъ приходящей (*venio*) надежды,—отъ удовольствія Волюпіей,—отъ дѣйствія Агенорой,—отъ возбужденій (*stimula*), которыя располагаютъ чело­вѣка къ чрезвычайному дѣйствию, богинею Стимулой,—богинею Стренією, отъ того, что дѣлаетъ чело­вѣка проворнымъ (*strenuus*),—Нумеріей, учащей считать,—Каменной, научающей пѣть;—пусть онъ же будетъ и богъ Консусъ, и подаетъ совѣты, и богиня Сентія, внушающая мысли;—пусть онъ же будетъ и богиня Ювента, которая послѣ отрочества охраняетъ первые начатки юношескаго

возраста;—пусть онъ же будетъ и Фортуной Барбатой, которая покрываетъ бородою взрослыхъ (имъ не захотѣли оказать той чести, чтобы, какое бы божество тамъ ни было, называть его по крайней мѣрѣ мужскимъ именемъ, хоть бы отъ бороды, напимѣръ, Барбатою, какъ Нодотъ—отъ колѣнца, или же не Фортуной, а Фортунатою, потому что носить бороду); пусть онъ же въ богѣ Югатинѣ соединяетъ супруговъ; пусть призывается, когда развязываютъ новобрачной поясъ, и называется богинею Виргиниенсіей; пусть онъ же будетъ, Мугуномъ или Тутуномъ, который—тоже, что у грековъ Пріапъ. Пусть, если не стыдно, всѣхъ этихъ боговъ, о которыхъ я сказалъ, а также и тѣхъ, о которыхъ не сказалъ (не думаю, чтобы нужно было говорить о всѣхъ нихъ),—пусть всѣхъ ихъ, и боговъ и богинь, представляетъ собою одинъ Юпитеръ: пусть все они суть или его части, какъ думаютъ нѣкоторые, или же его силы, какъ думаютъ тѣ, которымъ угодно называть его душою міра,—мнѣніе, раздѣляемое многими великими учеными. Если это такъ (не вхожу пока въ изслѣдованіе, каково это мнѣніе), то что потеряли бы они, еслибы почитали съ благоразумнымъ устраненіемъ излишества единого Бога? Въ самомъ дѣлѣ, что было бы обойдено въ немъ, еслибы его именно почитали? Если приходилось бояться, чтобы не разгнѣвались Его обойденныя и забытыя части: то вся эта жизнь не имѣла вида жизни одного, какъ они думаютъ, живаго существа, въ которомъ бы все боги находились какъ его силы, или члены, или части. Каждая часть имѣла бы свою, отдѣльную отъ прочихъ частей, жизнь, какъ скоро одна могла гнѣваться независимо отъ другой, одна могла умилостивляться, другая раздражаться. Сказать же, что все части вмѣстѣ, т. е. весь Юпитеръ цѣликомъ могъ оскорбиться, если бы не почитались его части по-одиначкѣ и въ отдѣльности каждая, значило бы сказать глупость. Ни

одна изъ этихъ частей не была обойдена, если бы чтили его одного, заключающаго въ себѣ все. Вѣдь и теперь, когда они говорятъ, напр. (пропускаю другое безчисленное), что свѣтила—суть части Юпитера, что всѣ они живутъ, имѣютъ разумныя души, и потому несомнѣнно суть боги; развѣ они не видятъ, какъ многихъ изъ нихъ не почитаютъ, какъ многимъ не строятъ храмовъ, не воздвигаютъ алтарей, хотя незначительному числу ихъ воздвигать алтари и приносить особыя жертвы—они и сочли необходимыми? Итакъ, если свѣтила, которыхъ не почитаютъ особо, за это гнѣваются: то почему же они, умиловившая немногихъ, не боятся жить подъ цѣлымъ разгнѣваннымъ небомъ? Если же звѣзды чтутся всѣ, потому что онѣ—въ Юпитерѣ, которому воздается поклоненіе: то такимъ же сокращеннымъ порядкомъ можно бы покланяться и всѣмъ въ немъ одному. Въ такомъ случаѣ, не разгнѣвалась бы ни одна изъ нихъ, такъ какъ не была бы обойдена въ немъ ни одна,—не разгнѣвалась бы гораздо вѣрнѣе, чѣмъ теперь, когда, при почитаніи только нѣкоторыхъ изъ нихъ, дается справедливая причина гнѣваться тѣмъ, и притомъ многочислѣннѣйшимъ, которыя обойдены почитаніемъ; и это тѣмъ болѣе, что имъ, блистающимъ съ высоты неба, предпочитается стоящій въ гнусной наготѣ Пріапъ.

ГЛАВА XII.

О мнѣніи тѣхъ, которые Бога представляли душою міра, а міръ—тѣломъ Бога.

Что же? неужели это не должно смущать людей съ умомъ проникательнымъ, даже какихъ бы то ни было людей? Ибо не требуется большаго ума, чтобы, ставши на безпристрастную точку зрѣнія, понять, что если Богъ есть душа міра, а міръ представляетъ собою тѣло этой души,

такъ что получается одно живое существо, состоящее изъ тѣла и души;—и что, если этотъ Богъ, какъ бы въ нѣкомъ естественномъ лонѣ, содержитъ въ себѣ все, такъ что изъ Его души, оживляющей всю эту громаду, пристекаютъ и жизнь и душа всего живущаго по роду каждаго рождающагося: то не остается рѣшительно ничего, что не было бы частью Бога. А если это такъ, кому не видно, какія нечестивыя и кощунственныя слѣдствія вытекаютъ отсюда? Всякій, напр. попирая что либо ногами, попираетъ часть Бога, при каждомъ убійствѣ животнаго убиваетъ часть Бога. Не хочу говорить всего, что можетъ приходить на мысль, но не можетъ быть высказано по стыдливости.

ГЛАВА XIII.

О тѣхъ, которые утверждаютъ, что только разумныя животныя суть части единого Бога.

Если же утверждаютъ, что только разумныя животныя, напр. люди, суть части Бога: то я не понимаю, какимъ образомъ отдѣляютъ они отъ Его частей животныхъ неразумныхъ, коль скоро Богъ—весь міръ? Впрочемъ, зачѣмъ препираться намъ изъ за этого? Въ разсужденіи самого разумнаго животнаго, т. е. человѣка, что можетъ быть несчастнѣе мысли, что когда наказывается дитя, наказывается Богъ? Кто, кромѣ совершенно безумнаго, можетъ допустить также, что части Бога бываютъ похотливыми, несправедливыми, нечестивыми и заслуживающими всяческаго осужденія? Наконецъ, изъ-за чего гнѣвается Богъ на тѣхъ, которые не чтутъ Его, когда не чтутъ Его Его же части? Остается имъ, такимъ образомъ, сказать, что всѣ боги имѣютъ свою собственную жизнь, что каждый изъ нихъ живетъ своею жизнію и что ни одинъ не составляетъ части другаго; но что почитать должно тѣхъ изъ нихъ, которыхъ можно знать

и почитать: потому что ихъ такъ много, что знать и почитать всѣхъ нѣтъ возможности. А такъ какъ надъ всѣми богами начальствуетъ въ качествѣ царя Юпитеръ: то думаю, что по ихъ мнѣнію именно онъ основалъ и увеличилъ римское царство. Ибо, если это сдѣлано не имъ, то кто другой изъ боговъ могъ, на ихъ взглядъ, выполнить столь великое дѣло, когда каждый изъ этихъ боговъ занять своими обязанностями и дѣлами и не вмѣшивается въ обязанности и дѣла другаго? И такъ, царство людей могъ распространить и увеличить царь боговъ.

ГЛАВА XIV.

Приписывать распространіе государствъ Юпитеру— несообразность: если есть, какъ они думаютъ, богиня Побѣда, то ея одной должно быть достаточно для этого дѣла.

Но спрашивается, почему и само государство не есть какой нибудь богъ? Почему бы это было не такъ, если есть богиня Побѣда? Или зачѣмъ нуженъ въ этомъ случаѣ Юпитеръ, если Побѣда бываетъ благосклонна, милостива и всегда является на помощь къ тѣмъ, которыхъ хочетъ она сдѣлать побѣдителями? При благосклонности и благоволеніи этой богини, пускай Юпитеръ даже бездѣйствуетъ, или дѣлаетъ что либо другое—какіе народы не будутъ побѣждены, какія царства устоятъ? Или, можетъ быть, добрымъ людямъ не нравится воевать по причинамъ самымъ несправедливымъ и пустымъ, и изъ-за расширенія государства произвольно вызывать на войну сосѣдей, живущихъ спокойно и совершенно безобидно? Если они мыслятъ такъ, я ихъ вполне одобряю и хвалю.

ГЛАВА XV.

Прилично ли добрымъ людямъ желать расширенія царствованія.

Пусть въ самомъ дѣлѣ размыслить, дѣйствительно ли слѣдуетъ людямъ добрымъ радоваться расширенію государства. Несомнѣнно, что возрастанію государства способствовала несправедливость тѣхъ, съ которыми велись справедливыя войны. Государство неизбѣжно оставалось бы малымъ, если бы спокойствіе и справедливость сосѣдей не вызывали никакою обидою войны противъ нихъ; и при болѣе счастливыхъ условіяхъ человѣческой жизни въ государства оставались бы малыми, наслаждаясь дружелюбнымъ сосѣдствомъ, такъ что въ мірѣ было бы также весьма много государствъ разныхъ народовъ, какъ въ городѣ весьма много домовъ разныхъ гражданъ. Поэтому вести войны и путемъ покоренія народовъ расширять государство представляется дѣломъ хорошимъ для людей дурныхъ, но для добрыхъ—это только дѣло необходимости. Можетъ это быть названо и дѣломъ хорошимъ, но потому только, что было бы хуже, если бы люди болѣе несправедливые господствовали надъ болѣе справедливыми. Но не подлежитъ сомнѣнію, что имѣть добраго сосѣда мирнаго во всякомъ случаѣ большее счастье, нежели подчинять плохаго сосѣда воинственнаго. Желаніе ненавидѣть или бояться кого-нибудь, чтобы было кого побѣждать, желаніе дурное. Но какъ бы то ни было, если римляне могли создать столь великое государство, ведя войны справедливыя, по причинамъ законнымъ и серьезнымъ: то не слѣдовало ли имъ почитать и чужую несправедливость въ качествѣ какой-нибудь богини? Вѣдь мы видимъ же, что эта несправедливость содѣйствовала не мало расширенію ихъ имперіи, вызывая на противозаконныя дѣйствія людей, чтобы было съ кѣмъ вести войны и чрезъ то увеличивать госу-

дарство. Почему же и несправедливость,—по крайней мѣрѣ несправедливость иноземныхъ народовъ,— не можетъ быть богиней, если Испугъ, Страхъ и Лихорадка удостоились быть римскими богами? Такимъ образомъ римское государство увеличилось благодаря этимъ двумъ, т. е. чужой несправедливости и богинѣ Побѣдѣ, при бездѣйствіи Юпитера: несправедливость подавала причины къ войнѣ, а Побѣда приводила эти войны къ счастливому концу. Да и какое участіе могъ имѣть въ этомъ случаѣ Юпитеръ, когда то, что можно бы назвать его благодѣніемъ, само считалось, называлось и почиталось богомъ и призывалось само по себѣ? Онъ имѣлъ бы на этотъ разъ участіе въ томъ случаѣ, если бы назывался Государствомъ, подобно тому какъ та называлась Побѣдой. Или, если государство представляетъ собою даръ Юпитера, то почему не считалась его же даромъ и побѣда? Табъ конечно и было бы, если бы въ Капитоліѣ находился и былъ предметомъ почитанія не камень, а истинный Царь царствующихъ и Господь господствующихъ (Апокал. XIX, 16).

ГЛАВА XVI

Почему римляне, назначивъ для каждой вещи и каждого явленія отдѣльныхъ боговъ, храмъ Покоя рѣшили поставить за городскими воротами.

Крайне только удивляюсь я, почему, назначивъ отдѣльныхъ боговъ для каждой вещи и для каждого почти явленія, призывая богиню Агенору, чтобы она вызывала на дѣятельность,—Стимулу, чтобы возбуждала къ дѣятельности даже чрезмѣрной,—Мурцію, чтобы она сверхъ мѣры не возбуждала, и дѣлала человѣка, по выраженію Помпонія, *турсидит*, т. е. совершенно лѣнивымъ и не дѣятельнымъ,—Стреную, чтобы дѣлала проворнымъ; почему, отправляя

всѣмъ этимъ богамъ и всѣмъ богинямъ публичныя культа, они Квіетъ, которой молились, чтобы она дѣлала человѣка спокойнымъ (*quietum*), не захотѣли совершать культа публично, построивъ ей храмъ за коллинскими воротами. Не было ли это признакомъ безпокойнаго духа? Или, лучше, не то ли оно именно и означало, что усердно чтившій эту толпу не боговъ, а демоновъ, не могъ имѣть того пово-
воя, къ коему призываетъ истинный Врачъ, говоря: *научи-
теся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ серд-
цемъ, и обряцете покой душамъ вашимъ*—(Матѳ. XI, 29)?

ГЛАВА XVII.

*Если верховная власть принадлежитъ Юпитеру,
спрашивается ли чтить богиню Побѣду.*

Можетъ быть скажутъ, что богиню Побѣду посылаетъ Юпитеръ и она, повинувшись ему какъ царю, идетъ къ тѣмъ, къ кому велитъ онъ, и держитъ ихъ сторону? Это вѣрно, но не относительно Юпитера, котораго они рисуютъ въ своемъ воображеніи царемъ боговъ, а относительно того истиннаго Царя вѣковъ, Который посылаетъ не Побѣду, не имѣющую никакой субстанціи, а ангела своего, и дѣлаетъ побѣдителемъ того, кого хочетъ,—Котораго совѣты могутъ быть сокровенными, но несправедливыми быть не могутъ. Вѣдь если побѣда — богиня, то почему не богъ триумфъ, и не соединенъ съ побѣдой или какъ мужъ, или какъ братъ, или какъ сынъ? Поистинѣ, о своихъ богахъ они измыслили такія вещи, которыя, если бы онѣ выдуманы были поэтами, а нами подвергнуты разсмотрѣнію, они сами назвали бы выдумками поэтовъ достойными смѣха, но не примѣнимыми къ истиннымъ божествамъ; но такъ какъ подобныя бредни они вычитали не у поэтовъ, а читали

въ храмахъ, то и не смѣялись надъ собою. Итакъ, они должны бы обращаться съ просьбами обо всемъ къ Юпитеру и молиться ему одному. Ибо, куда бы ни посылалъ онъ Побѣду, она не должна была сопротивляться ему и исполнять свою волю, если она — богиня и подвластна ему, какъ царю.

ГЛАВА XVIII.

На какомъ основаніи, почитающіе Счастіе и Фортуну богинями, различаютъ ихъ.

А на какомъ основаніи является богинею и Счастіе? Ему построенъ храмъ, посвященъ жертвенникъ и отправляется подобающій культъ. Пусть бы по крайней мѣрѣ чтилось одно. Ибо какого блага можетъ не быть тамъ, гдѣ оно? Но къ чему почитаютъ и признаютъ богинею еще и Фортуну? Развѣ Счастіе—одно, а Фортуна—другое?—Потому (говорятъ), что Фортуна можетъ быть и злою; но счастіе не было бы и счастіемъ, если бы оно было злымъ. Но на самомъ дѣлѣ, мы всѣхъ боговъ того и другаго пола (если они имѣютъ и полъ) должны считать не иначе, какъ добрыми. Такъ говоритъ Платонъ ¹⁾, такъ говорятъ другіе философы и наилучшіе правители государствъ и народовъ. Какимъ же образомъ богиня Фортуна является иногда доброю, иногда злою? Или, можетъ быть, когда она бываетъ злою, перестаетъ быть богинею и превращается вдругъ въ злаго демона? За тѣмъ, сколько есть такихъ богинь? Вѣроятно столько же, сколько людей, одаренныхъ Фортуною, т. е. пользующихся доброю Фортуною. Но такъ какъ вмѣстѣ, т. е. въ одно и тоже время, съ ними есть

¹⁾ Плат. о республ. II.

весьма много и такихъ людей, которые имѣють злую Фортуна: то неужели Фортуна, если это она же, бываетъ одновременно и доброю и злою,—для однихъ такою, для другихъ другою? Или та, которая считается богинею, всегда добра? Въ такомъ случаѣ она—тоже, что и Счастіе: къ чему же—два названія? Впрочемъ, съ этимъ еще можно помириться: сплошь и рядомъ одна и таже вещь называется двумя именами. Но зачѣмъ—различные храмы, различные алтари, различные культы?—Есть, говорятъ, для этого причина: Счастіемъ пользуются люди добродѣтельные за предварительныя заслуги; а Фортуна, именуемая доброю, выпадаетъ на долю людей добродѣтельныхъ и порочныхъ, безъ всякаго соображенія о заслугахъ, случайно (*fortuitu*); почему и называется Фортуною.—Но какимъ образомъ она добра, если приходитъ безъ всякаго разбора и къ добродѣтельнымъ и къ порочнымъ? Да и за что чтуть ее, если она такъ слѣпа, что обрушивается безъ разбора, на кого-попало, минуя весьма часто своихъ читателей и привязываясь къ тѣмъ, кто ее презираетъ? А если читатели ея достигаютъ отчасти того, что она обращаетъ на нихъ вниманіе и любить ихъ: то она получается уже за заслуги, приходитъ не случайно. Какъ же въ такомъ случаѣ оправдывается вышеприведенное опредѣленіе фортуны? Какимъ образомъ получила она свое имя отъ случая? Вѣдь, если она фортуна, то нѣтъ никакой пользы чтить ее. Если же она дѣлаетъ разборъ между своими читателями, чтобы оказывать имъ содѣйствіе, то она уже не фортуна. Или и фортуна посылаетъ Юпитеръ, къ кому ему угодно? Въ такомъ случаѣ пусть чтуть его одного: такъ какъ и фортуна не можетъ его послушаться, когда онъ приказываетъ ей и посылаетъ ее туда, куда хочеть. Или, по крайней мѣрѣ, пусть чтуть ее одни порочные люди, которые не хотятъ имѣть заслугъ, коиими бы могли привлечь къ себѣ богиню Счастіе.

ГЛАВА XIX.

О фортуны женской.

Этому мнимому божеству, которое называется Фортуной, они приписываютъ такъ много, что записали въ исторію, будто статуя фортуны, посвященная ей матронами (и названная женскою фортуной ¹⁾), даже разговаривала ²⁾: она будто бы сказала, и не разъ, а дважды, что матроны почтили ее какъ должно. Еслибъ это была и правда, удивляться не слѣдуетъ. Обольщать и подобнымъ образомъ не трудно для злыхъ демоновъ, уловки и лукавство коихъ они должны бы были примѣтить въ настоящемъ случаѣ изъ того особенно, что говорила именно та богиня, которая благодѣтельствуешь случайно, а не приходитъ по заслугамъ. Въ самомъ дѣлѣ, говорящею оказалась Фортуна, а Счастіе нѣмымъ: къ чему это, какъ не къ тому, чтобы люди не старались жить добродѣтельно, положившись на фортуны, которая сдѣлала бы ихъ счастливыми помимо всякихъ съ ихъ стороны заслугъ? И если Фортуна говорить дѣйствительно, то пусть бы говорила, по крайней мѣрѣ, не женская, а мужская Фортуна, дабы не составилось подозрѣнія, что такое чудо выдумали по женской болтливости сами посвятившія ей статую.

ГЛАВА XX.

О томъ, что добродѣтель и въру язычники почтили храмами и куклами, обходя прочія блага,—которыя слѣдовало бы чтить подобнымъ же образомъ, если имъ божество приписывалось правильно.

Сдѣлали богинею и Добродѣтель, которая, еслибъ была дѣйствительно богиня, должна бы быть предпочтена мно-

¹⁾ Liv. lib. 2.

²⁾ Plutarch., in Coriolano et lib. de Fortuna Romana.

гимъ. А такъ какъ она—не богиня, а даръ Божій, то и сама должна испрашиваться отъ Того, Кто одинъ можетъ даровать ее; вся же толпа ложныхъ боговъ должна исчезнуть. Но къ чему сдѣлана богиней и Вѣра, и получила даже храмъ и алтарь? Ея храмомъ бываетъ всякій, кто только благоразумно внимаетъ ей. А отгуда знать имъ, что такое вѣра, первое и главнѣйшее дѣло которой—вѣровать въ истиннаго Бога? Итакъ, почему не удовольствовались добродѣтелью? Не въ ней ли и вѣра? По ихъ мнѣнію, добродѣтель должна быть раздѣлена на четыре вида—благоразуміе, справедливость, мужество и умѣренность. Каждый изъ этихъ видовъ имѣетъ, въ свою очередь, свои частнѣйшіе; такъ въ справедливости заключается, какъ видъ, и вѣра. У насъ же вѣра занимаетъ главнѣйшее мѣсто и каждый изъ насъ знаетъ, что значать слова: *праведный отъ вѣры живъ будетъ*. (Аввак. II, 4). Но, если вѣра—богиня, я удивляюсь этимъ охотникамъ до толпы боговъ, почему своимъ пренебреженіемъ они нанесли обиду другимъ, столь многимъ богинямъ, которымъ также, какъ и вѣрѣ, они могли посвятить храмы и алтари? Почему не удостоилась быть богинею умѣренность, когда, благодаря ей, нѣкоторые римскіе государи снискали не малую славу? Почему, далѣе, не богиня мужество, которое проявилось въ Муціѣ, когда онъ держалъ свою правую руку въ огнѣ,—въ Курціѣ, когда онъ за свое отечество ринулся въ пропасть,—въ Деціѣ отцѣ и Деціѣ сынѣ, когда они обрекли себя на смерть за войско (если только во всѣхъ нихъ было истинное мужество, о чемъ пока я не говорю)? Почему благоразуміе и мудрость не удостоены между богами, никакого мѣста?—Не потому ли, что всѣ они чтутся въ общемъ имени самой добродѣтели? Но такимъ же образомъ можно бы чтить и одного Бога, частями котораго признаются прочіе боги. Но въ добродѣтели заключаются и вѣра, и стыд-

лизость, которыя однако удостоены внѣшнихъ алтарей въ особыхъ храмахъ.

ГЛАВА XXI.

О томъ, что неразумяющіе даровъ Божіихъ должны бы были, по крайней мѣрѣ, довольствоваться Добродѣтелью и Счастьемъ.

Всѣхъ этихъ богинь создала не истина, а суетность. Всѣ онѣ суть дары истиннаго бога, а не самостоятельно существующія богини. Притомъ, чего еще недостаетъ тамъ, гдѣ находятся добродѣтель и счастье? Чѣмъ можетъ быть доволенъ тотъ, кого не удовлетворяютъ добродѣтель и счастье? Добродѣтель обнимаетъ собою все, что нужно дѣлать; благополучіе—все, чего слѣдуетъ желать. Если Юпитера чтили они для того, чтобы онъ ниспосылалъ добродѣтель и счастье; и въ счастье же относятся и обширность и долговременное существованіе государства, если онѣ суть нѣчто хорошее: то почему не поняли они, что добродѣтель и счастье суть дары Божіи, а не богини? А если ужъ они признали ихъ богинями, то пусть бы не выдумывали, по крайней мѣрѣ, остальной толпы боговъ и богинь. Въ самомъ дѣлѣ, обозрѣвши всѣ тѣ обязанности, которыя имъ угодно было измыслить для своихъ боговъ и богинь, сообразно съ собственною фантазіей, пусть укажутъ они что нибудь такое, что отъ какаго нибудь бога можно бы было получить еще человѣку, имѣющему добродѣтель и пользующемуся счастьемъ? Какихъ наставленій просить у Меркурія, или у Минервы, когда добродѣтель заключаетъ въ себѣ все? Ибо, по опредѣленію древнихъ, добродѣтель есть искусство жить хорошо и справедливо. Поэтому отъ греческаго слова *ἀρετή*, что значитъ добродѣтель, латиняне, какъ полагаютъ, заимствовали терминъ, *ars, artis*, искусство. Но если добро-

дѣтель можетъ приходиться только къ человѣку остроумному, въ такомъ случаѣ какая была нужда въ богѣ Катіѣ—отцѣ, который дѣлаетъ людей *catos*, т. е. острыми разумомъ, когда это могло бы сообщать Счастіе? Вѣдь родиться остроумнымъ—счастіе. Правда, человѣкъ еще не рожденный не могъ чтить богиню Счастіе, чтобы, умиловивленная имъ, она даровала ему остроуміе; но она могла содѣйствовать его родителямъ, своимъ поклонникамъ, чтобы у нихъ рождались сыновья остроумными. Какая была нужда родильницамъ призывать Люцину, когда, при Счастіи, онѣ могли рождать не только благополучно, но и хорошихъ младенцевъ? Зачѣмъ нужно было поручать рождающихся богинѣ Онѣ, кричащихъ—богу Ватикану, лежащихъ въ колыбели—богинѣ Кунинѣ, грудныхъ—богинѣ Руминѣ, стоящихъ—богу Статиллину, приходящихъ—богинѣ Адеонѣ, уходящихъ—Абеонѣ,—богинѣ Ментѣ, чтобы они имѣли добрый умъ,—богу Волюмну и богинѣ Волюмнѣ, чтобы желали добраго,—брачнымъ богамъ, чтобы счастливы были въ супружествѣ,—полевымъ богамъ, въ особенности же самой Фруктезеѣ, чтобы собирали обильнѣйшіе плоды,—Марсу и Беллонѣ, чтобы счастливо воевали,—богинѣ Викторіѣ, чтобы оставались побѣдителями,—богу Гонору, чтобы были въ почести,—богинѣ Пекуніѣ, чтобы были денежны,—богу Эскулану и его сыну Аргентину, чтобы имѣли мѣдныя и серебряныя деньги? Эскуланъ потому и поставленъ отцемъ Аргентина, что въ обращеніи сперва явилась мѣдная монета, а затѣмъ серебряная. Удивляюсь только, что Аргентинъ не родилъ Аврина, потому что за серебряною монетою явилась золотая. Если бы имѣли они этого бога, они предпочли бы его и отцу Аргентину, и дѣду Эскулану подобно тому, какъ Юпитера предпочли Сатурну. Итакъ, какая была нужда ради этихъ, духовныхъ ли то, или тѣлесныхъ, или внѣшнихъ, благъ чтить и призывать такую толпу боговъ (которыхъ и я не

припомнилъ всѣхъ, да и сами они не могли указать особыхъ и специальныхъ для всѣхъ человѣческихъ благъ, подраздѣляя ихъ на виды и разсматривая отдѣльно), когда все это легче и короче могла бы сообщить одна богиня Счастіе; такъ что въ другомъ какомъ нибудь богѣ не было надобности не только для полученія добра, но и для устраниенія зла? Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, нужно бы призывать для усталыхъ богиню Фессонію, для прогнанія непріятелей богиню Пеллонію, для больныхъ врача Аполлона, или Эскулапа, или, въ случаѣ большой опасности, обоихъ вмѣстѣ? Не было бы надобности умолять ни бога Спициенсиса, чтобы уничтожалъ онъ терніи (*spinose*) на полѣ, ни богиню Рубигу (ржавчину), чтобы она не подходила къ полямъ: присутствіе и охрана одной богини Счастія не позволили бы злу появиться, и весьма легко устранили бы его. Наконецъ (мы имѣемъ въ виду собственно двухъ богинь Добродѣтель и Счастіе), если благополучіе представляетъ собою награду за добродѣтель, оно уже не богиня, а даръ Божій; если же оно — богиня, то почему нельзя сказать, что оно сообщаетъ и саму добродѣтель, поелику имѣтъ добродѣтель — великое Счастіе?

ГЛАВА XXII.

Объ искусствѣ почитать боговъ, которое сообщено римлянамъ Варрономъ, какъ самъ онъ хвалится этимъ.

На какомъ же основаніи хвалится Варронъ, будто оказалъ своимъ согражданамъ великое благодѣяніе тѣмъ, что не только упоминаетъ о богахъ, коихъ римляне почитать должны, но говоритъ и о томъ, что касается каждаго изъ этихъ боговъ? «Какъ совершенно бесполезно, говоритъ онъ, знать имя и фигуру какого-либо врача, но не знать, что такое врачъ: такъ совершенно бесполезно знать, что есть

богъ Эскулапій, если тебѣ неизвѣстно, что онъ помогаетъ здоровью, и если ты не знаешь такимъ образомъ, о чемъ ему должно молиться». Эту мысль подтверждаетъ онъ и другимъ сравненіемъ, говоря, что никто не только жить хорошо, но и жить вовсе не можетъ никто, не зная, что такое—ремесленникъ, хлѣбопекъ, штукатуръ, къ кому бы могъ обратиться по какой либо надобности,—незная, кого избрать помощникомъ, кого руководителемъ, кого учителемъ; и прибавляетъ, что также точно полезно и знаніе боговъ,—знаніе о томъ, какою силой, способностью и властью обладаетъ каждый богъ по отношенію ко всякой вещи. «Отсюда, говоритъ онъ, мы можемъ узнать, какого бога и о чемъ должны призывать и умолять, и не поступать подобно комедіантамъ,—не просить у Либера воды, а у Лимфъ вина». Великая дѣйствительно польза! Кто не поблагодарилъ бы его, если бы онъ ~~не~~ училъ истинѣ,—училъ людей чтить единого истиннаго Бога, отъ котораго исходятъ всѣ блага?

ГЛАВА XXIII.

О Счастіи, которому римляне, чтители многихъ боговъ, долгое время не воздавали божескихъ почестей, хотя оно одно могло бы замѣнить собою всѣхъ.

Но если ихъ книги и религіозныя установленія истинны, и если Счастіе, дѣйствительно, богиня: то почему чтится не она одна, которая можетъ сообщать все, и, однимъ словомъ, сдѣлать счастливымъ? Ибо чьи какія бы то ни было желанія не сводятся къ тому, чтобы быть счастливымъ? Почему же такъ поздно, послѣ столь многихъ римскихъ правителей, построилъ храмъ такой богинѣ только Лукуллъ? Почему не воздвигъ храма прежде всего ей самъ Ромулъ, желавшій построить счастливый городъ? Ему не было нужды молиться о чемъ-либо прочимъ богамъ, когда,

при покровительствѣ этой богини, у него было бы все. Вѣдь и самъ онъ не сдѣлался бы сперва царемъ, а потомъ, какъ вѣрятъ они, богомъ, если бы не была милостивою къ нему эта богиня. Зачѣмъ же установилъ онъ для римлянъ боговъ: Януса, Юпитера, Марса, Пика, Фавна, Тиберина, Геркулеса и многихъ другихъ? Зачѣмъ Титъ Тацій присовокупилъ къ этимъ еще Сатурна, Опу, Солнце, Луну, Вулкана, Свѣтъ и нѣкоторыхъ другихъ, между прочимъ богиню Клоацину, пренебрегши Счастьемъ? Почему Нума прибавилъ столь многихъ боговъ и богинь, а не прибавилъ Счастія? Потому развѣ, что въ такой толпѣ не могъ его замѣтить? Гостилій царь не ввелъ бы конечно новыхъ боговъ, Испуга и Ужаса, если бы зналъ и чтилъ эту богиню. Ибо въ присутствии Счастія всякій испугъ и ужасъ не удалялись бы, какъ умилостивленные, а убѣгали бы, какъ прогоняемые.

Далѣе, что значить, что римское государство уже существовало долго и достигло обширныхъ предѣловъ, а никто еще не чтилъ Счастія? Или потому-то оно и было болѣе обширнымъ, чѣмъ счастливымъ? Ибо какимъ образомъ могло быть истинное счастье тамъ, гдѣ не было истиннаго благочестія? Истинное же благочестіе есть поклоненіе истинному Богу, а не почитаніе столькихъ же боговъ,—сколько есть демоновъ. Но и вслѣдъ за тѣмъ, когда Счастье принято было уже въ число боговъ, наступило великое несчастье гражданскихъ войнъ. Развѣ, можетъ быть, Счастье справедливо разобидѣлось, что оно приглашено было такъ поздно, и то не для чествованія, а скорѣе для поруганія,—такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ почитались и Пріапъ, и Клоацина, и Испугъ, и Ужасъ, и Лихорадка, и прочія, скорѣе преступленія почитающихъ, чѣмъ божества достойныя почитанія?

Наконецъ, если ужъ нашли нужнымъ почитать вмѣстѣ съ недостойнѣйшею толпою такую богиню, то почему не почитали ее по крайней мѣрѣ преимущественно предъ

остальными? Ибо кому не досадно, что Счастіе не поставлено ни въ ряду боговъ Совѣтниковъ (*Consenses*), которые приглашаются будто бы на совѣтъ Юпитера, ни въ ряду боговъ, которые называются Избранными (*selecti*)? Ему слѣдовало бы устроить храмъ такой, который отличался бы и возвышенностію мѣста и превосходствомъ зодчества. Почему бы даже не соорудить ему нѣчто лучшее, чѣмъ самому Юпитеру? Вѣдь кто, какъ не Счастіе, дало царствованіе и самому Юпитеру, если только онъ былъ счастливъ во время своего царствованія? Да счастіе лучше даже, чѣмъ царство. Всякій согласится, что найти такого человѣка, который устращился бы пожалуй быть царемъ, не трудно; но нельзя найти такого, который не захотѣлъ бы быть счастливымъ. Пусть бы спросили по этому предмету, посредствомъ ли авгурій, или инымъ какимъ-либо образомъ, которымъ считаютъ они возможнымъ спрашивать боговъ — пусть бы спросили самихъ же боговъ: не пожелали ли бы они уступить мѣсто Счастію? Думаю, что самъ Юпитеръ уступилъ бы ему даже вершину Капитолійскаго холма, еслибъ оказалось, что мѣсто, гдѣ можно бы было построить Счастію обширнѣйшій и возвышеннѣйшій храмъ, занято уже храмами и алтарями другихъ боговъ. Ибо никто не станетъ противиться Счастію, за исключеніемъ развѣ того, кто захотѣлъ бы быть несчастнымъ, а это случай невозможный. Юпитеръ, если бы его спросили, ни въ какомъ случаѣ не сдѣлалъ бы того, что сдѣлали по отношенію къ нему три бога: Марсъ, Терминъ и Ювента, которые своему старѣйшинѣ и царю рѣшительно не захотѣли уступить мѣста. Ибо когда царь Тарквиній, какъ гласятъ ихъ письменные памятники, захотѣлъ построить Капитолій, то мѣсто это, на его взглядъ болѣе приличное и достойное (Юпитера), оказалось занятымъ другими богами. Не осмѣливаясь поступить въ какомъ либо отношеніи вопреки волѣ этихъ боговъ и

думая, что они охотно сами уступят это мѣсто столь великому божеству и главѣ своему, онъ посредствомъ авгурій спросилъ боговъ, которыхъ было много на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь воздвигнуть Капитолій: не желаютъ ли они уступить его Юпитеру? Всѣ боги согласились уступить, кромѣ упомянутыхъ трехъ, Марса, Термина и Ювенты. Поэтому-то Капитолій построенъ былъ такъ, что внутри его находились и эти три бога: но статуи ихъ такъ были скрыты, что объ этомъ едва знали самые ученѣйшіе люди. Да, и самъ Юпитеръ не рѣшился бы не уважить Счастія, подобно тому, какъ его самого не уважили тѣ три боги. Но и они, не уступившіе Юпитеру, безъ всякаго сомнѣнія уступили бы Счастію, которое поставило надъ ними Юпитера царемъ. А если бы и не уступили, то сдѣлали бы это не по неуваженію, а потому, что имъ захотѣлось бы лучше жить безвѣстными въ домѣ Счастія, нежели красоваться на своихъ мѣстахъ безъ него.

Будь водворена богиня Счастіе на обширнѣйшемъ и возвышеннѣйшемъ мѣстѣ, граждане знали бы, откуда слѣдуетъ просить помощи въ каждомъ своемъ добромъ желаніи. Итакъ, по внушенію самой природы, оставивъ излишнее множество прочихъ боговъ, они чтили бы одно Счастіе, ему одному молились бы; его храмъ посѣщали бы всѣ тѣ граждане, которые хотѣли бы быть счастливыми (а не быть такими изъ нихъ никто не захотѣлъ бы); а слѣдовательно у него одного и просили бы всего, чего просятъ у всѣхъ боговъ. Ибо кто желаетъ получить что либо отъ какого бы то ни было бога, кромѣ Счастія, или того, что, по его мнѣнію, относится къ Счастію? Поэтому, если Счастіе имѣетъ власть находиться при томъ или иномъ чловѣкѣ (а оно имѣетъ эту власть, если оно—богиня), то не крайне ли глупо, умолять о немъ того или другаго бога, когда есть возможность просить его у него же самаго? Та-

кимъ образомъ, богиню эту они должны бы были почитать сравнительно съ прочими богами и почетнѣйшимъ мѣстомъ. Сами же древніе римляне, какъ мы это читаемъ у нихъ, неизвѣстно какого-то Суммана, которому они приписывали ночные перуны, почитали больше Юпитера, которому принадлежать перуны дневные. Но послѣ того, какъ построены былъ Юпитеру обширный и возвышенный храмъ, по причинѣ важности храма толпа устремила къ нему такъ, что едва ли можно найти человѣка, который припомнилъ бы, по крайней мѣрѣ, что читалъ имя Суммана, не будучи уже въ состояніи слышать о немъ. Если же Счастіе—не богиня, такъ какъ (что и дѣйствительно) оно—даръ Божій; то слѣдуетъ искать того Бога, который можетъ даровать его, а вредное множество демоновъ оставить, такъ какъ ему служить безмысленная толпа безумцевъ, дѣлая себѣ боговъ изъ даровъ Божіихъ, а самого Бога, дары котораго они представляютъ собою, оскорбляя упорствомъ гордой воли. Въдѣ тотъ не можетъ избѣжать несчастія, кто чтитъ Счастіе, какъ богиню, а оставляетъ Бога подателя счастія, подобно тому какъ тотъ не можетъ не испытывать голода, кто лижетъ нарисованный на картинѣ хлѣбъ, а не проситъ его у человѣка, имѣющаго хлѣбъ дѣйствительный.

ГЛАВА XXIV.

Какими доводами оправдываютъ язычники то, что въ числѣ боговъ чтутъ божественные дары.

Но желательнѣе послушать ихъ разсужденій.—Вѣроятное ли, говорятъ они, дѣло, будто предки наши были въ такой степени не разумными, чтобы не знать, что все это дары Божіи, а не боги? Они знали, что всего этого нельзя никому приписать, какъ только какому-либо щедродательному богу; но такъ какъ они не могли открыть именъ

этихъ боговъ, то называли ихъ именами тѣхъ вещей, которыя, по ихъ мнѣнію, даются ими, измѣняя нѣсколько эти имена въ окончаніяхъ: такъ, напр, отъ слова *bellum* (война) они заимствовали названіе *Bellona*, отъ *cuna* (колыбель)—*Cunina*, отъ *seges* (зерновой хлѣбъ)—*Segetia*, отъ *pomum* (яблоко)—*Pomona*, отъ *buis* (быкъ)—*Bubona*; или же безъ всякаго измѣненія, совершенно въ томъ видѣ, какъ называются и самыя вещи: такъ, напр, именемъ *Pecunia* называлась богиня, дающая деньги (*pecunia*), именемъ *Virtus*—богиня, сообщающая добродѣтель (*virtus*), именемъ *Honor*—богъ, дающій почетъ (*honor*), именемъ *Concordia*—богиня, сообщающая согласіе (*concordia*), именемъ *Victoria*—богиня, дающая побѣду (*victoria*). Такимъ же точно образомъ, говорятъ они, когда Счастіе называется богинею, то разумѣется не самый тотъ предметъ, который дается, а то божество, которое даетъ счастье.

ГЛАВА XXV.

О почитаніи единого только Бога, который хотя и невѣдомъ по имени, но признается подателемъ Счастія.

Выслушавъ эти разсужденія, мы гораздо легче, можетъ быть, убѣдимъ въ томъ, въ чемъ желаемъ, тѣхъ изъ нихъ, сердце которыхъ не слишкомъ еще огрубѣло. Вѣдь если и человѣческая слабость сознала уже, что счастье можетъ быть даруемо только какимъ либо Богомъ; если это признавали и тѣ, которые почитали столь многихъ боговъ, и между прочимъ царя ихъ, Юпитера,—такъ какъ не зная имени того, бѣмъ счастье ниспосылается, они назвали его именемъ той самой вещи, которая имъ, по ихъ представленію, ниспосылается: то этимъ они уже достаточно высказали, что счастья не можетъ ниспослать самъ Юпитеръ, котораго они уже почитали, а ниспосылаетъ его тотъ, кого они сочли

нужнымъ почитать подъ именемъ самого Счастія. Я съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаю, что они вѣрили, что счастье ниспосылается нѣкоторымъ Богомъ, котораго они не знали. Пусть же поэтому ищутъ Его, пусть Его—то и почитаютъ, и этого будетъ достаточно. Пусть презираютъ скрежетаніе безчисленныхъ демоновъ: тому только будетъ не достаточно этого Бога, кому не достаточно дара Его. Тому, говорю, недостаточно для почитанія Бога, подателя счастья, кто не довольствуется полученіемъ самого счастья Тотъ же, кто имъ доволенъ (ибо для человѣка не существуетъ ничего, чего бы онъ долженъ былъ желать болѣе), тотъ пусть служитъ единому Богу, подателю счастья Это—не тотъ богъ, котораго называютъ Юпитеромъ. Ибо, если бы признавали Юпитера подателемъ счастья, то подъ именемъ счастья не искали бы, конечно, другаго, или другую, гѣмъ оно ниспосылается,—да и самого Юпитера не чтили бы съ такими обидами. Его называютъ они прелюбодѣемъ, безстыднымъ любовникомъ и похитителемъ красиваго мальчика.

ГЛАВА XXVI.

О театральныя игры, исполненія которыхъ требовали себя боги отъ своихъ читателей.

«Но, говоритъ Туллій, все это выдумалъ Гомеръ: онъ переносилъ человѣческія дѣянія на боговъ; я же лучше желалъ бы обратнаго». Дѣйствительно, человѣку серьезному не долженъ былъ понравиться поэтъ—выдумщикъ божескихъ преступленій. Но зачѣмъ же театральныя игры, въ которыхъ рассказываются, воспѣваются, представляются и выводятся къ чести боговъ эти дѣянія, ученѣйшими людьми причислялись къ рязряду вещей божественныхъ? Въ этомъ случаѣ Цицеронъ долженъ былъ жаловаться уже не на вымыслы поэтовъ, а на учрежденія предковъ. Но не должны

ли были воскликнуть въ свою очередь и предки: «Въ чемъ же виноваты мы? Сами боги настаивали, чтобы все это отправлялось въ ихъ честь, строго повелѣвали намъ это дѣлать и грозили бѣдствіями, если не будемъ дѣлать; они строжайшимъ образомъ мстили, когда что-нибудь не исполнялось, и являлись милостивыми, когда не исполненное выполнялось». Расскажу съ своей стороны о слѣдующемъ событіи, которое преданіе относитъ къ числу ихъ добродѣтелей и чудесъ. Титу Латинію, римскому поселянину, отцу семейства, было велѣно во снѣ—объявить въ сенатѣ, чтобы римскія игры отправлены были снова, такъ какъ въ первый день этихъ игръ была совершена на глазахъ у народа казнь надъ однимъ преступникомъ: богамъ-де, искавшимъ въ играхъ веселаго развлечения, было непріятно дѣйствіе власти печальнаго свойства. Когда же тотъ, которому дано было во снѣ приказаніе, на утро не посмѣлъ исполнить его, то въ слѣдующую ночь оно повторено ему было съ ббльшею строгостью; а такъ какъ онъ и на этотъ разъ не исполнилъ, то потерялъ сына. Въ третью ночь ему сказано было, что его ожидаетъ еще ббльшее наказаніе, если онъ не сдѣлаетъ такъ, какъ ему приказывается. Когда же онъ не посмѣлъ этого сдѣлать и послѣ этого, то впалъ въ мучительную и ужасную болѣзнь. Тогда, по совѣту друзей, онъ довелъ объ этомъ до свѣденія правительства, и былъ принесенъ въ сенатъ на носилкахъ. Когда онъ передалъ тамъ свой сонъ, то сталъ тотчасъ же здоровымъ, и удалился изъ сената на собственныхъ ногахъ. Пораженный этимъ чудомъ, сенатъ опредѣлилъ возобновить игры, ассигновавъ на нихъ въ четверо ббльшую сумму. Кто, имѣя здравый умъ, не пойметъ отсюда, что люди, подчинившіеся власти злыхъ демоновъ, отъ которой освобождаетъ только благодать Божія чрезъ Господа нашего Іисуса Христа, силою принуждаемы были отправлять въ честь подобныхъ боговъ такія вещи, которыя на

здравый взглядъ могли казаться гнусными? Въ этихъ именно играхъ праздновались вымышленныя поэтами преступленія боговъ, и эти самыя игры возобновлены были по повелѣнію сената, вынужденнаго къ тому богами. Въ этихъ играхъ гнуснѣйшіе гистріоны воспѣвали, представляли и услаждали растлителя цѣломудрія—Юпитера. Если бы это было выдуманнымъ, онъ долженъ былъ бы гнѣваться; если же онъ услаждался своими, хоть бы и вымышленными, преступленіями: то, когда чтили его, кому служили, какъ не діаволу? Неужели же это онъ создалъ, распространялъ и сохранялъ римское государство,—онъ, который былъ отвратительнѣе всякаго римлянина, на взглядъ котораго эти вещи казались гнусными? Неужели это онъ ниспосылаетъ счастье,—онъ, котораго чтили тѣмъ злосчастно, и который еще злосчастнѣе гнѣвался, если не чтили такимъ именно образомъ?

ГЛАВА XXVII.

О трехъ родахъ боговъ, о которыхъ рассуждалъ понтифексъ Сцевола.

Въ письменныхъ памятникахъ встрѣчается извѣстіе, что ученѣйшій понтифексъ Сцевола дѣлилъ боговъ на три рода: одинъ изъ нихъ введенъ поэтами, другой философами, третій властями государственными. Первый родъ онъ называетъ баснословнымъ, потому что представляетъ множество недостойныхъ вымысловъ о богахъ; второй считаетъ не пригоднымъ для государствъ, потому что въ немъ есть нѣчто лишнее, а нѣчто и такое, что было бы вредно знать народу. На лишнемъ не останавливаемся; и законовѣды говорятъ обыкновенно: «лишнее не вредно». Но что разумѣть онъ подъ тѣмъ, что, если дойдетъ до народа, будетъ вреднымъ?—«Вредно, говоритъ онъ, убѣжденіе, что Геркулесъ, Эскулапъ, Касторъ и Поллуксъ—не боги,—такъ какъ фи-

лософами доказывается, что они были люди и умерли какъ люди. Еще что?—Мнѣніе, что государства не имѣютъ дѣйствительныхъ изображеній тѣхъ существъ, которыя суть боги; что Богъ истинный не имѣетъ ни пола, ни возраста, ни опредѣленныхъ частей тѣла».—Понтифексъ не хочетъ, чтобы народы знали эти вещи: потому что они считаютъ все это за истину. Слѣдовательно, по его мнѣнію, полезно, чтобы государства заблуждались въ области религіи. Такое именно мнѣніе высказалъ и Варронъ, въ книгахъ о божественномъ Хороша же религія, если слабый прибѣгаетъ къ ней за спасеніемъ, а между тѣмъ, вмѣсто спасительной истины, которой онъ ищетъ, считаютъ полезнымъ для него обманъ! Въ тѣхъ же письменныхъ памятникахъ приводятся и тѣ основанія, по которымъ Сцевола отвергаетъ родъ боговъ, введенныхъ поэтами. Причина эта заключается въ томъ, что у поэтовъ боги обезображены до такой степени, что оказываются хуже порядочныхъ людей: одного изъ нихъ они заставляютъ воровать, другаго прелюбодѣйствовать; заставляютъ также ихъ дѣлать и говорить разныя вещи постыдныя и нелѣпыя; представляютъ трехъ богинь спорящими между собою о преміи за красоту, и двухъ изъ нихъ, побѣжденныхъ Венерою, разрушающими Трою; самого Юпитера представляютъ превращающимся въ быка или лебедя, чтобы имѣть сношеніе съ какою нибудь женщиной; Сатурнъ—пожирающимъ своихъ дѣтей;—богиню выходящую замужъ за человѣка; словомъ: нельзя придумать такого дива и такого порока, котораго бы не было у нихъ, хотя это и не совместно съ божескою природою».—Эхъ великій понтифексъ Сцевола! уничтожь, если можешь, игры;—прикажи народамъ не оказывать безсмертнымъ богамъ такихъ почестей, въ которыхъ преступленія боговъ вызывали бы удивленіе, и насколько возможно, подражаніе. Если же народъ скажетъ тебѣ въ отвѣтъ: «это ввели у насъ вы, понтифексы»,—про-

си тогда самихъ боговъ, по настоянію кототорыхъ вы дѣлали подобныя распоряженія, чтобы они приказали не оказывать себѣ подобныхъ почестей. Если эти почести худы и потому рѣшительно не совмѣстимы съ величіемъ боговъ, то онѣ представляютъ собою величайшее оскорбленіе богамъ, на счетъ которыхъ безнаказанно выдумываются. Но боги тебя не слушаютъ: они демоны, научаютъ злomu, радуются постыдному; они не только не считаютъ для себя оскорбленіемъ, если на ихъ счетъ выдумываются подобныя вещи, но скорѣе не въ состояніи перенести той обиды, если имъ не оказываютъ подобныхъ почестей. Допустимъ, что ты обратишься съ жалобою на нихъ Юпитеру, особенно въ виду того, что на театральныхъ играхъ представляются весьма многія преступленія его самаго; но, хотя вы и называете его богомъ, который управляетъ всѣмъ этимъ міромъ, развѣ не наносите вы ему величайшаго оскорбленія тѣмъ, что считаете нужнымъ чтить его вмѣстѣ съ ними и признаете его царемъ ихъ?

ГЛАВА XXVIII.

Было-ли полезно римлянамъ почитать боговъ для установленія и распространенія ихъ государства.

Итакъ боги, которыхъ умилоствивляютъ, или лучше сказать обвиняютъ подобными почестями, такъ что съ ихъ стороны является ббльшимъ преступленіемъ, что они услаждаются этою ложью, чѣмъ если бы о нихъ говорили истину,—такіе боги ни въ какомъ случаѣ не могли увеличить и поддержать римское государство. Если бы они могли это сдѣлать,—то столь великій даръ они скорѣе сообщили бы грекамъ, которые въ подобнаго рода божественныхъ вещахъ, т. е. театральныхъ играхъ, чтили ихъ съ гораздо ббльшимъ почтеніемъ и уваженіемъ, такъ какъ отъ язвительныхъ на-

смѣшекъ, которымъ подвергали боговъ поэты, они не устранили и себя, давая имъ свободу издѣваться надъ какими имъ было угодно людьми, и самихъ актеровъ считали людьми не презрѣнными, а достойными высокаго уваженія. Могли же римляне имѣть золотую монету, хотя и не почитали бога Аврина: такъ точно могли они имѣть серебряную и мѣдную монету, еслибы не почитали ни Аргентина, ни его Отца Эскулана. Тоже можно сказать и относительно всего, о чемъ снова заводить рѣчь не хочется. Итакъ, безъ воли истиннаго Бога, они никоимъ образомъ не могли бы имѣть царства; но если бы они не знали или отвергли этихъ многихъ и ложныхъ боговъ, а знали единаго истиннаго Бога и служили Ему искреннею вѣрою и нравственностію: то имѣли бы и здѣсь лучшее царство, такое же великое, какое имѣли, и потомъ наслѣдовали бы царство вѣчное, независимо отъ того, имѣли ли они здѣсь царство, или не имѣли.

ГЛАВА XXIX.

О ложности того предзнаменованія, которымъ указывалось, по ихъ мнѣнію, на крѣпость и незаблемость римскаго государства.

По ихъ словамъ, то было прекраснѣйшимъ предзнаменованіемъ, что, какъ упомянуто мною выше, Марсъ, Терминъ и Ювента не захотѣли уступить мѣсто царю боговъ, Юпитеру. Это значило, говорятъ они, что поколѣніе Марса, т. е. римскій народъ, никому не уступить того мѣста, которымъ владѣть; что и римскихъ границъ, благодаря Термину, не сдвинетъ никто; что римская молодежь, благодаря богинѣ Ювентѣ, не отступитъ ни передъ кѣмъ. Какъ же, послѣ того, смотрятъ они на этого царя своихъ боговъ и подателя своего царства, когда то предзнаменованіе выстав-

ляетъ его врагомъ, не дѣлать уступки которому дѣло прекрасное? Впрочемъ, если предназначеніе то истинно, имъ рѣшительно нечего бояться. Они вѣдь не согласятся съ тѣмъ, чтобы боги, не хотѣвшіе сдѣлать уступки Юпитеру, уступили Христу. Ибо они могли уступить Христу при неприкосновенности границъ имперіи, удалившись только съ своихъ мѣстъ, а главное—изъ сердца вѣрующихъ. Но прежде, чѣмъ Христосъ пришелъ во плоти, прежде чѣмъ написано было это, что привели мы изъ книгъ ихъ, хотя и послѣ уже того, какъ дано было при царѣ Тарквиніѣ упомянутое предназначеніе,—римскія войска нѣсколько разъ были разбиваемы и обращаемы въ бѣгство, и предназначеніе, что Ювента не уступитъ Юпитеру, оказывалось ложнымъ; а родъ Марса во время побѣды и вторженія галловъ подвергся истребленію въ самомъ Римѣ; наконецъ и границы имперіи сокращены были до крайности въ то время, когда многие города отпали на сторону Аннибала. Такимъ образомъ, прекрасная сторона предназначенія оказалась вздоромъ; дѣйствительнымъ же осталось только упорство противъ Юпитера, не боговъ, а демоновъ. Ибо не уступить значитъ одно, а возвратиться опять на то мѣсто, которое уступлено, другое. Впрочемъ, римскія границы, собственно въ восточной части имперіи, измѣнены были и послѣ, волею Адриана. Именно, три превосходныхъ провинціи, Арменію, Месопотамію и Ассирію, онъ уступилъ персидскому государству; такъ что богъ Терминъ, охранявшій, по мнѣнію римлянъ, римскія границы и въ томъ прекрасномъ предназначеніи не уступившій Юпитеру мѣста, оказался испугавшимся царя людей, Адриана, болѣе, чѣмъ царя боговъ, Юпитера. Равнымъ образомъ, когда затѣмъ провинціи были возвращены обратно, Терминъ сдѣлалъ уступку снова почти уже на нашей памяти. Это было тогда, когда Юліанъ, вѣрившій оракуламъ боговъ, издалъ безразсудный приказъ—сжечь корабли,

нагруженные съѣстными припасами; лишенное ихъ войско, — когда вслѣдъ за тѣмъ умеръ и самъ онъ отъ раны, нанесенной врагомъ, — пришло въ такую крайность, что оттуда не вернулся бы никто (потому что непріятель отовсюду напиралъ на солдатъ, приведенныхъ въ смятеніе смертію императора), еслибы по мирному трактату не были установлены границы тамъ, гдѣ лежатъ онѣ доселѣ, — установлены, правда, не съ такимъ урономъ, какой допущенъ былъ Адрианомъ, однакожь и не тамъ, гдѣ онѣ лежали прежде, а въ чертѣ средней между этими пунктами. Такимъ образомъ, по пустому предзнаменованію, Юпитеру не сдѣлалъ уступки богъ Терминъ, а волѣ Адриана, даже безразсудству Юліана и крайности Ювіана уступилъ. Благоразумнѣйшіе и серьезнѣйшіе изъ римлянъ понимали это; но были безсильны противъ обычая города, преданнаго демонскимъ обрядамъ. И сами они, хотя сознавали пустоту всего этого, но думали, что религіозное почитаніе, приличное Богу, нужно воздавать природѣ вещей, находящейся подъ властію и управленіемъ единаго истиннаго Бога, — *работая, какъ говоритъ апостоль, твари паче, нежели Творцу, иже есть благословенъ во вѣки* (Рим. 1, 25). Необходима была помощь того истиннаго Бога, который посылаетъ свитыхъ и истинно благочестивыхъ мужей, умирающихъ за истинную религію, дабы избавить живыхъ отъ религіи ложной.

ГЛАВА XXX.

Какихъ были мыслей о богахъ самые поклонники ихъ.

Цицеронъ, самъ будучи авгуромъ, смѣется надъ авгуриями и упрекаетъ людей, располагающихъ свои житейскія предпріятія по крику ворона или вороны. ¹⁾ Но этотъ, сомнѣ-

¹⁾ De divination, lib. 2. c. 37.

вающійся во всемъ академикъ, не заслуживаетъ въ подобныхъ вещахъ никакого авторитета. У него, во второй книгѣ о природѣ боговъ, разсуждаетъ К. Люцилій Бальбъ, и хотя выводитъ суевѣрія изъ природы вещей, представляя ихъ какъ бы философскими и физическими, однако негодуетъ на введеніе статуй и на баснословныя мнѣнія, говоря такимъ образомъ: «Итакъ не видишь-ли, что физическія открытія, послужившія ко благу и пользѣ, подали поводъ къ измышленію ложныхъ боговъ? Отсюда родились ложныя мнѣнія, грубыя заблужденія и старушечьи суевѣрія. Намъ вѣдь извѣстны и фигуры боговъ, и ихъ возрасты, и одежды, и украшенія; роды, браки, родственныя связи, и все прочее перенесено на нихъ по аналогіи съ человѣческою немощію. Ихъ представляютъ намъ испытывающими и душевныя волненія: мы слышали о пожеланіяхъ, скорбяхъ и гнѣвѣ боговъ. Были между богами (какъ глясятъ басни) даже войны и сраженія. По словамъ Гомера, боги не только защищали два враждебныя войска, одни — одно, другіе — другое, но вели и собственныя войны съ титанами, или гигантами. Говорить объ этомъ, вѣрить этому крайне безразсудно: — все это въ высшей степени пусто и легкомысленно» ¹⁾. Вотъ что говорятъ защитники языческихъ боговъ! Затѣмъ сказавши, что все это относится къ суевѣріямъ, а къ религіи — то, что говоритъ онъ очевидно съ точки зрѣнія стоиковъ, онъ продолжаетъ: «Не только философы, но и предки наши отдѣляли религію отъ суевѣрія. Суевѣрными (*superstitiosi*) называли они тѣхъ, которые по цѣлымъ днямъ молились богамъ и приносили жертвы, чтобы дѣти ихъ пережили ихъ (*superstites essent*)» ²⁾ Кто не пойметъ, что, боясь рас-

¹⁾ De natura deor, lib. 2. c. 28.

²⁾ Lactant. Div. Inst. lib. IV. cap. 28.

пространеннаго среди гражданъ обычая, онъ старается хвалить религію предковъ и хочетъ отдѣлится отъ нея суевѣріе, но какъ это сдѣлать, не знаетъ? Ибо, если суевѣрными предки назвали тѣхъ, которые по цѣлымъ днямъ молились и приносили жертвы, то развѣ будутъ суевѣрными тѣ, которые (какъ онъ укоряетъ ихъ въ томъ) ввели статуи боговъ въ различномъ возрастѣ и различной одеждѣ, роды, браки и родственныя связи боговъ? Вѣдь если эти вещи порицать, какъ суевѣрныя, то виноваты въ нихъ будутъ предки, которые ввели и чтили статуи боговъ; виноватъ будетъ и самъ онъ, который, какъ бы краснорѣчиво ни старался вырваться на свободу, считалъ необходимымъ чтить ихъ; виноватъ и въ томъ, что о томъ, о чемъ онъ такъ краснорѣчиво рассуждаетъ въ приведенномъ разговорѣ, не посмѣетъ и заикнуться въ народномъ собраніи. Возблагодаримъ же, христіане, Господа Бога нашего; возблагодаримъ не небо и землю, какъ говоритъ Бальбъ, но Того, Кто сотворилъ небо и землю, Кто чрезъ величайшее смиреніе Христа, проповѣдь апостоловъ, вѣру мучениковъ, умершихъ за истину и живущихъ съ истиной, исторгъ тѣ суевѣрія, которыя слегка, какъ бы картавя (*balbutiens*), порицаетъ Бальбъ, не только изъ благочестивыхъ сердець, но изъ суевѣрныхъ храмовъ, плѣнивши ихъ въ свое свободное рабство.

ГЛАВА XXXI.

О мнѣніяхъ Варрона, который, отвергнувъ народныя предразсудки, хотя и не дошелъ до познанія истиннаго Бога, однако полагалъ, что надлежитъ почитать единаго Бога.

А самъ Варронъ, о которомъ мы говорили съ сожалѣніемъ, что онъ, хотя и не по собственному своему убѣжденію, поставилъ театральныя игры въ разрядъ божествен-

ныхъ вещей,—самъ Варронъ, хотя, какъ человекъ благочестивый, во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій и убѣждаетъ почитать боговъ, не сознается развѣ точно также, что слѣдуетъ существующей въ римскомъ государствѣ религіи не по собственному убѣжденію; когда рѣшается высказать, что, если бы ему пришлось строить новый городъ, онъ заимствовалъ бы систему боговъ и имена ихъ скорѣе всего изъ природы? Но, говорилъ онъ, живя среди древняго народа, онъ считалъ себя обязаннымъ держаться принятой предками исторіи объ именахъ и прозваніяхъ боговъ, въ томъ ея видѣ, въ какомъ она передала потомству, и то, что писалъ и изслѣдывалъ, писалъ и изслѣдывалъ съ тою цѣлію, чтобы народъ былъ расположенъ скорѣе чтить этихъ боговъ, чѣмъ презирать ихъ. Этими словами человекъ весьма тонкій даетъ достаточно понять, что онъ не открываетъ всего того, что не только для него было бы презрѣннымъ, но показалось бы презрѣннымъ и народу, если бы не было умолчано. Можно было бы считать это лишь моимъ предположеніемъ если бы онъ самъ въ другомъ мѣстѣ, говоря о религіяхъ, ясно не сказалъ, что есть (въ религіи) много истиннаго такого, о чемъ народу знать вредно: равно если есть и ложное, полезно, чтобы народъ смотрѣлъ на то иначе: поэтому—то греки свои таинства и мистеріи ограждали молчаніемъ и стѣнами. Въ этомъ случаѣ онъ, дѣйствительно, выдалъ намъ тайную мысль якобы мудрецовъ, которые управляли государствами и народами. Однакожь, подобными обманами съ удивительнымъ лукавствомъ пользуются злые демоны, которые одинаково держатъ въ своей власти какъ обманывающихъ, такъ и обманываемыхъ, и отъ власти этой не можетъ освободить ничто, кромѣ благодати Божіей чрезъ Господа нашего Иисуса Христа.

Тотъ же весьма тонкій и ученый авторъ говоритъ также, что, по мнѣнію его, только тѣ одни по-

няли, что такое Богъ, которые представляли его душою, управляющею міромъ чрезъ движеніе и разумъ. А поэтому, хотя онъ еще и не достигъ самой истины; ибо Богъ есть не душа, а создатель и податель души: однако, если бы могъ освободиться отъ предрасудковъ обычая, призналъ бы и убѣдился бы, что надлежитъ чтить единого Бога, который движеніемъ и разумомъ управляетъ міромъ; такъ что у насъ съ нимъ осталось относительно этого разногласіе въ томъ только, что, по его словамъ, Богъ—душа, а не творецъ души. Еще говоритъ онъ, что древніе римляне чтили боговъ безъ кумировъ въ продолженіе болѣе ста семидесяти лѣтъ. «Если бы, замѣчаетъ онъ, такъ было и доселѣ, то боги почитались бы съ болѣею чистотою». Въ подтвержденіе этого мнѣнія своего онъ указываетъ, между прочимъ, и на народъ іудейскій, и въ заключеніе говоритъ рѣшительно, что первые, поставившіе для народа статуи боговъ, уничтожили въ своихъ государствахъ страхъ и увеличили заблужденіе: ему думалось, и не безъ основанія, что боги легко могутъ быть презираемы вслѣдствіе нелѣпости статуй. А что онъ не употребляетъ выраженія: «внеесли заблужденіе», но «увеличили»: то этимъ даетъ понять, что заблужденіе уже существовало и тогда, когда статуй еще не было. Отсюда кто не пойметъ, насколько близокъ былъ онъ къ истинѣ, когда говорилъ, что только тѣ понимали, что такое Богъ, которые представляли Его душою, управляющею міромъ, и когда полагалъ, что религія сохраняется въ большей чистотѣ безъ кумировъ? И еслибы онъ въ состояніи былъ что либо сдѣлать противъ застарѣлости такого заблужденія: то призналъ бы конечно, что Богъ, управляющій міромъ, есть единъ, и что чтить Его надлежитъ безъ кумировъ; и будучи такъ близокъ къ истинѣ, легко, быть можетъ, убѣдился бы въ измѣняемости души; такъ что понялъ бы, что истинный Богъ есть неизмѣняющееся

естество, которое создало и саму душу. А если такъ, то какія нечѣности о многихъ богахъ такіе мужи ни говорили въ своихъ книгахъ, они, побуждаемые сокровенною волею Божіею, скорѣе выводили эти нечѣности на свѣтъ, чѣмъ пытались убѣждать въ нихъ. Поэтому, если мы приводимъ изъ нихъ свидѣтельства, то приводимъ въ укоръ тѣмъ, которые не хотятъ вникнуть, отъ какой и насколько злобной власти демоновъ освобождаетъ насъ единственная жертва столь святой пролитой крови, и даръ испрошеннаго намъ Духа.

ГЛАВА XXXII.

Ради какого рода пользы правители желали, чтобы у подчиненныхъ имъ народовъ оставались ложныя религіи.

Говорить онъ также, что и относительно родословія боговъ народы склонялись скорѣе на сторону поэтовъ, чѣмъ физиковъ; а потому предки его, т. е. древніе римляне, вѣрили и въ полъ, и въ родословія боговъ, а также и въ брачные ихъ союзы. Все это сдѣлалось очевидно вслѣдствіе того именно, что люди мниморазумные и мудрые позаботились обманывать народъ въ религіи, и тѣмъ самымъ не только чтить демоновъ, но и подражать имъ, преисполненнымъ величайшею страстію обманывать. Ибо какъ демоны могутъ обладать тѣми только, кого прельщаютъ обманомъ; такъ точно и люди правители,—конечно не справедливые, а подобные демонамъ,—то, что знали за ложное, выдавали народу отъ лица религіи за истинное, связывая его чрезъ то какъ бы болѣе тѣснымъ гражданскимъ союзомъ, чтобы подобно демонамъ повелѣвать покорными. А какой слабый и неученый человѣкъ могъ устоять противъ совместно

дѣйствовавшихъ лжецовъ — правителей государства и демоновъ?

ГЛАВА XXXIII.

О томъ, что времена всѣхъ царей и царствъ опредѣлены судьбою и властію истиннаго Бога.

Итакъ оный Богъ, виновникъ и податель счастья, поелику одинъ есть истинный Богъ, — самъ раздаетъ земныя царства и добрымъ и злымъ. И дѣлаетъ Онъ это не безъ разбора и какъ бы случайно, — поелику Онъ — Богъ, а не Фортуна, — но сообразно съ порядкомъ вещей и временъ, — порядкомъ для насъ сокровеннымъ, а Ему вполне извѣстнымъ. Потому порядку Онъ не подчиненъ однакоже рабски, а царствуетъ надъ нимъ какъ владыка, и располагаетъ имъ, какъ правитель. Но счастье онъ ниспосылаетъ только добрымъ. Это счастье могутъ имѣть и не имѣть подданные, могутъ имѣть и не имѣть царствующіе. Полнымъ оно будетъ въ той жизни, гдѣ никто уже не будетъ рабомъ. Отсюда земныя царства Онъ даетъ и добрымъ и злымъ, чтобы Его читатели, еще младенцы въ духовномъ совершенствованіи, не желали отъ Него этихъ даровъ, какъ чего-то великаго. Въ томъ заключается и таинственность ветхаго завѣта, въ коемъ скрывался новый, что въ немъ обѣтованы были и земные дары: люди, жившіе духовною жизнію, и тогда понимали, — хотя открыто еще и не проповѣдали, — какъ то, что тѣми временными вещами означалось, такъ и то, въ какихъ дарахъ Божіихъ заключается истинное счастье.

ГЛАВА XXXIV.

Объ іудейскомъ царствѣ, которое было основано единымъ и истиннымъ Богомъ и сохраняется Имъ до-толль, пока іудеи были вѣрными истинной религіи.

Итакъ, дабы дать уразумѣть, что и земныя блага, къ коимъ стремятся тѣ, которые не въ состояніи помыслить о лучшемъ, находятся во власти единого истиннаго Бога, а не многихъ ложныхъ боговъ, какихъ чтили прежде римляне,—Богъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ размножилъ свой родъ въ Египтѣ и освободилъ его оттуда чудесными знаменіями. Женщины іудейскія не призывали Люцины, когда рожденныхъ ими младенцевъ Богъ самъ освобождалъ и охранялъ отъ рукъ египтянъ, преслѣдовавшихъ и убивавшихъ всѣхъ дѣтей,—охранялъ для того, чтобы они удивительнымъ образомъ умножались и чтобы народъ этотъ возрасталъ до невѣроятности. Дѣти кормились грудью безъ богини Румины; лежали въ колыбеляхъ помимо богини Бунины; принимали пищу и питье безъ Эдуги и Потины, воспитывались безъ этого множества дѣтскихъ боговъ; женились безъ брачныхъ боговъ; совогушались съ супругами безъ культа Пріапа. Безъ призванія Нептуна раздѣлилось море, когда они его переходили, и покрыло соединившимся снова волнами преслѣдовавшихъ ихъ враговъ. Они не сдѣлали предметомъ поклоненія никакой богини Манніи, когда получили съ неба манну, и не стали почитать Нимфъ и Лимфъ, когда камень, по удару жезла, источилъ для нихъ жаждущихъ, воду. Безъ сумазбродныхъ культовъ Марсу и Белловъ они вели войны, и побѣждали хотя не безъ побѣды, но считали ее не богинею, а даромъ Божіимъ. У нихъ и безъ Сегетіи были жатвы, безъ Вубоны—волы, безъ Меллоны—меды, безъ Помоны—яблоки; словомъ все, изъ-за чего римляне считали нужнымъ молиться такой

толпѣ боговъ, они получали съ гораздо большимъ счастьемъ отъ одного истиннаго Бога. И если бы, увлекаемые нечестивымъ любопытствомъ, точно магическими чарами, они не грѣшили противъ Него, сначала отпадая къ чужимъ богамъ и идоламъ, а потомъ убивши Христа, то продолжали бы жить въ томъ же царствѣ, если и не особенно обширномъ, то во всякомъ случаѣ счастливымъ. И въ настоящее время то обстоятельство, что они разсѣяны почти по всѣмъ странамъ и народамъ, есть дѣло провидѣнія единаго истиннаго Бога: изъ ихъ священныхъ книгъ можно было удостовѣриться, какимъ образомъ еще задолго прежде было пророчески предсказано повсемѣстное истребленіе идоловъ, алтарей, роцъ и храмовъ ложныхъ боговъ и запрещеніе жертвоприношеній; иначе, читая объ этомъ, у насъ кто-нибудь могъ бы, пожалуй, подумать, что это выдуманно нами. О послѣдующемъ смотри въ слѣдующей книгѣ; здѣсь же пора перестать распространяться.

О ГРАДѢ БОЖІЕМЪ,

КНИГА ПЯТАЯ.

Въ началѣ этой книги бл. Августинъ опровергаетъ въру въ судьбу, въ предположеніи, что найдутся пожалуй люди, которые захотятъ могущество и возрастаніе римскаго государства отнести къ судьбѣ: такъ какъ въ предшествующей книгѣ онъ доказалъ, что того и другаго нельзя приписать богамъ ложнымъ. Затронувъ по связи съ этимъ вопросъ о предвѣденіи божественномъ, доказываетъ, что этимъ предвѣденіемъ не уничтожается наше свободное произволеніе. Потомъ говоритъ о древнихъ римскихъ нравахъ, и о томъ, за какія заслуги римлянъ или по какому божественному суду случилось такъ, что усиленію ихъ власти содѣйствовалъ самъ истинный Богъ, котораго они не почитали. Въ заключеніе учитъ, въ чемъ слѣдуетъ полагать истинное благополучіе христіанскихъ императоровъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Извѣстно, что все, чего мы желаемъ, сводится къ счастью, которое не есть богиня, а даръ Божій. Отсюда людямъ не слѣдуетъ почитать никакого другаго Бога, кромѣ Того, который можетъ сдѣлать ихъ счастливыми; а если бы счастье было богинею,—было бы справедливо утверждать, что одна эта богиня и должна быть почитаема. Поэтому будетъ посплѣдовательно разсмотрѣть намъ тѣ причины, по какимъ Богъ, который можетъ давать и такія блага, какія могутъ имѣть и люди не добрые, а потому самому—и несчастливые, соизволилъ, чтобы римское государство было такимъ

великимъ и такъ долго существующимъ. Что не множество ложныхъ боговъ, которыхъ римляне чтили, сдѣлало это, объ этомъ мы много уже говорили и будемъ говорить тамъ, гдѣ окажется то умѣстнымъ.

ГЛАВА I.

Государство римское и всѣ вообще царства не суть дѣло случая, и не зависятъ отъ положенія звѣздъ.

Итакъ величіе римскаго государства не было дѣломъ ни случая, ни судьбы, согласно мнѣнію тѣхъ, которые дѣломъ случая называютъ то, что не имѣетъ ни какихъ причинъ или происходитъ не въ силу какого нибудь разумнаго порядка, а дѣломъ судьбы то, что случается въ силу нѣкагого неизбѣжнаго порядка, вопреки волѣ Божіей и волѣ людской. Царства человѣческія устраиваются вообще божественнымъ провидѣніемъ. Если же кто либо приписываетъ это судьбѣ на томъ основаніи, что именемъ судьбы называетъ самую волю или силу божественную, такой пусть мысль удержитъ, но выраженіе ея исправить. Ибо зачѣмъ ему не сказать сразу же того, что онъ скажетъ послѣ, когда его спроситъ кто нибудь, что онъ разумѣетъ подъ судьбою? Вѣдь когда люди слышатъ это слово, они, согласно обычному употребленію его, разумѣютъ подъ нимъ не иное что, какъ вліяніе извѣстнаго положенія звѣздъ въ тотъ моментъ, когда кто либо рождается или зачинается. Это вліяніе нѣкоторые представляютъ независящимъ отъ воли Божіей, а нѣкоторые утверждаютъ, что оно именно на ней и основывается. Тѣ, которые полагаютъ, что звѣзды помимо воли Божіей опредѣляютъ, что мы будемъ дѣлать, какія будемъ имѣть блага или какія потерпимъ бѣдствія, должны быть предметомъ отвращенія для всѣхъ, не только для исповѣдающихъ истинную религію, но и для тѣхъ, которые же-

лаютъ быть поклонниками какихъ бы то ни было, хотя бы и ложныхъ, боговъ. Ибо подобное мнѣніе къ какому иному приводитъ слѣдствію, какъ не къ тому, что не нужно почитать или молить рѣшительно никакого Бога? Впрочемъ наше разсужденіе направлено не противъ такихъ, а противъ тѣхъ, которые ради защиты мнимыхъ боговъ относятся враждебно къ религіи христіанской. Тѣже другіе, которые ставятъ въ зависимость отъ воли Божіей положеніе звѣздъ, опредѣляющихъ извѣстнымъ образомъ, какимъ кто будетъ и что съ нимъ случится добраго или дурнаго, тѣ, если думаютъ, что высшею божественною властію предоставлена звѣздамъ такая власть, что они опредѣляютъ упомянутое по своей доброй волѣ, наносятъ великое оскорбленіе небу: ибо по ихъ представленіямъ выходитъ, что въ своего рода свѣтлѣйшемъ сенатѣ небесномъ и блистательнѣйшей небесной курии опредѣляется, что должны быть совершасмы злодѣянія. Постанови подобное опредѣленіе какойнибудь земной городъ, онъ былъ бы разрушенъ по опредѣленію рода человѣческаго. Затѣмъ, какое мѣсто оставляется суду Божію о дѣлахъ человѣческихъ, которымъ придается небесная необходимость, когда Господь есть Господь и звѣздъ и людей? Если же скажутъ, что звѣзды, хотя и получаютъ власть отъ верховнаго Бога, опредѣляютъ упомянутое не по своему произволу, а при извѣстномъ сочетаніи неизбѣжныхъ условій выполняютъ только Его повелѣнія: въ такомъ случаѣ не приходится ли о самомъ Богѣ думать то, что оказалось въ высшей степени недостойнымъ приписывать волѣ звѣздъ? Скажутъ, что звѣзды скорѣе обозначаютъ упомянутое, чѣмъ производятъ его, такъ что извѣстное положеніе ихъ есть какъ бы своего рода извѣстная фраза, предсказывающая будущее, но не рѣшающая его. Дѣйствительно, такого мнѣнія держались нѣкоторые довольно ученые люди. Хотя математики и не имѣютъ обыкновенія высказываться

такъ, — не говорятъ напимѣрь: «Марсъ въ такомъ положеніи обозначаетъ человѣкоубійцу»; а говорятъ: «Марсъ производитъ человѣкоубійцу», — допустимъ, что они говорятъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и что для объясненія того, что, по мнѣнію ихъ, они находятъ въ извѣстномъ положеніи звѣздъ, имъ нужно было бы заимствовать образъ выраженія у философовъ. Но въ такомъ случаѣ какъ это выходитъ, что они никогда не могли объяснить, откуда въ большинствѣ случаевъ такая разность между близнецами въ жизни, въ дѣятельности, въ приключеніяхъ, въ занятіяхъ, въ искусствахъ, въ общественномъ положеніи, и въ другихъ условіяхъ жизни человѣческой; такъ что многіе люди посторонніе въ этомъ отношеніи бывають на нихъ болѣе похожи, чѣмъ сами близнецы другъ на друга, хотя они въ рожденіи бывають отдѣлены самымъ незначительнымъ промежуткомъ времени, а зачинаются въ одно совокупленіе, въ одинъ даже моментъ?

ГЛАВА II.

Объ одинаковомъ и различномъ состояніи здоровья близнецовъ.

Цицеронъ говоритъ, будто Гиппократъ, знаменитый врачъ, оставилъ въ своихъ сочиненіяхъ замѣтку, что когда нѣкіе братья вмѣстѣ начали болѣть, и болѣзнь ихъ въ одно и то же время усиливалась и въ одно и то же облегчилась, онъ догадался, что они близнецы. Относительно такихъ Посидоній Стоику, ревностно преданный астрологіи, обыкновенно утверждалъ, что они родились и были зачаты при одномъ и томъ же положеніи звѣздъ. Такимъ образомъ то, что по мнѣнію врача указывало на ближайшее сходство въ состояніи здоровья, то по мнѣнію философа астролога относилось къ вліянію и расположенію звѣздъ, бывшему во время

ихъ зачатія и рожденія. Въ подобномъ вопросѣ болѣе заслуживаетъ принятія и гораздо вѣроятнѣе предположеніе врача. Ибо каково было тѣлесное состояніе родителей во время совокупленія, такимъ же могло быть и состояніе зачатковъ зародышей, такъ что они могли родиться съ полученными изъ материнскаго тѣла первыми задатками одинаковаго здоровья. За тѣмъ воспитаніе въ одномъ домѣ, на одной и тойже пищѣ, при томъ сильномъ вліяніи, какое, по свидѣтельству медицины, имѣетъ на здоровье или заболѣваніе тѣла воздухъ, мѣстоложеніе и качество воды, и привычка къ однимъ и тѣмъ же упражненіямъ, образуютъ до такой степени сходныя тѣла, что однѣ и тѣже причины одинаково располагаютъ ихъ и къ одновременному заболѣванію. Ставить же въ связь эту одновременность заболѣванія съ расположеніемъ неба и звѣздъ въ то время, какъ они были зачаты или рождены, когда въ то же самое время на полосу земной, находящейся подъ тѣми же небесными знаками, могло зачатся и родиться множество людей самыхъ различныхъ классовъ, самыхъ различныхъ расположеній и съ разною участью, на мой взглядъ, до крайности дико. Съ другой стороны, мы знали близнецовъ, которые не только различались своею дѣятельностію и странствованіями, но и болѣзнямъ подвергались различнымъ. На мой взглядъ, Гиппократъ естественнѣе всего объяснилъ бы это тѣмъ, что различіе въ состояніи здоровья ихъ могло произойти отъ различія въ питаніи и въ тѣхъ упражненіяхъ, которыя зависятъ не отъ организаціи тѣлесной, а отъ воли душевной. Но было бы удивительно, еслибы по этому предмету нашелся что нибудь сказать Посидоній, или другой какой либо защитникъ роковаго вліянія звѣздъ, еслибы не вздумалъ насмѣхаться надъ невѣжественными умами въ тѣхъ вещахъ, которыхъ они не понимаютъ. Тѣже выводы, которые они стараются дѣлать изъ незначительнаго промежутка времени,

отдѣляющаго другъ отъ друга близнецовъ во время ихъ рожденія, принимая во вниманіе частичку неба, въ которой производится наблюденіе часа, называемое ими гороскопомъ; то эти выводы или указываютъ на меньшую разность, чѣмъ сколько обнаруживается ея въ волѣ, въ дѣйствіяхъ, въ нравахъ и въ случайностяхъ жизни близнецовъ; или предполагаютъ даже большую, чѣмъ какая есть между близнецами при тождествѣ ихъ низаго или знатнаго происхожденія, различіе въ которомъ они главнымъ образомъ ставятъ въ зависимость отъ часа рожденія. Въ силу этого, если близнецы рождаются одинъ послѣ другаго такъ скоро, что указаніе гороскопа остается тоже, я требую такого тождества во всемъ, какового не могутъ представить ниодни близнецы; если же замедленіе рождающагося послѣ измѣняетъ гороскопъ, я требую и различныхъ родителей, которыхъ близнецы имѣть не могутъ.

ГЛАВА III.

Объ аргументъ, который математикъ Нигидій въ вопросъ о близнецахъ заимствовалъ отъ гончарнаго колеса.

Напрасно поэтому ссылаются на знаменитый опытъ съ гончарнымъ колесомъ, который придумалъ, говорятъ, Нигидій въ отвѣтъ на этотъ затруднившій его вопросъ; почему получилъ и названіе Фигула (*гончара*). Повернувъ гончарное колесо съ такою силою, съ какою въ состояніи былъ это сдѣлать, онъ во время круженія его прикоснулся къ нему два раза черною краскою съ величайшею скоростію какъ бы въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Когда движеніе колеса прекратилось, сдѣланные имъ знаги были найдены на окраинѣ колеса на не маломъ разстояніи одинъ отъ другаго. Также точно, сказалъ онъ, при извѣстной быстротѣ небснаго круговращенія, хотя бы одинъ послѣ другаго рождался

съ тою же скоростію, съ какою я два раза прикоснулся къ колесу, это дѣлаетъ большую разницу въ пространствѣ небесномъ; отъ этаго, пояснилъ онъ, оказывается весьма значительное различіе въ нравахъ и случайностяхъ жизни двойней. Этотъ аргументъ хрупче сосудовъ, которые лѣплятся тѣмъ колесомъ. Вѣдь если наблюденіе неба такъ трудно, что по созвѣздіямъ нельзя понять, почему одному изъ близнецовъ достается наслѣдство, а другому нѣтъ: то какъ они, рассматривая созвѣздія другихъ, которые не близнецы, осмѣливаются предсказывать такое, что относится къ таинству ни для кого непостижимому, и приурочивать это къ минутамъ рожденія? Скажутъ, что они дѣлаютъ подобныя предсказанія относительно другихъ рождающихся потому, что эти предсказанія основываются на наблюденіи болѣе продолжительныхъ промежутковъ времени; а тѣ незначительныя части минутъ, которыя могутъ отдѣлять близнецовъ другъ отъ друга во время рожденія, относятся къ обстоятельствамъ пуетымъ, о которыхъ математиковъ обыкновенно не спрашиваютъ (кто, напримѣръ, станетъ спрашивать, когда будетъ сидѣть, когда будетъ ходить, когда или что кушать?). Но развѣ мы говоримъ о такихъ вещахъ, когда указываемъ множество и весьма важныхъ различій въ нравахъ, дѣятельности и случайностяхъ жизни близнецовъ?

ГЛАВА IV.

О близнецахъ Исавъ и Иаковъ, далеко не похожихъ другъ на друга свойствами своихъ нравовъ и дѣятельности.

По свидѣтельству древней исторіи отцевъ, родились (я остановлюсь только на особо выдающихся) два близнеца одинъ послѣ другаго такъ, что второй держалъ ступню пер-

ваго. А между тѣмъ въ жизни и нравахъ ихъ была такая противоположность, въ дѣйствіяхъ такое различіе, въ любви къ нимъ родительской такое несходство, что самая разность эта сдѣлала ихъ врагами между собою. Такого ли рода это несходство, что когда одинъ-де ходилъ, другой сидѣлъ; и когда одинъ спалъ, другой бодрствовалъ; или когда тотъ говорилъ, этотъ молчалъ? Подобныя вещи относились бы къ тѣмъ мелочамъ, которыхъ не могутъ отмѣтить опредѣляющіе положеніе звѣздъ, подъ которымъ каждый рождается, и на основаніи котораго математики даютъ свои отвѣты. Но одинъ изъ нихъ былъ за плату въ рабствѣ, другой не былъ рабомъ; одного любила мать, другаго не любила; одинъ потерялъ честь, которая считалась у нихъ великою, другой приобрѣлъ ее. А какое различіе въ томъ, что касается женъ сыновей, имуществва? Итакъ, если это зависитъ отъ тѣхъ незначительныхъ промежутковъ времени, которыми отдѣляются между собою близнецы, и не опредѣляется созвѣздіями: то на какомъ основаніи подобныя вещи предсказываются, когда разсматриваются созвѣздія другихъ (*не близнецовъ*)? Если же предсказываются на томъ основаніи, что относятся не къ неуловимымъ моментамъ, а къ опредѣленнымъ пространствамъ времени, возможнымъ для наблюденія и отмѣтки: то для чего здѣсь гончарное колесо, если не для того, чтобы кружить глиняные головы людей и не дать имъ убѣдиться въ пустословіи математиковъ?

ГЛАВА V.

Чѣмъ доказывается неоспоримо, что математики преподають ложное знаніе.

Тѣ самыя, въ которыхъ Гиппократъ узналъ близнецовъ, наблюдая какъ врачъ ихъ болѣзнь, которая одновременно у обоихъ то усиливалась, то облегчалась,—эти самыя не до-

статочнo ли опровергають приписывающихъ звѣздамъ то, что зависѣло отъ сходства въ тѣлесной организаціи? Ибо отъ чего они болѣли одинаково въ одно и тоже время, а не одинъ прежде, другой послѣ, какъ и родились (вмѣстѣ вѣдь они никоимъ образомъ не могли родиться)? Если же то обстоятельство, что они родились не одновременно, не послужило причиною для того, чтобы они болѣли въ разные времена: то на какомъ основаніи утверждаютъ, что разность во времени рожденія имѣетъ вліяніе на различіе въ другихъ условіяхъ жизни? Почему бы они могли въ разные времена путешествовать, въ разные времена брать женъ, въ разные времена раждать дѣтей, и такъ далѣе, въ силу того, что родились въ разные времена, но не могли въ силу того же самаго и болѣть въ разные времена? Вѣдь если относительное замедленіе рожденія измѣнило гороскопъ и внесло разность въ другія условія жизни: то почему же въ отношеніи къ болѣзнямъ осталось въ силѣ то тождество, которое имѣло мѣсто въ одновременности зачатія? А если причины, роковымъ образомъ опредѣляющія здорорье, лежатъ въ зачатіи, а причины, опредѣляющія другія обстоятельства жизни, считаются лежащими въ рожденіи: то они не должны на основаніи наблюденія созвѣздій въ моментъ рожденія давать какія либо предсказанія относительно здоровья, какъ скоро часъ зачатія не ¹подпадаетъ ихъ наблюденію. Если же, не наблюдавъ гороскопа зачатія, предсказываютъ болѣзни на томъ основаніи, что на нихъ указываютъ моменты рожденія: то какимъ образомъ они на основаніи часа рожденія предсказали бы какому либо изъ упомянутыхъ близнецовъ, когда онъ заболѣетъ, какъ скоро и другой, не имѣвшій того же самаго часа рожденія, долженъ былъ болѣть одновременно? За тѣмъ спрашиваю: если разность во времени рожденія близнецовъ имѣетъ такое важное значеніе, что по причинѣ ея они должны находиться подъ различ-

ными созвѣздіями, и потому имѣть различный гороскопъ, а съ нимъ и все планетныя сочетанія (*cardines*) различныя, въ которыхъ предполагается такая сила, что отъ нихъ зависить и различіе судебъ: то какимъ образомъ могло это случиться, когда зачатіе ихъ не могло совершиться въ разное время? Если одинъ моментъ, въ который оба были зачаты, не помѣшалъ одному родиться прежде, а другому послѣ: то почему бы, если оба рождаются въ одинъ и тотъ же моментъ, помѣшало что либо одному умереть прежде, а другому послѣ? Если одновременность зачатія дозволяетъ близнецамъ во чревѣ имѣть различный исходъ: то почему бы одновременность рожденія не дозволила какимъ либо двумъ людямъ имѣть различный конецъ и на землѣ, хотя бы этимъ и разрушались все вымыслы искусства или вѣрнѣе вздора, о которомъ идетъ рѣчь? Почему, въ самомъ дѣлѣ, зачатые въ одно и тоже время, въ одинъ и тотъ же моментъ, при одномъ и томъ же положеніи неба, имѣютъ различную судьбу, которая даетъ имъ различные часы рожденія, а двое, одинаково родившіеся въ одинъ и тотъ же моментъ времени при одномъ и томъ же положеніи неба, отъ двухъ матерей, не могутъ имѣть различной судьбы, которая заставила бы ихъ и жить и умереть различнымъ образомъ? Или зачатые еще не имѣютъ судьбы, и не могутъ имѣть ее, пока не родятся? Въ такомъ случаѣ за чѣмъ утверждаютъ, будто вѣщунны эти могутъ многое предсказать, если будетъ опредѣленъ часъ зачатія? Нѣкоторые рассказываютъ даже такое обстоятельство, будто какой-то мудрецъ нарочито выбралъ извѣстный часъ, чтобы лечь съ женою, и и вслѣдствіе этаго родилъ удивительнаго сына. Наконецъ и то самое обстоятельство, что упомянутые близнецы одновременно болѣли, великій астрологъ, онъ же и философъ, Посидоній объясняетъ тѣмъ именно, что они въ одно и тоже время были рождены и въ одно и тоже время зачаты. За-

чатіе онъ присоединялъ конечно для того, чтобы ему не сказали, что одновременность рожденія несомнѣнно зачатыхъ въ одно и тоже время не можетъ считаться несомнѣнною; и чтобы ту случайность, что они болѣли одинаково и вмѣстѣ, онъ не вынужденъ былъ естественнымъ образомъ объяснить одинаковою организаціею тѣла, а могъ одинаковое состояніе здоровья поставить въ зависимость отъ созвѣздій. Итакъ, если зачатіе имѣетъ такое вліяніе на одинаковость судебъ, то рождающіеся не должны были измѣнять этихъ судебъ рожденіемъ. Если же судьбы близнецовъ измѣняются потому, что они рождаются въ разное время, то почему же не считать эти судьбы уже измѣнившимися, такъ какъ они родились разновременно? Не измѣняетъ ли судьбы рожденія и воля живущихъ точно также, какъ измѣняетъ судьбы зачатія порожденья рождающихся?

ГЛАВА VI.

О близнецахъ разнаго пола.

Хоть бы и въ самомъ зачатіи близнецовъ, въ которомъ несомнѣнно существуетъ для обоихъ тождество моментовъ времени, какимъ образомъ происходитъ то, что одинъ зачинается мужчиною, другой женщиною? Мы знаемъ близнецовъ различнаго пола; оба они еще живутъ; оба еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ. Тѣлеснымъ своимъ видомъ, насколько то возможно при различіи пола, они похожи другъ на друга; но по образу и цѣлямъ жизни весьма между собою различны. Не говорю о неизбѣжномъ различіи дѣятельности мужской отъ женской, какъ на примѣръ о томъ, что одинъ состоитъ на службѣ комита и почти постоянно находится внѣ своего дома, а другая остается безвыходно въ отеческомъ домѣ и собственной деревнѣ; но что наиболее удивительно, если вѣрить роковымъ предопредѣленіямъ звѣздъ,

и неудивительно вовсе, если принимать въ соображеніе волю человѣческую и дары Божіи, это—что одинъ женатъ, а другая въ числѣ освященныхъ дѣвъ,—тотъ родилъ многочисленное потомство, а эта и не вступала въ бракъ. Очень ли велико на этотъ разъ вліяніе гороскопа! Какъ оно ничтожно, я доказалъ уже достаточно.—Каково бы оно тамъ ни было, говорятъ они, оно имѣетъ мѣсто при рожденіи.—Не скажутъ ли, что и при зачатіи? Вѣдь совокупленіе на этотъ разъ было, очевидно, одно: сила природы такова, что разъ зачавшая женщина не можетъ уже потомъ зачать другаго ни какимъ образомъ; слѣдовательно близнецы зачинаются въ въ одинъ и тотъ же моментъ. Но можетъ быть, такъ какъ они родились подъ различнымъ гороскопомъ, то во время самаго рожденія одинъ измѣнился въ мужчину, а другая въ женщину? Не рискуя сказать неизбѣжную глупость, можно бы утверждать, что вліяніе звѣздъ простирается на одни тѣлесныя различія, подобно тому, какъ отъ приближенія и удаленія солнца происходитъ различіе временъ самаго года и отъ приращенія и убыли луны увеличиваются и уменьшаются нѣкоторые роды вещей, какъ, на примѣръ, морскіе ежи, раковины и удивительные приливы океана; но не подчиняются положенію звѣздъ расположенія душевныя. Въ такомъ случаѣ эти господа, старающіеся поставить въ зависимость отъ него самыя наши дѣйствія, пусть надоумятъ насъ, какимъ образомъ объяснить то обстоятельство, что принципъ этотъ оказывается непримѣнимымъ даже къ тѣламъ. Ибо что имѣетъ болѣе близкое отношеніе къ тѣлу, какъ не полъ тѣлесный? А между тѣмъ подъ однимъ и тѣмъ же созвѣздіемъ могли быть зачаты близнецы разнаго пола. И за тѣмъ, можно ли что либо сказать или подумать безсмысленнѣе, какъ то, что извѣстное положеніе звѣздъ, бывшее одинаковымъ для обоихъ въ часъ зачатія, не могло сдѣлать того, чтобы сестра, имѣвшая съ братомъ одно и

тоже созвѣздіе, не имѣла различнаго съ нимъ пола; но то положеніе звѣздъ, которое было въ часъ ихъ рожденія, могло сдѣлать, что она такъ много разнится отъ него дѣвственною святостію?

ГЛАВА VII.

*О выборъ дня для женитьбы или для посадки и по-
сѣва чего либо въ полѣ.*

Далѣе, кто найдетъ здравый смыслъ въ этихъ стараніяхъ людей создать для своихъ дѣйствій нѣкоторымъ образомъ новыя судьбы посредствомъ выбора для нихъ извѣстныхъ дней? Онъ, изволите ли видѣть, не родился такъ, чтобы могъ имѣть удивительнаго сына, а скорѣе такъ, что долженъ бы былъ родить сына заслуживающаго презрѣніе; а поэтому, какъ человѣкъ ученый, избираетъ извѣстный часъ для соединенія съ женою. Такимъ образомъ онъ создаетъ судьбу, которой не имѣлъ, и дѣйствіе его даетъ начало року, котораго не было въ его рожденіи. Замѣчательная глупость! Выбирается извѣстный день для женитьбы: дѣлается это, какъ я думаю, для того, чтобы въ противномъ случаѣ не напасть на недобрый день, и не жениться несчастливо. Куда же дѣвалось въ такомъ случаѣ то, что было уже опредѣлено звѣздами при самомъ рожденіи? Или человѣкъ можетъ выборомъ извѣстнаго дня измѣнить то, что для него уже предопредѣлено, а за тѣмъ то, что онъ предопредѣлилъ самъ для себя избраніемъ извѣстнаго дня, уже не можетъ быть измѣнено никакою другою властію? За тѣмъ, если одни только люди, а не все существующее подъ солнцемъ, подчинены созвѣздіямъ,—за чѣмъ они выбираютъ извѣстные дни, какъ болѣе подходящіе, для посадки виноградныхъ лозъ, деревьевъ, и посѣва нивъ, а другіе, какъ болѣе подходящіе, для объѣзживанія животныхъ,

и для случки съ самцами, оплодотворяющей кобылицъ и коровъ, и тому подобное? Если же выборъ извѣстныхъ дней для этихъ вещей имѣеть значеніе потому, что извѣстное положеніе звѣздъ соотвѣтственно различію моментовъ времени господствуетъ надъ всѣми земными тѣлами, одушевленными ли то, или неодушевленными; въ такомъ случаѣ пусть обратятъ вниманіе на то безчисленное количество вещей, которое рождается, возникаетъ, зачинается въ одной и тойже точкѣ времени, и однакоже имѣеть различный исходъ: ихъ наблюденія заставляютъ смѣяться всякаго мальчика. Въ самомъ дѣлѣ, кто будетъ настолько безуменъ, что рѣшится утверждать, будто всѣ деревья, всѣ травы, всѣ животныя, пресмыкающіяся, птицы, рыбы, черви, каждая особь въ отдѣльности имѣють различные моменты рожденія? Тѣмъ не менѣе извѣстные люди имѣють обычай для испытанія искусства математиковъ представлять на разсмотрѣніе ихъ созвѣздія безсловесныхъ животныхъ, тщателью наблюдая для этой цѣли за ихъ рожденіемъ дома у себя, и предпочитаютъ всѣмъ другимъ тѣхъ математиковъ, которые, разсмотрѣвъ созвѣздія, скажутъ, что родилось животное, а не человѣкъ. Послѣдніе имѣють смѣлость опредѣлять даже качества животного, и для чего оно годно, для шерсти ли, или для ѣзды, или для плуга, или для сторожа дома. Пытаются вѣдь они опредѣлять и собачьи судьбы, и даютъ упомянутые отвѣты при громкихъ восклицаніяхъ со стороны удивленныхъ слушателей. Такъ безумствуютъ люди, полагая, что въ то время, какъ рождается человѣкъ, появленіе другихъ предметовъ приостанавливается такъ, что вмѣстѣ съ человѣкомъ подъ одною и тою же небесною полосою не рождается даже муха. Допусти они послѣднее, получатся выводы, которые постепенно, незамѣтными ступенями, приведутъ ихъ отъ мухъ къ верблюдамъ и слонамъ. Не хотятъ они обратить вниманіе и на то, что по избраніи

извѣстнаго дня для засѣва поля въ землю въ одно и тоже время падаетъ чрезвычайное множество зеренъ, которыя вмѣстѣ прозябають, вмѣстѣ, взошедши, являются зеленью, вмѣстѣ растутъ, золотятся; и тѣмъ не менѣе однакоже изъ колосевъ, которые всѣ современны другъ другу, и такъ сказать, всѣ срослись другъ съ другомъ, одни погибають отъ ржавчины, другіе истребляются птицами, иные срываются людьми. Какимъ образомъ стануть утверждать они, что эти зерна, имѣвшія таковой различный конецъ, имѣли особыя созвѣздія? Ужь не стануть ли досадовать на то, что выбирали для этихъ вещей извѣстные дни, и утверждать, что небесное предопредѣленіе не касается ихъ, а что звѣздамъ подчинены одни только люди, — люди, которымъ единствѣнно на землѣ Богъ далъ свободную волю? Взвѣсивъ все это, поневолѣ придешь въ заключенію, что когда астрологи даютъ многія удивительныя по своей истинности предсказанія, то это бываетъ по тайному внушенію недобрыхъ духовъ, которыя стараются внѣдрять и утверждать въ человѣческихъ умахъ эти ложныя и вредныя вѣрованія въ звѣздныя судьбы, а не въ силу искусства отмѣчать и разсматривать гороскопъ, — искусства, въ дѣйствительности не существующаго.

ГЛАВА VIII.

О тѣхъ, которые именемъ судьбы называютъ не положеніе звѣздъ, а извѣстную связь причинъ, зависящую отъ воли Божіей.

Есть и такіе, которые именемъ судьбы называютъ не извѣстное положеніе звѣздъ, бывающее во время чьего либо (зачатія, рожденія или появленія, а связь и послѣдовательность всѣхъ вообще причинъ, которая производитъ все, что бываетъ. Съ такими нѣтъ необходимости долго разсуждать и спорить изъ-за названія, какъ скоро самую послѣдова-

тельность и известную связь причинъ они ставятъ въ зависимость отъ воли и власти Бога, который, по прекрасному и вполне истинному вѣрованію, и знаетъ все прежде, чѣмъ оно бываетъ, и не оставляетъ ничего не упорядоченнымъ.—Бога, отъ котораго происходитъ всякая власть, хотя не отъ Него происходятъ желанія всѣхъ. Последнее служить доказательствомъ, что судьбою они называютъ главнымъ образомъ волю верховнаго Бога, власть котораго непреодолимо простирается на все. Если не ошибаюсь, это стихи Аннея Сенеки:

*Веди, верховный отецъ, властитель высокаго неба,
Куда соизволишь; повиновеніе не замедлитъ:
Съ тобою я не устанно: пусть не хочу, пойду
Вздыхая, и злой, не откажусь дѣлать то, что угодно
благому.*

*Желающаго судьбы ведутъ, не желающаго
Влекутъ ¹⁾.*

Въ этомъ последнемъ стихѣ онъ очевиднѣйшимъ образомъ называетъ судьбами то, что выше называлъ волею верховнаго отца. Онъ говоритъ, что готовъ повиноваться ему, чтобы быть вѣдомымъ добровольно, а не влекомымъ противъ воли: потому де, что

*Желающаго судьбы ведутъ, нежелающаго
Влекутъ.*

Таже мысль слышится и въ известныхъ стихахъ Гомера, которые Цицеронъ перевелъ по латини:

*Tales sunt hominum mentes, quali pater ipse
Iuppiter auctiferas lustravit lumine terras ²⁾.*

¹⁾ Epist. 107.

²⁾ „Мысли людей таковы, каковъ тотъ день, которымъ самъ отецъ Юпитеръ освѣтилъ плодоносныя земли“. Odyss. 18, vers. 136, 137.

Поэтически выраженная мысль не имѣеть конечно рѣшающаго значенія въ настоящемъ вопросѣ. Но онъ говоритъ, что стоики, подтверждая значеніе судьбы, имѣли обыкновеніе употреблять эти стихи изъ Гомера. Слѣдовательно, рѣчь идетъ не о мнѣніи этого поэта, а о мнѣніи тѣхъ философовъ: потому что этими стихами, приводимыми ими въ разсужденіяхъ о судьбѣ, они съ полною ясностію высказываютъ свое понятіе о томъ, что такое судьба, такъ какъ называютъ Юпитера, котораго считаютъ верховнымъ богомъ, и поставляютъ въ зависимость отъ него сплетеніе судебъ.

ГЛАВА ІХ.

О предвѣденіи Божіемъ и о свободной волѣ человека, противъ опредѣленія Цицерона.

Цицеронъ такъ усиленно старается опровергнуть ихъ, что не находитъ съ своей стороны возможнымъ что нибудь сказать противъ нихъ иначе, какъ уничтоживъ гаданіе (*divinatio*). Это гаданіе онъ усиливается уничтожить до такой степени, что отрицаетъ знаніе будущаго, и всячески доказываетъ, что его нѣтъ вовсе ни въ Богѣ, ни въ человѣкѣ, и что предсказанія никакого не существуютъ. Такимъ образомъ онъ отрицаетъ и предвѣденіе Божіе, и всякое пророчество, хотя бы и яснѣйшее дня, старается опровергнуть пустою аргументаціею и разборомъ нѣкоторыхъ предсказаній легко опровержимыхъ; хотя не опровергаетъ въ достаточной степени и этихъ. Рѣчь его направлена главнымъ образомъ на опроверженіе предположеній математиковъ; это потому, что предположенія ихъ дѣйствительно таковы, что сами себя подрываютъ и опровергаютъ. Но въ существѣ дѣла гораздо легче примириться съ тѣми, которые сочиняютъ по крайней мѣрѣ звѣздыя судьбы, чѣмъ съ нимъ, который отрицаетъ предвѣденіе будущаго. Ибо признавать,

что Богъ существуетъ, и въ тоже время отрицать въ немъ предвѣденіе будущаго, чистѣйшее безуміе. Видѣлъ онъ это и самъ, и пытался утверждать даже то, о чемъ писано: *Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ, нѣсть Богъ* (Пс. XIII, 1); но только не отъ своего лица. Онъ зналъ, какое озлобленіе и досаду вызвало бы это; и потому въ книгахъ «О природѣ боговъ» заставилъ отстаивать эту мысль противъ стоиковъ Котту, и рѣшился лучше высказаться за Люцилія Бальба, котораго выставилъ защитникомъ мнѣній стоиковъ, чѣмъ за Котту, который утверждалъ, что природы божественной не существуетъ вовсе. Въ книгахъ же «о гаданіи» онъ отъ себя лично откровеннѣйшимъ образомъ отвергаетъ предвѣденіе будущаго. Дѣлаетъ все это онъ, очевидно, для того, чтобы не признать существованія судьбы и не отказаться отъ свободы воли. Онъ полагаетъ, что если допустить предвѣденіе будущаго, то существованіе судьбы будетъ слѣдовать такъ логически, что отрицать его не будетъ рѣшительно никакой возможности. Но какъ бы извилисты ни были разсужденія и споры философовъ, мы, съ своей стороны, какъ исповѣдуемъ высочайшаго и истиннаго Бога, такъ исповѣдуемъ и Его высочайшую волю, власть и предвѣденіе. Мы не боимся свои добровольныя дѣйствія признать не добровольными потому, что зналъ напередъ, что мы такъ будемъ дѣлать, тотъ, кого предвѣденіе обмануть не можетъ. Этого боялся Цицеронъ, когда отвергалъ предвѣденіе; этого боялся и стоики, когда утверждали, что не все дѣлается по необходимости, хотя и доказывали, что все бываетъ по опредѣленію судьбы.

Въ самомъ дѣлѣ, что опаснаго находилъ въ предвѣденіи будущаго Цицеронъ, что усиливался опровергнуть его своимъ отвратительнымъ разсужденіемъ? А то, что если все будущее предузнано, то оно совершится въ томъ порядкѣ, въ какомъ по предвѣденію имѣло совершиться; а

если совершится въ этомъ порядкѣ, то для предвѣденія Божія существуетъ опредѣленный порядокъ вещей; если же существуетъ опредѣленный порядокъ вещей, то существуетъ опредѣленный порядокъ причинъ: ибо не можетъ же случиться что нибудь такое, чему не предшествовала бы какая—нибудь вызвавшая его причина; а если существуетъ опредѣленный порядокъ причинъ, отъ котораго происходитъ все, что происходитъ, то, говорить онъ, опредѣленіемъ судьбы бываетъ все, что ни бываетъ. Если же это такъ, то въ нашей власти нѣтъ ничего, и произвола свободной воли не существуетъ; а если допустимъ послѣднее, говорить онъ, то вся человѣческая жизнь ниспровергается: напрасно издаются законы, напрасно употребляются порицанія, похвалы, укоризны, увѣщанія; нѣтъ никакой справедливости въ томъ, что установлены добрымъ награды, а злымъ наказанія. Чтобы не вышло такихъ нежелательныхъ, нелѣпыхъ и гибельныхъ для человѣческой жизни послѣдствій, онъ не хочетъ допускать предвѣденія будущаго; и ставитъ религиозную душу въ необходимость выбирать одно изъ двухъ: или нѣкоторую свободу нашей воли, или существованіе предвѣденія будущаго. Вмѣстѣ то и другое по мнѣнію его, существовать не можетъ. Если допустить одно, другое уничтожается. Если допустимъ предвѣденіе будущаго, уничтожается свобода воли; если допустимъ свободу воли, уничтожается предвѣденіе будущаго. И вотъ онъ, какъ мужъ великій и ученый, и относящійся къ человѣческой жизни съ величайшею о ней заботливостію и опытною мудростію, выбираетъ съ своей стороны свободу человѣческой воли; и чтобы признать ея существованіе, отвергаетъ предвѣденіе будущаго. Такимъ образомъ, изъ желанія сдѣлать людей свободными, онъ сдѣлалъ ихъ святотатцами. По религиозная душа выбираетъ и то и другое; то и другое исповѣдуетъ; то и другое по вѣрѣ благочестія признаетъ за

истину. Какимъ образомъ, возражаетъ онъ? Вѣдь если предвѣденіе будущаго существуетъ, въ такомъ случаѣ имѣютъ всѣ вышеприведенные, вытекающіе изъ него, выводы, включительно до того, что въ нашей волѣ нѣтъ ничего. Если же есть что нибудь въ нашей волѣ, то путемъ обратныхъ тому выводовъ мы дойдемъ до заключенія, что предвѣденія будущаго не существуетъ. Обратный порядокъ этихъ выводовъ таковъ: если существуетъ свобода воли, то не все совершается по опредѣленію судьбы; если не все бываетъ по опредѣленію судьбы, то не существуетъ опредѣленнаго порядка причинъ; если же нѣтъ опредѣленнаго порядка причинъ, то для предвѣденія Божія не существуетъ опредѣленнаго порядка вещей, въ которомъ онѣ могутъ существовать только подъ условіемъ причинъ, предшествующихъ имъ и вызывающихъ ихъ; а если для предвѣденія Божія не существуетъ опредѣленнаго порядка вещей, то не все происходитъ такъ, чтобы онъ зналъ напередъ какъ оно произойдетъ; затѣмъ, если не все происходитъ такъ, чтобы онъ зналъ какъ оно произойдетъ, то, говоритъ онъ, предвѣденія всего будущаго въ Богѣ не существуетъ.

Въ противоположность этимъ святотатственнымъ и нечестивымъ попыткамъ мы утверждаемъ, что и Богъ знаетъ все прежде, чѣмъ оно совершается, и мы дѣлаемъ по доброй волѣ все, что чувствуемъ и сознаемъ какъ дѣйствіе съ своей стороны добровольное. Но не говоримъ, чтобы все совершалось по опредѣленію судьбы; утверждаемъ даже, что судьбы нѣтъ вовсе. Мы говоримъ, основываясь на существѣ самаго дѣла, что слово судьба не имѣетъ смысла тамъ, гдѣ оно обыкновенно употребляется въ разговорномъ языкѣ, т. е. въ примѣненіи къ положенію звѣздъ во время чьего-либо зачатія или рожденія. Порядокъ же причинъ, въ которомъ проявляется великое могущество воли Божіей, мы не отрицаемъ, но не называемъ и именемъ судьбы; развѣ

только слово судьба—*fatum* будемъ производить отъ *fando*, т. е. отъ *говорить*. Въ послѣднемъ случаѣ мы не можемъ не признать, что въ священныя книги написано: *Единою глагола Богъ, двоя сія слышахъ; зане держава Божія, и твоя, Господи, милость, яко ты воздаси комуждо по дѣломъ его* (Пс. LXI. 12, 13). Выраженіе: *Единою глагола*, значитъ сказалъ неколебимо, т. е. неизмѣнно, какъ неизмѣнно зналъ все, что имѣетъ быть и что онъ самъ имѣетъ совершить. Въ такомъ смыслѣ, производя *fatum* отъ *fando*, мы могли бы употреблять и слово судьба, если бы съ этимъ словомъ обыкновенно не соединялись другія представленія, которыя вызываютъ въ умахъ человѣческихъ мы не желаемъ. Тотъ же выводъ, якобы, если для Бога существуетъ опредѣленный порядокъ причинъ, то для выбора нашей свободной воли ничего нѣтъ, вовсе изъ этого не слѣдуетъ. Ибо и самая воля наша находится въ порядкѣ причинъ, который, какъ порядокъ опредѣленный, содержится въ предвѣденіи Божіемъ; потому что и воля человѣческая представляетъ собою причину человѣческихъ дѣйствій. А поэтому тотъ, кто знаетъ напередъ причины всѣхъ вещей, ни какимъ образомъ не можетъ не знать въ числѣ этихъ причинъ и нашей воли, такъ какъ знаетъ причины нашихъ дѣйствій.

Для опроверженія Цицерона въ этомъ вопросѣ достаточно и того, съ чѣмъ согласился оль, говоря, что не бываетъ ничего, чему не предшествовала бы вызывающая его причина¹⁾. Какую пользу приносятъ ему разсужденія его о томъ, что ничего-де не бываетъ безъ причины, но не всякая-де причина роковая: потому что есть-де причина случайная, есть естественная, есть произвольная? Достаточно признанія, что все бывающее бываетъ не иначе, какъ вслѣдствіе предшествующей ему причины. Ибо тѣ

¹⁾ De fato, cap. 10 et seqq.

причины, которыя называются случайными (*fortuitae*),— откуда получилось и самое имя фортуны,— тѣ причины мы не называемъ не существующими, а только сокровенными, и приписываемъ ихъ волѣ или истиннаго Бога или нѣкоторыхъ духовъ; и самыя естественныя причины отнюдь не представляемъ независящими отъ воли того, кто есть Творецъ и создатель всей природы. Причины же произвольныя суть принадлежность или Бога, или ангеловъ, или людей, или нѣкоторыхъ животныхъ (если только можно называть проявленіями воли такія движенія безсловесныхъ животныхъ, которыя совершаютъ они по требованію своей природы, стремясь къ чему—нибудь или избѣгая чего нибудь). Подъ волею же ангеловъ я разумѣю волю какъ ангеловъ добрыхъ, которыхъ мы называемъ ангелами Божиими, такъ и ангеловъ злыхъ, которыхъ мы называемъ ангелами діавола или даже демонами, равно какъ и волю людей и добрыхъ и злыхъ вмѣстѣ. Отсюда выходитъ то заключеніе, что другихъ причинъ, вызывающихъ все, что происходитъ, нѣтъ, кромѣ зависящихъ отъ воли,—отъ воли т. е той природы, которая представляетъ собою духъ жизни. Ибо и воздухъ естественный, или вѣтеръ, называется духомъ; но такъ какъ онъ представляетъ собою тѣло, то не есть духъ жизни. Итакъ духъ жизни, который оживотворяетъ все, и есть творецъ всякаго тѣла и духъ всякаго творенія, есть самъ Богъ, духъ во всѣхъ отношеніяхъ не сотворенный. Въ его волѣ верховная власть, которая помогаетъ добрымъ расположеніямъ воли духовъ сотворенныхъ, судить расположенія злыя, приводитъ въ порядокъ всяческія, и нѣкоторымъ даетъ власть, а нѣкоторымъ не даетъ. Будучи творцемъ всякой природы, онъ также точно и податель всякой власти, но не всякаго расположенія воли. Злыя расположенія воли не отъ него: потому что они противны природѣ, которая получила бытіе отъ него. Итакъ волѣ по преимуществу

подлежать тѣла,—нѣкоторые нашей волѣ, т. е. волѣ всѣхъ одушевленныхъ смертныхъ, и болѣе волѣ людей, чѣмъ животныхъ; нѣкоторые же волѣ ангеловъ; но все по преимуществу подчинены волѣ Бога, которому подчиняется и воля всѣхъ, такъ какъ не имѣетъ власти, кромѣ той, какую онъ даетъ. Итакъ (причина вещей, которая производитъ, но сама не производится, есть Богъ.) Другія же и производятъ, и производятся, каковы напримѣръ, всѣ сотворенные духи, особенно разумные. Причины же тѣлесныя, которыя болѣе производятся, чѣмъ производятъ, не должны быть поставлены въ ряду причинъ, вызывающихъ явленія; ибо онѣ могутъ лишь то, что дѣлаетъ изъ нихъ воля духовъ. Итакъ, какимъ же образомъ изъ существованія порядка причинъ, который для предвѣденія Божія является порядкомъ опредѣленнымъ, слѣдуетъ, что въ нашей волѣ нѣтъ ничего, когда (наша воля занимаетъ значительное мѣсто въ самомъ порядкѣ причинъ.) Пусть Цицеронъ спорить съ тѣми, которые этотъ порядокъ причинъ называютъ роковымъ, или точнѣе называютъ его-то именно судьбою¹⁾; мы далеки отъ подобнаго мнѣнія, особенно по причинѣ слова, употребляемаго въ обыкновенной рѣчи въ ложномъ смыслѣ. Но когда онъ отрицаетъ, что для предвѣденія Божія существуетъ опредѣленнѣйшій и яснѣйшій порядокъ всѣхъ причинъ,—мы отвращаемся отъ него болѣе, чѣмъ стойки. Пусть онъ по крайней мѣрѣ отрицаетъ существованіе Бога, какъ и пытается то дѣлать чрезъ подставное лице въ книгахъ „О природѣ боговъ“; если же существованіе Бога признаетъ, но отрицаетъ въ немъ предвѣденіе будущаго, то онъ говоритъ ничто другое, какъ и извѣстный безумецъ, который *рече въ сердцѣ своемъ, нѣсть Богъ* (Пс. XIII, 1). Ибо не имѣющій предвѣденія всего будущаго не есть и Богъ. И самая

¹⁾ De Fato cap. 11, 12.

воля имѣть настолько силы, насколько того пожелалъ и насколько то зналъ напередъ Богъ. Поэтому, насколько она имѣетъ силу, имѣетъ ее опредѣленнѣйшимъ образомъ, и что имѣетъ сдѣлать, сдѣлаетъ то непремѣнно: потому что о томъ, что она будетъ имѣть силу и сдѣлаетъ, зналъ напередъ тотъ, кого предвѣденіе не можетъ обманывать. Поэтому, еслибы я вздумалъ назвать что-либо именемъ судьбы, то скорѣе назвалъ бы судьбою для слабѣйшаго волю сильнѣйшаго, имѣющаго его въ своей власти, чѣмъ согласился бы съ тѣмъ, что свобода нашей воли уничтожается тѣмъ порядкомъ причинъ, который имѣютъ обычай, вопреки общему употребленію слова, называть судьбою стоики.

ГЛАВА X.

Управляетъ ли человѣческою волею какая нибудь необходимость.

Поэтому же нѣтъ нужды бояться и той необходимости, изъ опасенія которой стоики старались различить причины вещей такъ, что нѣкоторыя изъ нихъ освободили изъ подъ необходимости, а нѣкоторыя подчинили ей; при чемъ къ числу тѣхъ, которыя не желали оставлять въ подчиненіи необходимости, отнесли и нашу волю, по тому очевидно соображенію, что она не была бы свободною, еслибы была подчинена необходимости. Ибо если необходимостію по отношенію къ намъ нужно называть то, что не находится въ нашей власти, и вопреки нашему желанію дѣлаетъ то, что можетъ, какова, на примѣръ, необходимость смерти: то очевидно, что воля наша, хорошо или дурно располагающая нашу жизнь, подъ такую необходимостію не находится. Многое мы дѣлаемъ такое, чего не сдѣлали бы ни въ какомъ случаѣ, еслибы не хотѣли. Сюда относится прежде всего самое хотѣніе: оно есть, если мы хотимъ, и нѣтъ его,

если не хотимъ; мы не хотѣли бы, если бы не хотѣли. Если же рѣчь идетъ о той необходимости, которую мы разумѣемъ, когда говоримъ, что необходимо, чтобы это было такъ, или такъ сдѣлалось: то я не понимаю, почему бы намъ слѣдовало опасаться, чтобы эта необходимость не отняла у насъ свободы воли. Вѣдь мы не подчиняемъ ни жизни Божіей, ни предвѣденія Божія необходимости, когда говоримъ, что необходимо, чтобы Богъ жилъ вѣчно и все зналъ напередъ; также точно какъ не уменьшается его власть, когда говорятъ, что онъ не можетъ ни умереть, ни обманываться. Для него не возможно это до такой степени, что власть его скорѣе уменьшилась бы во всѣхъ отношеніяхъ, если бы это было для него возможно. Онъ правильно называется всемогущимъ, хотя умереть и обмануться не можетъ. Онъ называется всемогущимъ, пооголику дѣлаетъ то, что хочетъ, и не терпитъ того, чего не хочетъ: еслибы послѣднее приключилось ему, Онъ ни коимъ образомъ не былъ бы всемогущимъ. Потому-то нѣчто и невозможно для него, что онъ всемогущъ. Также точно, когда мы говоримъ, что мы необходимо по доброй волѣ желаемъ, когда чего нибудь желаемъ, мы говоримъ безъ всякаго сомнѣнія истину, и этимъ своей доброй воли не подчиняемъ необходимости, которая лишаетъ свободы. Итакъ свободная воля наша существуетъ, и она-то дѣлаетъ все то, что мы дѣлаемъ по своему желанію, и чего не дѣлалось бы, еслибы мы не желали. Если же кто, вопреки своему желанію, терпитъ что-либо по волѣ другихъ людей, воля и въ этомъ случаѣ не теряетъ своего значенія; хотя осуществляется воля не этого человѣка, а власть Божія. Ибо, если есть только воля, и не можетъ осуществитъ того, чего хочетъ, встрѣчаетъ препятствіе со стороны болѣе могущественной воли: воля и въ этомъ случаѣ не перестаетъ быть волею, и водею не другаго кого, а именно того, кто хочетъ, хотя

не въ состояніи исполнить желаемаго. Поэтому все, что ни терпѣть человѣкъ вопреки своей волѣ, онъ долженъ приписывать волѣ не человѣческой, или ангельской, или какого либо сотвореннаго духа, а скорѣе всего волѣ Того, Кто даетъ власть имѣющимъ волю.

Итакъ, нельзя утверждать, будто въ нашей волѣ нѣтъ ничего, на томъ основаніи, что Богъ предузналъ, что имѣеть быть въ нашей волѣ; ибо нельзя сказать, что предузнавшій это предузналъ ничто. За тѣмъ, если предузнавшій, что имѣеть быть въ нашей волѣ, предузналъ не ничто, а нѣчто; то несомнѣнно, что и при его предвѣденіи нѣчто въ нашей волѣ есть. Поэтому мы нисколько не находимъ себя вынужденными ни отвергать свободу воли, допустивъ предвѣденіе Божіе, ни отрицать (что нечестиво) въ Богѣ предвѣденіе будущаго, допустивъ свободу воли. Мы принимаемъ и то и другое; и то и другое исповѣдуемъ твердо и правильно: одно—для того, чтобы хорошо вѣровать; другое—чтобы хорошо жить. Худо, впрочемъ, живется вообще, если не хороша вѣра въ Бога. Поэтому пусть далека отъ насъ будетъ мысль, изъ желанія свободы, отрицать предвѣденіе того, при помощи котораго мы пользуемся или будемъ пользоваться свободою. Подобнымъ же образомъ не напрасны и законы, и порицанія, и увѣщанія, и похвалы, и укоризны: онъ зналъ напередъ, что и они имѣютъ быть, и тѣмъ большую они имѣютъ силу, что онъ зналъ напередъ, какую они будутъ имѣть силу. Имѣютъ и молитвы силу для испрошенія того, относительно чего Онъ зналъ напередъ, что сдася на молитвы просящихъ. Справедливо также установлены награды за дѣла добрыя, и наказанія за грѣхи. Ибо человѣкъ не потому грѣшитъ, что Богъ зналъ напередъ, что онъ согрѣшитъ; напротивъ, потому-то и не подлежитъ сомнѣнію, что грѣшитъ именно онъ, когда грѣшитъ, что тотъ, чье предвѣденіе обманываться не можетъ, зналъ

напередъ, что не судьба, не фортуна и не иное что, а именно онъ согрѣшитъ. Если онъ не захочетъ, онъ конечно не согрѣшитъ; но и о нежеланіи его грѣшитъ Богъ также зная напередъ.

ГЛАВА ХІ.

О всеобщемъ провидѣніи Божіемъ, на законахъ котораго основано все.

Итакъ никоимъ образомъ нельзя подумать, чтобы Богъ, высочайшій и истинный, съ Словомъ своимъ и Духомъ святымъ, которые три едино суть, Богъ единый всемогущій творецъ и создатель всякой души и всякаго тѣла, общеніемъ съ которымъ счастливы всѣ, кто счастливы истинно, а не суетно; Богъ, сотворившій человѣка разумнымъ животнымъ изъ души и тѣла; не допустившій остаться ему безнаказаннымъ, когда онъ грѣшитъ, но не лишившій его и своего милосердія; давшій добрымъ и злымъ сущность общую съ камнями, жизнь растительную общую съ деревьями, жизнь чувственную общую съ животными, жизнь умственную общую съ одними ангелами; отъ котораго всякій образъ, всякій видъ, всякій порядокъ; отъ котораго мѣра, число, вѣсъ; отъ котораго все, что происходитъ естественнымъ образомъ, какого бы рода и какого значенія оно ни было; отъ котораго происходятъ элементы формъ, формы элементовъ, движеніе элементовъ и формъ; давшій и плоти начало, красоту, доброе состояніе здоровья, распложеніе, расположеніе членовъ, добрую гармонію; давшій и неразумной душѣ память, чувство, способность желать, а разумной, сверхъ того, умъ, разумніе, волю; неоставившій не только неба и земли, не только ангела и человѣка, но и внутренностей самаго малаго и самаго презрѣннаго одушевленнаго, и перушка птицы,

и цвѣтка травы, и листка дерева безъ того, чтобы не дать имъ извѣстной соразмѣрности въ ихъ частяхъ и въ своемъ родѣ взаимнаго мира,—никоимъ образомъ нельзя подумать, чтобы Богъ судилъ оставить внѣ законовъ провидѣнія своего царства человѣческія и ихъ положенія, господственныя и подчиненныя.

ГЛАВА XII.

Какими нравами древніе римляне заслужили, что истинный Богъ возвысилъ ихъ государство, хотя они и не чтили его.

Теперь посмотримъ, за какіе нравы римлянъ и ради чего истинный Богъ, во власти котораго находятся и земныя царства, соизволилъ содѣйствовать распространенію ихъ власти. Чтобы можно было говорить объ этомъ рѣшительнѣе, мы написали и предшествующую, относящуюся къ этому же предмету книгу, показывая, что въ данномъ случаѣ не имѣютъ никакой власти тѣ боги, которыхъ они считали нужнымъ почитать безсмысленными обрядами; написали и предыдущія главы настоящей книги до даннаго пункта, чтобы устранить вопросъ о судьбѣ,—чтобы кто нибудь, убѣдившись уже, что римская имперія распространялась и сохранялась не вслѣдствіе почитанія тѣхъ боговъ не приписавъ этого не вѣсть какой-то судьбѣ вмѣсто могущественнѣйшей воли верховнаго Бога Да, древніе и первобытные римляне, хотя подобно другимъ народамъ, за исключеніемъ еврейскаго, чтили боговъ ложныхъ и приносили жертвы не Богу, а демонамъ, тѣмъ не менѣе, какъ свидѣтельствуется и доказываетъ ихъ исторія, «изъ желанія добраго о себѣ мнѣнія, не дорожили деньгами, добивались славы великой, богатства честнаго¹⁾». Эту славу они любили пла-

¹⁾ Sallust. in Catil., cap. 7.

менѣйшимъ образомъ, ради нея хотѣли жить, за нее не колебались умирать. Всѣ другія страсти свои они подавляли этою великою страстію. Такъ какъ положеніе подчиненное казалось имъ безславнымъ, положеніе же господствующее и повелѣвающее славнымъ, то и самую отчизну свою они желали прежде всего видѣть всячески свободною, а за тѣмъ господствующею. Поэтому-то, не вынося царскаго господствованія, они установили для себя однолѣтнія власти и двухъ повелителей, которые были названы консулами отъ *consulendo*, а не царями или господами отъ царствованія и господствованія. Хотя гораздо вѣрнѣе кажется, что цари (*reges*) получили свое названіе отъ управленія (*regendo*), такъ что слово царство произошло отъ слова цари, а слово цари отъ слова управлять; но обстановка царственной власти, сообщавшая ей характеръ недоступности, была сочтена за гордость власти господствующей, а не за порядокъ управленія, тѣмъ менѣе за благосклонность власти, руководящей посредствомъ совѣтовъ (*consulentis*). Итакъ, когда былъ изгнанъ царь Тарквиній и установлены консулы, тогда произошло, что, какъ говоритъ тотъже авторъ, исчисляя достоинства римлянъ, »городъ,—трудно повѣрить разсказу,—сдѣлавшись свободнымъ, усилился въ короткое время до такой необыкновенной степени, до какой увлекся необыкновенною жаждою славы«¹⁾. Эта-то жажда добраго о себѣ мнѣнія, это страстное желаніе славы, и произвели то множество дѣлъ удивительныхъ, т. е. похвальныхъ и славныхъ по человѣческой оцѣнкѣ.

Тотъже Саллюстій хвалить великихъ и знаменитыхъ мужей его времени, Марка Катона и Кая Цезаря, говоря, что республика римская долго не имѣла никого великаго по доблести, но на его памяти были эти два, великіе по

¹⁾ Sallust. *ibid.*

доблести, но различные по правамъ. Исчисляя при этомъ достоинства Цезаря, онъ въ числѣ ихъ ставитъ то, что Цезарь страстно желалъ для себя большой власти, войска и новой войны, въ которой могъ бы блеснуть своею доблестью¹⁾. Такимъ образомъ завѣтнымъ желаніемъ мужей великихъ доблестію было, чтобы Беллона возбуждала бѣдныя народы къ войнѣ и терзала ихъ кровавымъ бичемъ, лишь бы былъ случай блеснуть имъ своею доблестью. Это было именно дѣломъ жажды добраго о себѣ мнѣнія и страстнаго желанія славы. Итакъ римляне совершили много великаго сперва изъ любви къ свободѣ, а потомъ изъ любви къ господству и изъ страстнаго желанія добраго о себѣ мнѣнія и славы. О томъ и другомъ свидѣтельствуесть и знаменитый поэтъ ихъ; онъ говоритъ:

*Изманъ будетъ Тарквиній: его рѣшитъ Порсена
Принять, и тяжкой осадю Римъ стѣснитъ. Тогда
Чтобы свободу защититъ, сплшно потомки Энея
Бросятся въ битвы²⁾*

Тогда-то для нихъ было великимъ дѣломъ или умереть, какъ слѣдуетъ храбрымъ, или жить свободными. Но когда свобода была обезпечена, ими овладѣло такое страстное желаніе славы, что одной свободы, безъ пріобрѣтенія въ тоже время и господства, для нихъ было мало. Тогда стало считаться для нихъ великимъ то, о чемъ пишетъ тотъ-же поэтъ, какъ бы со словъ Юпитера:

*Образумится же наконецъ эта бѣшеная Юнона,
Страхомъ томлящая нынѣ и море, и землю, и небо:
Станетъ, одумавшись, вмѣстѣ со мною поддерживать*

¹⁾ Ibid. cap. 53, 54.

²⁾ Aeneid. VIII. v. 646—648.

*Римлянь, владыкъ вселенной и тому носящій народъ.
Такъ рѣшено. Когдажъ годы пройдутъ и время наступитъ,—*

*Домъ Ассараки наложитъ иго рабства на Фею,
На знаменитыя Микены; господствовать будетъ
Надъ побѣжденнымъ Аргосомъ ¹⁾*

Хотя Виргилій, вводя такимъ образомъ Юпитера предсказывающимъ якобы будущее, на самомъ дѣлѣ говорилъ о томъ, что уже совершилось, и имѣлъ въ виду настоящее: тѣмъ не менѣе я счелъ нужнымъ привести его слова для того, чтобы показать, что послѣ свободы римляне особенно высоко цѣнили господствованіе; такъ что оно поставлялось въ числѣ великихъ достоинствъ ихъ. Поэтому тотъже поэтъ, свойственное римлянамъ искусство—царствовать, повелѣвать, покорять и низлагать народы, ставить выше искусствъ другихъ народовъ, говоря:

*Выкуютъ нѣжно дышащую мѣдь иные; выведутъ
Будто живыя изъ мрамора лица; въ защиту скажутъ
Лучшую рѣчь; и неба теченье очертятъ наглядно;
И восходящимъ звѣздамъ дадутъ имена. А ты,
Римлянинъ, думай о томъ, какъ царски народами
Править.*

*Въ этомъ искусства твои: предписывать правила мира,
Подчиненныхъ щадить, а гордыхъ низлагать ²⁾.*

Эти искусства они примѣняли въ дѣлу тѣмъ удачнѣе, чѣмъ менѣе предавались чувственнымъ удовольствіямъ, и чѣмъ менѣе разслабляли душу и тѣло, гоняясь за богатствомъ и увеличивая его, а чрезъ то портя нравы, обирая бѣдныхъ гражданъ, расточая на гнусныхъ сцениковъ. А такъ какъ подобныя нравственные язвы сдѣлались уже господствующими

¹⁾ Aeneid. I. v. 279—285.

²⁾ Aeneid. VI. v. 847—853.

щами и обычными въ то время, когда писалъ вышеприведенное Саллюстій и воспѣвалъ *Виргилій*, то не тѣми уже искусствами въ эту пору достигали римляне чести и славы, а хитростію и обманами. Поэтому тотъ же Саллюстій говоритъ: «Но первоначально побужденіемъ для человѣческихъ душъ служило скорѣе честолюбіе, чѣмъ жадность. Порокъ этотъ близокъ впрочемъ къ добродѣтели. Ибо славы, чести, власти одинаково желаютъ и человѣкъ добрый и негодный; но первый, добавляетъ Саллюстій, идетъ къ тому прямымъ путемъ, а послѣдній, не владѣя добрыми искусствами, добивается хитростію и обманами» ¹⁾. Добрыя искусства эти состоятъ въ томъ, чтобы достигать чести, славы и власти добродѣтелью, а не лукавымъ честолюбіемъ. И добрый, и негодный человѣкъ одинаково желаютъ ихъ; но первый, т. е. добрый, идетъ къ нимъ прямымъ путемъ. Путь этотъ— добродѣтель, которая ведетъ, какъ къ прямой своей цѣли, къ славѣ, чести, власти. Что эти понятія были привиты римлянамъ, на это указываютъ у нихъ храмы боговъ. Считая за боговъ дары Божіи, они поставили храмы Добродѣтели и Чести въ непосредственной связи другъ съ другомъ. Изъ этого можно видѣть, какою цѣль они указывали добродѣтели, и къ чему направляли ее люди добрые. Это именно— къ чести. Ибо злые не имѣли ея, и хотя желали имѣть честь, но усиливались достигнуть ея дурными искусствами т. е. хитростію и обманами.

Лучшій отзывъ сдѣланъ о Катонѣ. О немъ Саллюстій говоритъ: «Чѣмъ менѣе онъ искалъ славы, тѣмъ болѣе она слѣдовала за нимъ» ²⁾. Слава, которой они страстно желали, представляетъ собою сужденіе людей, хорошо думающихъ о людяхъ. Поэтому лучше та добродѣтель, которая не удовлетворяется судомъ человѣческимъ, а тольк

¹⁾ Sallust. in Catil. c. 11.

²⁾ Ibid. cap. 54.

судомъ своей собственной совѣсти. Соотвѣтственно этому Апостолъ говоритъ: *Похваленіе бо наше сіе есть, свидѣтельство совѣсти нашея* (2 Кор. I, 12). И въ другомъ мѣстѣ: *Дѣло же свое да искушаетъ кійждо, и тогда въ себя точію хваленіе да имать, а не во мнозѣ* (Галат. VI, 4). Итакъ не добродѣтель должна гнаться за славою, честію и властію, которыхъ они желали для себя и которыхъ добрые люди старались достигнуть добрыми искусствами, а напротивъ онѣ должны гнаться за добродѣтелью. Единственно истинная добродѣтель есть та, которая стремится къ той цѣли, въ которой заключается благо челоуѣка, не имѣющее въ сравненіи съ собою ничего лучшаго. Поэтому и честей, которыхъ Катонъ просилъ, онъ не долженъ былъ просить, а ихъ само общество должно было дать ему за его добродѣтель безъ его просьбы.

Но изъ этихъ двухъ великихъ добродѣтелью мужей того времени, Цезаря и Катона, добродѣтель Катона была, очевидно, гораздо болѣе похожа на дѣйствительную добродѣтель, чѣмъ добродѣтель Цезаря. Затѣмъ, каково общество было въ то время, и каково оно было прежде, это мы узнаемъ изъ мнѣнія самаго Катона. «Не думайте, говоритъ онъ, будто наши предки сдѣлали республику изъ малой великою посредствомъ оружія. Если бы это было такъ, она у насъ была бы несравненно лучше. У насъ гораздо больше, чѣмъ у нихъ, союзниковъ и гражданъ, не говоря уже объ оружіи и боевыхъ коняхъ. Было другое, что сдѣлало ихъ великими, и чего нѣтъ у насъ: это — рачительность въ дѣлахъ внутреннихъ, справедливое управленіе въ Римѣ, въ совѣщаніи о дѣлахъ государственныхъ сужденіе свободное и непричастное ни преступленію, ни страсти. У насъ же вмѣсто того мотовство и жадность, бѣдность государственная, богатства въ рукахъ частныхъ: отдаемъ честь капиталу, любимъ бездѣятельность; между добрыми и дур-

ными людьми различія у насъ нѣтъ; всѣмъ, что должно бы быть наградою добродѣтели, владѣть у насъ пролазничество. Поэтому неудивительно, что, когда вы каждый думаете про себя отдѣльно, когда дома предаетесь удовольствіямъ, а здѣсь раболѣпствуете предъ деньгами или вліятельными людьми, нападеніе на республику не встрѣчаетъ сопротивленія» ¹⁾.

Слушающій эти слова Катона или Саллюстія подумаетъ, что всѣ древніе римляне, или по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ, были въ то время такими, какими они описываются. Но на дѣлѣ было не такъ. Иначе было бы несправедливо то, о чемъ пишетъ тотъ же Саллюстій, и о чемъ я говорилъ уже во второй книгѣ этого сочиненія ²⁾. Онъ говоритъ, что съ самаго начала существовали притѣсненія со стороны сильнѣйшихъ, а изъ-за этого рознь между народомъ и патриціями и другіе внутренніе раздоры; что справедливость и безпристрастіе соблюдались лишь въ то время, пока, по изгнаніи царей, опасались Тарквинія, пока не окончилась жестокая война, начатая изъ-за него съ Этруріею; а потомъ-де патриціи стали относиться къ народу, какъ къ рабамъ подвергать его, какъ прежде цари, истязаніямъ, лишать земли, и устранивъ другихъ, править одни; возникшимъ изъ того раздорамъ, когда одни хотѣли господствовать, а другіе не хотѣли быть рабами, положила конецъ вторая пуническая война: потому что она снова навела сильный страхъ, удержала беспокойные умы отъ прежнихъ волненій, давъ имъ другую большую заботу, и возвратила ихъ къ гражданскому согласію. Но великія дѣла совершались нѣкими не многими, которые были по своему люди добрые; и когда упомянутое зло дѣ-

¹⁾ Sallust. in Catil. cap. 52.

²⁾ Глава 18.

далось сноснымъ и не переступало извѣстныхъ границъ, попеченіемъ этихъ не многихъ добрыхъ государство возростало, какъ утверждаетъ тотъ же историкъ. Онъ говоритъ, что, читая и слыша о множествѣ знаменитыхъ дѣлъ, которыя совершилъ римскій народъ у себя дома и на войнѣ, на морѣ и на сушѣ, онъ хотѣлъ обратить особое вниманіе на то, чѣмъ по преимуществу условливались эти знаменитыя дѣла; такъ какъ онъ зналъ, что римляне очень часто малымъ количествомъ войска сражались съ большими легіонами непріятелей, слышалъ, что при малыхъ средствахъ были ведены войны съ богатѣйшими царями: то послѣ всесторонняго обсужденія ему, говоритъ онъ, стало ясно, что все это совершила отличная доблесть не многихъ гражданъ, и что благодаря ей бѣдность побѣждала богатства, малочисленность многочисленность. «Но послѣ того, говоритъ онъ, какъ общество было испорчено роскошью и бездѣйствіемъ, республика своимъ величіемъ поддерживала пороки военныхъ и гражданскихъ начальниковъ». Итакъ хвалить и Катонъ добродѣтель тѣхъ не многихъ, которые идутъ къ славѣ, чести и власти прямымъ путемъ, т. е. посредствомъ самой добродѣтели. Отъ этого зависѣла рачительность въ дѣлахъ внутреннихъ, о которой упомянулъ Катонъ, стремившаяся къ тому, чтобы государственная казна была богата, а частныя имущества бѣдны. Поэтому же, когда нравы испортились, порокъ создалъ противоположный порядокъ вещей, бѣдность государства и богатство людей частныхъ.

ГЛАВА XIII.

О честолюбіи, которое хотя и есть порокъ, но считается за добродѣтель, потому что удерживаетъ отъ большихъ пороковъ.

Итакъ, соотвѣтственно тому, какъ существовали продолжительное время знаменитыя царства на Востокѣ, Богу

угодно было, чтобы появилось и царство западное, которое по времени было позднѣйшее, но по обширности власти и по величію еще болѣе знаменитое. Для обузданія тяжкихъ злодѣяній множества народовъ, Онъ предоставилъ это такимъ людямъ, которые заботились объ отчизнѣ ради чести, хвалы и славы, полагали въ этомъ самую славу, и благосостояніе отчизны не колебались ставить выше собственнаго благосостоянія, ради этого одного порока, т. е. честолюбія, подавляя въ себѣ и жадность къ деньгамъ, и многіе другіе пороки. Ибо тотъ болѣе здраво смотритъ на вещи, кто находитъ и честолюбіе порокомъ. Не укрылось это и отъ поэта Горация, который говоритъ:

*Честолюбіе пучитъ тебя: есть вѣрныя средства
Бользнь устранить,—прочитай книжонку ¹⁾*

Онъ же въ стихахъ лирическихъ, чтобы обуздать страсть къ господству, пѣлъ:

*Шире будетъ твое царство, когда ты подавишь свой
жадный духъ,*

*Чѣмъ когда отдаленный Кадиксъ къ Ливіи присокоупишь
И рабами тебѣ будутъ и тотъ и другой финикіецъ ²⁾*

Но вѣрно и то, что люди, не испросившіе во вѣрѣ благочестія Духа святаго и не обуздывающіе въ себѣ гнуснѣйшихъ похотей любовію къ красотѣ духовной, изъ страстнаго желанія человѣческой чести и славы дѣлаются если уже не святыми, то по крайней мѣрѣ менѣе гнусными. Объ этомъ не могъ умолчать и Туллій. Въ книгахъ о Республикѣ, разсуждая объ установленіи главы государства, онъ говоритъ, что его слѣдуетъ питать славою; и вслѣдъ за тѣмъ упоминаетъ, что предки его совершили множество удивительныхъ

¹⁾ Epist. lib. I. epist. 1, v. 36, 37.

²⁾ Carm. lib. II. carm. 2, v. 9—12.

и знаменитыхъ дѣлъ изъ страстнаго желанія славы. Впрочемъ и въ самыхъ философскихъ книгахъ не скрываетъ онъ этой язвы, а выставляетъ ее на полный свѣтъ. Говоря о такихъ ученыхъ занятіяхъ, которымъ слѣдуетъ предаваться въ виду истиннаго блага, а не пустой человѣческой чести, онъ приводитъ такую повсемѣстную и всеми раздѣляемую сентенцію: „Науки и искусства питаютъ честь; все принимаются горячо за занятія славныя, и оставляются въ полномъ пренебреженіи занятія такія, которыя кѣмъ нибудь не одобряются ¹⁾.“

ГЛАВА XIV.

О томъ, что слѣдуетъ подавлять любовь къ человеческой славы, потому что вся слава праведныхъ въ Богъ.

Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что этой страсти къ славѣ лучше противиться, чѣмъ уступать. Ибо всякій тѣмъ болѣе уподобляется Богу, чѣмъ болѣе чистъ отъ этой нечистоты. Хотя въ этой жизни она не искореняется изъ сердца вполне, потому что не перестаетъ искушать и достаточно утвердившіяся въ добрѣ души: однако страсть къ славѣ должна быть по крайней мѣрѣ побѣждаема любовью къ правдѣ, такъ что, еслибы оказалось что либо пренебрегаемымъ вслѣдствіе неодобренія нѣкоторыми, а было бы между тѣмъ добрымъ и справедливымъ, то и само человѣческое честолюбіе устыдилось бы и уступило бы любви къ истинѣ. Этотъ порокъ дѣлается врагомъ Божіимъ, когда страсть къ славѣ бываетъ въ сердцѣ сильнѣе страха или любви Божіей, какъ говорилъ Господь: *Какъ вы можете вьрвати, славу друга отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единого Бога, не ищите* (Іоан. V, 44)? Также точно о нѣкоторыхъ увѣ-

¹⁾ Tuscul. Quaest. lib. I. стр. 2.

ровавшихъ въ Него, но опасавшихся открыто исповѣдывать свою вѣру, евангелистъ говоритъ: *Возлюбиша паче славу человѣческую, неже славу Божию* (Юан. XII, 43). Этого Апостолы не дѣлали. Они проповѣдывали имя Христова и тамъ, гдѣ его не только не одобряли (соотвѣтственно тому, какъ говоритъ Цицеронъ: »Оставляются въ полномъ пренебреженіи занятія такія, которыя кѣмъ нибудь не одобряются«), но и проклинали. Они твердо держались того, что слышали отъ благаго Учителя и вмѣстѣ врача душъ: *Иже отвержется Мене предъ чловѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ моимъ, иже на небесѣхъ, и предъ ангелы Божіими* (Мат. X, 33; Лук. XII, 9). Подъ проклятіями и ругательствами, во время самыхъ тяжкихъ гоненій и жестокихъ казней, вой человѣческой ненависти не удержалъ ихъ отъ проповѣдыванія человѣческаго спасенія. Слѣдствіемъ ихъ божественныхъ дѣлъ и словъ, слѣдствіемъ ихъ божественной жизни,—когда суровыя сердца были нѣкоторымъ образомъ завоеваны и утвержденъ миръ справедливости,—была великая слава Христова въ церкви. Они не успокоились однакоже на ней, какъ на послѣдней цѣли своей добродѣтели; но относя и ее саму къ славѣ Бога, благодатію Котораго они были такими, они и въ тѣхъ, о комъ пеклись, воспламеняли эту самую искрою любовь къ Тому, благодаря кому сами были такими. Ибо Учитель ихъ училъ ихъ быть добрыми не ради славы человѣческой, говоря: *Остерегайтесь творить правду вашу предъ чловѣки, да видими будете ими; аще ли же нѣ, мзды не имате отъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ* (Мат. VI, 1). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы, понявъ эти слова превратно, они не боялись нравиться людямъ и не приносили менѣе пользы, скрывая, что они были добрые, Онъ говорилъ имъ, указывая ту цѣль, съ какою они должны были пріобрѣтать извѣстность: *такъ да просвѣтятся труды ваши предъ*

человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ (Мат. V, 16). И такъ не для того, да видими будете ими, т. е. не такъ, какъ бы вы хотѣли обратить ихъ взоры на себя: потому что вы не чрезъ себя представляете собою нѣчто; но-да прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ, обратившись къ которому, они сдѣлаются тѣмъ же, чѣмъ и вы. Имъ послѣдовали мученики, которые, не сами подвергая себя казнямъ, а терпя назначенныя имъ, превзошли и Сцеволю, и Курціевъ, и Декіевъ какъ истинною добродѣтелью,—потому что она условливалась истиннымъ благочестіемъ,—такъ и безчисленнымъ множествомъ. Но такъ какъ Сцеволы, Курціи и Декіи принадлежали къ граду земному; такъ какъ всѣ обязанности ихъ по отношенію къ этому граду имѣли свою цѣлю его цѣлость и царство не на небѣ, а на землѣ,—не въ жизни вѣчной, а въ смѣнѣ умирающихъ имѣющими умереть: то что другое и приходилось любить имъ, какъ не славу, посредствомъ которой они хотѣли и послѣ смерти продолжить нѣкоторымъ образомъ жизнь свою въ устахъ людей, прославлявшихъ ихъ?

ГЛАВА XV.

О временной наградѣ, которую воздалъ Богъ добрымъ римскимъ нравамъ.

Итакъ, еслибы Богъ, не имѣвшій дать вѣчной жизни съ святыми ангелами своими въ небесномъ своемъ градѣ, къ участию въ которой приводитъ благочестіе истинное, совершающее религиозное поклоненіе, называемое греками *латрѣя*, только единому истинному Богу,—еслибы, говорю, Богъ не предоставилъ римлянамъ и этой земной славы—создать превосходящее государство: то ихъ добрымъ искусствамъ, т. е. доблестямъ, посредствомъ которыхъ они

старались достигнуть этой славы, не было бы воздано заслуженной награды. Ибо о такихъ, которые совершаютъ нѣчто доброе, чтобы найти славу у людей, самъ Господь говорить: *Аминь глаголю вамъ, воспріемлютъ мзду свою* (Мат. VI, 2). Такъ и они: пренебрегали ради общаго достоянія, т. е. ради республики и ея казны своимъ достоинствомъ частнымъ; подавляли жаждость; подавали свободный голосъ въ совѣщаніяхъ о дѣлахъ отчизны; не запятнали себя предъ лицомъ своихъ законовъ ни проступкомъ, ни страстію; и всѣми этими искусствами, какъ прямымъ путемъ, шли къ чести, власти и славѣ: за то и приобрѣли уваженіе къ себѣ у всѣхъ почти народовъ; подчинили законамъ своего государства многіе изъ нихъ; и въ настоящее время славны почти у всѣхъ народовъ литературою и исторіею. Да, они не могутъ жаловаться на справедливость верховнаго истиннаго Бога: воспріяли *мзду свою*.

ГЛАВА XVI.

О награды, ожидающей святыхъ гражданъ вѣчнаго града, которымъ не бесполезны примѣры доблестей римскихъ.

Совершенно иная награда ожидаетъ святыхъ, терпящихъ здѣсь поношенія за градъ Божій, ненавистный приверженцамъ этого міра. Тотъ градъ вѣченъ. Въ немъ никто не рождается, потому что никто не умираетъ. Въ немъ истинное и полное счастье, — не богиня, а даръ Божій. Оттуда получили мы залогъ вѣры, обнадеживающій насъ на то время, пока, странствуя, мы вздыхаемъ о красотѣ его. Тамъ не всходитъ солнце надъ добрыми и злыми (Мѡ. V, 45), но солнце правды сіяетъ однимъ только добрымъ. И не будетъ особой нужды обогащать общественную казну на счетъ частнаго достоянія тамъ, гдѣ общимъ соборвищемъ будетъ

сокровище истины. Поэтому и распространение римскаго государства, сдѣлавши его славнымъ въ средѣ человѣческой, совершилось не для того только, чтобы подобная награда была воздана подобнымъ людямъ, но и для того, чтобы граждане вѣчнаго града, пока странствуютъ на землѣ (2 Кор. V, 6), не оставляли безъ вниманія и обсуждения подобныхъ примѣровъ, и видѣли, какъ велика должна быть любовь ихъ къ небесной отчизнѣ ради жизни вѣчной, если такъ любима была отчизна земная ея гражданами ради славы человѣческой.

ГЛАВА XVII.

Какую пользу получили римляне отъ войнъ, которыя вели, и сколько пользы принесли они тѣмъ, кого побѣждали.

Вѣдь въ томъ, что касается настоящей жизни смертныхъ, кратковременной и поганчивающейся нѣсколькими днями, развѣ дѣлаетъ какуюнибудь разницу то, подѣ чьею властію живетъ человѣкъ, имѣющій умереть, если только повелѣвающіе не принуждаютъ его къ нечестію и несправедливости? Развѣ римляне повредили чѣмънибудь тѣмъ народамъ, которымъ, по покореніи ихъ, дали свои законы, за исключеніемъ того, что это сдѣлано было цѣною жестокаго военнаго пораженія? Случись это по взаимному согласію, оно совершилось бы съ лучшимъ успѣхомъ: не было бы только славы триумфаторовъ. Вѣдь и сами римляне жили по тѣмъ же своимъ законамъ, которые давали другимъ. Дѣлайся это безъ Марса и Беллоны, не имѣй мѣста побѣда (тамъ некому побѣждать, гдѣ никто бы не сражался),—развѣ римляне не жили бы подѣ одними и тѣми же условіями со всеми прочими народами? Особенно это было бы такъ, еслибы съ самаго начала было сдѣлано то, что

съ большею охотою и въ высшей степени челоѡколюбиво сдѣлано въ послѣдствіи, именно, чтобы всѣ принадлежащія къ римскому государству, имѣли участіе въ правахъ гражданскихъ и были римскими гражданами; тогда бы достояніемъ всѣхъ сдѣлалось то, что прежде было достояніемъ немногихъ. Только чернь, не имѣвшая собственныхъ полей, содержалась бы на счетъ государства; но содержаніе это доставлялось бы добрыми правителями государства гораздо охотнѣе при согласіи между ними и народомъ, чѣмъ въ то время, когда они были вынуждаемы къ тому силою.

Въ самомъ дѣлѣ, я рѣшительно не вижу, какое дѣлаетъ различіе въ отношеніи неприкосновенности, добрыхъ нравовъ, самаго даже общественнаго положенія людей то обстоятельство, что одни побѣдили, а другіе побѣждены, за исключеніемъ этой пустѣйшей снѣси челоѡческой славы, въ которой получили мзду свою горѣвшіе къ ней сильною страстію и ведшіе горячія войны. Развѣ ихъ поля не обложены податями? Или имъ дозволяется изучать что либо такое, чего другимъ не дозволяется? Развѣ въ другихъ областяхъ мало такихъ сенаторовъ, которые не видали Рима въ глаза? Отбрось чванство, и что такое будутъ всѣ люди, какъ не люди? Если бы правственная распущенность времени допускала, чтобы почетнѣйшими были люди лучшіе; то и въ такомъ случаѣ почетъ челоѡческій не долженъ былъ бы считаться чѣмъ либо особенно важнымъ: потому что дымъ не имѣетъ ни какого вѣса. Но воспользуемся и на этотъ разъ благодѣяніемъ Господа Бога нашего: обратимъ вниманіе на то, какъ многимъ пренебрегли они, что они вытерпѣли, какія умилили въ себѣ страсти ради славы челоѡческой, полученной ими въ видѣ награды за указанныя добродѣтели. Достаточно будетъ намъ и этого для подавленія гордости. Если тотъ градъ, въ которомъ намъ обѣщано царствованіе, также отличается отъ этого, какъ небо отъ земли, какъ ра-

достъ временная отъ жизни вѣчной, какъ прочная слава отъ пустой похвалы, общество ангеловъ отъ общества смертныхъ, какъ свѣтъ сотворившаго солнце и луну отъ свѣта луны и солнца: то граждане такого отечества, очевидно, не сдѣлали ничего великаго, если для его приобрѣтенія сдѣлали что-нибудь доброе или потерпѣли какое нибудь зло, какъ скоро тѣ сдѣлали такъ много и столько вытерпѣли ради этого земнаго, бывшаго уже ихъ достояніемъ, отечества. И это тѣмъ болѣе, что отпущеніе грѣховъ, привлекающее гражданъ къ вѣчному отечеству, имѣетъ нѣчто такое, съ чѣмъ имѣло нѣкоторое сходство извѣстное ромуловское право убѣжища, собранное во имя безнаказанности всякаго рода преступленій массу народа, построившаго Римъ.

ГЛАВА XVIII.

Какъ далеки должны быть христіане отъ хвастовства чѣмъ бы то ни было, сдѣланнымъ изъ любви къ свѣчному отечеству, если римляне столько сдѣлали ради человѣческой славы и земнаго гражданства.

Итакъ, что за великій подвигъ пренебречь ради вѣчнаго и небснаго отечества хотя бы и всеми пріятностями этого міра, если даже ради настоящаго и временнаго отечества Брутъ могъ убить своихъ сыновей, не будучи къ тому ни кѣмъ принуждаемъ? Вѣдь умертвить своихъ дѣтей во всякомъ случаѣ труднѣе, чѣмъ то, что собрано или сбережено для дѣтей, раздать—какъ слѣдуетъ это сдѣлать ради небснаго отечества—бѣднымъ, или потерять, если окажется необходимымъ поступить такъ ради вѣры и правды. Ибо счастливыми какъ насъ такъ и дѣтей нашихъ, дѣлаютъ не богатства, которыя мы можемъ потерять при жизни своей, или которыя по смерти нашей могутъ перейти во владѣніе такихъ людей, которыхъ мы не знаемъ, или такихъ, кото-

рыхъ мы не желаемъ. Счастливыми дѣлаетъ Богъ, который есть истинное богатство душъ. Самъ панегиристъ поэтъ въ убійствѣ Брутомъ сыновей своихъ видитъ доказательство его несчастія. Онъ говоритъ:

*И дѣтей, возбуждавшихъ новыя войны,
Предалъ казни за благо свободы отецъ —
Какъ бы потомство о томъ ни судило — несчастный.*

А въ слѣдующемъ стихѣ утѣшаетъ несчастнаго:

*Побѣдила любовь къ отчизнѣ и жажда безмърная
Славы ¹⁾.*

Свобода и жажда человѣческой славы—вотъ два побужденія, заставлявшія римлянъ совершать удивительныя дѣла. Итакъ, если отецъ могъ убить своихъ дѣтей ради свободы гражданъ, имѣвшихъ умереть, и изъ жажды славы, ожидаемой отъ смертныхъ: то что за великій подвигъ, если ради свободы истинной, освобождающей насъ отъ господства неправды, смерти и діавола, и не изъ жажды человѣческой славы, а изъ любви къ людямъ подлежащимъ освобожденію не отъ царя Тарквинія, но отъ демоновъ и князя демоновъ, не дѣтей убиваютъ, а причисляютъ къ дѣтямъ бѣдныхъ Христовыхъ? Другой римскій знаменитый мужъ, по прозванію Торкватъ, предалъ смерти сына за то, что по юношеской горячности онъ, будучи вызванъ непріателемъ, сражался не противъ отечества, но за отечество, только противъ власти его, т. е. вопреки распоряженію, сдѣланному отцемъ военачальникомъ, хотя и остался побѣдителемъ. Торкватъ опасался, чтобы примѣръ пренебреженія власти не принесъ болѣе вреда, чѣмъ сколько приносила добра слава убить непріателя. Чѣмъ же послѣ этого хвастаться тѣмъ, которые презираютъ блага земныя, во всякомъ слу-

¹⁾ Virg. Aenëid. VI.

чаѣ гораздо менѣе любимыя, чѣмъ дѣти, ради законовъ безсмертной отчизны? Фурій Камиллъ, освободившій свое отечество отъ ярма самыхъ сильныхъ враговъ, Вейянь, и подвергшійся суду и осужденію со стороны завистниковъ, освободилъ неблагодарное отечество въ другой разъ отъ Галловъ, потому что лучшаго отечества, въ которомъ бы онъ могъ жить, пользуясь славою, у него не было. На какомъ же основаніи станеть превозноситься, будтѣ совершившій нѣчто великое, тотъ, кто, будучи самымъ несправедливымъ образомъ лишень чести въ церкви плотскими врагами, не передался на сторону ея неприятелей—еретиковъ, ни самъ не сочинилъ никакой враждебной ей ереси, а скорѣе, на сколько можетъ, защищаетъ ее отъ пагубнѣйшаго еретическаго искажнія? Въдъ другой церкви,—не такой, въ которой можно бы жить со славою человѣческою; но такой, въ которой бы пріобрѣталась жизнь вѣчная,—нѣтъ. Чтобы имѣть покой отъ царя Порсены, который угнеталъ римлянъ жестокою войною, Муцій, не могшій убить самаго Порсены, а вмѣсто него убившій по ошибкѣ другаго, протянулъ въ глазахъ его правую руку на горящій жертвенникъ, говоря, что многіе такіе же, какъ и онъ, дали взаимную клятву на его погибель. Порсена, устранившись мужества Муція и заговора подобныхъ ему, безъотлагательно заключивъ миръ, прекратилъ ту войну. Кто послѣ этого поставитъ въ счетъ небесному царству свои заслуги, если бы ему пришлось, не самому чиня то надъ собою, а терпя это вслѣдствіе чьего либо преслѣдованія, отдать за это царство пламени не одну руку, а и все тѣло? Курцій, разгорячивъ коня, стремглавъ бросился въ полномъ вооруженіи въ обрывистую разсѣлину земли. Опъ подчинился прорицаніямъ боговъ своихъ. Они велѣли, чтобы римляне бросили туда, что имѣли у себя наилучшаго. Римляне могли понять это не иначе, какъ въ томъ лишь смыслѣ, что превосходство ихъ заключается въ

мужахъ и оружіи. Поэтому имъ казалось, что по повелѣнію боговъ слѣдовало броситься въ эту пропасть мужу вооруженному.—Что же великаго сочтетъ себя сдѣлавшимъ ради вѣчнаго отечества тотъ, кто, подвергшись преслѣдованію со стороны какого либо врага своей вѣры, не самъ добровольно причинить себѣ подобную смерть, а умереть отъ его руки: тѣмъ болѣе, что отъ Господа своего и царя того отечества онъ слышалъ такое, болѣе истинное, изреченіе: *не убойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же убити не могущихъ* (Мат. X, 28)? Если Деки, посвящая себя извѣстными словами на смерть, совершали нѣкоторымъ образомъ обѣтъ, въ силу котораго ихъ гибель и укрошеніе кровью ихъ гнѣва боговъ должны были обезпечить побѣду римскому войску: то святымъ мученикамъ вовсе не приходится гордиться какъ бы чѣмъ то особымъ, сдѣланнымъ ими для пріобрѣтенія того отечества, въ которомъ ждеть ихъ вѣчное и истинное счастье—тѣмъ, что они по вѣрѣ любви и по любви вѣры сражались до пролитія своей крови не только за братьевъ, за которыхъ кровь проливалась, но и за враговъ, которыми она проливалась? Маръ Пульвилль во время посвященія храма Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ получилъ отъ завистниковъ ложное извѣстіе о смерти сына, переданное съ тою цѣлію, чтобы, потрясенный имъ, онъ прекратилъ обрядъ и такимъ образомъ честь посвященія перешла къ его товарищу. Пульвилль до такой степени принялъ холодно извѣстіе, что велѣлъ оставить сына безъ погребенія. Жажда чести побѣдила такимъ образомъ въ сердцѣ его скорбь о потерѣ сына.—Кто же осмѣлится сказать, что онъ совершилъ великій подвигъ въ проповѣди святаго евангелія, освобождающей и собирающей отъ различныхъ заблужденій гражданъ небесному отечеству,—онъ, которому сказалъ Господь, когда озабоченъ онъ былъ погребеніемъ своего отца; *Гряди по мнѣ, и остави мертвыхъ по-*

гребсти свои мертвецы (Мат. VIII, 22)? М. Регулъ, чтобы не обмануть клятвою самыхъ жестокихъ враговъ, возвратился къ нимъ изъ Рима. Рассказываютъ, будто, когда римляне хотѣли не пустить его, онъ отвѣчалъ имъ, что не можетъ пользоваться въ Римѣ именемъ честнаго гражданина послѣ того, какъ былъ въ рабствѣ у африканцевъ. Карфагеняне потомъ умертвили его посредствомъ самыхъ ужасныхъ истязаній. Существуютъ ли послѣ этого какія либо мученія, которыя не слѣдовало бы презирать для соблюденія вѣрности той отчизнѣ, къ блаженству которой приводитъ сама эта вѣрность? Или что это будетъ за воздаяніе *Господеву о вѣрхъ, яже, воздаде* (Пс. СХV, 4), если за вѣрность, которую человѣкъ обязанъ Ему, онъ потерпитъ столько, сколько потерпѣлъ Регулъ за вѣрность, которую обязался самымъ опаснымъ врагамъ своимъ? Точно также осмѣлится ли христіанинъ превозноситься и добровольною бѣдностію, принятою на себя для того, чтобы во время жизненнаго странствованія безпрепятственнѣе идти по пути, приводящемъ къ отечеству, въ которомъ самъ Богъ представляетъ собою истинное богатство, когда услышитъ или прочитаетъ о Л. Валріѣ, умершемъ во время своего консульства и оказавшемся до такой степени бѣднымъ, что погребеніе ему было устроено на собранныя народомъ деньги?—когда услышитъ или прочитаетъ о К. Цинциннатѣ, владѣвшимъ четырьмя югерами земли и обработывавшемъ ихъ собственными руками, котораго взяли отъ плуга, чтобы сдѣлать диктаторомъ, во всякомъ случаѣ вышшимъ по сану, чѣмъ консулъ, и который, и послѣ того какъ побѣдилъ враговъ и погрылъ себя великою славою, остался въ той же бѣдности? Или станетъ ли онъ прославлять какъ великій подвигъ съ своей стороны то, что никакіе дары этого міра не могли отвлечь его отъ небеснаго отечества, когда узнаетъ, что множество великихъ даровъ Пирра, царя епирскаго, даже обѣщанная

четвертая часть царства, не могли поколебать вѣрности римскому государству: Фабриція, и что послѣдній предпочелъ остаться при своей бѣдности частнымъ человѣкомъ? Да, въ ту пору, какъ республика, т. е. достояніе народа, достояніе отчизны, достояніе общее, была у нихъ могущественнѣйшею и богатѣйшею, сами они въ своемъ домашнемъ быту были такъ бѣдны, что нѣкто изъ нихъ, бывшій уже два раза консуломъ, былъ изгнанъ изъ этого сената бѣдняковъ распоряженіемъ цензорскимъ за то, что имѣлъ, какъ оказалось, десять фунтовъ серебра въ сосудахъ. Такъ были бѣдны они, обогащавше общественную казну своими триумфами! Не понятно ли всѣмъ христіанамъ, которые для высшихъ цѣлей обращаютъ свои богатства въ достояніе общее, чтобы, — соотвѣтственно тому, какъ написано въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, — раздавались всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго (Дѣян. II. 45), и чтобы никто не называлъ чего либо своимъ, но все бы у нихъ было общее (Дѣян. IV; 32), — не понятно ли, что имъ вовсе не слѣдуетъ превозноситься, дѣлая это для приобрѣтенія сообщества съ ангелами, когда почти такое же нѣчто дѣлали римляне для сохраненія славы римскаго народа?

Это и другое въ томъ же родѣ, встрѣчаемое у писателей ихъ, не тогда ли получило особую извѣстность, стало предметомъ общаго говора, когда имперія римская, широко и далеко раздвинувшая свои предѣлы, развила свое могущество съ замѣчательнымъ успѣхомъ? Поэтому мы полагаемъ, что въ имперіи этой, такой обширной и такой долговѣчной, знаменитой и славной доблестями столь великихъ мужей, и усилія этихъ мужей получили свою награду, которой добились, и намъ даны нужные примѣры для подражанія: чтобы было намъ стыдно, если тѣхъ добродѣтелей, во всякомъ случаѣ имѣющихъ съ христіанскими сходство, которыхъ они твердо держались ради славы земнаго града, мы не будемъ держаться твердо ради славнѣйшаго града Божія; а если будемъ держаться, — чтобы не превозносились гордостію. Ибо,

какъ Апостоль говоритъ, *недостойны страсти ивнѣшняго времени къ хотящей славы явиться въ насъ* (Рим. VIII, 18). Для славы же человѣческой и для славы ивнѣшняго времени достаточно достойною считалась и ихъ жизнь. Поэтому совершенно справедливо были отданы въ жертву славы ихъ и іудеи, убившіе Христа, какъ скоро Новый Завѣтъ открылъ, что было сокрыто въ Вѣтхомъ, именно—что единый и истинный Богъ долженъ быть почитаемъ не ради земныхъ и временныхъ благъ, которыя божественное провидѣніе раздаетъ безразлично и добрымъ и злымъ, а ради жизни вѣчной, ради даровъ непретращающихся и ради союза съ небеснымъ градомъ; такъ что добивавшіеся и добившіеся какими бы то ни было добродѣтелями земной славы побѣдили тѣхъ, которые, будучи заражены великими пороками, убили и отвергли подателя истинной славы и вѣчнаго гражданства.

ГЛАВА XIX.

Чѣмъ различаются между собою страсть къ славы и страсть къ господству.

Есть впрочемъ различіе между страстію къ славы и страстію къ господству. Хотя бывасть обыкновенно такъ, что увлекающійся до крайности страстію къ славы домогается страстно и господства; однако тѣ, кто желаетъ истинной, хотя бы и человѣческой, славы, стараются быть на хорошемъ счету у людей благомыслящихъ. Есть въ нравахъ много такого добраго, на что многіе смотрятъ прекрасно, хотя того сами многіе не соблюдаютъ. Посредствомъ этого-то добраго въ нравахъ и стараются достигнуть славы, власти или господства тѣ, о которыхъ говоритъ Саллюстій: »Но тотъ идетъ прямымъ путемъ«¹⁾. А кто стремится къ господству и власти

¹⁾ Выше гл. XII.

Творенія бл. Августина.

безъ желанія славы, заставляющаго человѣка опасаться быть на дурномъ счету у людей благомыслящихъ, такой станетъ добиваться своей цѣли и посредствомъ открытыхъ до наглости злодѣяній. Поэтому страстно желающій славы, или идетъ къ ней прямымъ путемъ, или по крайней мѣрѣ старается достигнуть ея лукавствомъ и обманомъ, желая казаться такимъ добрымъ, какимъ на самомъ дѣлѣ не бываетъ. Поэтому же въ человѣкѣ, имѣющемъ добродѣтели, великою добродѣтелью является презрѣніе къ славѣ; потому что презрѣніе его вѣдомо Богу, но отъ человѣческаго суда скрыто. Пусть онъ и сдѣлалъ бы, напримѣръ, что нибудь для человѣческихъ глазъ такое, изъ чего можно было бы видѣть его презрѣніе къ славѣ: могутъ подумать, что онъ сдѣлалъ это для бѣльшей похвалы, т. е. для достиженія бѣльшей славы, и тогда у него нѣтъ средства представить себя для чувствъ подозрѣвающихъ его людей инымъ, чѣмъ какимъ они его себѣ представляютъ. Но презирающій судъ людей, расточающихъ похвалы, презираетъ и безразсудство подозрѣвающихъ; хотя, если истинно добръ, не презираетъ ихъ спасенія. Ибо имѣющій добродѣтели отъ Духа Божія справедливъ до такой степени, что любитъ даже самихъ враговъ, и любитъ такъ, что желаетъ, чтобы его ненавистники и хулители исправились и были вмѣстѣ съ нимъ участниками не земнаго, а небеснаго отечества. Въ хвалителяхъ же своихъ, хотя и не уважаетъ того, что его хвалятъ, уважаетъ то, что его любятъ; и не желаетъ обманывать хвалящихъ, чтобы не обмануть любящихъ. И поэтому горячо настаиваетъ, чтобы похвалы воздавались Тому, отъ Кого получаетъ чело вѣкъ то, что въ немъ по справедливости заслуживаетъ похвалы. А тотъ, кто, презирая славу, жадно стремится къ господству, тотъ превосходитъ и звѣрей какъ въ люлости, такъ и въ неумѣренности. Такими были нѣкоторые изъ римлянъ. Переставъ заботиться о людскомъ мнѣніи, они не пе-

рестали страстно желать господствованія. Исторія передаетъ, что такихъ было много. Но вершину и какъ бы своего рода Капитолій этого порока первый занялъ Неронъ Цезарь Распущенность его была такова, что, казалось, онъ не считалъ нужнымъ останавливаться рѣшительно ни передъ чѣмъ; а жестокость такова, что можно было бы подумать, если бы то не было извѣстно, что въ немъ ничего нѣтъ мягкаго. Однако же и такимъ власть господствовать дается единственно провидѣніемъ высочайшаго Бога, когда Онъ находитъ чело-вѣчество заслуживающимъ такихъ господъ. Извѣстно изрече-ніе божественное относительно этого предмета. Премудрость Божія говоритъ: *Мною царіе царствуютъ*, и тиранны черезъ меня господствуютъ надъ землею (Притч. VШ, 15). Но чтобы подъ тираннами мы разумѣли самыхъ худшихъ и недобрыхъ царей, а не сильныхъ, соотвѣтственно древне-му значенію этого имени (почему и Виргилій говоритъ:

Миръ мой удѣлъ, я держусь за правую руку тиранна ¹⁾),— въ другомъ мѣстѣ о Богѣ сказано яснѣйшимъ образомъ: *Иже поставляетъ царемъ человека лицемеръ за строптивость людей* (Иов. XXXIV, 30). Поэтому, хотя я, насколько могъ, и достаточно показалъ, по какой причинѣ единый истинный и праведный Богъ содѣйствовалъ римлянамъ, добрымъ соотвѣтственно извѣстной идеѣ земнаго государства, создать такую славную имперію: тѣмъ не менѣе на то можетъ быть и другая, болѣе тайная причина, заключающаяся въ разнаго рода заслугахъ и проступкахъ рода чело-вѣческаго, извѣстная болѣе Богу, чѣмъ намъ. Всѣмъ людямъ благочестивымъ извѣстно несомнѣнно, что безъ истиннаго благочестія, т. е. безъ истиннаго почитанія истиннаго Бога, никто не можетъ имѣть истинной добродѣтели; и

¹⁾ Aeneid. VII. v. 266.

что та добродѣтель не есть добродѣтель истинная, которая покорствуетъ человѣческой славѣ. Тѣ же, которые не суть граждане вѣчнаго государства, называемаго въ нашихъ писаніяхъ Градомъ Божиимъ (Ис. XLV, 5; XLVII, 2. 3 и 9; LXXXVI, 3), бываютъ болѣе полезны для земнаго государства, когда имѣютъ по крайней мѣрѣ такую добродѣтель, чѣмъ никакой. Но если ведущіе въ силу истиннаго благочестія добродѣтельную жизнь владѣютъ искусствомъ управлять народами, то ничего не можетъ быть счастливѣе для человѣчества, какъ если по милосердію Божию они получаютъ власть. Такіе люди всѣ добродѣтели свои, какія только могутъ имѣть въ этой жизни, приписываютъ единственно благодати Божіей, которая ихъ дала имъ соответственно ихъ желаніямъ, вѣрѣ, молитвамъ, и въ то же время понимаютъ, какъ многого не достаётъ имъ до совершенства въ правдѣ, составляющаго принадлежность того сообщества ангеловъ, войти въ которое они стремятся. Какъ бы ни хвалили и ни превозносили ту добродѣтель, которая безъ истиннаго благочестія покорствуетъ человѣческой славѣ, она не можетъ стать въ сравненіе даже съ малыми зачатками добродѣтели въ святыхъ, которые положили свою надежду въ благодати и милосердіи истиннаго Бога.

ГЛАВА XX.

Работничество добродѣтелей слава человѣческой также постыдно, какъ и работничество похоти тѣлесной.

Философы, полагающіе верхъ человѣческаго блага въ самой добродѣтели, — чтобы пристыдить тѣхъ изъ философовъ, которые хотя добродѣтели одобряютъ, но цѣль имъ указываютъ въ тѣлесномъ наслажденіи, и наслажденіе считаютъ желаемымъ ради него самаго, а добродѣтели ради наслажденія, — имѣютъ обыкновеніе рисовать въ своихъ рѣчахъ

такую картину. На царскомъ тронѣ возсѣдаетъ, будто какая нибудь изнѣженная царица, человѣческая похоть. Въ видѣ слуганокъ ее окружаютъ добродѣтели, наблюдающія ея мановенія, чтобы дѣлать все, что она прикажетъ. И вотъ приказываетъ она благоразумію заниматься внимательнымъ изслѣдованіемъ того, какимъ образомъ похоть могла бы царствовать и быть въ безопасности; справедливости велитъ оказывать по возможности благодѣянія для пріобрѣтенія дружбы, необходимой для тѣлесныхъ удобствъ, и никому не дѣлаетъ обиды, потому что похоть не могла бы пользоваться безопасностью, если бы нарушала законы; мужеству дѣлаетъ внушеніе, чтобы въ случаѣ, еслибы тѣлу приключилась какая либо болѣзнь, не ведущая къ смерти, оно мужественно удерживало госпожу свою, т. е. похоть, въ области душевныхъ помысловъ, чтобы воспоминаніе о прежнихъ ея утѣхахъ смягчало остроту настоящей скорби; воздержанію повелѣваетъ, чтобы принимало нищу, даже и пріятную, въ такомъ количествѣ, чтобы отъ неумѣренности не случилось какого нибудь вреда здоровью, и чтобы нестрадало чувственное наслажденіе, которое епигурейцы по преимуществу и полагаютъ въ здоровомъ состояніи тѣла. Такимъ образомъ добродѣтели во всемъ величій своей славы работаютъ передъ похотью, будто передъ какою нибудь властолюбивою и ничтожною женщиною. Говорятъ, что нѣтъ ничего постыднѣе и безобразнѣе этой картины, и что она менѣе всего выносима для глазъ людей добрыхъ; и говорятъ справедливо. Но не думаю, чтобы картина вышла надлежащей красоты и въ томъ случаѣ, еслибы изображала рабство добродѣтелей человѣческой славы. Хотя слава эта и не представляетъ собою женщины изнѣженной, однакоже она напыщенна и отличается крайнею пустотою. Поэтому служить ей такъ, чтобы благоразуміе ничего не предусматривало, справедливость ничего не распредѣляла, воздержаніе

ничего не умѣряло и мужество ничего не переносило кромѣ того, чѣмъ можно угодить людямъ и услужить вѣтренной славѣ, не сообразно съ серьезнымъ характеромъ и нѣкотораго рода не податливостію добродѣтелей. Отъ постыдной слабости этого рода не могутъ защитить себя и тѣ, которые, презирая чужія сужденія вслѣдствіе пренебреженія якобы славою, кажутся сами себѣ мудрыми и сами собою любятъ. Ибо добродѣтель ихъ, если только она есть, также подчиняется, только нѣсколько иначе, человѣческой хвалѣ. Вѣдь и онъ самъ, любующійся собою, человѣкъ же. Тотъ же, кто вѣруеть и возлагаетъ надежду на Бога, котораго любить, въ силу истиннаго благочестія, большее вниманіе обращаетъ на то, чѣмъ онъ не нравится себѣ, чѣмъ на то, что въ немъ есть такое, что пріятно не столько для него самаго, сколько для истины; да и то самое, чѣмъ онъ и можетъ быть пріятенъ, приписываетъ исключительно милосердію Божію, которому боится не угодить; за одно, что онъ исправилъ въ себѣ, онъ приноситъ благодаренія, о другомъ, что ему предстоитъ исправить, молится

ГЛАВА XXI.

Римское царство обязано своимъ существованіемъ Богу истинному, отъ котораго происходитъ всякая власть и проводниемъ котораго управляется все.

Если это такъ, то власть раздавать царствованія и начальствованія мы должны приписать только Богу истинному, который въ царствѣ небесномъ даетъ счастье однимъ благочестивымъ, а царство земное и благочестивымъ и нечестивымъ, какъ то угодно Ему, которому ничто несправедливое не угодно. Хотя, какъ мы сказали, и есть нѣчто, что благоволилъ Онъ открыть намъ, однако для насъ было бы много, и слишкомъ превзошло бы силы наши, если бы взду-

мали изслѣдывать тайны человѣческія и подвергать рѣшительному обсужденію заслуги и преступки царствъ. Итакъ сей единый истинный Богъ, не оставившій рода человѣческаго своимъ судомъ и помощію, далъ, когда захотѣлъ и насколько захотѣлъ, царство римлянамъ, какъ далъ его ассиріянамъ или даже персамъ, которые, какъ показываютъ писанія ихъ, почитали только двухъ боговъ, одного добраго, другаго злаго. (Я умолчу уже о народѣ сврейскомъ, о которомъ, на сколько было нужно, я сказалъ уже, который и во время своего царствованія почиталъ только одного Бога) Итакъ сей истинный Богъ далъ персамъ жатвы безъ почитанія ими богини Сегетіи; далъ и другіе земные дары безъ почитанія того множества боговъ, которыхъ римляне поставили по одному надъ каждою отдѣльною вещью или и по нѣскольку надъ отдѣльными вещами; далъ имъ и царство безъ почитанія тѣхъ боговъ, чрезъ почитаніе которыхъ римляне считали себя достигшими царствованія. Также и въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ: давъ власть Марію, Онъ же далъ ее и Каю Цезарю; давъ Августу, далъ и Нерону; давъ Веспазіанамъ, какъ отцу, такъ и сыну, императорамъ, отличавшимся въ высшей степени привлекательными свойствами, Онъ же далъ и Домиціану, отличавшемуся крайнею жестокостію; давъ (чтобы не перебирать каждаго по одному) царствованіе Константину христіанину, Онъ же далъ его и Юліану отступнику. Святотатственная и проклятая страсть гаданій, пустотѣ которыхъ послѣдній предался, обманула его превосходныя природныя дарованія мечтами о господствованіи, когда онъ, въ надеждѣ на несомнѣнную побѣду, сжегъ корабли, везшіе необходимые съѣстные припасы; а потомъ съ горячностію увлевшись смѣлыми предпріятіями, и будучи очень скоро убитъ, оставилъ войско въ странахъ непріятельскихъ въ положеніи крайне бѣдственномъ, такъ что оно не могло выйти оттуда иначе, какъ подъ усло-

вѣемъ перемѣщенія границъ римской имперіи вопреки извѣстному провѣщанію бога Термина, о которомъ сказали мы въ предыдущей книгѣ ¹⁾. Богъ Терминъ уступилъ такимъ образомъ необходимости, хотя и не уступалъ Юпитеру. Всѣмъ этимъ очевидно управляетъ и распоряжаетъ по своему благоусмотрѣнію единый и истинный Богъ. Тайны основанія этого управленія и распоряженія, но неужели они несправедливы?

ГЛАВА XXII.

Времена и исходы войнъ зависятъ отъ суда Божія.

То же и въ отношеніи времени войнъ. Соизволить ли Онъ по своему справедливому суду и милосердію подвергнуть челоувѣческой родъ бѣдствіямъ или дать ему утѣшеніе, — извѣстныя войны оканчиваются быстрѣе, другія продолжаются медленнѣе. Война пиратовъ Помпеемъ, и третья пуническая война Сципіономъ, были окончены съ невѣроятною быстротою и въ короткое время. Равно и война гладіаторовъ, хотя во время ея и потерпѣли пораженіе многіе предводители римскихъ войскъ и два консула, а Италія была страшно разорена и опустошена, окончилась однакоже послѣ многихъ жертвъ на третьемъ году. Послѣ долговременнаго и самаго покорнаго рабства подъ римскимъ ярмомъ, когда римскому государству были подчинены уже многіе народы и Карфагенъ разрушенъ, попытались добиться свободы не посторонніе, но италійскіе же народы, ниценты, марсы и пелигны. Во время этой италійской войны римляне терпѣли весьма частыя пораженія; погибли въ ней и два консула, и многихъ другихъ благороднѣйшихъ сенаторовъ. Бѣдствіе это не продолжалось однакоже очень долго: оно окончилось на пятомъ году.

¹⁾ Выше кн. 4 гл. XXIX.

Но вторая пуническая война, сопровождавшаяся величайшими разореніями и бѣдствіями республики, въ теченіи восемнадцати лѣтъ истощила и почти уничтожила римскія силы: въ двухъ сраженіяхъ пало около семидесяти тысячъ римлянъ. Первая пуническая война продолжалась двадцать три года; война митридатская—сорокъ лѣтъ. А чтобы кто нибудь, слыша похвалы прошедшимъ временамъ за добродѣтели всякаго рода, не подумалъ, будто римляне начальнаго періода римской исторіи велѣдствіе большаго мужества поканчивали войны быстрѣе, я напомнимъ войну самнитскую, продолжавшуюся почти пятьдесятъ лѣтъ, во время которой римляне потерпѣли такое пораженіе, что были вынуждены склонить головы подъ иго. Но такъ какъ они не славу любили ради справедливости, а справедливость любили ради славы, то и нарушили установленный миръ и заключенныя условія. Я напоминаю объ этомъ потому, что многіе, не зная прошедшихъ событій, а нѣкоторые, притворяясь незнающими ихъ, когда въ христіанскія времена какая нибудь война длится сколько нибудь продолжительно, самымъ безстыднымъ образомъ набрасываются за то на христіанскую религію, крича, что еслибы-де ея не было и еслибы-де божества почитались древнимъ вультомъ, то извѣстная римская доблесть, покончившая съ помощію Марса и Беллоны такое множество войнъ съ необычайною быстротою, уже покончила бы давно и эту войну. Итакъ читавшіе пусть припомнятъ, какія продолжительныя войны были ведены древними римлянами, какой разнообразный имѣли онѣ исходъ, какими плачевными сопровождали-сь онѣ пораженіями, какъ вихри бѣдствій этого рода потрясали землю, будто бурливое море; и припомнивъ, пусть сознаются, въ чемъ прежде не хотѣли сознаваться, и пусть своими безумными рѣчами противъ Бога себя не губятъ, а людей невѣжественныхъ не обманываютъ

ГЛАВА XXIII.

О войнѣ, во время которой Радагайсъ, царь готовъ, читатель демоновъ, съ огромнымъ войскомъ своимъ былъ побѣжденъ въ теченіи одного дня.

А вотъ то удивительное, что совершилъ по своему милосердію Богъ на нашей памяти въ самое послѣднее время, то они не съ благодарностію воспоминаютъ, а стараются всячески, насколько это возможно, привести въ забвеніе у всѣхъ людей. Мы были бы также неблагодарны, какъ и они, если бы умолчали объ этомъ. Когда Радагайсъ, царь готовъ, расположившись съ огромнымъ и свирѣпымъ войскомъ въ самыхъ окрестностяхъ Рима, держалъ мечъ надъ головами римлянъ, онъ въ одинъ день съ необыкновенною быстротою потерпѣлъ такое пораженіе, что въ ту пору, какъ изъ римлянъ не только ни одинъ не былъ убитъ, но даже и раненъ, его войска пало гораздо болѣе ста тысячъ, и самъ онъ, попавшись въ плѣнъ съ сыновьями, былъ подвергнутъ смерти, какъ заслуженному наказанію. Вступи онъ, такой нечестивый и съ столькимъ и такъ нечестивымъ войскомъ, въ Римъ: кого пощадилъ бы онъ? Какимъ мѣстамъ мучениковъ отдалъ бы онъ честь? Въ чьемъ лицѣ почтилъ бы Бога? Чьей крови не пролилъ бы онъ, и чье цѣломудріе оставилъ бы неприкосновеннымъ? А между тѣмъ какъ они кричали за своихъ боговъ, съ какою наглостию разглашали, что онъ-де потому побѣждалъ, отъ того-де располагалъ такою великою силою, что ежедневными жертвоприношеніями умилостивлялъ и привлекалъ къ себѣ боговъ; чего-де римлянамъ не позволяла христіанская религія? Когда онъ подходитъ уже къ этимъ мѣстамъ, гдѣ по манію небснаго величества постигла его гибель, и молва о немъ повсемѣстно росла, намъ рассказывали въ Каррагенѣ, что

язычники вѣрили, разглашали, кричали, будто при покровительствѣ и помощи расположенныхъ къ нему боговъ, которымъ онъ ежедневно, какъ говорили, приносилъ жертвы, его рѣшительно нельзя побѣдить тѣмъ, которые и сами не совершали подобныхъ священнодѣйствій богамъ римскимъ, и не позволяли совершать ихъ кому либо другому. И вотъ за такое милосердіе не благодарятъ несчастные Бога, хотя Онъ, вознамѣрившись исправить человѣческіе нравы, заслуживавшіе болѣе тяжкаго наказанія, вторженіемъ варваровъ, первоначально смягчилъ свой гнѣвъ такою кротостію, что предоставилъ римлянамъ чудесную побѣду надъ Радагайсомъ; это для того, чтобы демоны, которымъ онъ поклонялся, не воспользовались его славою для развращенія слабыхъ душъ. А потомъ Онъ предоставилъ взять Римъ такимъ варварамъ, которые вопреки всякому обычаю предшествовавшихъ войнъ съ уваженіемъ охраняли искавшихъ убѣжища въ священныхъ мѣстахъ религіи христіанской, и противъ самихъ демоновъ и нечестивыхъ жертвоприношеній, на которыхъ Радагайсъ основывалъ свои надежды, вооружались во имя христіанства до такой степени, что, казалось, вели болѣе жестокою войну съ ними, чѣмъ съ людьми. Такимъ образомъ истинный Господь и правитель міра и подвергъ милосердному наказанію римлянъ, и превосходящею вѣрою побѣдою надъ поклонниками демоновъ показалъ, что для благосостоянія настоящей жизни нѣтъ необходимости въ упомянутыхъ жертвоприношеніяхъ; чтобы,—не тѣ, которые съ упорствомъ оспариваютъ, но кто съ благоразуміемъ вникаетъ въ дѣло,—не оставляли религіи истинной по причинѣ настоящихъ нуждъ, а напротивъ держались ея еще болѣе въ вѣрнѣйшемъ ожиданіи вѣчной жизни.

ГЛАВА XXIV.

Въ чемъ заключается и насколько вѣрно счастье императоровъ христіанскихъ.

Мы называемъ нѣкоторыхъ христіанскихъ императоровъ счастливыми не потому, что они долго управляли, или, скончавшись мирною смертію, оставили послѣ себя управляющими сыновей своихъ, или покорили враговъ государства, или въ состояніи были избѣгнуть и усмирить возмущившихся противъ нихъ непріязненныхъ имъ гражданъ. Такия и другія награды или утѣшенія этой многоятежной жизни удостоились получить и нѣкоторые изъ почитателей демоновъ, не принадлежащіе къ царству Божію, къ которому принадлежатъ императоры христіанскіе. Случилось такъ по милосердію Божію для того, чтобы вѣрующіе въ Бога не домогались этого какъ высочайшаго блага. Но мы называемъ государей христіанскихъ счастливыми, если они управляютъ справедливо; если окруженные лестью и крайнимъ низкопоклонствомъ не превозносятся, но помнятъ, что они люди; если употребляютъ свою власть на распространеніе почитанія Бога и на служеніе Его величію; если боятся, любятъ и чтутъ Бога; если любятъ болѣе то царство, въ которомъ не боятся имѣть сообщниковъ; если медлятъ наказаніями и охотно милуютъ; если самыя наказанія эти употребляютъ какъ необходимыя средства для управленія и охраненія государства, а не какъ удовлетвореніе своей ненависти къ врагамъ; если и помилованіе изрекаютъ не для того, чтобы оставить неправду безваказанною, а въ надеждѣ исправленія; если въ томъ случаѣ, когда обстоятельства вынуждаютъ ихъ произнести суровый приговоръ, они смягчаютъ его милосердіемъ и благотворительностію; если обстановка и родъ ихъ жизни тѣмъ скромнѣе, чѣмъ болѣе могли бы быть роскошными; если они лучше желаютъ господствовать надъ дурными на-

блонностями, чѣмъ надъ какими бы то ни было народами, и дѣлають все это не изъ желанія какой нибудь пустой славы, а изъ любви къ вѣчному счастью; если не пренебрегаютъ приносить Богу за грѣхи свои жертву смиренія, сожалѣнія и молитвы. Такихъ христіанскихъ императоровъ мы называемъ счастливыми, т. е. счастливыми пока надеждою, а потомъ имѣющими быть счастливыми на дѣлѣ, когда наступитъ то, чего мы ожидаемъ.

ГЛАВА XXV.

О благоденствіи, которое подалъ Богъ христіанскому императору Константину.

А чтобы люди, вѣрующіе, что Бога слѣдуетъ почитать ради жизни вѣчной, не пришли къ мысли, будто земнаго величія и земнаго царствованія не можетъ достигнуть никто, кромѣ чтущихъ демоновъ, и будто духи эти проявляютъ въ такихъ великую силу, — всеблагій Богъ осыпалъ императора Константина, не поклонявшагося демонамъ, но чтившаго именно истиннаго Бога, такими земными дарами, о какихъ никто не осмѣлился бы мечтать. Онъ далъ ему возможность создать городъ ¹⁾, союзный римскому государству, какъ бы дочь древнему Риму, но безъ всякаго храма демонскаго и безъ всякаго идола. Въ лицѣ Константина долго царствовалъ, управлялъ всею римскою имперіею и защищалъ ее одинъ Августъ. Блистательнѣйшими побѣдами сопровождались его военные походы и сраженія; для подавленія тиранновъ все обстоятельства благоприятствовали ему; умеръ онъ въ весьма преклонныхъ лѣтахъ отъ болѣзни и старости, оставивъ правителями имперіи своихъ сыновей. Но съ другой стороны, чтобы какой нибудь императоръ не былъ христіаниномъ для

¹⁾ Константинополь.

того только, чтобы пользоваться счастьемъ Константина, Богъ соизволилъ Ювіана отозвались изъ этой жизни гораздо скорѣе, чѣмъ Юліана; допустилъ Граціана пасть отъ меча тиранна: хотя суды его въ отношеніи къ Граціану были гораздо успокоительнѣе для чувства, чѣмъ въ отношеніи къ великому Помпею, чителю якобы римскихъ боговъ. За Помпея не могъ отмстить Катонъ, котораго Помпей оставилъ нѣкоторымъ образомъ наслѣдникомъ гражданской войны; а за Граціана отмстилъ—хотя благочестивыя души и не ищутъ такого рода утѣшеній—*Феодосій*, котораго Граціанъ, имѣя маленькаго брата, сдѣлалъ соучастникомъ царства, потому что болѣе желалъ союза вѣры, чѣмъ чрезмѣрной власти.

ГЛАВА XXVI.

О вѣрѣ и благочестіи великаго Феодосія.

Поэтому и *Феодосій* не только при жизни Граціана сохранилъ къ нему вѣрность, которую долженъ былъ хранить, но и по смерти его, когда маленькій братъ его *Валентиніанъ* былъ изгнанъ его убійцею *Максимомъ*, далъ, какъ христианинъ, приютъ сироткѣ въ областяхъ своей имперіи; некая о немъ съ отеческою любовію, хотя могъ отъ него, лишеннаго всякой поддержки, освободиться безъ всякаго затрудненія, если бы руководился болѣе страстію къ расширенію своей царской власти, чѣмъ любовію оказывать благодѣянія; руководясь этою любовію, онъ сохранилъ принятому сиротѣ императорское достоинство и утѣшилъ его своимъ челоуѣколюбіемъ и благорасположеніемъ. Затѣмъ, когда упомянутый успѣхъ сдѣлалъ *Максима* страшнымъ, *Феодосій* въ тяжкихъ заботахъ своихъ не прибѣгнулъ къ святотатственнымъ и недозволительнымъ гаданіямъ, а послалъ къ *Іоанну*, обитавшему въ пустынѣ египетской, о которомъ изъ народнаго говора узналъ какъ о рабѣ Божіемъ, одаренномъ духомъ пророчества, и получилъ отъ него неподлежащее ни какому

сомнѣнію извѣщеніе о побѣдѣ. Едва уничтоживъ тиранна Максима, онъ съ милостивѣйшимъ уваженіемъ возстановилъ отрока Валентиніана въ тѣхъ областяхъ его имперіи, изъ которыхъ онъ былъ изгнанъ; а когда очень скоро за тѣмъ отрокъ отъ коварства или другой, быть можетъ случайной, причины погибъ, и на мѣсто его императоромъ былъ избранъ незаконно другой тираннъ Евгеній, Θεодосій, снова получивъ пророческій отвѣтъ и -укрѣпившись вѣрою, уничтожилъ и этого тиранна, сражаясь противъ его сильнѣйшаго войска болѣе молитвою, чѣмъ мечемъ. Бывшіе на сраженіи воины рассказывали намъ, что поднявшійся со стороны Θεодосія на противниковъ его сильный вѣтеръ вырывалъ у нихъ изъ рукъ бросаемаго копья и стрѣлы, и не только несъ съ обыкновенною силою все, что на нихъ было бросаемо, но и ихъ собственныя стрѣлы обращалъ на ихъ же тѣла. Поэтому и поэтъ Клавдіанъ, хотя христіаниномъ не былъ, сказалъ однакоже въ панегирикѣ ему:

*О крайне любезный Богу! Тебѣ изъ вертеповъ Золъ
Шлетъ вооруженныя бури; за тебя воюетъ эвиръ,
И заговорщики вѣтры подаютъ сигналы къ битвѣ¹⁾.*

Сдѣлавшись же побѣдителемъ, онъ, какъ думалъ и говорилъ напередъ, низвергъ идола Юпитера, которые не знаю какими-то обрядами были якобы закланы на его гибель и поставлены на Альпахъ, а молніи ихъ, сдѣланныя изъ золота, благодушно и благосклонно подарилъ гонцамъ, когда они шутили (что допускала тогдашняя радость) и рассказывали, будто молніи эти хотѣли поразить ихъ. Дѣтей враговъ своихъ, истребленныхъ не по его повелѣнію, и яростію войны, когда эти дѣти, еще не будучи христіанами, искали убѣжища въ церкви, онъ пожелалъ по этому поводу видѣть христіанами, и христіанскою любовію полюбилъ; не лишилъ

¹⁾ Claudian. in panegyrt... de III. Honorii consulatu.

ихъ имущества, а окружилъ еще почетомъ. Ни противъ кого послѣ побѣды не дозволилъ онъ дѣйствовать частной враждѣ. Онъ не хотѣлъ поканчивать войны гражданскія, даже и неогонченныя, такъ, какъ заканчивали ихъ Цинна, Марій, Сулла и другіе подобныя имъ; но болѣе скорбѣлъ о томъ, что онѣ возникали, чѣмъ желалъ кому нибудь вредить, когда онѣ поканчивались. Въ промежуткахъ всего этого онъ съ самаго начала управленія своего не переставалъ самыми справедливыми и милосердыми законами помогать церкви въ ея борьбѣ противъ нечестивыхъ. Еретикъ Валентъ, покровительствуя аріанамъ, жестоко угнеталъ ее; а онъ желалъ лучше быть членомъ церкви, чѣмъ царствовать на землѣ. Повсюду повелѣлъ онъ низвергнуть идоловъ языческихъ, достаточно понимая, что земные дары находятся во власти не демоновъ, а Бога истиннаго. А что можетъ быть изумительнѣе его религіознаго уничтоженія, когда, обѣщавъ было вслѣдствіе ходатайства епископовъ прощеніе Фессалоникійцамъ за тягчайшее злодѣяніе, онъ вслѣдствіе возмущенія нѣкоторыхъ, причастныхъ тому злодѣянію, не удержался и отомстилъ, и потомъ, вынужденный правилами церковными, приносилъ публичное покаяніе такъ, что народъ, упрашивая за него, гораздо болѣе плакалъ, видя императорское величіе уничтоженнымъ, чѣмъ боялся его, когда оно было грѣшнымъ образомъ разгнѣвано? Эти и подобныя имъ добрыя дѣла, которыя упоминать было бы долго, взялъ онъ съ собою изъ настоящаго временнаго дыма всякаго рода высоты и величія человѣческаго; наградою этихъ дѣлъ служить вѣчное счастье, которое подаетъ Богъ однимъ только дѣйствительно благочестивымъ. Всѣ же остальные дары жизни настоящей, достоинства ли то или средства, равно какъ и самый міръ, свѣтъ, воздухъ, земля, вода, плоды, душа самаго человѣка, тѣло, чувство, умъ, жизнь, раздаются безразлично и добрымъ и злымъ. Къ числу этихъ даровъ принадлежитъ и

всякого рода величіе власти, которое дается для временнаго управленія.

Теперь я нахожу нужнымъ отвѣтить тѣмъ, которые, увѣдѣвъ на основаніи яснѣйшихъ доказательствъ, что для временныхъ благъ, къ которымъ однимъ стремятся глупые, не приносить ни какой пользы многочисленность боговъ ложныхъ, усилаваются доказать, будто боговъ слѣдуетъ почитать не ради пользы настоящей жизни, но ради той, которая имѣетъ быть по смерти. Ибо тѣмъ, которые хотя чтить суетное изъ любви къ этому міру и по дѣтскому неразумію жалуются на недозволеніе имъ этого, я, полагаю, отвѣтилъ достаточно въ написанныхъ пяти книгахъ. Когда я издалъ три первые изъ нихъ и онѣ разошлись по множеству рукъ, я слышалъ, будто нѣкоторые готовили противъ нихъ какое то письменное возраженіе. Потомъ мнѣ передали, будто возраженіе это уже написано, но ожидали времени, когда можно было бы выпустить его въ свѣтъ безъ опасенія. Совѣтую имъ, не желать того, что не принесетъ имъ пользы. Возражать покажется дѣломъ легкимъ всякому, кто не пожелаетъ молчать. Или—что болтливѣе пустоты? Болтовня возможна для ней не потому, чтобы она была истинною: если пожелаетъ, она можетъ кричать даже громче, чѣмъ истина. Пусть разсмотрятъ внимательно все; и если бы при безпристрастномъ обсужденіи имъ случилось найти что либо такое, что они могли бы не опровергнуть, а скорѣе—подвергнуть осмѣянію по безстыдной болтливости и по сатирическому или шутовскому легкомыслію,—пусть умѣрятъ свое пустословіе: пусть лучше поправятъ ихъ мудрые, чѣмъ похваляютъ глупые. Если и времени удобнаго ждутъ они не для свободы говорить правду, а для необузданнаго злословія, то какъ бы не случилось съ ними того, что говоритъ Туллій о нѣкоемъ человѣкѣ, называвшемъ себя счастливымъ потому, что имѣлъ возможность грѣшить: «Не-

счастнѣй, ему можно было грѣшнѣе.» Поэтому, если есть кто нибудь такой, который считаетъ себя счастливымъ потому, что имѣеть возможность злословить, то онъ будетъ гораздо счастливѣе, если такой возможности для него не будетъ вовсе. Оставивъ пустое хвастовство, онъ можетъ и въ то время, какъ бы изъ желанія получить разъясненіе намѣченнаго имъ вопроса, дѣлать возраженія; и отъ тѣхъ, къ кому въ дружескомъ собесѣдованіи честно, серьезно и свободно обращается за разъясненіемъ, услышитъ по возможности, что слѣдуетъ.

О ГРАДѢ БОЖІЕМЪ,

КНИГА ШЕСТАЯ.

Досель рѣчь была ведена противъ тѣхъ, по мнѣнію которыхъ боги должны быть почитаемы ради настоящей временной жизни, теперь же рѣчь начинается противъ тѣхъ, по представленію которыхъ боги должны быть чтимы ради будущей жизни. Имѣя въ виду въ слѣдующихъ пяти книгахъ опровергнуть представленія этихъ послѣднихъ, Августинъ въ настоящей книгѣ показываетъ, какого нелѣпаго мнѣнія о богахъ держался самъ Варронъ, наилучшій языческій богословскій писатель. Онъ приводитъ три рода языческой теологіи, о которыхъ говоритъ Варронъ, именно баснословный, естественный и гражданскій; и вслѣдъ затѣмъ доказываетъ, что баснословный и гражданскій роды этой теологіи рѣшительно не даютъ ничего для блаженства будущей жизни.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ пяти предыдущихъ книгахъ достаточно, мнѣ кажется, опровергнуты мною тѣ, по мнѣнію которыхъ многие и ложные боги, коихъ христіанская религія признаетъ бесполезными идолами или нечистыми духами и опасными демонами, — во всякомъ случаѣ тварями, а не творцемъ, — должны быть чтимы ради выгодъ настоящей смертной жизни и земныхъ предметовъ, — чтимы обрядами и служеніемъ, называемыми погречески *латреїа* и приличествующими единому истинному Богу. Но кому неизвѣстно, что для крайняго безумія или упрямства не можетъ быть достаточно не только этихъ

пяти, но и какого угодно количества другихъ книгъ, какъ скоро въ томъ полагають пустую славу, чтобы не уступать ни предъ какими доводами истины, къ погибели, конечно, тѣхъ, надъ которыми господствуетъ столь великій порокъ? Ибо не смотря на все искусство врача, недугъ остается непобѣдимымъ, по винѣ не врача, а не поддающагося врачеванію больного. Тѣ же, которые, понявъ и обсудивъ читаемое, относятся къ нему или безъ всякаго упорства, или по крайней мѣрѣ безъ упорства великаго и крайняго, свойственнаго застарѣлому заблужденію,—тѣ скажутъ, что своими пятью оконченными книгами мы сдѣлали бы гораздо больше, чѣмъ сколько требовала того нужда самаго вопроса, еслибы даже меньше распространялись: для нихъ не можетъ быть сомнѣнія, что вся та ненависть, которую изъ-за бѣдствій настоящей жизни и превратности и измѣнчивости земныхъ предметовъ питають къ христіанской религіи люди невѣжественные,—между тѣмъ какъ люди ученые, находящіеся подъ вліяніемъ безумнаго нечестія, не только потворствуютъ, но и покровительствуютъ ей вопреки своей совѣсти,—вся эта ненависть совершенно лишена разумнаго основанія, и напротивъ исполнена легкомысленнѣйшей дерзости и опаснѣйшаго задора.

ГЛАВА I.

О тѣхъ, которые говорятъ, что боговъ они чтутъ не ради настоящей, а ради вѣчной жизни.

Итакъ, по требованію предположеннаго плана, теперь должны быть опровергнуты и изобличены и тѣ, по мнѣнію которыхъ языческіе боги, сокрушенные христіанскою религіей, должны быть почитаемы не ради настоящей жизни, но ради жизни, имѣющей наступить по смерти. Свое разсужденіе объ этомъ предметѣ мнѣ хотѣлось бы начать слѣ-

дующими полными истины словами святаго псалма: *блаженъ мужъ, еможе есть имя Господне упованіе его, и не призрѣ въ суеты и неистословія ложная* (XXXIX, 5). Но среди этой суеты и неистословія ложныхъ съ гораздо большею снисходительностію должны быть выслушаны философы: имъ не нравились подобныя мнѣнія и заблужденія народовъ, которые воздвигли кумиры богамъ, и о тѣхъ, кого называютъ бессмертными богами, измыслили много ложнаго и недостойнаго, или повѣрили этому измышленному, и свои вѣрованія примѣшали къ культу и священнымъ обрядамъ. Съ этими-то людьми, которые если и не открыто, по крайней мѣрѣ шепотомъ кое-когда въ состязаніяхъ высказывались неодобрительно о подобныхъ вещахъ, стоить поразсуждать о выше поставленномъ вопросѣ, именно—о томъ, слѣдуетъ-ли изъ-за жизни, имѣющей наступить по смерти, почитать не единаго Бога, создавшаго все духовныя и тѣлесныя твари, а многихъ боговъ, которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ и притомъ лучшихъ и славнѣйшихъ изъ философовъ, своимъ бытіемъ и верховнымъ положеніемъ обязаны этому единому Богу?

Впрочемъ, кто сталъ бы и слушать рѣчи и разсужденія о томъ, будто вѣчную жизнь сообщаютъ кому нибудь какіе либо изъ числа тѣхъ боговъ, о которыхъ я упоминалъ въ четвертой книгѣ, которымъ каждому въ отдѣльности приписываются свои особенныя, касающіяся мелочныхъ предметовъ, обязанности? Или эти, весьма свѣдущіе и умнѣйшіе мужи (которые гордятся какъ великимъ благодѣяніемъ, что своими сочиненіями научили людей, почему каждому изъ боговъ должно молиться, чего отъ каждаго просить, чтобы съ отвратительнѣйшимъ дурачествомъ, какое въ шутку сплошь и рядомъ проявляется въ мимѣ, у Либера не просили воды, а у Лимфъ—вина), дадутъ кому нибудь изъ людей,—когда онъ

станеть молиться богамъ безсмертнымъ и на просьбу у Лимфъ вина получить отъ нихъ отвѣтъ: „Мы имѣемъ воду, вина проси у Либера“,—основаніе сказать: «Если вина вы не имѣете, дайте мнѣ по крайнѣй мѣрѣ вѣчную жизнь»? Что можетъ быть чудовищнѣе этой нелѣпности? Не скажутъ ли эти хохотуни (онѣ обыкновенно очень смѣшливы),—если только онѣ, подобно демонамъ, не стараются вводить въ обманъ,—въ отвѣтъ этому просителю: «Можешь-ли ты, любезный, думать, что въ нашей власти имѣть жизнь (*vitam*), когда знаешь, что мы не имѣемъ даже и виноградной лозы (*vitet*)?» Итакъ, было бы бессмысленнѣйшею глупостію просить или чаять вѣчной жизни отъ такихъ боговъ, которые въ настоящей кратковременнѣйшей и бѣдственнѣйшей жизни и въ томъ, что касается ея поддержанія и подгрѣпленія, считаются имѣющими надзоръ надъ столь мелкими частностями, что, если бы у одного изъ нихъ попросить чего-либо находящагося во власти и вѣдѣніи другаго, то это показалось бы несообразнымъ и нелѣпымъ въ такой степени, что было бы весьма похожимъ на мимическое дурачество. Смѣшно это, когда дѣлается умѣлыми комедіантами въ театрѣ; еще смѣшнѣе, когда дѣлается невѣжественными глупцами въ жизни. И такъ насколько то касается боговъ, которыхъ учредили государства, ученые люди тщательно обследовали и передали памяти потомства: о чемъ какому богу или богинѣ слѣдуетъ молиться, о чемъ, напр., Либеру, о чемъ Лимфамъ, о чемъ Вулкану и остальнымъ богамъ, которыхъ я отчасти упомянулъ въ четвертой книгѣ, отчасти же не счелъ нужнымъ упоминать. Затѣмъ, если попросить у Цереры вина, у Либера хлѣба, у Вулкана воды, у Лимфъ огня, то это будетъ уже заблужденіемъ; во сколько же разъ должно быть большимъ безуміемъ—молиться тому или другому изъ этихъ боговъ о жизни вѣчной?

Когда разсуждали мы о царствѣ земномъ и останавливались на вопросѣ, кого изъ боговъ или богинь люди могли бы считать подателями этого царства, то, перебравъ всѣхъ ихъ, нашли чуждымъ всякой истины думать, будто кто нибудь изъ этихъ многихъ и ложныхъ боговъ устрояетъ даже царства земныя. Не будетъ-ли послѣ этого безмысленнѣйшимъ нечестіемъ вѣрить, будто кто нибудь изъ нихъ можетъ дать жизнь вѣчную, которую безъ всякаго сомнѣнія и сравненія надлежитъ предпочитать всѣмъ земнымъ царствамъ? Вѣдь не потому же подобные боги оказались не въ состояніи дать земнаго даже царства, что они-де велики и преславны, а это мало и презрѣнно, такъ что заботиться о немъ было бы несовмѣстно съ ихъ величіемъ. Пусть скорогибнуція земныя царства, въ виду человѣческой слабости, и заслуживаютъ на чей либо взглядъ презрѣнія; но сами боги найдены такими, что оказались недостойнѣйшими и того, чтобы предоставить имъ дарованіе и сохраненіе даже и этихъ царствъ. Если же (какъ видно то изъ сказаннаго въ двухъ предыдущихъ книгахъ) изъ всей этой толпы, и боговъ въ своемъ родѣ аристократовъ, и боговъ плебеевъ, ни одинъ не въ состояніи давать смертнымъ царства смертныя, то во сколько разъ меньше можетъ онъ дѣлать изъ смертныхъ безсмертными?

Но мы ведемъ уже рѣчь съ тѣми, которые полагаютъ, что боги должны быть чтимы не ради настоящей, а ради будущей жизни,—должны быть чтимы во всякомъ случаѣ не за то по крайней мѣрѣ, что вопреки истинѣ, на основаніи пустаго мнѣнія, приписывается имъ, какъ принадлежащее и свойственное ихъ власти (какъ полагаютъ тѣ, которые почитаніе боговъ считаютъ необходимымъ ради выгодъ настоящей смертной жизни и которыхъ, насколько могъ, я опровергъ въ пяти предыдущихъ книгахъ). Если бы дѣло было такъ, что возрастъ читателей богини Ювенты былъ бы

цвѣтушѣе, а презрители ея или умирали въ лѣтахъ юности, или же, будучи юношами, впадали въ старческую дряхлость; если бы бородатая Фортуна покрывала щеки своихъ чтителей волосами гуще и пышнѣе, а кто презираетъ ее, тѣхъ мы видѣли бы безбородыми или имѣющими бороду плохую: то мы и тогда имѣли бы полнѣйшее основаніе сказать, что могущество каждой изъ этихъ богинь тутъ и оканчивается, что онѣ въ некоторомъ образомъ ограничены въ своихъ дѣйствіяхъ, а потому не слѣдуетъ ни у Ювенты просить будущей жизни, если она не въ состояніи дать бороды; ни отъ бородатой Фортуны чаять чего-либо добраго въ будущей жизни, когда въ настоящей она не имѣетъ ни малѣйшей власти—сообщать и самый тотъ возрастъ, въ которомъ человѣкъ покрывается бородою. Но если нѣтъ необходимости чтить этихъ богинь ради того что считается подлежащимъ ихъ власти, потому что многіе чтители Ювенты рѣшительно не пользуются цвѣтущею юностію, а изъ тѣхъ, которые не чтутъ ея, многіе наслаждаются юношескою крѣпостію; равно и многіе поклонники бородатой Фортуны или не имѣютъ бороды вовсе, или же имѣютъ бороду плохую, и сколько ни кланяются ей изъ-за бороды, остаются предметомъ насмѣшки со стороны ея бородатыхъ презрителей: то не безумнымъ ли будетъ человѣческое сердце, если, нашедши пустымъ и смѣшнымъ почитаніе боговъ изъ за временныхъ и преходящихъ даровъ, изъ коихъ одинъ оказывается подлежащимъ вѣденію одного бога, а другой вѣденію другаго, признаетъ это почитаніе полезнымъ ради будущей жизни? Чтобы эти боги сообщали вѣчную жизнь, этого не носмѣли сказать и тѣ, которые, полагая что боговъ чрезвычайно много, раздѣлили между ними временныя дѣйствія, за которыя бы ихъ чтили безумствующіе люди, по частямъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не спдѣлъ безъ дѣла.

ГЛАВА II.

Каково должно быть мнѣніе о богахъ Варрона, который вывелъ на свѣтъ такіе роды и культы ихъ, что поступилъ бы по отношенію къ нимъ съ большею почтительностію, еслибы совѣсть не говорила о нихъ.

Кто изслѣдовалъ все это тщательно Марка Варрона? Кто сдѣлалъ открытія болѣе ученныя, размышленія болѣе глубокія, группировки болѣе остроумныя, описанія болѣе полныя и тщательныя? Особеннымъ краснорѣчіемъ, правда, онъ не отличается; за то въ такой степени отличался ученостію и научными выводами, что во всѣхъ отрасляхъ знанія, которое мы называемъ свѣтскимъ, а они свободнымъ, въ такой же мѣрѣ обогащаетъ занимающагося науками фактическими свѣденіями, въ какой Цицеронъ доставляетъ наслажденіе изучающему краснорѣчіе. Это подтверждаетъ и самъ Туллій, говоря въ своихъ академическихъ книгахъ, что состязаніе, которое въ этихъ книгахъ излагается, онъ велъ съ Маркомъ Варрономъ, «человѣкомъ, замѣчаетъ онъ при этомъ, безспорно остроумнѣйшимъ и безъ всякаго сомнѣнія ученѣйшимъ изъ всѣхъ». Не говоритъ «краснорѣчивѣйшимъ или изящнѣйшимъ въ словѣ»: потому что въ этомъ отношеніи Варронъ значительно уступаетъ Цицерону, — а «безспорно остроумнѣйшимъ». И въ тѣхъ книгахъ, въ которыхъ подвергаетъ все сомнѣнію, т. е. академическихъ, прибавляетъ: «безъ всякаго сомнѣнія ученѣйшимъ». Значитъ, въ этомъ отношеніи онъ былъ такъ увѣренъ, что отстранялъ сомнѣніе, которое распространяетъ на все; какъ будто, выступая въ защиту сомнѣнія академиковъ, относительно одного этого пункта забылъ, что онъ и самъ академикъ. А въ первой книгѣ, дѣлая похвальный отзывъ о литературныхъ трудахъ Варрона, онъ говоритъ: „Въ своемъ собственномъ городѣ мы были странниками и блуждающими, точно

гостями; твои книги какъ бы вернули насъ домой, чтобы мы узнали наконецъ, кто мы такіе и гдѣ находимся. Ты ознакомилъ насъ съ хронологіей отечества, его исторіей, съ священнымъ правомъ, съ жреческою, домашнею и общественною дисциплиной, съ положеніемъ странъ и мѣстъ, съ именами, родами, значеніями и причинами вещей божескихъ и человѣческихъ“. Итакъ, этотъ, столь знаменитый и славный опытностью, мужъ (о немъ даже и Теренціанъ въ весьма изящномъ стишкѣ говоритъ: „Варронъ, мужъ ученѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ“), который прочиталъ такъ много, что удивляешься, какъ у него достало времени что нибудь написать, и написалъ такъ много, что едва вѣришь, чтобы онъ могъ какого либо автора прочитать, — этотъ, говорю, столь великій умомъ и эрудиціей человѣкъ едва ли бы, въ числѣ тѣхъ якобы божественныхъ вещей, которыя описывалъ, описалъ столько достойнаго смѣха, презрѣнія и отвращенія, если бы былъ противникомъ и гонителемъ этихъ вещей и если бы назвалъ ихъ относящимися не къ религіи, а къ суевѣрію. И вотъ онъ, чтившій боговъ и находившій ихъ достойными почитанія въ такой степени, что, какъ самъ же говоритъ въ упомянутомъ сочиненіи, боялся какъ бы они не погибли не отъ нашествія непріятелей, а отъ небрежности гражданъ, отъ которой онъ, какъ отъ своего рода гибели, по его же словамъ, спасалъ и посредствомъ своихъ книгъ скрывалъ и сохранялъ въ памяти добродѣтельныхъ людей гораздо надежнѣе, чѣмъ спасли Метеллъ храмъ Весты отъ пожара, а Эней пенатовъ отъ троянскаго разгрома, — онъ же самъ и передалъ потомству для чтенія такія вещи, которыя на взглядъ разумныхъ и неразумныхъ людей одинаково кажутся заслуживающими презрѣнія и крайне враждебными религіозной истинѣ. Что же это значить, какъ не то, что этотъ остроумнѣйшій и весьма

свѣдущій, но не освобожденный Святымъ Духомъ, чело-
вѣкъ находился подъ гнетомъ обычаевъ и законовъ сво-
его государства; и тѣмъ не менѣе не хотѣлъ подъ ви-
домъ похвалы религіи молчать о томъ, что занимало его
душу.

ГЛАВА Ш.

*Какъ дѣлитъ Варронъ свои книги, составленныя имъ
о дѣлностяхъ вещей человѣческихъ и божескихъ.*

Варронъ написалъ сорокъ одну книгу о древностяхъ;
раздѣлилъ ихъ на вещи человѣческія и божественныя; ве-
щамъ человѣческимъ онъ посвятилъ двадцать пять книгъ,
а божественнымъ шестнадцать. Основаніемъ такого дѣленія
было желаніе его—дать о вещахъ человѣческихъ четыре
части по шести книгъ въ каждой; онъ обратилъ вниманіе
на то, кто дѣлаетъ, гдѣ дѣлаетъ, когда дѣлаетъ, что дѣлаетъ.
Такимъ образомъ въ первыхъ шести книгахъ онъ говоритъ
о людяхъ, въ другихъ шести—о мѣстахъ, въ дальнѣйшихъ
шести—о временахъ, въ послѣднихъ шести—о вещахъ.
Четырежды шесть—только двадцать четыре; но одну особую
книгу онъ ставитъ въ началѣ, въ которой говоритъ предва-
рительно о всѣхъ этихъ предметахъ общимъ образомъ. И
въ отношеніи къ божественнымъ вещамъ онъ удержалъ тоже
начало дѣленія, насколько дѣло касается того, что должно
быть совершаемо въ честь боговъ. Ибо совершаются культы,
совершаются людьми, въ извѣстныхъ мѣстахъ и въ извѣст-
ныя времена. Каждый изъ этихъ четырехъ, упомянутыхъ
мною, предметовъ онъ разсматриваетъ въ трехъ особыхъ
книгахъ: въ первыхъ трехъ говоритъ о людяхъ, въ другихъ
трехъ—о мѣстахъ, въ слѣдующихъ трехъ—о временахъ, въ
послѣднихъ трехъ—о культахъ, съ тончайшимъ разграни-
ченіемъ изслѣдуя и здѣсь, кѣмъ, гдѣ, когда и что отправ-

ляется. Но поелику нужно было сказать и о томъ, кому отправляется, и читатель особенно этого ожидалъ: то присовокупилъ онъ еще три послѣднія книги и о самыхъ боггахъ, такъ что изъ трехъ, взятыхъ пять разъ, составилось пятнадцать. Всѣхъ же книгъ, какъ мы сказали, шестнадцать, потому что и въ началѣ этихъ книгъ онъ поставилъ одну особую, которая служить общимъ въ нимъ введеніемъ. Написавъ эту книгу, онъ подраздѣляетъ послѣдовательно каждую изъ пяти частей. Три первыя книги, касающіяся людей, подраздѣляются у него такъ, что первая изъ нихъ говоритъ о понтифексахъ, вторая—объ авгурахъ, третья—о квиндецемвирахъ храмовыхъ. Изъ второй группы книгъ, касающихся мѣстъ, въ первой говорится о часовняхъ, во второй о храмахъ, въ третьей о мѣстахъ религиозныхъ; дальнѣйшія три, касающіяся временъ, т. е. дней праздничныхъ, подраздѣляются такъ, что первая изъ нихъ говоритъ о дняхъ жертвоприношеній, вторая объ играхъ цирка, третья о театраль-ныхъ играхъ; въ четвертой группѣ книгъ, касающихся культа, первая своимъ предметомъ имѣетъ освященія, вторая культъ частный, третья культъ публичный. За эту, такъ сказать, пышную процессію въ трехъ послѣднихъ книгахъ выступают и самые боги, для которыхъ устроены весь этотъ культъ,—въ первой—боги извѣстные, во второй боги неизвѣстные, въ третьей, самой послѣдней, боги избранные и главные.

ГЛАВА IV.

О томъ, что по изслѣдованію Варрона у читателей боговъ вещи человѣческія оказываются болѣе древними, чѣмъ вещи божественныя.

Что желать или мечтать—во всемъ этомъ изяществѣ и тонкости послѣдовательныхъ раздѣленій и разграниченій

найти вѣчную жизнь было бы дѣломъ напраснымъ, это для каждаго человѣка, не враждебнаго самому себѣ по сердечному упрямству, очевидно изъ того, что нами уже сказано и что будетъ сказано далѣе. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти установленія суть установленія или людей, или демоновъ,— не тѣхъ только демоновъ, которыхъ они называютъ добрыми демонами, а—сказать прямѣе—нечистыхъ и несомнѣнно злыхъ духовъ, которые по странной зависти, влагаютъ тайно въ мысли нечестивыхъ людей вредныя мнѣнія, которыя губятъ человѣческую душу и лишаютъ ее возможности соглашаться съ неизмѣнною и вѣчною истиною и прилѣпляться къ ней, а иногда и открыто дѣйствуютъ на ихъ чувства, и насколько могутъ, утверждаютъ въ вредныхъ мнѣніяхъ разными обольщеніями. Варронъ самъ сознается, что о человѣческихъ вещахъ онъ написалъ прежде, а о божественныхъ послѣ потому, что прежде явились государства, а затѣмъ уже ими были установлены божескія вещи. Между тѣмъ истинная религія установлена не земнымъ какимъ-либо государствомъ, а сама созидаетъ небесный градъ. Ее внушаетъ и ей учитъ своихъ истинныхъ почитателей истинный Богъ, податель вѣчной жизни.

Итакъ, Варронъ, по собственному его сознанію, прежде написалъ о человѣческихъ, а затѣмъ о божественныхъ вещахъ потому, что божественныя вещи установлены людьми; въ подтвержденіе этого онъ ссылается на слѣдующее основаніе : „Какъ живописецъ, говоритъ онъ, существуетъ раньше, чѣмъ картина, архитекторъ—прежде, чѣмъ зданіе, такъ точно государства явились прежде, чѣмъ то, что ими установлено.“ Прибавляетъ, впрочемъ, что о богахъ написалъ бы прежде, а о людяхъ послѣ, если бы писалъ о всей и всякой природѣ боговъ. Какъ будто въ своихъ книгахъ онъ пишетъ только о нѣкоторой, а не о всей природѣ боговъ, или будто природа боговъ, хотя и не вся, а только нѣкоторая, не

должна считаться болѣе раннею, чѣмъ природа людей! Затѣмъ, когда онъ тщательно описываетъ въ послѣднихъ трехъ книгахъ боговъ извѣстныхъ, неизвѣстныхъ и избранныхъ, вѣдь кажется, онъ не пропустилъ ни одной природы боговъ? Итакъ что-же значать его слова: „Если бы мы писали о всей природѣ боговъ и людей, то рассказали бы прежде о богахъ, а затѣмъ уже о людяхъ?“ Или онъ писалъ о всей и всякой природѣ боговъ, или о нѣкоторой, или же о несуществующей вовсе. Если о всей и всякой, то божественныя вещи непременно должны бы быть поставлены впереди человѣческихъ; если о нѣкоторой, то почему же и въ такомъ случаѣ не сказать бы о божественныхъ вещахъ прежде, чѣмъ о человѣческихъ? Развѣ даже и нѣкоторая часть боговъ не заслуживаетъ предпочтенія предъ всеми людьми? Если же предпочтеніе нѣкоторой части боговъ предъ цѣлымъ міромъ человѣческихъ вещей казалось дѣломъ слишкомъ уже великимъ, то часть эта заслуживала предпочтенія предъ вещами по крайней мѣрѣ римскими. Вѣдь въ книгахъ о человѣческихъ вещахъ описываются у него вещи не настолько, насколько онѣ относятся къ цѣлому земному шару, а настолько лишь, насколько касаются одного Рима. Однако, Варронъ самъ говоритъ, что въ порядкѣ написанія книги о человѣческихъ вещахъ поставилъ онъ раньше книгъ о вещахъ божественныхъ заслуженно, какъ живописца ставятъ раньше картины, архитектора раньше зданія, весьма ясно показывая тѣмъ, что и описанныя имъ божественныя вещи изобрѣтены людьми, какъ картина, какъ зданіе. Остается слѣдовательно заключить, что писалъ онъ о природѣ боговъ вовсе несуществующей; но сказать это открыто не хотѣлъ, а оставилъ догадкѣ читателей. Вѣдь, когда Варронъ говоритъ, что онъ пишетъ „не о всей и всякой природѣ боговъ“: это выраженіе мы можемъ понимать такъ, что онъ пишетъ «о нѣкоторой» природѣ боговъ, но можемъ понимать и такъ, что онъ пи-

шетъ о природѣ совѣмъ не существующей: потому что природа несуществующая не есть ни вся, ни какая нибудь. Дѣйствительно, когда онъ самъ говоритъ, что если бы писалъ о всей и всякой природѣ боговъ, то въ порядкѣ описанія она должна бы быть поставлена раньше человѣческихъ вещей; но когда затѣмъ не онъ говоритъ, а говоритъ сама истина, что хотя не вся и всякая, а по крайней мѣрѣ какая бы то ни была истинно божественная природа должна быть поставлена впереди дѣлъ римскихъ; а между тѣмъ поставлена послѣ, и поставлена справедливо: то остается заключить, что природа эта не существуетъ. Итакъ Варронъ хотѣлъ предпочесть не человѣческія вещи вещамъ божественнымъ, а вещи истинныя вещамъ ложнымъ. Вѣдь въ томъ, что писалъ онъ о вещахъ человѣческихъ, онъ слѣдовалъ расказамъ историческимъ; чему же, какъ не пустому вѣрованію въ несуществующія вещи слѣдовалъ онъ, когда говорилъ о такъ называемыхъ вещахъ божественныхъ? Это безъ сомнѣнія и хотѣлъ онъ показать тонкимъ намекомъ, не только описавши человѣческія вещи прежде божественныхъ, но и приведши основаніе, почему сдѣлалъ такъ. Умолчи онъ объ этомъ, другіе сдѣланное имъ объяснили бы пожалуй иначе. Но присовокупленіемъ этого основанія онъ отнялъ всякую возможность—дѣлать другимъ произвольныя на этотъ счетъ догадки, и въ тоже время достаточно ясно показалъ, что предпочелъ людей человѣческимъ учрежденіямъ, а не человѣческую природу природѣ божественной. Такимъ образомъ, онъ сознался, что книги о божественныхъ вещахъ написаны имъ не о правдѣ, свойственной природѣ, а о лжи, свойственной заблужденію. Въ другомъ мѣстѣ, какъ упомянулъ я въ четвертой книгѣ, онъ выражается на этотъ счетъ яснѣе, сказавъ, что если бы самъ онъ построилъ новый городъ, то списалъ бы для него образецъ съ природы; но такъ какъ нашелъ уже старый городъ, то не могъ не слѣдовать его обычаямъ.

ГЛАВА V.

О трех родах теологии по Варрону, именно— баснословномъ, естественномъ и гражданскомъ.

Затѣмъ, по словамъ Варрона, есть три рода теологiи, т. е. теорiи, дающей объясненiе о богахъ, изъ которыхъ одинъ называется мифическимъ, другой физическимъ, третiй гражданскимъ: что такое эти три рода теологiи? Тотъ родъ теологiи, который у Варрона поставленъ первымъ, по латини мы назвали бы сказочнымъ; но будемъ называть его баснословнымъ, такъ какъ мифическимъ названъ онъ отъ басень: греческое слово μῦθος значитъ басня. Второй пусть называется естественнымъ, согласно обычному словоупотребленiю. Третiй, наконецъ, самъ Варронъ называетъ по латини, гражданскимъ. „Мифическимъ, говоритъ затѣмъ Варронъ, называется тотъ родъ, который преимущественно въ употребленiи у поэтовъ: физическiй—у философовъ; гражданскiй—у народовъ. Въ томъ родѣ, который я назвалъ первымъ, многое измышлено противное достоинству и природѣ безсмертныхъ. Тутъ рассказывается, что одинъ изъ боговъ рождается изъ головы, другой изъ бедра, третiй изъ капель крови,— что боги воруютъ, прелюбодѣйствуютъ, прислуживаютъ людямъ; наконецъ тутъ же богамъ приписывается такое, что можетъ быть свойственнымъ не только вообще человѣку, но и человѣку самому презрѣнному“. На этотъ разъ Варронъ,— когда конечно могъ имѣть смѣлость, и считалъ это безопаснымъ,—ясно и безъ всякихъ двусмысленностей высказалъ, какое оскорбленiе природѣ боговъ нанесено лживѣйшими баснями. Ибо въ этомъ случаѣ онъ говорилъ не о естественной и гражданской теологiи, а о теологiи баснословной, которую находилъ возможнымъ съ своей стороны порицать открыто.

Посмотримъ теперь, что говоритъ онъ о второмъ родѣ. „О второмъ родѣ, указанномъ мною, продолжаетъ Варронъ, философы оставили намъ много сочиненій, въ которыхъ показывается, кто такіе боги, гдѣ они, какое ихъ происхождение и свойство, съ какого времени существуютъ, всегда ли были, изъ огня-ли они, какъ думалъ Гераклитъ, или изъ чиселъ, какъ полагалъ Пифагоръ, или изъ атомовъ, какъ говорилъ Епикуръ; и многое подобное, что удобнѣе слушать въ стѣнахъ школы, чѣмъ на форумѣ“. Въ этомъ родѣ теологіи, который называется физическимъ и обязанъ своимъ происхожденіемъ философамъ, Варронъ не порицаетъ ничего; упоминаетъ только о спорахъ между самими философами, благодаря которымъ возникло множество различныхъ между собою сентъ. Однако этотъ родъ теологіи онъ удаляетъ съ форума, т. е. отъ народа, и запираетъ его въ стѣнахъ школы. Между тѣмъ первому роду теологіи, роду самому лживому и мерзкому, предоставляетъ право гражданства. Вотъ каковъ благочестивый народный слухъ, хоть бы и у самихъ римлянъ! Что о безсмертныхъ богахъ говорятъ философы, того онъ не выносить; а что нахваляютъ поэты и представляютъ гистріоны, то, хотя измышлено вопреки достоинству и природѣ боговъ и можетъ быть свойственно не только человѣку вообще, но самому презрѣнному человѣку, онъ не только выносить, но и слушаетъ съ удовольствіемъ. Мало того, думаютъ даже, что всѣ подобныя вещи угодны и самимъ богамъ, и что ими надлежитъ умилостивлять ихъ.

Скажетъ кто нибудь: „Выдѣлимъ эти два рода теологіи, миѳическій и физическій, т. е. баснословный и естественный, отъ гражданскаго, который теперь у насъ на очереди и который выдѣлилъ самъ Варронъ, и затѣмъ посмотримъ, какъ онъ объясняетъ этотъ гражданскій“. — Почему баснословный родъ долженъ быть отдѣленъ отъ гражданскаго, это я понимаю: причина въ томъ, что онъ ло-

женъ, мерзокъ и постыденъ. Но желаніе отдѣлить естественный отъ гражданскаго чѣмъ инымъ назвать, какъ не выраженіемъ признанія, что и самъ гражданскій ложень? Въ самомъ дѣлѣ, если онъ естественъ, то что же въ немъ заслуживаетъ порицанія, за что-бы исключить его? Съ другой стороны, если такъ называемая теологія гражданская—теологія не естественная, то въ чемъ ея заслуга, за что-бы принимать ее? Вотъ гдѣ настоящая причина, почему Варронъ писалъ о человѣческихъ вещахъ прежде, а о божественныхъ послѣ: она въ томъ, что въ вещахъ божественныхъ онъ имѣлъ дѣло не съ природою, а съ установленіями человѣческими. — Обратимся теперь къ теологіи гражданской. „Третій родъ, говоритъ Варронъ, должны знать и вѣдать граждане, а особенно жрецы въ гражданскихъ обществахъ. Въ немъ говорится о томъ, какихъ боговъ надлежитъ почитать публично, какіе совершать каждому изъ нихъ обряды и жертвоприношенія“. Послушаемъ, что говорится еще далѣе. „Первая теологія, замѣчаетъ онъ, приспособлена по преимуществу къ театру, вторая—къ міру, третья—къ обществу гражданскому“. Кто не видитъ, какому роду отдавалъ Варронъ пальму первенства?—Очевидно, второму, который какъ выше сказалъ онъ, принадлежитъ философамъ. Этотъ родъ, по словамъ его, приспособленъ къ міру, а по представленію философовъ въ вещахъ нѣтъ ничего превосходнѣе міра. Но, спрашивается, отдѣлялъ ли онъ или объединилъ тѣ двѣ теологіи, первую и третью, т. е. теологію и театра и гражданского общества? Мы видимъ, что принадлежащее городу не всегда принадлежитъ міру, хотя городъ и существуетъ въ мірѣ: можетъ случиться, что на основаніи ложныхъ мнѣній въ городѣ поклоняются и вѣрують тому, чего никогда не было въ мірѣ, и даже внѣ міра. А гдѣ театръ, какъ не въ городѣ? Кто установилъ театръ, какъ не государство? Для чего оно установило

его, какъ не для сценическихъ игръ? Гдѣ эти сценическія игры, какъ не въ числѣ божественныхъ вещей, о которыхъ съ такимъ искусствомъ написаны эти книги?

ГЛАВА VI.

О теологіи мифической, т. е. баснословной и гражданской, противъ Варрона.

Хотя ты, Маркъ Варронъ, человекъ изъ всѣхъ остроумѣйшій и безъ всякаго сомнѣнія ученѣйшій, однако все же ты не Богъ, а человекъ, и человекъ, притомъ, Духомъ Божиимъ не приведенный къ познанію истины и свободѣ, чтобы могъ созерцать и открывать божественное. Ты пожалуй видишь, какъ должны быть различаемы божественныя вещи отъ человѣческой лживости и пустоты; но въ вопросахъ общественнаго культа боишься затронуть самыя ошибочныя народныя мнѣнія и обычаи, хотя, когда такъ или иначе разсматриваешь ихъ, сознаешь самъ, и вся литература ваша провозглашаетъ, что они не согласны съ природою боговъ даже такихъ, какихъ слабый человѣческій разумъ представляетъ себѣ въ стихіяхъ этого міра. Къ чему въ этомъ случаѣ послужилъ тебѣ человѣческій, хотя и самый лучший, разумъ? Чѣмъ помогла тебѣ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ человѣческая, хотя и всесторонняя и обширная, ученость? Ты хочешь чтить боговъ естественныхъ; но вынужденъ чтить боговъ гражданскихъ. Придумалъ ты боговъ баснословныхъ, чтобы свободнѣе высказать свой образъ мыслей о нихъ; но охуждаешь при этомъ волей-неволей и боговъ гражданскихъ. Говоришь, что баснословные боги присособлены къ театру, естественные — къ міру, а гражданскіе — къ городу; но міръ — дѣло божественное, а города и театры — человѣческое; и въ театрахъ осмѣиваются не иные боги, какъ тѣ же, которые чтутся въ хра-

махъ; и игры даете вы не инымъ богамъ, какъ тѣмъ же, которымъ приносите и жертвы. Не гораздо ли болѣе достойное свободнаго мыслителя и болѣе тонкое разграниченіе сдѣлалъ бы ты, еслибы сказалъ, что одни боги—боги естественныя, а другіе установлены людьми; что относительно-де установленныхъ людьми иное гласятъ книги поэтовъ и иное—книги жрецовъ; но что-де и тѣ и другія настолько согласны между собою во лжи, что одинаково нравятся демонамъ, которымъ враждебно ученіе истины?

Оставимъ пока такъ называемую естественную теологію, о которой будетъ рѣчь послѣ, и спросимъ—благоразумно-ли просить и чаять вѣчной жизни отъ боговъ поэтическихъ, театральныхъ, сценическихъ? Разумѣется, нѣтъ: пусть истинный Богъ сохранить даже насъ отъ такого крайняго и святотатственнаго безумія. Какимъ образомъ можно было бы просить вѣчной жизни у такихъ боговъ, которымъ подобныя вещи нравятся и которыхъ онѣ умилоствивляютъ, когда выводятъ на свѣтъ ихъ преступленія? Полагаю, что никто еще не доходилъ въ своемъ безумствѣ до такого бѣшенаго нечестія. Итакъ, ни отъ баснословной, ни отъ гражданской теологіи никто не получаетъ вѣчной жизни. Та, измышляя о богахъ постыдныя вещи, сѣетъ, а эта, благопріятствуя имъ, пожинаетъ. Первая разсѣваетъ ложь, послѣдняя собираетъ. Первая грязнитъ божественныя вещи измышленными преступленіями, послѣдняя шутивыя представленія преступленій вводитъ въ число вещей божественныхъ. Первая гнусныя измышленія о богахъ воспѣваетъ въ стихахъ поэтовъ; послѣдняя посвящаетъ ихъ богамъ въ самыхъ празднествахъ боговъ. Первая воспѣваетъ, послѣдняя дѣлаетъ предметомъ любви злодѣйства и преступленія боговъ. Та выдаетъ или измышляетъ, эта или подтверждаетъ дѣйствительное, или услаждается ложнымъ. Обѣ онѣ гнусны; обѣ достойны презрѣнія; но та, театральная, проповѣдуетъ публичное непо-

требство, а эта, гражданская, тѣмъ непотребствомъ украшается. Оттуда ли, спрашивается, ждатель вѣчной жизни, чѣмъ сквернится и настоящая кратковременная? Или сообщество людей негодныхъ, когда они втираются къ намъ въ любовь и расположеніе, оскверняютъ жизнь, а сообщество демоновъ, когда ихъ чтутъ ихъ же преступленіями, жизни не оскверняютъ? Вѣдь если ихъ преступленія—преступленія дѣйствительныя, то какъ злы они въ такомъ случаѣ?—Если же—ложныя, какъ худо чтутся они?

Читая это, человѣкъ, крайне несвѣдущій въ вещахъ подобнаго рода, можетъ пожалуй подумать, что о богахъ разглашается преступнымъ образомъ лишь то недостойное божественнаго величія, и достойное посмѣянія, что воспѣвается въ стихахъ поэтовъ и представляется на сценѣ; но тѣ священныя дѣйствія, которыя совершаются не гистріонами, а жрецами, свободны и чужды этой мерзости. Если бы это было такъ, въ такомъ случаѣ никто никогда не пришелъ бы къ мысли совершать въ честь боговъ театральныя мерзости, и сами боги никогда не потребовали бы ихъ для себя. Но потому и не было стыдно совершать такия вещи въ угоду богамъ въ театрахъ, что подобныя же имъ отправлялись и въ храмахъ. Самъ Варронъ, стараясь отличить гражданскую теологію, какъ нѣчто особенное, отъ теологіи баснословной и естественной, давалъ понять, что она скорѣе образована изъ той и другой, чѣмъ совершенно особая отъ нихъ. По его словамъ, произведенія поэтовъ даютъ менѣе того, чѣмъ сколько нужно знать народу; а сочиненія философовъ, напротивъ, больше того, чѣмъ сколько народу разсуждать полезно. «И того и другого, говоритъ онъ, слѣдовало избѣгать, и потому изъ обоихъ родовъ взято не малое для цѣлей гражданскихъ. Поэтому вмѣстѣ съ гражданскими вещами мы описываемъ и то, что онѣ имѣютъ общаго съ поэтами; хотя въ данномъ отношеніи у насъ болѣе

общаго съ философами, чѣмъ съ поэтами». Значить, есть общее и съ поэтами. Но въ другомъ мѣстѣ Варронъ говорить, что относительно генерацій боговъ народы склонялись болѣе на сторону поэтовъ, чѣмъ физиковъ. Очевидно, что въ настоящемъ случаѣ онъ говоритъ о томъ, что должно быть, а въ другомъ—о томъ, что бываетъ. По его словамъ физики писали ради пользы, а поэты ради удовольствія. Поэтому то, чему изъ описаннаго поэтами народы не должны слѣдовать, представляютъ собою преступленія боговъ. А между тѣмъ, преступленія эти доставляютъ наслажденіе и народу и самимъ богамъ! Говорить онъ, поэты пишутъ ради удовольствія, а не ради пользы. А пишутъ однакоже такое, чего боги отъ народовъ ждутъ, а народы даютъ!

ГЛАВА VII.

О сходствѣ и согласіи теологіи баснословной съ гражданскою.

Итакъ сличимъ съ теологіею гражданскою исполненную непотребства и мерзости теологію баснословную, театральную сценическую: и вся она, признаваемая заслуженно достойною порицанія и отвращенія, окажется частью той, которую будто бы слѣдуетъ уважать и почитать,—частью притомъ, какъ я намѣренъ доказать, не такою, чтобы она не гармонировала съ цѣлымъ и была, какъ чуждая общему тѣлу, соединена и сцѣплена съ нимъ не кстати, а совершенно согласно и соединенною съ нимъ тѣснѣйшимъ образомъ, какъ членъ тогоже тѣла. На что, въ самомъ дѣлѣ, показываютъ эти статуи, формы, возрасты, позы, одежды боговъ? Неужели бородатый Юпитеръ, безбородый Меркурій есть только у поэтовъ, а у понтифексовъ нѣтъ. Неужели въ честь Пріапа отправляютъ гнусныя безобразья одни мимы, а не жрецы? Или онъ иначе выставленъ для

поклоненія въ мѣстахъ священныхъ и иначе является въ театрѣ, какъ предметъ, служащій для потѣхи? Старики Сатурнъ и юноша Аполлонъ—маски ли только гистрионовъ, а и не статуи, стоящія въ храмахъ? Почему Форкулъ, охраняющій двери, и Лиментинъ, сторожащій порогъ, суть боги мужескаго рода, а Кардея между ними, охраняющая петли, божество женскаго пола? Не встрѣчается ли въ книгахъ о вещахъ божественныхъ такое, что серьезные поэты для своихъ стиховъ считали постыднымъ? Развѣ театральная только Діана носить оружіе, а городская—просто лишь дѣва? Или сценическій Аполлонъ играетъ на цитрѣ, а дельфійскій не владѣетъ этимъ искусствомъ? Но это въ ряду другихъ мерзостей—еще болѣе честное. Чего о самомъ Юпитерѣ не думали тѣ, которые поставили его кормилицу въ Капитоліѣ? Не вывелъ ли ихъ на свѣтъ Евгемеръ, по описанію котораго, не баснословныхъ бредней исполненному, а составленному съ историческою тщательностію, рѣсь подобнаго рода боги были люди и смертные? Приставивъ къ столу Юпитера боговъ-прихлебателей, паразитовъ, что другое хотѣли они сдѣлать, какъ не установить шутовскіе обряды? Если бы мимъ сказалъ, что къ столу Юпитера приглашены паразиты, показалось бы, что онъ хочетъ вызвать смѣхъ. Но это сказалъ Варронъ; сказалъ не въ насмѣшку надъ богами, а къ ихъ прославленію: доказывается это тѣмъ, что онъ написалъ это въ книгахъ о вещахъ божественныхъ, а не въ книгахъ о вещахъ человѣческихъ,—написалъ не тамъ, гдѣ говорить о сценическихъ играхъ, а тамъ, гдѣ разсуждасть о правахъ Капитолія. Въ концѣ концовъ подобныя вещи одерживаютъ надъ нимъ верхъ, и онъ сознается, что, какъ скоро надѣлили боговъ человѣческой формою, то стали вѣрять, что они наслаждаются и человѣческими удовольствіями.

Подобныя вредныя вѣрованія не упустили случая поддержать съ своей стороны и злые духи шутствомъ надъ человѣческими умами. Вотъ и вышло, что прислужникъ Геркулесова храма, отъ нечего дѣлать, въ праздное время, началъ играть въ кости самъ съ собою, попеременно обѣими руками, одною за Геркулеса, другою за самого себя, съ условіемъ: если выиграетъ самъ, то на доходы храма приготовить себѣ ужинъ и приведетъ любовницу; если же побѣдителемъ останется Геркулесъ, и то и другое онъ предложить на свой счетъ въ удовольствіе Геркулеса. Проигравъ самому себѣ на имя Геркулеса, онъ предложилъ богу Геркулесу обѣщанный ужинъ и извѣстнѣйшую блудницу Ларентину. Эта послѣдняя, заснувши въ храмѣ, увидѣла во снѣ, будто съ нею имѣлъ сообщеніе Геркулесъ и сказалъ ей, что вознагражденіе, которое она думала получить отъ Геркулеса, она получить отъ того юноши, котораго встрѣтитъ перваго по выходѣ изъ храма. Когда же она выходила, первымъ встрѣтилъ ее весьма богатый юноша Тарутій, долго жилъ съ нею въ любовной связи и умеръ, оставивъ ее своею наслѣдницей. Получивши огромнѣйшія деньги, она, чтобы не показаться неблагодарною къ божественному дару, поступила такъ, какъ считала наиболѣе пріятнымъ богамъ, сдѣлала въ свою очередь завѣщаніе въ пользу римскаго народа, и когда она умерла, завѣщаніе было найдено. Говорятъ, что за такую услугу ее удостоили даже божескихъ почестей.

Выдумай это поэты, представляй подобное мимы, оно безъ сомнѣнія было бы отнесено къ баснословной теологіи и признано было бы несовмѣстимымъ съ достоинствомъ теологіи гражданской. Но поелику о такого рода мерзостяхъ, — мерзостяхъ встрѣчающихся не у поэтовъ, мимовъ и въ театрахъ, а у народа, въ культѣ и въ храмахъ, — говорить такой знаменитый писатель: то гистріоны не напрасно представляютъ въ увеселительныхъ играхъ такое великое не-

потребство боговъ, а наоборотъ, жрецы напрасно стараются изображать въ обрядахъ не существующее благородство этихъ боговъ. Есть культъ Юноны,—онъ отправляется на избранномъ ею островѣ Самосѣ,—въ которомъ она выходитъ за мужъ за Юпитера; есть культъ Цереры, въ коемъ разыскивается похищенная Плутономъ Прозерпина; есть культъ Венеры, въ которомъ оплакивается растерзанный вопрекъ ея любимецъ, прекраснѣйшій юноша Адонисъ; есть культъ матери боговъ, въ коемъ злосчастная судьба красиваго юноши Атиса, ея любимаго и осклопленнаго изъ женской ревности, оплакивается при участіи несчастныхъ скопцевъ-же, называемыхъ галлами. Все это—вещи гораздо болѣе безобразныя, чѣмъ всевозможная сценическая мерзость. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ стараются отдѣлить баснословныя, собственно къ театру относящіяся, измышленія поэтовъ о богахъ отъ гражданской теологіи, имѣющей-де отношеніе къ городу, какъ отъ почетнаго и достойнаго—недостойное и мерзкое? Скорѣе слѣдовало бы благодарить гистріоновъ за то, что они щадятъ стыдливость людей и не показываютъ на зрѣлищахъ всего того, что таится за священными стѣнами храмовъ. Что хорошаго можно думать объ ихъ сокровенной святынѣ, когда такъ много омерзительнаго въ томъ, что показывается на видъ? Что тайно совершается у нихъ людьми осклопленными и женоподобными, это конечно знаютъ они одни. Но самыхъ этихъ людей, несчастнымъ, отвратительнымъ образомъ обезображенныхъ и изуродованныхъ, они никакъ не могли скрыть. Пусть убѣждаютъ они, кого могутъ, что чрезъ подобныхъ людей у нихъ совершается нѣчто священное; они не могутъ отрицать, что самые эти люди считаются у нихъ принадлежащими къ ихъ святынѣ. Что у нихъ совершается, мы не знаемъ; но чрезъ какихъ людей совершается, знаемъ. Мы знаемъ, что представляется у нихъ на сценѣ; а на сцену никогда, даже въ хорѣ блудницъ, не проникалъ

человѣкъ осклопленный и женоподобный, хотя на этой сценѣ даютъ у нихъ представленія люди непотребные и безчестные, а люди честные давать ихъ не должны. Каковъ же слѣдовательно тотъ культъ, для отправленія котораго святость избирала такихъ людей, какихъ гнушается и театральная мерзость?

ГЛАВА VIII.

О толкованіяхъ, заимствуемыхъ изъ естественныхъ законовъ, которыя языческіе ученые стараются дать своимъ богамъ.

Но все это, говорятъ, имѣетъ нѣкоторый физиологическій смыслъ, т. е. заимствуемый изъ естественныхъ законовъ. Какъ будто въ настоящемъ разсужденіи мы имѣемъ дѣло съ физиологіею, а не съ теологіею, говоримъ о природѣ, а не о Богѣ! Ибо хотя истинный Богъ есть Богъ не по мнѣнію, а по природѣ; однако не всякая природа—Богъ: потому что природа есть и у человѣка, и у скота, и у дерева, и у камня, но ни одинъ изъ этихъ предметовъ не есть Богъ. Если же сущность того толкованія, которое прилагается къ культу Матери боговъ, состоитъ въ томъ, что мать боговъ—земля: то къ чему спрашивать дальше, вести изслѣдованіе объ остальномъ? Чтò болѣе очевиднымъ образомъ подтверждаетъ мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ, что всѣ эти боги были люди? Въ такомъ случаѣ всѣ они—земнородные, равно какъ и мать ихъ земля. Въ истинномъ же богословіи земля—твореніе Божіе, а не мать. Впрочемъ, какъ бы культъ ея ни толковали и какъ бы ни сопоставляли его съ природою вещей, во всякомъ случаѣ мужчинамъ быть въ роли женщинъ—не въ природѣ, а противъ природы. Этотъ недугъ, это преступленіе, этотъ позоръ открыто исповѣдуется въ ея культѣ, тогда какъ при самыхъ порочныхъ людскихъ нра-

вахъ признаніе въ немъ едва добывается пытками. Наконецъ, если этотъ культъ, болѣе отвратительный, чѣмъ сценическія мерзости, извиняется и очищается тѣмъ, что относительно его существуютъ своего рода толкованія, по которымъ онъ означаетъ природу вещей: то почему же не извиняются и не очищаются подобнымъ же образомъ и поэтическія измышленія? Вѣдь многіе толкуютъ точно также и эти измышленія; даже самый жестокой и ужасный мифъ о Сатурнѣ, пожирающемъ своихъ сыновей, нѣкоторые толкуютъ въ томъ смыслѣ, что время, которое обозначается подъ именемъ Сатурна, само же истребляетъ все, что ни рождаетъ; или, какъ думалъ Варронъ, Сатурнъ означаетъ сѣмена, которыя снова возвращаются въ землю, изъ которой выходятъ. Другіе объясняли инымъ образомъ какъ тоже самое, такъ и остальное.

И однакожь, эта теологія называется баснословною, и не смотря на всѣ подобныя толкованія, ее порицаютъ, отвергаютъ и не одобряютъ. Ее отличаютъ не только отъ естественной теологіи, принадлежащей философамъ, но и отъ гражданской, о которой у насъ рѣчь, имѣющей, какъ говорятъ, отношеніе къ городамъ и народамъ, — отличаютъ какъ такую, которая должна быть по справедливости отвергнута за то, что измыслила о богахъ недостойныя вещи. Расчетъ въ этомъ случаѣ очевиденъ. Остроумнѣйшіе и ученѣйшіе люди, писавшіе объ этихъ вещахъ, полагали, что объ теологіи, и баснословная и гражданская, одинаково заслуживаютъ неодобренія; но первую они осмѣливались порицать, а послѣднюю нѣтъ. Поэтому они первую выставили какъ достойную порицанія, а послѣднюю представляли для сравненія, какъ похожую на первую; это не для того, чтобы послѣднюю избирали преимущественно предъ первую, а для того, чтобы понятно было, что и послѣдняя наравнѣ съ первую заслуживаетъ презрѣнія; и чтобы такимъ образомъ, безъ всякой опасности для тѣхъ, которые боялись порицать

гражданскую теологию, лучшие умы, отвергнувъ ту и другую, слѣдовали такъ называемой естественной теологіи. Ибо и гражданская, и баснословная теологія, обѣ баснословныя и обѣ гражданскія. Обѣ ихъ найдетъ баснословными тотъ, кто благоразумно разсмотритъ пустоту и мерзость обѣихъ; обѣ найдетъ гражданскими, кто въ празднествахъ гражданскихъ боговъ и въ городскихъ божественныхъ вещахъ обратитъ вниманіе на сценическіе игры, относящіяся собственно къ теологіи баснословной. Какимъ же, спрашивается, образомъ власть—давать вѣчную жизнь можно приписывать кому-либо изъ такихъ боговъ, статуи и культы которыхъ показываютъ, что они своими формами, своими возрастами, поломъ одеждами, браками, поколѣніями и обрядами весьма похожи на баснословныхъ боговъ, отвергаемыхъ самымъ явнымъ образомъ? Всѣ эти боги—или люди, за свою жизнь или смерть удостоенные культовъ и празднествъ по наущенію и настоянію демоновъ, или же, по крайней мѣрѣ, нечистѣйшіе духи, при всякомъ случаѣ подкрадывающіеся къ человѣку, съ цѣлю—склонить его умъ къ заблужденію.

ГЛАВА IX.

О принадлежащихъ каждому богу обязанностяхъ.

Самыя обязанности боговъ, ограниченныя такими пустяками и мелочами, требующія по ихъ мнѣнію, чтобы каждому изъ нихъ молились о подлежащемъ его завѣдыванію дарѣ (о многихъ изъ этихъ обязанностей, хотя не о всѣхъ, мы уже сказали), не свойственны-ли скорѣе шутовству мимовъ, чѣмъ достоинству боговъ? Если бы кто-нибудь пригласилъ въ своему дитяти двухъ кормилицъ, изъ коихъ одна давала бы ему только пищу, а другая только питье, подобно тому, какъ у нихъ для этой цѣли призываются двѣ богини, Едуга и Потина, мы безъ сомнѣнія подумали бы, что этотъ

человѣкъ сумасбродствуетъ и въ своемъ домѣ дѣлаетъ нѣчто подобное миму. По ихъ мнѣнію, Либерь названъ такъ отъ освобожденія (*liberamentum*), потому что по милости его мужчины освобождаются отъ сѣмени, когда испускаютъ его при совокупленіи; по отношенію къ женщинамъ, — такъ какъ и ихъ они представляютъ испускающими сѣмя, — ту же роль исполняетъ Либера, которую они считаютъ и Венерою. Поэтому въ храмѣ Либера выставляется мужескій членъ, а въ храмѣ Либеры женскій. Либеру, сверхъ того, предлагаютъ и женщинъ, и вино, для возбужденія похоти. Отсюда вакханаліи отправляются съ величайшимъ безуміемъ. Самъ Варронъ сознается, что подобныя вещи могли твориться совершающими вакханаліи не иначе, какъ при умственномъ изступленіи. Впослѣдствіи, впрочемъ, вакханаліи вызвали противъ себя справедливое неодобреніе болѣе здравомыслящаго сената, и онъ повелѣлъ ихъ уничтожить. Быть можетъ, догадались наконецъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, что въ умахъ людей могутъ дѣлать нечистые духи, которыхъ считали за боговъ. Такихъ вещей не дѣлали въ театрѣ. Тамъ играютъ, но не безумствуютъ; хотя впрочемъ считать богами тѣхъ, которые улаждаются театральными играми, стоитъ безумію.

А это что значитъ? Полагая различіе между суевѣріемъ и религіей въ томъ, что суевѣрію свойственно бояться боговъ, религіи же только почитать ихъ, какъ родителей, а не бояться какъ враговъ, и такимъ образомъ представляя боговъ настолько добрыми, что они скорѣе щадятъ виновныхъ, чѣмъ вредятъ невинному, Варронъ упоминаетъ однако, что къ женщинѣ послѣ родовъ приставляются три бога — хранителя, чтобы не подходилъ къ ней ночью и не мучилъ ее богъ Сильванъ. Въ знакъ ихъ сторожи пороги дома обходятъ три человѣка, изъ коихъ одинъ ударяетъ о порогъ топоромъ, другой пестомъ, третій обметаетъ его метлой, чтобы этими орудіями земледѣлія воспрепятствовать богу Сильвану про-

никнуть въ домъ; потому что нельзя ни срубить и очистить дерево безъ желѣза, ни размолоть зерно безъ песта, ни собрать плоды въ кучу безъ метлы. Отъ этихъ трехъ предметовъ взяты названія и трехъ боговъ, которые предохраняютъ роженицу отъ насилія Сильвана, именно—Интерцидона, отъ разсѣкающаго (*intercisio*) топора, Пилюмна, отъ песта (*pilum*) и Дев рра, отъ метлы (*мести-deverre*). Такимъ образомъ, охрана отъ жестокости злаго бога со стороны боговъ добрыхъ имѣетъ силу въ томъ только случаѣ, когда ихъ противъ одного вооружается много, и когда они отъ этого грубаго, ужаснаго, диваго, именно—лѣснаго бога защищаются символами земледѣлія. Это-ли, спрашивается, незлобіе и согласіе боговъ? Это-ли благодѣтельныя для городовъ божества, болѣе достойныя смѣха, чѣмъ театральныя посмѣшища?

Когда мужчина и женщина вступаютъ въ супружество, призывается богъ Югатинъ: пусть такъ. Но невѣста должна быть введена въ домъ; пріурочивается еще богъ Домидугъ. Чтобы она осталась въ домѣ, приставляется богъ Домитій; чтобы она пребывала съ мужемъ, придается богиня Мантурна. Чего бы кажется болѣе? Слѣдовало бы пощадить человѣческую стыдливость: пусть бы остальное доканчивала похоть плоти и крови съ сохраненіемъ тайны стыда. Зачѣмъ же спальня наполняется толпою божествъ, когда изъ ней уходятъ и друзья жениха? Да и зачѣмъ наполняется? Наполняется не для того, чтобы при мысли о ихъ присутствіи заботились болѣе о цѣломудріи, а для того, чтобы женщина, слабая поломъ и на первыхъ порахъ робкая, была лишена дѣвства при ихъ содѣйствіи безъ всякой трудности: тутъ находятся богиня Виргиніенсія, и богъ Субигъ—отецъ, и богиня Према—мать, и богиня Пертунда, и Венера, и Пріапъ. Зачѣмъ это? Если мужчинѣ нужна въ этомъ случаѣ помощь со стороны боговъ, то не достаточно-ли кого-либо изъ нихъ

одного, или одной? Неужели мало одной Венеры, которая отъ того, говорятъ, и получила свое названіе, что безъ ея содѣйствія женщина не перестаетъ быть дѣвицей? Если есть у людей хоть капля стыда, котораго нѣтъ у боговъ, то развѣ при представленіи, что присутствуетъ и внигаетъ въ это дѣло такое множество боговъ того и другаго пола, не проникаются супруги такимъ стыдомъ, что одинъ менѣе требуетъ, а другая болѣе сопротивляется? Но пусть богиня Виргиніенсія присутствуетъ затѣмъ, чтобы развязанъ былъ у новобрачной дѣвственный поясъ; пусть богъ Субигъ—чтобы она подчинилась мужу; богиня Према—чтобы, подчинившись, сохраняла покорное положеніе: что дѣлаетъ тамъ богиня Пертунда? Да будетъ ей стыдно: пусть идетъ она вонъ. Долженъ же сдѣлать что нибудь и самъ мужъ. Позорно въ высшей степени, если роль, отъ которой она имѣетъ свое имя, исполняется кѣмъ либо другимъ, кромѣ мужа. Но, быть можетъ, присутствіе ея терпимо потому, что она богиня, а не богъ. Если бы она была богомъ и называлась Пертундомъ, то, спасая цѣломудріе жены, мужъ пожалуй потребовалъ бы противъ него помощи гораздо болѣе, чѣмъ роженица противъ бога Сильвана. Но зачѣмъ я говорю это, когда тамъ находится и Приапъ, семяцъ—уродъ, на громаднѣйшій и отврательнѣйшій фасцинь котораго, по весьма почетному и благочестивому обычаю матронъ, совѣтуется съестъ новобрачной?

Пусть прилагаютъ еще новыя усилія и съ какою угодно тонкостью различаютъ гражданскую теологію отъ баснословной, города отъ театровъ, храмы отъ сценъ; священнодѣйствія понтифексовъ отъ стиховъ поэтовъ, какъ вещи почетныя отъ гнусныхъ, истинныя отъ ложныхъ, важныя отъ пустыхъ, серьезныя отъ шуточныхъ, такія, къ которымъ надлежитъ стремиться, отъ такихъ, которыя должны быть отвергнуты. Мы понимаемъ, что они дѣлаютъ. Они знаютъ,

что баснословная теологія зависить отъ гражданской, и отражаетъ ее въ стихахъ поэтовъ какъ въ зеркалѣ; а потому, изложивши гражданскую теологію, осуждать которую не отваживаются, они съ большею смѣлостію обвиняютъ и порицаютъ ея образъ (теологію баснословную), чтобы люди понимающіе, чего они хотятъ, отвращались и отъ самаго оригинала, образомъ котораго служить теологія баснословная. Впрочемъ, сами боги этотъ образъ любятъ, видя себя въ немъ какъ бы въ зеркалѣ;—такъ что изъ той и другой теологіи вмѣстѣ лучше всего видно, кто они и каковы. Поэтому-то грозными повелѣніями они и заставили своихъ читателей—посвящать себѣ мерзость баснословной теологіи, выставлять ее въ своихъ празднествахъ на показъ и считать въ ряду божественныхъ вещей; и такимъ образомъ съ большею ясностію показали, что и сами они—нечистѣйшіе духи, и что та презрѣнная и отвратительная теологія театральная представляетъ собою составную часть теологіи гражданской, якобы высокой и похвальной; такъ что одною частью она содержится въ книгахъ жрецовъ, другою въ стихахъ поэтовъ, будучи въ цѣломъ ложною и мерзкою и заключая въ себѣ боговъ измышленныхъ. Имѣеть-ли она и другія части—это другой вопросъ: въ настоящемъ случаѣ, по поводу сдѣланнаго Варрономъ дѣленія, я показалъ, полагаю, достаточно ясно, что и гражданская и театральная теологія принадлежатъ одинаково къ теологіи гражданской. А такъ какъ онѣ обѣ одинаково мерзки, нелѣпы, непристойны и ложны,—то благочестивымъ людямъ не слѣдъ ожидать вѣчной жизни ни отъ той, ни отъ другой.

Наконецъ и самъ Варронъ,—хотя перечень боговъ начинается съ момента зачатія человѣка, поставляя при этомъ на первомъ мѣстѣ Януса, и этотъ рядъ доводитъ до смерти стариковъ, заключая число боговъ, имѣющихъ отношеніе къ самому существу человѣка, богиней Неніей, восплѣваемой при

погребеніи стариковъ; затѣмъ, переходитъ къ перечисленію другихъ боговъ, имѣющихъ отношеніе не къ самому существу человѣка, а къ условіямъ его быта, пищѣ, одеждѣ и всему тому, что необходимо въ настоящей жизни, показывая при этомъ, какая принадлежитъ каждому богу обязанность и о чемъ каждому изъ нихъ должно молиться, — во всемъ этомъ рядѣ боговъ не указываетъ и не называетъ боговъ такихъ, отъ которыхъ надлежало бы просить вѣчной жизни, ради которой одной собственно мы стали христианами. Кто же, спрашивается, будетъ настолько недогадливъ, чтобы не понять, что съ одной стороны излагая и раскрывая съ такою тщательностію гражданскую теологію, а съ другой выставляя ее сходною съ телогіею баснословною, теологіею непристойною и презрѣнною, и такимъ образомъ ясно показывая, что эта послѣдняя составляетъ часть первой, онъ въ сознаніи людей очищаетъ мѣсто тому роду естественнаго богословія, которое, по его словамъ, принадлежитъ философамъ? Но онъ дѣлаетъ это съ такимъ тонкимъ искусствомъ, что баснословную теологію порицаетъ, а гражданскую порицать не осмѣливаясь, представляетъ заслуживающею презрѣнія по самому ея содержанію; а потому такъ какъ и та и другая теологія на взглядъ людей здравомыслящихъ оказывается презрѣнною, — достойнымъ уваженія остается одно лишь естественное богословіе. Въ своемъ мѣстѣ мы поговоримъ о послѣднемъ при помощи истиннаго Бога съ большею тщательностію.

ГЛАВА X.

О независимомъ образѣ мыслей Сенеки, который гораздо сильнѣе порицаетъ гражданскую теологію, чѣмъ Варронъ баснословную.

Свобода, которой не доставало Варрону, чтобы высказаться неодобрительно противъ гражданской теологіи, совер-

шенно похожей на теологію театральную, также открыто, какъ и противъ послѣдней, отличало до извѣстной степени, хотя и не вполнѣ, Эннея Сенеку, который, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, процвѣталъ во времена нашихъ апостоловъ. Отличался онъ этою свободою въ сочиненіяхъ, не отличался въ жизни. Въ сочиненіи, написанномъ противъ суетвѣрій, онъ порицаетъ эту государственную и гражданскую теологію гораздо всестороннѣе и сильнѣе, чѣмъ Варронъ—театральную и баснословную. Такъ, разсуждая объ идолахъ, онъ говоритъ: «Священныхъ, безсмертныхъ и нетлѣнныхъ (боговъ) чтутъ подъ видомъ презрѣнной и безжизненной матеріи; даютъ имъ образъ людей, звѣрей и рыбъ, а нѣкоторые облачаютъ тѣлами различными и смѣшаннаго пола; называютъ божествами; а если бы эти божества оказались вдругъ одушевленными жизнью, ихъ сочли бы чудовищами». Затѣмъ нѣсколько далѣе, одобживши естественное богословіе, и приведши мнѣнія нѣкоторыхъ философовъ, онъ ставитъ такое возраженіе: „На это скажетъ кто нибудь: неужели я долженъ вѣрить, что небо и земля суть боги, и что одни изъ нихъ надъ луною, другіе подъ луною? Неужели долженъ согласиться съ Платономъ или съ перенатетигомъ Страбономъ, изъ коихъ одинъ дѣлаетъ боговъ безтѣлесными, а другой бездушными“? И отвѣчая на этотъ вопросъ, говоритъ: „Такъ что же? Ты находишь болѣе истинными грѣзы Т. Тація, или Ромула, или Тулла Гостилия? Тацій сдѣлалъ богинею Клоацину, Ромулъ—Ника и Тиберина, Гостилій—Испугъ и Блѣдность, эти отвратительнѣйшіе аффекты человѣка, изъ коихъ одинъ представляетъ собою движеніе утрашеннаго ума, а другой, даже не болѣзнь, а цвѣтъ тѣла. Этимъ божествамъ ты предпочитаешь вѣрить и имъ предоставляешь небо“? А съ какою смѣлостію говоритъ онъ о самыхъ обрядахъ, гнусныхъ и вмѣстѣ жестокихъ?

Одинъ, говоритъ онъ, отрубаетъ себѣ половые органы, другой разсѣкаетъ отрубленные. Когда же они боятся гнѣва боговъ, если въ это время пользуются ихъ милостію? Боговъ не должно и чтить, если они требуютъ и такихъ вещей. Таково уже неистовство разстроеннаго и сбитаго съ толку ума, что въ угоду богамъ совершаютъ такія звѣрства, какихъ не дѣлаютъ люди даже самые презрѣнные и баснословной жестокости. Тираны отрубали нѣкоторымъ члены, но никому не приказывали самому отрубать свои. Въ угоду царскому вапризу нѣкоторые были оскопляемы; но никто, по приказу господина, не налагалъ на себя рукъ, чтобы не быть мужчиной. Въ храмахъ же изрубливаютъ себя сами, умилостивляютъ собственными ранами и кровію. Если бы у кого-нибудь оказалось свободное время всмотрѣться, что тамъ дѣлаютъ и что терпятъ, онъ нашелъ бы такъ много постыднаго для людей почтенныхъ, непристойнаго для людей свободныхъ, неприличнаго для здравомыслящихъ, что не усумнился бы назвать ихъ безумствующими, если бы ихъ было не такъ много; но въ настоящее время это выдаетъ за здравый смыслъ толпа людей, лишённыхъ здраваго смысла.

Упоминаетъ онъ и о томъ, что совершается обыкновенно въ самомъ Капитоліѣ, и порицаетъ это съ полною свободою. Кто повѣритъ, чтобы и это совершалось кѣмъ либо другимъ, какъ не насмѣшниками или людьми безумствующими? Въ самомъ дѣлѣ, посмѣявшись надъ тѣмъ, какъ въ египетскомъ культѣ оплакиваютъ потерю Озириса, а вслѣдъ за тѣмъ предаются великой радости, что онъ найденъ; какъ эта пропажа и эта находка представляются вымышленными, а радость и печаль выражается людьми, которые ничего не потеряли и ничего не нашли, искренно, Сенека говоритъ: «Это безуміе имѣетъ свое опредѣленное время. Еще терпимо — однажды въ годъ побезумствовать. Приди же въ Капитолій, стыдно станеть открытой лжи, ко-

торую вмѣняетъ себѣ въ обязанность бесполезное безуміе. Одинъ пересчитываетъ богу имена божествъ, другой докладываетъ Юпитеру, который часъ; тотъ представляетъ изъ себя ликтора, другой натирателя мастями, движеніемъ рукъ подражающаго мажущему. Есть и такія, которыя заплетаютъ Юнонѣ и Минервѣ волосы; стоя даже вдали отъ храма, не только отъ статуи, дѣлаютъ пальцами движенія, какъ будто дѣйствительно убираютъ голову. Есть такія, которыя держатъ зеркало; и такія, которыя просятъ боговъ быть за нихъ поручителями. Есть такіе, которые подаютъ богамъ жалобы и рассказываютъ имъ о своихъ тяжбахъ. Ученый старшина мимовъ, старикъ преклонныхъ лѣтъ, каждодневно продѣлываетъ въ Капитоліѣ свои штуки, какъ будто боги охотно смотрятъ на человѣка, всеми покинутаго. Вокругъ безсмертныхъ боговъ толпятся всякаго рода искусники». „Впрочемъ, говоритъ онъ нѣсколько далѣе, эти дѣлаютъ нѣчто, правда, совершенно ненужное, но не постыдное и не безчестное. Но въ Капитоліѣ сидятъ и такія женщины, которыя считаютъ себя любовницами Юпитера, — не боятся даже и Юноны, обладающей, если вѣрить поэтамъ, весьма сердитымъ взглядомъ“.

Такой смѣлости Варронъ не имѣлъ; онъ отважился порицать только теологію поэтическую; порицать же теологію гражданскую не рѣшился, хотя и нанесъ ей смертный ударъ. Но если мы прислушаемся къ голосу истины, храмы, гдѣ совершаются подобнаго рода вещи, гораздо хуже, чѣмъ театры, гдѣ онѣ представляются. Поэтому въ культѣ гражданской теологіи Сенека избралъ для мудреца предпочтительнѣе театральную часть, чтобы не въ религіи духа содержать ее, а изображать въ дѣйствіяхъ. „Все это, говоритъ онъ, мудрецъ будетъ соблюдать какъ повелѣнное закономъ, а не какъ удобное богамъ“. „Что это значитъ, говоритъ онъ нѣсколько далѣе, что мы заключаемъ между

богами и браки, даже браки между братьями и сестрами, что конечно нечестиво? Беллону мы выдаемъ за мужъ за Марса, Венеру за Вулкана, Салацію за Нептуна. Нѣкоторыхъ изъ боговъ мы оставляемъ однакоже неженатыми; вѣроятно для нихъ не нашлось партіи, особенно въ виду того обстоятельства, что нѣкоторыя изъ богинь — вдовы, напр. Популонія, или Фулгора и сама божественная Румина: не удивляюсь, что для нихъ не нашлось искателя. Всю эту малоизвѣстную толпу боговъ, которую накопило суевѣріе втеченіе длиннаго ряда вѣковъ, мы будемъ чтить такъ, чтобы помнить, что почитаніе ихъ простой обычай, но не относится къ чему нибудь дѣйствительному“. Такимъ образомъ, ни законы, ни обычай не установили въ гражданской теологіи ничего такого, что было бы угодно богамъ и относилось бы къ существу дѣла. Но самъ же онъ, котораго философія сдѣлала якобы мыслителемъ свободнымъ, — самъ онъ, по той причинѣ, что былъ знатнымъ сенаторомъ римскаго народа, почиталъ то, что порицалъ, дѣлалъ, что обличалъ, уважалъ, что презиралъ. Такъ поступалъ онъ потому конечно, что философія-де научила его кое-чему великому, не быть суевѣрнымъ въ обществѣ, а изъ уваженія къ народнымъ законамъ и обычаямъ если не выступать на сценѣ, то подражать въ храмѣ тому, что представляется въ театрѣ! И это заслуживаетъ тѣмъ болѣе осужденія, что то, что имъ дѣлалось притворно, онъ дѣлалъ такъ, чтобы народъ считалъ это искреннимъ; между тѣмъ будучи актеромъ, онъ потѣшалъ бы болѣе игрою, чѣмъ вводилъ бы въ заблужденіе обманомъ

ГЛАВА XI.

Какихъ мыслей Сенека былъ объ Иудеяхъ.

Въ числѣ другихъ суевѣрій гражданской теологіи Сенека порицаетъ и обряды іудеевъ, въ особенности субботу, утверждая, что они дѣлаютъ это напрасно, потому что празднуя субботу чрезъ каждые семь дней, они теряютъ попустому почти седьмую часть своей жизни, и бездѣйствіемъ наносятъ ущербъ многому такому, что необходимо бываетъ по требованію времени. Но христіанъ, къ которымъ уже и тогда іудеи относились въ высшей степени враждебно, онъ рѣшился не относить ни къ той ни къ другой сторонѣ: онъ не похвалилъ ихъ, чтобы не стать въ разрѣзъ съ древнимъ обычаемъ своего отечества, но и не порицаетъ, чтобы не стать въ разрѣзъ быть можетъ съ своимъ дѣйствительнымъ намѣреніемъ. Говоря объ іудеяхъ, онъ высказывается такимъ образомъ: „А между тѣмъ обычай этого злодѣйскаго народа возымѣлъ такую силу, что принять уже по всей землѣ: будучи побѣждены, они дали законы побѣдителямъ“. Говорилъ онъ это съ удивленіемъ, и не зная того, что совершается по распоряженію свыше, высказалъ однако мнѣніе, показывающее, что думалъ онъ о смыслѣ іудейскихъ обрядовъ. „Они, говоритъ онъ, знаютъ основаніе своего обряда; большая же часть народа поступаетъ не зная, почему поступаетъ такъ“. Но о таинствахъ іудеевъ,—о томъ, съ какою цѣлю и на какое время они установлены были божественною властію, и какъ потомъ, въ опредѣленное время, тою же властію были отмѣнены для народа Божія, которому открыта была тайна будущей жизни,—мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ, въ особенности когда вели рѣчь противъ манихеевъ; скажемъ и въ настоящемъ сочиненіи, но при болѣе удобномъ случаѣ.

ГЛАВА XII.

О томъ, что по раскрытіи пустоты языческихъ боговъ, не возможно сомнѣніе, что вѣчной жизни не въ состояніи подавать тѣ, которые не могутъ оказывать помощи и въ жизни временной.

Если сказанное нами въ настоящей книгѣ о трехъ теологіяхъ, которыя у грековъ называются миическою, физическою и политическою, а по латинѣ могутъ быть названы баснословною, естественною и гражданскою, именно— что вѣчной жизни нельзя ожидать ни отъ баснословной теологіи, которую порицаютъ и сами читатели многихъ и ложныхъ боговъ, ни отъ гражданской, которая оказывается подобною баснословной и даже худшею въ сравненіи съ нею,— если это сказанное будетъ недостаточнымъ для кого-нибудь, тотъ пусть приметъ во вниманіе и тѣ сужденія, которыя высказаны нами въ предыдущихъ книгахъ, въ особенности же сужденія о Богѣ, подателѣ счастья, изложенныя въ четвертой книгѣ. Ибо кому другому, какъ не счастью, должны молиться люди о будущей жизни, если счастье—богиня? Поелику же оно— не богиня, а даръ Божій: то какому Богу, кромѣ подателя счастья, должны молиться мы, благочестивою любовію любящіе вѣчную жизнь, въ которой заключается истинное и полное счастье? Ибо послѣ того, что сказано нами, никто, полагаю, не долженъ сомнѣваться, что подателемъ счастья не можетъ быть никто изъ тѣхъ боговъ которыхъ чтутъ такъ постыдно и которые еще постыднѣе гнѣваются, если ихъ не чтутъ такъ, и чрезъ то самое отличаютъ въ себѣ духовъ нечистыхъ. А кто не даетъ счастья, тотъ какимъ образомъ можетъ даровать вѣчную жизнь? Ибо вѣчную жизнью мы называемъ такую, гдѣ обрѣтается безконечное счастье. Если же душа подвергается вѣчнымъ наказаніямъ, въ которыхъ будутъ мучиться и самые нечи-

стые духи, то это—скорѣе вѣчная смерть, чѣмъ жизнь. Нѣтъ худшей и большей смерти, какъ та, когда не умираетъ смерть. Но поелику природа души, въ силу того, что она сотворена безсмертною, не можетъ существовать безъ какой-либо жизни, то высшая смерть для ней отчужденіе отъ Бога въ вѣчности мученій. Такимъ образомъ вѣчную жизнь, т. е. безконечное счастье, даетъ одинъ Тотъ, Кто даетъ истинное счастье. Поелику же дознано, что его не могутъ дать тѣ боги, коихъ почитаетъ языческая теологія: то ихъ не слѣдуетъ чтить даже и за временное и земное, какъ это показали мы въ пяти предыдущихъ книгахъ; а тѣмъ болѣе за вѣчную жизнь, имѣющую наступить по смерти, какъ это доказали мы при помощи даже ихъ же писателей въ настоящей книгѣ. Но поелику сила застарѣлаго обычая коренится слишкомъ глубоко, то,—буде кому нибудь покажется, что я недостаточно доказалъ, что теологія гражданская заслуживаетъ презрѣнія и отвращенія,—тотъ пусть обратится къ слѣдующей книгѣ, которую при помощи Божіей присоединимъ къ настоящей.

О ГРАДЪ БОЖІЕМЪ,

КНИГА СЕДЬМАЯ.

О богахъ гражданской теологіи такъ называемыхъ избранныхъ, о Янусѣ, Юпитерѣ, Сатурнѣ и другихъ, съ цѣлію показать, что и почитаніемъ ихъ не достигается счастье вѣчной жизни.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Умы болѣе свѣтлыя и лучшіе должны терпѣливо и благодушно отнестись къ моимъ слишкомъ ревностнымъ стараніямъ опровергнуть и искоренить превратныя и давнія, враждебныя истинѣ благочестія мнѣнія, которыя многовѣковое заблужденіе рода человѣческаго слишкомъ глубоко и прочно виѣдрило въ помраченныя души, и къ посильному съ моей стороны содѣйствію благодати Того, Кому, какъ Богу истинному, это возможно,—содѣйствію, Имъ же вспомооществуемому. Для нихъ лично болѣе чѣмъ достаточно сказаннаго по этому предмету въ предшествующихъ книгахъ. Но они не должны считать излишнимъ для другихъ того, въ чемъ сами для себя уже не чувствуютъ необходимости. Дѣло идетъ о предметѣ величайшей важности, когда ведется рѣчь объ изслѣдованіи и почитаніи истиннаго и истинно святаго божества,—о почитаніи не ради преходящаго дыма жизни смертной, но ради жизни блаженной, которою можетъ быть только жизнь вѣчная; хотя божество это подаетъ намъ необходимую помощь и въ настоящей тѣнной жизни, которою мы живемъ.

ГЛАВА I.

Такъ какъ очевидно, что въ гражданской теологiи божества не существуетъ, то слѣдуетъ ли думать, что его можно найти въ средѣ боговъ избранныхъ.

Кого шестая книга, только что нами оконченная, не убѣдила, что этого божества или, какъ сказалъ бы я, этого *deitas*,—потому что наши не стѣсняются употреблять и это слово, чтобы выразительнѣе перевести греческое названiе *θεός*,—не существуетъ въ той теологiи, которую называютъ гражданской и которую Маркъ Варронъ изложилъ въ шестнадцати книгахъ, или что тоже—что почитанiемъ такихъ боговъ нельзя достигнуть счастiя вѣчной жизни,—кого, говорю, не убѣдила въ этомъ шестая книга, тотъ, если случится прочесть ему настоящую, не будетъ уже имѣть по отношенiю къ данному вопросу ничего, что требовало бы дальнѣйшаго для него разъясненiя. Ибо возможно, что ктонибудь держится такого мнѣнiя, что ради жизни блаженной, которою можетъ быть только жизнь вѣчная, слѣдуетъ почитать по крайней мѣрѣ боговъ избранныхъ и главнѣйшихъ, которымъ Варронъ посвятилъ послѣднюю книгу и о которыхъ мы мало говорили. Относительно этого предмета я не скажу того, что скорѣе, пожалуй, остроумно, чѣмъ истинно говорить Тертуллианъ: «Если изъ боговъ, какъ изъ луковицъ, дѣлаютъ выборъ, то остальныхъ считаютъ никуда негодными». Я не скажу этого. Я знаю, что и изъ избранныхъ избираютъ нѣкоторыхъ для какого нибудь болѣе важнаго и превосходнаго дѣла. Въ военной службѣ, напримѣръ, рекруты бываютъ люди избранные; но изъ нихъ дѣлается выборъ для какого нибудь болѣе важнаго военнаго искусства. И въ церкви, когда избираются предстоятели, остальные отнюдь не охуждаются, потому что всѣ добрые вѣрные справедливо пазы-

ваются избранными. При постройкѣ дѣлается выборъ камней угловыхъ; но не бросаются и остальные, предназначенные для другихъ частей зданія. Дѣлается выборъ виноградныхъ ягодъ для употребленія въ пищу; но не бросаются и остальные, предназначенныя для приготовления питья. Нѣтъ нужды впрочемъ много распространяться о предметѣ, когда онъ ясенъ самъ собою. И такъ изъ-за того, что нѣкоторые боги были избранными изъ числа многихъ, не слѣдуетъ еще насмѣхаться ни надъ тѣмъ, кто писалъ объ этомъ, ни надъ поклонниками этихъ боговъ, ни надъ самими богами; но скорѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на то, каковы они сами, эти избранные боги, и на какое дѣло они оказываются избранными.

ГЛАВА II.

Кто такіе эти боги избранные, и изъяты ли они отъ исполненія обязанностей боговъ меньше значительныхъ.

Въ одной только книгѣ Варронъ упоминаетъ слѣдующихъ избранныхъ боговъ: Януса, Юпитера, Сатурна, Генія, Меркурія, Аполлона, Марса, Вулкана, Нептуна, Солнце, Орка, Либер-отца, Теллурію, Цереру, Ювону, Луну, Діану, Минерву, Венеру, Весту; итого всѣхъ двадцать, и въ томъ числѣ двѣнадцать мужчинъ и восемь женщинъ. Почему же эти божества называются избранными: потому ли, что завѣдуютъ болѣе важными частями міроуправленія, или потому, что сдѣлались народамъ болѣе извѣстными, и имъ установленъ болѣе почетный культъ? Если потому, что они завѣдуютъ болѣе важными частями міроуправленія, то мы не должны встрѣчать ихъ въ той, своего рода плебейской, толпѣ божествъ, которая назначена для пустыхъ дѣлишекъ. А между тѣмъ самъ Янусъ, во первыхъ, во время зачатія

дѣтскаго зародыша, съ чего начинаются всѣ тѣ известныя дѣйствія, по мелочамъ распредѣленныя между мелкими боже-ствами,—самъ Янусъ открываетъ входъ для воспріятія сѣмени. Тамъ же присутствуетъ и Сатурнъ ради того же сѣмени. Тамъ и Либерь, который освобождаетъ (*liberat*) мужчину отъ изливагося сѣмени. Тамъ же и Либера, которую они считаютъ и Венерою, которая ту же самую услугу оказы-ваетъ женщинѣ, чтобы освободить и ее чрезъ излітіе сѣмени. Всѣ эти боги изъ числа тѣхъ, которые называются избран-ными. Но тамъ же и богиня Мена, завѣдующая мѣсячными (*menstruis*) истеченіями, и хотя она дочь Юпитера, но бо-гиня незнатная. Это вѣдомство мѣсячныхъ истеченій тотъ же писатель въ книгѣ о богахъ избранныхъ назначаетъ и самой Юнонѣ, которая даже между богами избранными счи-тается царицею; и здѣсь же, завѣдуя тѣмъ же кровоте-ченіемъ, присутствуетъ, подобно Юнонѣ, съ падчерицею своею Меною, Люцина. Тамъ же двое, ужъ и не знаю, до какой степени мало-почетные,—Витумнъ и Сентинъ, изъ кото-рыхъ одинъ даетъ зародышу жизнь, другой чувство; и хотя они самые незнатные, даютъ однакоже несравненно болѣе, чѣмъ всѣ тѣ вельможи и избранные. Ибо чѣмъ въ сущности, при отсутствіи жизни и чувства, будетъ все то, что носить во чревѣ женщина, какъ не самую отвратительнѣйшею смѣсью изъ тины и праха?

ГЛАВА III.

Какъ ничтожно основаніе, которое можно приводить для выдѣленія нѣкоторыхъ боговъ, какъ скоро многимъ изъ низшихъ боговъ предоставляется болѣе почетное управленіе.

Итакъ, какая же причина принудила столько избран-ныхъ боговъ приняться за такія мелкія дѣла, при обязатель-

номъ отправленіи которыхъ ихъ превосходятъ своимъ участіемъ Витумнъ и Сентинъ, покрытые темною неизвѣстностью? Избранный Янусъ открываетъ входъ и какъ бы дверь (*januam*) сѣмени; избранный Сатурнъ подаетъ самое сѣмя; избранный Либерь устроиваетъ мужчинамъ истеченіе того же сѣмени; тоже самое дѣлаетъ женщинамъ Либера, которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть и Церера или Венера; избранная Юнона, и при томъ не одна, а вмѣстѣ съ Меною, дочерью Юпитера, устроиваетъ мѣсячныя истеченія для питанія зачатого; а темный и незнатный Витумнъ даетъ жизнь; темный и незнатный Сентинъ сообщаетъ чувство: двѣ послѣднія вещи настолько превосходиѣе предшествующихъ, насколько превосходиѣе ихъ самихъ разумъ и соображеніе. Ибо соображающіе и разумѣющіе безспорно превосходиѣе тѣхъ, которые, какъ скоты, живутъ и чувствуютъ безъ смысла и разума: также точно и то, что живетъ и чувствуетъ, справедливо ставится выше того, что не живетъ и не чувствуетъ. Поэтому Витумнъ, податель жизни, и Сентинъ, податель чувства, должны бы считаться между богами избранными гораздо болѣе, чѣмъ Янусъ, принимающій сѣмя, чѣмъ Сатурнъ, податель или сѣятель (*sator*) сѣмени, чѣмъ Либерь и Либера, приводящіе въ движеніе и изливающіе сѣмя: ибо это не прилично было бы представлять и сѣменемъ, еслибы оно не получало потомъ жизни и чувства. Эти избранные дары даются богами не избранными, а какими-то неизвѣстными, въ сравненіи съ достоинствомъ избранныхъ, пренебрегаемыми. Если отвѣтить, что Янусу принадлежитъ власть надъ всѣми зачатками, и что поэтому ему не напрасно приписывается открытіе входа зародышу; что Сатурну принадлежитъ власть надъ всѣми сѣменами и что оплодотвореніе человѣка также нельзя выдѣлить изъ круга его дѣйствій; что Либерь и Либера имѣютъ власть разбрасывать всякое сѣмя, и потому должны завѣдывать и тѣмъ, что касается прибавленія людей; что Юнона завѣдываетъ

ваетъ всякими очищеніями и рожденіями, и потому должна присутствовать и при очищеніяхъ женщинъ и при рожденіи людей: въ такомъ случаѣ пусть подумаютъ, что имъ отвѣтитъ относительно Витумна и Сентина. Не припишутъ ли они и этимъ богамъ власти надъ всѣмъ, что живетъ и чувствуетъ? Если припишутъ, пусть обратятъ вниманіе на то, въ какое сравнительно съ другими болѣе высокое положеніе они поставятъ ихъ. Ибо сѣмена рождаются на землѣ и изъ земли, а жизнь и чувство приписываются и звѣзднымъ богамъ. Если же скажутъ, что Витумну и Сентину предоставлено лишь то, что живетъ и снабжено чувствами въ тѣлѣ: то почему тотъ же самый богъ, который подаетъ жизнь и чувство всему, не даетъ жизни и чувства и тѣлу, сообщая этотъ даръ зачаткамъ общимъ дѣйствіемъ? Да и что занужда въ Витумнѣ и Сентинѣ? Если тотъ, кто завѣдываетъ жизнію и чувствомъ, поручилъ имъ, какъ слугамъ, это плотское, какъ дѣло послѣднее и слишкомъ низкое: то неужели тѣ избранные не имѣютъ уже никакихъ рабовъ, которымъ съ своей стороны могли бы поручить упомянутыя дѣйствія, а вынуждены при всей своей знатности, въ силу которой заслужили быть избранными, работать вмѣстѣ съ незнатными? Избранная Юнона—царица, сестра и супруга Юпитерова; а между тѣмъ она же и Итердува (*вожатая въ пути*) для дѣтей, и дѣлаетъ это дѣло съ самыми незнатными богинями, Абеоною и Адеоною. Тамъ же помѣстили они и богиню Менту, которая даетъ дѣтямъ добрый смыслъ (*mentem*); но ея нѣтъ въ числѣ боговъ избранныхъ: какъ будто можно было дать человѣку что нибудь болѣе. Но Юнона, какъ Интердука и Домидука (*вожатая въ домъ*), есть въ числѣ избранныхъ: какъ будто путешествія и возвращеніе въ домъ принесетъ какую нибудь пользу, если нѣтъ здраваго смысла; богиню же подательницу этого смысла избиратели не помѣстили въ число боговъ избранныхъ. Ее

безъ всякаго сомнѣнія слѣдовало бы предпочесть и Минервѣ, которой въ ряду этихъ мелочныхъ дѣтскихъ дѣлъ усвоили память. Ибо кто усумнится, что имѣть добрый смыслъ гораздо лучше, чѣмъ какую угодно большую память? Злымъ не бываетъ никто, кто имѣетъ добрый смыслъ; а память нѣкоторые самые дурные люди имѣютъ удивительную, и тѣмъ они хуже, чѣмъ менѣе въ состояніи забыть дурныя мысли. Тѣмъ не менѣе Минерва состоитъ въ числѣ боговъ избранныхъ, а богиня Мента скрывается въ толпѣ ничтожныхъ. А что скажу я о богинѣ Добродѣтели, о богинѣ Счастія, о которыхъ говорилъ уже очень много въ книгѣ четвертой? Считая ихъ богинями, они не захотѣли дать имъ мѣста между богами избранными, давши его Марсу и Орку, изъ которыхъ одинъ дѣлаетъ людей умирающими, а другой принимаетъ умирающихъ.

Итакъ, когда мы видимъ, что надъ этими мелкими дѣлами, распределенными по частямъ между множествомъ боговъ, работаютъ и сами избранные боги, какъ сенатъ вмѣстѣ съ чернію, одинаково; когда находимъ, что нѣкоторые боги, которые отнюдь не относятся къ числу избранныхъ, вѣдаютъ дѣлами гораздо болѣе важными и лучшими, чѣмъ такъ называемые боги избранные: то остается думать, что послѣдніе названы избранными и главнѣйшими не по превосходству участія ихъ въ міроуправленіи, а потому, что имъ пришлось сдѣлаться болѣе извѣстными народамъ. Поэтому и самъ Варронъ говоритъ, что нѣкоторымъ богамъ отцамъ и богинямъ матерямъ, по примѣру людей, выпала на долю неизвѣстность. Но въ такомъ случаѣ, если не должно было попасть въ число избранныхъ боговъ Счастіе, на примѣръ; потому что боги эти достигли знатности не по заслугамъ, а случайно: то въ ряду ихъ или даже выше ихъ должна бы етать по крайней мѣрѣ Фортуна, о которой говорятъ, что богиня эта даетъ свои дары каждому не на основаніи разум-

ныхъ соображеній, а какъ случится. Ей слѣдовало бы стоять во главѣ этихъ избранныхъ боговъ, надъ которыми она по преимуществу показала свое могущество: ибо мы видимъ, что они оказываются избранными не по превосходству добродѣтели, не по разумному счастью, но по власти Фортуны, — власти слѣпой, какъ думаютъ о ней сами поклонники этихъ боговъ. Возможно, что и краснорѣчивѣйшій Саллюстій разумѣетъ этихъ же самыхъ боговъ, когда говоритъ: «Дѣйствительно, надъ всѣмъ владычествуетъ Фортуна; она и прославляетъ и оставляетъ въ ней вѣстности всякую вещь скорѣе по страсти, чѣмъ по справедливости». Вѣдь не могутъ же они найти причины, почему Венера прославлена, а Добродѣтель осталась въ неизвѣстности; хотя статуи посвящены и обѣимъ имъ, но заслуги ихъ не допускаютъ никакого сравненія. Если же основаніемъ знатности служатъ вкусы большинства; ибо въ Венерѣ стремятся больше, чѣмъ въ Добродѣтели: то на какомъ основаніи прославлена Минерва, а богиня Пекунія оставлена въ тѣни? Вѣдь въ человѣческой средѣ болѣе людей предано сребролюбію, чѣмъ искусству; и между самими художниками рѣдко встрѣтишь человѣка, который не продавалъ бы своего искусства за деньги, а всегда выше цѣнится то, ради чего что либо дѣлается, чѣмъ то, что дѣлается ради другаго. Итакъ если этимъ избраніемъ боговъ руководило мнѣніе неразумной толпы, то почему богиня Пекунія не предпочтена Минервѣ, какъ скоро многіе стали художниками ради денегъ (*propter pecuniam*)? Если же это различіе между богами было дѣломъ разумнаго меньшинства, то почему не поставлена выше Венеры Добродѣтель, которой разумъ отдаетъ гораздо большее предпочтеніе? Во всякомъ же случаѣ по крайней мѣрѣ, какъ говорилъ я, Фортуна, которая, по мнѣнію приписывающихъ ей очень многое, владычествуетъ надъ всѣмъ и всякую вещь прославляетъ и оставляетъ въ неизвѣстности скорѣе по страсти,

чѣмъ по сираведливости,—по крайней мѣрѣ она, если и надѣ богами имѣеть такую силу, что по своему слѣпому суду, кого захочетъ, прославляетъ, и кого захочетъ, оставляетъ въ неизвѣстности, должна бы имѣть между избранными преимущественное мѣсто, такъ какъ имѣеть преимущество власти и надѣ самими богами. Если же она не могла получить такого мѣста, то не приходится ли уже думать, что сама Фортуна имѣла несчастную фортуну?—Сама, стало быть, пошла противъ себя, потому что, дѣлая знатными другихъ, себя знатною не сдѣлала.

ГЛАВА IV.

Съ богами низшими, которыхъ не позорятъ никакими ругательствами, поступлено лучше, чѣмъ съ избранными, которыхъ постыдныя безобразія разславляются.

Какой нибудь охотникъ до извѣстности и знатности поздравилъ бы этихъ избранныхъ боговъ и назвалъ бы ихъ счастливыми, если бы не убѣдился, что они избраны скорѣе для оскорбленій, чѣмъ для почестей. Для той низшей толпы боговъ защитою отъ позорныхъ ругательствъ служить самая незнатность ихъ. Мы смѣемся, пожалуй, когда видимъ, что вымыслы человѣческіе, раздѣливъ между ними дѣло, приставили ихъ къ нему, будто мелочныхъ сборщиковъ пошлинъ, или ремесленниковъ въ мастерскихъ серебряныхъ издѣлій, гдѣ каждый сосудъ, чтобы выйти хорошо отдѣланнымъ, переходитъ чрезъ руки многихъ мастеровъ, хотя хорошо отдѣлать его могъ и одинъ. Но при множествѣ рабочихъ инаго и не могли придумать, какъ только чтобы каждый отдѣльно изучалъ по возможности скоро и легко отдѣльную часть мастерства, и чтобы всѣ вмѣстѣ, занимаясь однимъ и тѣмъ же, не вынуждены были успѣвать въ немъ медленно.

и съ трудомъ. За то едва ли найдется хоть одинъ изъ боговъ не избранныхъ, котораго позорная молва обвиняла бы въ какомъ либо преступленіи; и наоборотъ, едвали найдется кто вибудь изъ избранныхъ, на которомъ не лежало бы пятно позорнаго безчестія. Ничего, впрочемъ, позорнаго не прихотилось мнѣ слышать о Янусѣ. Можетъ быть таковъ онъ и былъ, жилъ болѣе безъукоризнено и удалялся отъ преступленій и злодѣйствъ. Онъ принялъ благосклонно искавшаго убѣжища Сатурна: раздѣлилъ съ гостемъ царство, такъ что они построили даже два отдѣльные города, тотъ Яникуль а этотъ Сатурнію. Но эти охотники до всякаго безобразія въ культѣ боговъ, нашедши жизнь его менѣе постыдною, осрамили его чудовищнымъ безобразіемъ статуи изображая его то двулицымъ, то четырехлицымъ, какъ бы удвоившимся. Ужъ не потому ли, что у большей части боговъ избранныхъ, отъ совершенія постыдныхъ дѣлъ, лобъ потерялъ способность краснѣть, они порѣшили представлять его тѣмъ съ большимъ количествомъ лбовъ, чѣмъ онъ былъ невиннѣе?

ГЛАВА V.

О таинственнѣйшемъ ученіи язычниковъ и о физическихъ основахъ.

Но выслушаемъ лучше ихъ физическія толкованія, посредствомъ которыхъ они стараются безобразію жалкаго заблужденія придать видъ якобы возвышеннѣйшаго ученія. Толкованія эти являются у Варрона прежде всего въ такомъ видѣ. Онъ говоритъ, что древніе придумали статуи, знаки отличія и убранства боговъ такъ, чтобы тѣ изъ наблюдающихъ ихъ глазами, которые посвящены въ тайны ученія, могли созерцать духовно душу міра и ея части, т. е. боговъ истинныхъ; что придавая статуямъ видъ человѣческій, они очевидно руководились тѣмъ, что душа смерт-

ная, живущая въ человѣческомъ тѣлѣ, представляетъ собою ближайшее подобіе души безсмертной; что какъ для обозначенія боговъ могутъ быть употребляемы сосуды, и въ храмѣ Бахуса можетъ быть поставленъ Энофоръ, обозначающій (какъ содержащій—содержимое) вино: такъ посредствомъ статуи, имѣющей форму человѣческую, обозначается разумная душа, потому что этою формою, какъ бы сосудомъ, обыкновенно пользуется та природа, которую они считаютъ и природою бога, или боговъ. Таково то ученіе, таинство котораго проникъ и вывелъ на свѣтъ этотъ ученѣйшій мужъ. Но неужели ты, человѣкъ остроумнѣйшій, потерялъ въ этихъ тайнахъ ученія то благоразуміе свое, которое привело тебя къ здравому заключенію, что первые, установившіе для народовъ статуи, и лишили своихъ гражданъ чувства (*religiosum*) страха, и увеличили заблужденіе, и что древніе римляне болѣе благоговѣнно чтили боговъ безъ статуй? Ты опирался на послѣднихъ, чтобы имѣть смѣлость высказать это въ укоръ римлянамъ позднѣйшимъ. Если бы и тѣ древнѣйшіе римляне чтили статуи, ты вѣроятно побоялся бы высказать эту, хотя и вѣрную, мысль, что не слѣдуетъ ставить статуй, и еще многорѣчивѣе и напыщеннѣе расхвалилъ бы эти тайны ученія посредствомъ вредныхъ и пустыхъ вымысловъ. А между тѣмъ твоя душа, такая ученая и такая даровитая (почему мы особенно и скорбимъ о тебѣ) отнюдь не могла посредствомъ этого таинственного ученія дойти до Бога своего, т. е. до того Бога, которымъ, а не съ которымъ, она создана,—котораго она не—часть, а твореніе; и не того, который есть душа всего, а того, который создалъ всякую душу, отъ котораго одного душа получаетъ свѣтъ, дѣлающій ее блаженною, какъ скоро она съ благодарностію принимаетъ благодать Его. Впрочемъ, каково это таинственное ученіе, и какую должно имѣть цѣну, будетъ видно изъ послѣдующаго. Ученѣйшій мужъ этотъ го-

ворить между прочимъ, что душа міра и ея части суть истинные боги. Отсюда видно, что вся его теологія, т. е. та самая естественная теологія, которой онъ придаетъ наибольшее значеніе, могла возвыситься только до природы разумной души. Въ упомянутой книгѣ онъ предпосылаетъ нѣсколько словъ о теологіи естественной; но посмотримъ, былъ ли онъ въ состояніи сопоставить посредствомъ физиологическихъ толкованій съ этою естественною теологіею теологію гражданскую, которую онъ написалъ въ заключеніе о бogaхъ избранныхъ. Если бы онъ былъ въ состояніи это сдѣлать, вся теологія стала бы естественною; и тогда какая была бы нужда въ такомъ тщательномъ выдѣленіи изъ ней теологіи гражданской? Если же послѣдняя выдѣлена вслѣдствіе дѣйствительнаго различія, то,—если не истинна и та, которую онъ считаетъ за естественную: потому что доходить только до души, а не до истиннаго Бога, который сотворилъ и душу,—насколько же презрѣннѣе, и фальшивѣе эта теологія гражданская, которая по преимуществу занята природою тѣлесною? Это покажутъ намъ самыя толкованія ея, съ особою тщательностію подысканныя и обработанныя ими. Нѣкоторыя изъ этихъ толкованій я нахожу необходимымъ привести.

ГЛАВА VI.

О мнѣніи Варрона, по которому Богъ есть душа міра, содержащаго однакоже въ своихъ частяхъ многія души, имѣющія природу божественную.

Итакъ, предпосылая нѣсколько замѣчаній о теологіи естественной, Варронъ говоритъ, что онъ полагаетъ, что Богъ есть душа міра, называемаго греками *κόσμος*, и что самый этотъ міръ есть богъ; но какъ чelовѣка мудраго называютъ мудрымъ, принимая въ соображеніе только душу,

хотя онъ состоитъ изъ души и тѣла: такъ и міръ называютъ богомъ, принимая въ соображеніе тоже душу, хотя онъ состоитъ изъ души и тѣла. Отсюда видно, какимъ образомъ онъ признаетъ единаго Бога. Но чтобы представить существованіе и многихъ боговъ, онъ прибавляетъ, что міръ дѣлится на двѣ части, на небо и землю, а небо подраздѣляется также на двѣ—на эфиръ и воздухъ, земля же на воду и сушу. Изъ этихъ частей высшую представляетъ собою эфиръ, вторую воздухъ, третью вода, низшую суша. Всѣ эти четыре части наполнены душами: эфиръ и воздухъ безсмертными, вода и земля смертными. Начиная отъ самой высшей округлости неба до круга, описываемаго луною, эфирныя души являются въ видѣ звѣздъ и планетъ; этихъ небесныхъ боговъ мы не только представляемъ въ умѣ, но и видимъ. Между же кругомъ, описываемымъ луною, и границею облаковъ и теченія вѣтровъ находятся души воздушныя; но души эти мы созерцаемъ, а глазами не видимъ: онѣ называются героями, ларами, геніями.—Такова естественная теологія, изложенная кратко въ видѣ предисловія Она встрѣчается не только у Варрона, но и у многихъ философовъ. Подробнѣе я буду разбирать ее тогда, когда съ помощію истиннаго Бога покончу съ теологіею гражданскою, насколько она касается боговъ избранныхъ.

ГЛАВА VII.

Разумно ли было Януса и Термина дѣлать на два божества.

Итакъ, спрашиваю: Кто таковъ Янусъ, отъ котораго ведетъ начало все? Отвѣчаютъ: Это — міръ. Отвѣтъ коротокъ и ясенъ. Но въ такомъ случаѣ почему они начало вещей усвояютъ ему, а конецъ другому, котораго называютъ Терминомъ? Вѣдь, по словамъ ихъ, ради именно начала и конца

этимъ двумъ богамъ посвящены два мѣсяца, сверхъ тѣхъ десяти, которые начинаются съ Марта и идутъ до Декабря: Январь посвященъ Янусу, Февраль Термину. Терминалии, говорятъ они, празднуются въ томъ же Февралѣ, въ которомъ бываетъ и священное очищеніе, называемое *Februus*, отъ котораго получилъ свое имя мѣсяць. Итакъ, почему же міру, который есть Янусъ, принадлежитъ начало вещей, а конецъ не принадлежитъ, такъ что къ послѣднему приставляется другой богъ? Не признаютъ ли они, что все, что въ этомъ мірѣ ни бываетъ, въ этомъ же мірѣ и оканчивается? Да и что за безтолковщина—въ дѣлѣ усвоить ему половинную власть, а въ статуѣ двойное лицо? Не гораздо ли лучше объяснялся бы его двулицый видъ, если бы его же называли и Янусомъ и Терминомъ, и одному лицу усвоили начало, а другому конецъ? Ибо дѣйствующій долженъ имѣть въ виду и то и другое. Не осматривающійся во всякомъ моментѣ своего дѣйствія на начало не предусмотритъ конца. Отсюда необходимо, что съ озирающеюся назадъ памятью соединялось прозирающее впередъ вниманіе. Потерявшій то, что началъ, не найдетъ, какъ кончить. А если бы они думали, что жизнь блаженная начинается въ этомъ мірѣ, но вполнѣ достигается внѣ міра, и поэтому приписали Янусу, т. е. міру, власть только надъ однимъ началомъ; въ такомъ случаѣ они непременно поставили бы Термина выше его, и не устранили бы его изъ числа боговъ избранныхъ. Впрочемъ и теперь, когда въ лицѣ этихъ двухъ боговъ представляютъ они начало и конецъ вещей временныхъ, слѣдовало бы больше почта отдавать Термину. Ибо гораздо больше бываетъ радости тогда, когда какое бы то ни было дѣло приводится къ окончанію; а все начатое сильно озабочиваетъ, пока не доведется до конца. Начавшій что либо главнымъ образомъ о концѣ и помышляетъ, къ нему стремится, его ждетъ, о немъ мечтаетъ; и не приходитъ въ восторгъ отъ начатаго дѣла, если его не окончить.

ГЛАВА VIII.

Ради чего почитатели Януса придумали ему двулицее изображеніе, и хотѣтъ даже представлять его четверолицымъ.

Но перейдемъ къ толкованію двулицаго идола. Они говорятъ, что статуя имѣеть два лица, спереди и позади, потому что внутренняя полость нашего рта, когда мы его открываемъ, представляется похожею на міръ (почему-де греки и называютъ небо *οὐρανός*; и нѣкоторые изъ латинскихъ поэтовъ небо называли *palatium*—небо); а отъ этой полости рта есть одинъ выходъ наружу по направленію къ зубамъ, а другой внутрь по направленію къ глоткѣ. Такъ вотъ къ чему сводится міръ, благодаря нашему названію небо, греческое ли оно, или поэтическое! Но какое это имѣеть отношеніе къ душѣ, какое — къ жизни вѣчной? Богъ этотъ чтится ради одной слюны, при помощи которой, какъ при глотаніи, такъ и при выплевываніи, отворяется та и другая дверь подъ небомъ неба. А за тѣмъ, что можетъ быть нелѣпѣе, въ самомъ мірѣ не найти двухъ съ противоположныхъ краевъ стоящихъ дверей, чрезъ которыя міръ принималъ бы что нибудь внутрь себя, или выбрасывалъ внѣ изъ себя, а изображеніе міра въ лицѣ Януса сочинять по образцу нашего рта и зѣва, съ которыми міръ не имѣеть сходства, — сочинять ради одного названія неба, съ которымъ Янусъ не имѣеть сходства? Когда же изображаютъ его четверолицымъ и называютъ двойнымъ Янусомъ, то объясняютъ это въ примѣненіи къ четыремъ частямъ міра такъ, какъ бы міръ смотрѣлъ или куда-то внѣ, какъ Янусъ всеми лицами. Но если Янусъ — міръ, а міръ состоитъ изъ четырехъ частей, то изображеніе двулицаго Януса ложно. А если оно истинно потому, что подъ именемъ Востока и Запада мы разумѣемъ обыкновенно весь міръ: то неужели въ виду того, что мы знаемъ другія двѣ части, Сѣверъ и Югъ, кто нибудь назоветъ міръ двой-

нымъ, подобно тому какъ называютъ они двойнымъ четверолицаго Януса? Они рѣшительно не въ состояніи объяснить какимъ либо подражаніемъ міру эти четверо дверей, открытыя для входа и выхода,—объяснить хоть бы такъ, какъ сдѣлали это относительно Януса двулицаго, воспользовавшись ртомъ человѣческимъ. Развѣ не явится ли имъ уже на помощь Нептунъ и не подастъ ли имъ рыбу, у которой кромѣ отверстія рта и горла есть еще правое и лѣвое отверстія жабръ? Но и столькими дверями не уйдетъ отъ этой суеты ни одна душа, если не слышитъ истины, говорящей: *Азъ есмь дверь* (Іоан. X, 5).

ГЛАВА IX.

О власти Іовиса и о сравненіи его съ Янусомъ.

Пусть за тѣмъ изложатъ свое понятіе о Іовисѣ, котораго называютъ также Юпитеромъ. „Онъ, говорятъ они, есть богъ, имѣющій въ своей власти причины всего, что совершается въ мірѣ“. Какую имѣетъ это великую важность, показываетъ превосходнѣйшій стихъ Вергилія:

Счастливъ, кто могъ познать причины вещей ¹⁾.

Но почему ставятъ впереди его Януса, объ этомъ скажетъ намъ вышеупоминаемый остроумнѣйшій и ученѣйшій мужъ. „Потому, говоритъ онъ, что во власти Януса первое, а во власти Іовиса высшее. Но Юпитеръ справедливо считается царемъ всего. Ибо первое уступаетъ высшему, потому что хотя первое и предшествуетъ по времени, но высшее превосходитъ достоинствомъ“. Это было бы сказано правильно, еслибы различались въ дѣйствіяхъ начало дѣла и завершеніе его: какъ, на примѣръ, начало дѣла—выйти, конецъ—прійти, или начало дѣла—предпринять учиться, конецъ его—усвоить науку; въ такомъ случаѣ первымъ во всемъ будетъ начало, а высшимъ—конецъ. Но начало и конецъ въ

¹⁾ Virg. Georg. II.

этомъ смыслѣ уже распредѣлены между Янусомъ и Терминомъ. Причины же, усвояемыя Юпитеру, суть причины опредѣляющія дѣйствіе, а не приводящія его въ исполненіе; и потому никоимъ образомъ не возможно, чтобы имъ даже по времени предшествовали дѣйствія или начало дѣйствій. Ибо вещь, которая дѣлаетъ, всегда предшествуетъ вещи, которая дѣлается. Поэтому если начало дѣйствія относится къ Янусу, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы начало это предшествовало опредѣляющимъ дѣйствіе причинамъ, которыя усвоятся Юпитеру. Какъ ничего не бываетъ, такъ и ничто не начинается, чтобы прійти къ бытію, если ему не предшествуетъ создающая его причина. Итакъ если этого бога, во власти котораго находятся всѣ причины всякаго созданнаго естества и всѣхъ естественныхъ вещей, народы называютъ Ювисомъ и чтутъ тѣмъ, что подвергаютъ его посрамленію и взводятъ на него обвиненія въ отвратительныхъ преступленіяхъ: то они дѣлаются виновными въ болѣе мерзкомъ святотатствѣ, чѣмъ еслибы не признавали вовсе никакого бога. Поэтому имъ лучше было бы называть именемъ Ювиса когонибудь другаго, заслуживающаго гнуснаго и постыднаго почета, подставивъ для большаго поношенія какойнибудь пустой вымыселъ (подобно-тому, какъ Сатурну подставленъ былъ, говорятъ, камень, который онъ сожралъ вмѣсто сына), чѣмъ представлять упомянутаго бога и громовержцемъ и прелюбодѣемъ, управляющимъ цѣлымъ міромъ и предающимся такому крайнему распутству, содержащимъ въ своей власти высшія причины всякаго естества и всѣхъ естественныхъ вещей, а въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ добрыми причинами не руководящимся.

Затѣмъ, спрашиваю, какое мѣсто отводятъ они между богами этому Ювису, если Янусъ представляетъ собою міръ? Въдѣ по опредѣленію Варрона, истинные боги суть душа міра и части ея; а отсюда все, что не представляетъ собою

этого (*души міра и частей ея*), ни въ какомъ случаѣ по ихнему мнѣнію не можетъ быть истиннымъ богомъ. Итакъ, станутъ ли они утверждать, что Ювись есть душа міра такъ, что Янусъ представляетъ собою его тѣло, т. е. представляетъ собою этотъ видимый міръ? Если они скажутъ это, то не будетъ имъ основанія называть богомъ Януса; потому что и по ихнему мнѣнію богъ не тѣло міра, а душа міра и части ея. Тотъ же самый Варронъ яснѣйшимъ образомъ говоритъ, что по его мнѣнію богъ есть душа міра, и самый міръ этотъ есть богъ, но въ томъ смыслѣ, что какъ-де человѣка мудраго, хотя онъ состоитъ изъ души и тѣла, называютъ мудрымъ, принимая въ соображеніе только душу: такъ и міръ называется богомъ по душѣ, хотя состоитъ изъ души и тѣла. Слѣдовательно тѣло міра само по себѣ не есть богъ; но богъ есть или одна душа его, или тѣло и душа вмѣстѣ взятыя, но такъ однакоже, что божественность дается не тѣломъ, а душою. Но если Янусъ есть міръ, и Янусъ есть богъ: то, чтобы и Ювись могъ быть богомъ, не станутъ ли утверждать они, что послѣдній представляетъ собою какую нибудь часть Януса? Но всеобщность они имѣютъ обыкновеніе приписывать преимущественно Юпитеру; отсюда извѣстное выраженіе:

Юпитеромъ полно все ¹⁾.

Итакъ, чтобы и Юпитеръ былъ богомъ, и особенно царемъ боговъ, они не могутъ считать его чѣмъ либо другимъ, какъ только міромъ; и тогда онъ согласно съ ихъ мнѣніемъ будетъ играть между остальными богами царственную роль. Въ этомъ смыслѣ объясняетъ и Варронъ нѣкіе стихи Валерія Сорана въ той книгѣ, которую онъ написалъ особо отъ вышеупомянутыхъ о культѣ боговъ. Стихи таковы:

¹⁾ Virg. Eclog. III.

*Юпитеръ всемогущій, царей, вещей и боговъ
Прародитель, и мать боговъ, богъ единый и весь.*

Объясняются эти стихи въ той же книгѣ въ такомъ смыслѣ, что представляютъ-де его и мужчиною, изливающимъ сѣмя, и женщиною, принимающею сѣмя; что Юпитеръ есть міръ, и что всякое сѣмя онъ изъ себя изливаетъ и въ себя принимаетъ. «На этомъ-то основаніи, замѣчаетъ Варронъ, Соранъ написалъ: Юпитеръ прародитель и мать; и съ неменьшимъ основаніемъ—что онъ есть единъ и въ тоже время все: ибо міръ одинъ, и въ немъ одномъ все».

ГЛАВА X.

Правильно ли проводится различіе между Янусомъ и Юпитеромъ.

Итакъ, если Янусъ есть міръ, и Юпитеръ міръ, и каждый изъ нихъ міръ: то на какомъ основаніи ихъ два бога, Янусъ и Юпитеръ? Зачѣмъ они имѣютъ отдѣльно храмы, отдѣльно жертвенники, различное богослуженіе, непохожія статуи? Если это на томъ основаніи, что иное значеніе имѣютъ начала, и иное причины, и что значеніе первыхъ выражается именемъ Януса, послѣднихъ Юпитера: то когда одинъ и тотъ же человѣкъ въ разнаго рода вещахъ имѣетъ двоякую власть или двоякое искусство, развѣ говорятъ о немъ, что это—двое правителей или двое художниковъ на томъ основаніи, что каждая власть или искусство, отдѣльно взятая, имѣютъ различное значеніе? Также точно и единого Бога,—хотя Онъ же имѣетъ въ своей власти и начала, Онъ же и причины,—развѣ непременно слѣдуетъ считать за двухъ боговъ потому только, что начала и причины суть двѣ вещи особия? Если по ихъ мнѣнію такъ слѣдуетъ, то и самаго Юпитера они должны считать за столькихъ боговъ,

сколько дали ему прозваній по причинѣ разнообразія его власти: потому что всё вещи, отъ которыхъ заимствованы эти прозванія, вещи особыя и различныя. Изъ этихъ прозваній о нѣкоторыхъ я поговорю.

ГЛАВА XI.

О прозваніяхъ Юпитера, которыя относятся не ко многимъ богамъ, а къ одному и тому же.

Они назвали его Побѣдителемъ, Непобѣдимымъ, Помощникомъ, Возбудителемъ, Остановителемъ, Стоногимъ, Опрокидывателемъ, Подпорою, Кормильцемъ, Руминомъ (*сосцепитателемъ*), и многими другими именами, которыя пересчитывать было бы долго. Эти прозванія они дали одному богу по причинѣ разныхъ видовъ его дѣйствія и могущества, но не сочинили изъ него такого же количества боговъ, сколько этихъ видовъ его дѣйствія и могущества. Онъ все побѣждаетъ и никѣмъ не бываетъ побѣжденъ; онъ подаетъ помощь нуждающимся; имѣетъ силу возбуждать, останавливать, давать твердую устойчивость, опрокидывать; онъ, какъ подпора, держитъ и поддерживаетъ міръ; онъ будто сосцами или грудью питаетъ животныхъ. Въ числѣ этихъ дѣйствій, какъ видимъ, есть и важныя, и пустыя; тѣмъ не менѣе и тѣ и другія приписываются одному и тому же богу. Думаю, что причины и начала вещей, ради которыхъ они изъ одного міра рѣшили сдѣлать двухъ боговъ, Юпитера и Явуса, имѣютъ между собою гораздо болѣе сходства, чѣмъ поддержка міра съ корчленіемъ грудью животныхъ; и однакоже для двухъ послѣднихъ дѣйствій, такъ различныхъ между собою по силѣ и достоинству, они не нашли необходимости ввести двухъ боговъ, а оставили одного Юпитера, по одному дѣйствію названнаго Подпорою, по другому — Руминомъ (*сосцепитателемъ*). Я не скажу, что давать грудь со-

сущимъ животнымъ было бы болѣе прилично Юнонѣ, чѣмъ Юпитеру, особенно въ виду того, что есть еще богиня Румина (*сосцепитательница*), которая могла бы оказывать ей въ этомъ дѣлѣ помощь и услуги. Думаю, что мнѣ на это могли бы отвѣтить, что и сама Юнона есть не что иное, какъ тотъ же Юпитеръ, на основаніи тѣхъ же стиховъ Валерія Сорана, въ которыхъ говорится:

*Юпитеръ всемогущій, царей, вещей и боговъ
Прародитель, и мать боговъ.*

Но въ такомъ случаѣ за чѣмъ же назвали его и Руминомъ, когда при болѣе внимательномъ изслѣдованіи быть можетъ оказалось бы, что онъ самъ и есть та богиня Румина? Вѣдь если то, что въ одномъ и томъ же колосѣ на одного изъ боговъ возложена забота о колѣнцѣ растенія, на другаго о кожицѣ зерна, по справедливости казалось недостойнымъ величія боговъ, то не гораздо ли болѣе недостойно этого величія, что для одной такой вещи низшаго порядка, каково кормленіе грудью животныхъ, потребовалось могущество двухъ боговъ, изъ которыхъ одинъ самъ Юпитеръ, царь всего, и дѣлаетъ это даже не съ супругою своею, а съ невѣстъ-какою-то Руминою? Развѣ въ самомъ дѣлѣ онъ же самъ и есть эта Румина? Можетъ быть для животныхъ мужескаго пола онъ Руминъ, а для женскаго—Румина? Я сказалъ бы, что они не хотѣли назвать Юпитера женскимъ именемъ, если бы въ вышеприведенныхъ стихахъ его не называли и прародителемъ и матерью, и еслибы между другими его прозваніями я не встрѣчалъ, что онъ назывался и Пекуніею.—Такую богиню мы встрѣчали между мелкими боже-ствами, и упоминали объ ней въ четвертой книгѣ ¹⁾. Такъ какъ деньги (*ресипіат*) есть и у мужчинъ и у женщинъ, то пусть скажутъ, почему они не назвали его Пекуніею и Пекуніемъ, какъ назвали Руминою и Руминомъ?

¹⁾ См. выше кн. 4 гл. XXI и XXIV.

ГЛАВА XII.

О томъ, что Юпитеръ называется и Пекуніей.

А какое превосходное основаніе они указываютъ для этого названія! Онъ, говорятъ, называется и Пекуніей, потому что ему принадлежитъ все. Достойное основаніе для божественнаго имени! Казалось бы напротивъ, называть Пекунію того, кому принадлежитъ все, крайне унижительно и оскорбительно. Ибо въ сравненіи со всѣмъ, что находится на небѣ и на землѣ, что такое деньги, въ совокупности со всѣми безъ исключенія вещами, которыми человѣкъ обладаетъ при помощи денегъ? Это имя дала Юпитеру конечно жадность, чтобы любящій деньги представлялся любящимъ не какого нибудь бога, а самого царя всего. Совершенно другое было бы дѣло, если бы называли его богатствомъ. Ибо иное дѣло—богатство и иное—деньги. Богатыми мы называемъ людей мудрыхъ, добродѣтельныхъ, справедливыхъ, для которыхъ деньги или не имѣютъ никакого значенія, или же если и имѣютъ, то малое: они богаты болѣе добродѣтелями, благодаря которымъ и въ самыхъ тѣлесныхъ нуждахъ бывають довольны тѣмъ, что имѣютъ; бѣдными же мы называемъ людей жадныхъ, которые вѣчно стремятся къ приобрѣтеніямъ и всегда нуждаются: какъ бы много у нихъ ни было денегъ, они не нуждаются не могутъ. И самого истиннаго Бога мы называемъ богатымъ, но богатымъ не деньгами, а всемогуществомъ. Богатыми называются и люди денежныя, но въ душѣ они нуждаются, если жадны; равно и не имѣющіе денегъ называются бѣдными, но въ душѣ они богаты, если мудры. Какою же, спрашивается, должна казаться на взглядъ мудреца та теологія, гдѣ царь боговъ носитъ имя такого предмета, къ которому не имѣлъ пристрастія ни одинъ мудрецъ? Вѣдь если бы эта доктрина учила чему-либо отно-

сящемуся къ вѣчной жизни, въ такомъ случаѣ богъ, правитель міра, скорѣе названъ былъ бы не отъ денегъ, а отъ мудрости, любовь къ которой очищаетъ отъ грязи жадности, т. е. отъ любви къ деньгамъ.

ГЛАВА XIII.

О томъ, что изъ объясненія, которое дается Сатурну и Генію, видно, что и Сатурнъ и Геній суть Юпитеръ.

Но къ чему распространяться болѣе объ этомъ Юпитерѣ, къ которому должны быть относимы пожалуй и остальные боги, такъ что мнѣніе о многихъ богахъ останется пустымъ мнѣніемъ, такъ какъ въ своемъ лицѣ онъ представляетъ ихъ всѣхъ: считать ли ихъ его частями или силами, или же самого его представлять силою души, разлитую, какъ полагаютъ, по всему, и отъ частей, изъ которыхъ состоитъ настоящій видимый міръ, и отъ многоразличныхъ управленій природою получившею имена какъ бы многихъ боговъ? Въ самомъ дѣлѣ, что такое Сатурнъ? «Одинъ, говоритъ Варронъ, изъ главныхъ боговъ, которому принадлежитъ власть надъ всеми родами сѣянія»? Но изъ объясненія вышеприведенныхъ стиховъ Валерія Сорана не видно ли, что Юпитеръ есть міръ и что онъ изъ себя изливаетъ всё сѣмена и въ себя же снова принимаетъ ихъ? Слѣдовательно онъ самъ и есть тотъ, которому принадлежитъ власть надъ всеми родами сѣянія. Что такое Геній? „Богъ, говоритъ, который приставленъ и имѣетъ силу къ рожденію всѣхъ вещей“. Но кто другой, на ихъ взглядъ, имѣетъ эту силу, какъ не міръ, которому, сказано, «Юпитеръ прародитель и мать»? И хотя въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Геній есть разумный духъ каждаго человѣка, и слѣдовательно каждый человѣкъ имѣетъ отдѣльнаго Генія; но вѣдь подобный же этому духъ

міра есть богъ: выходить во всякомъ случаѣ, что самый универсальный, такъ сказать, геній есть именно духъ міра. Значить, это и есть тотъ, кого называютъ они Юпитеромъ. Ибо если каждый геній—богъ, а духъ всякаго человѣка—геній, то слѣдуетъ, что духъ всякаго человѣка—богъ; если же эта нелѣпность заставляетъ останавливаться и ихъ самихъ: то остается заключить, что богомъ единственно и по преимуществу они называютъ того генія, котораго называютъ и духомъ міра, т. е. Юпитера.

ГЛАВА XIV.

Объ обязанностяхъ Меркурія и Марса.

Но какъ отнести Меркурія и Марса къ какимъ-либо частямъ міра или дѣйствіямъ божіимъ, совершающимся въ міровыхъ элементахъ, они не додумались; а потому представили ихъ къ дѣламъ человѣческимъ, въ качествѣ заправителей рѣчью и войною. Если Меркурій имѣеть власть и надъ рѣчью боговъ, то господствуетъ и надъ самимъ царемъ боговъ, какъ скоро по его власти говоритъ или получаетъ способность говорить Юпитеръ; что безъ сомнѣнія нелѣпно. Если же ему приписывается власть только надъ человѣческою рѣчью, то невѣроятное дѣло, чтобы Юпитеръ, согласившись спускаться съ неба не только къ дѣтямъ, но и къ животнымъ, въ періодъ кормленія тѣхъ и другихъ молокомъ матери (почему и называется Руминомъ), не захотѣлъ принять на себя заботы о нашей рѣчи, которою мы превосходимъ животныхъ; слѣдовательно Меркурій и есть этотъ самый Юпитеръ. А если Меркурій означаетъ самую рѣчь, какъ показываютъ толкованія его имени (ибо Меркурій, какъ бы *благующій посредникъ* ¹⁾), названъ такъ отъ того, что рѣчь

¹⁾ Medicurrius, Mercurius.

между людьми перебѣгаетъ отъ одного къ другому; отсюда—погречески онъ называется 'Ερμῆς, такъ какъ рѣчь или толкованіе, которое конечно относится къ рѣчи же, называется ἑρμηνεία; поѣтому же, далѣе, онъ завѣдываетъ торговыми сдѣлками, такъ какъ между продающими и покупающими посредницею служить рѣчь; крылья на его головѣ и ногахъ означаютъ рѣчь, быстро несущуюся по воздуху; вѣстникомъ названъ онъ потому, что посредствомъ рѣчи дѣлаются извѣстными всѣ помыслы),—птакъ, если Меркурій означаетъ самую рѣчь, то онъ, и по ихъ собственному признанію, не богъ. Но когда они дѣлаютъ себѣ боговъ, которые не суть и демоны, то, обращаясь съ молитвою къ нечистымъ духамъ, они поступаютъ подъ власть тѣхъ, кто не боги, а демоны. Равнымъ образомъ, не придумавъ и для Марса никакого элемента или части міра, гдѣ бы онъ завѣдывалъ какими нибудь дѣйствіями природы, они назвали его богомъ войны, которая представляетъ собою дѣло человѣческое, и дѣло для нихъ нежеланное. Поѣтому, дай Счастіе вѣчный миръ,—Марсу нечего было бы дѣлать. Если же Марсъ означаетъ самую войну, какъ Меркурій—рѣчь; то какъ ясно то, что онъ не есть богъ: такъ отъ души желательно, чтобы не было и войны, хотя бы и ложно называемой богомъ.

ГЛАВА XV.

О нѣкоторыхъ звѣздахъ, которыя у язычниковъ названы именами ихъ боговъ.

Развѣ эти боги не суть ли уже тѣ звѣзды, которыя названы у нихъ именами этихъ боговъ? Ибо одну звѣзду они называютъ Меркуріемъ, другую Марсомъ. Но въ числѣ ихъ есть и такая звѣзда, которую они называютъ Юпитеромъ, хотя Юпитерь представляетъ у нихъ собою миръ; есть звѣзда, называемая Сатурномъ, хотя Сатурну, кромѣ того, они при-

писываютъ завѣдываніе не малою субстанціей. именно субстанціей всѣхъ сѣмянъ; есть звѣзда самая свѣтлая изъ всѣхъ, которую они называютъ Венерой. и однако ту же самую Венеру они считаютъ и Луною: впрочемъ, объ этой самой блестящей звѣздѣ спорятъ между собою, какъ о золотомъ яблокѣ, Юнона и Венера. По словамъ однихъ Люциферъ—звѣзда Венеры, по словамъ другихъ—звѣзда Юноны, но, какъ и обыкновенно, побѣда остается за Венерой. Большая часть изъ нихъ эту звѣзду приписываютъ Венерѣ, такъ что съ трудомъ можно найти кого-нибудь, кто думалъ бы иначе. Но кому не покажется смѣшнымъ, что звѣзда Юпитера, котораго они считаютъ царемъ всѣхъ, затмевается блескомъ звѣзды Венеры? Вѣдь его звѣзда должна бы быть настолько блестящею остальныхъ, насколько онъ самъ могущественнѣе всѣхъ прочихъ боговъ. Темнѣе, говорятъ, его звѣзда кажется потому, что она выше и гораздо дальше отъ земли. Но если высшее мѣсто этой звѣздѣ дало высшее достоинство Юпитера, то почему же Сатурнъ на небѣ выше Юпитера? Или суетность басни, дѣлающая Юпитера царемъ, не могла проникнуть до небесныхъ свѣтилъ, и чего Сатурнъ не получилъ ни въ своемъ царствѣ, ни въ Капитоліѣ, то предоставлено ему имѣть по крайней мѣрѣ на небѣ? Но почему не получилъ никакой звѣзды Янусъ? Если потому, что онъ—міръ и что въ немъ—всѣ онѣ, то вѣдь и Юпитеръ—міръ же, и однако звѣзду онъ имѣеть. Или онъ обдѣлалъ свое дѣло по силѣ возможности, и вмѣсто одной звѣзды, которой не имѣеть между свѣтилами, получилъ столько лицъ на землѣ? Наконецъ, если Меркурія и Марса, дабы ихъ можно было отнести къ числу боговъ, считаютъ частями міра единственно ради ихъ звѣздъ; такъ какъ рѣчь и война ни въ какомъ случаѣ не суть части міра, а человѣческія дѣла: то почему же Овену, Тельцу, Раку и Скорпиону и прочимъ небеснымъ знакамъ, изъ коихъ каждый состоитъ не изъ

одной звѣзды, а изъ многихъ, и которые, какъ утверждаютъ, находятся гораздо выше звѣздъ Меркурія и Марса, на самомъ верхнемъ небѣ, гдѣ болѣе постоянное движеніе даетъ небеснымъ свѣтиламъ неуклонный путь,—почему имъ не посвятили они никакихъ алтарей, никакихъ культовъ, никакихъ храмовъ? Почему не причислили ихъ, не говорю уже къ богамъ избраннымъ, но хотя бы къ богамъ въ родѣ плебеевъ?

ГЛАВА XVI.

Объ Аполлонѣ, Діанѣ и прочихъ избранныхъ богахъ которыхъ считаютъ частями міра.

Хотя, по ихъ мнѣнію, Аполлонъ—врачъ и гадатель, однако, чтобы поставить его въ какой-нибудь части міра, они называютъ его и солнцемъ. Подобно ему, сестру его Діану считаютъ луною и начальницей дорогъ. Отсюда называютъ ее и дѣвою, потому что на дорогѣ не рождается ничего. Поэтому же обонхъ представляютъ держащими стрѣлы: такъ какъ оба свѣтила свои лучи простираютъ до самой земли. Вулкана считаютъ огнемъ міра, Нептуна—водами міра. Дитиса-отца, т. е. Орка, земною и подземною частями міра. Либера и Цереру приурочиваютъ къ сѣмени, перваго къ мужескому, послѣднюю къ женскому,—Либера къ жидкимъ сѣменамъ, Цереру къ сухимъ. И это все во всякомъ случаѣ относится къ міру, т. е. къ Юпитеру, который потому и названъ прародителемъ и матерью, что всѣ сѣмена исходятъ изъ него и снова въ него же возвращаются. Такъ какъ саму Великую Мать они считаютъ за одно съ Церерою, которая, по словамъ ихъ, есть не что иное, какъ земля, и ее же представляютъ Юноною; то и ей приписываютъ второстепенныя причины: потому что о Юпитерѣ говорится: прародитель и мать боговъ; такъ какъ, по ихъ представленію, Юпитеръ олицетворяетъ собою весь міръ. Равно и

Минерву,—поелику отдали ей въ вѣденіе человѣческія искусства и не нашли звѣзды, гдѣ бы помѣстить ее,—назвали высшимъ эфиромъ и луною. И саму Весту называютъ величайшею изъ богинь потому, что она—земля; хотя ей же сочли нужнымъ приписать и тотъ міровой огонь, который служитъ для обыденныхъ нуждъ людей,—огонь болѣе мягкій, а не такой разрушительный, который находится въ завѣдываніи Вулкана. Такимъ образомъ всѣ эти избранные боги, по ихъ мнѣнію, представляютъ собою настоящій міръ, одни—весь, другіе—части его; весь, какъ напр. Юпитеръ,—части, какъ напр. Геній, Великая Мать, Солнце и Луна, или лучше—Аполлонъ и Діана. Иногда одному богу приписываютъ многія вещи, а иногда одну вещь раздѣляютъ между многими богами. Такъ многія вещи приписываютъ напр. Юпитеру; Юпитеръ—и весь міръ, Юпитеръ и одно небо, и одна звѣзда Юпитеръ. Равнымъ образомъ Юнона—и владычица надъ второстепенными причинами, и Юнона воздухъ, и Юнона земля, и была бы звѣзда Юнона, если бы за нею осталась побѣда надъ Венерой. Точно также Минерва—и высшій эфиръ, и также Минерва луна, которую помѣщаютъ на самой низшей границѣ эира. Одну же вещь раздѣляютъ между многими богами такимъ образомъ: и Янусъ есть міръ, и Юпитеръ; равно и Юнона—земля, и Великая Мать и Церера—земля.

ГЛАВА XVII.

О томъ, что самъ Варронъ свое мнѣніе о богахъ выдавалъ за сомнительное.

И какъ то, о чемъ для примѣра я упомянулъ, такъ и все прочее они не объясняютъ, а скорѣе запутываютъ; соотвѣтственно тому, куда толкаетъ ихъ мнѣніе, они бросаются то туда, то сюда, и отскакиваютъ и оттуда и отсюда; такъ что и самъ Варронъ предпочиталъ лучше во всемъ

сомнѣваться, чѣмъ что-либо утверждать. Такъ, закончивши первую изъ послѣднихъ трехъ книгу о богахъ извѣстныхъ и начавъ во второй говорить о богахъ неизвѣстныхъ, онъ замѣчаетъ: „Если въ этой книгѣ я буду излагать мнѣнія о богахъ сомнительныя, порицать меня за это не слѣдуетъ. Тотъ, на чей взлядъ можно и должно говорить рѣшительно, пусть, выслушавъ меня, сдѣлаетъ это самъ. Я скорѣе могу согласиться подвергнуть сомнѣнію то, о чемъ я сказалъ въ первой книгѣ, чѣмъ направить къ какому нибудь положительному выводу все то, о чемъ буду говорить въ настоящей“. Такимъ образомъ, онъ сдѣлалъ сомнительною не только книгу о богахъ неизвѣстныхъ, но и книгу о богахъ извѣстныхъ. Далѣе, въ третьей книгѣ о богахъ избранныхъ, сказавши напередъ о томъ, о чемъ считалъ нужнымъ сказать изъ естественной теологіи, и приступая къ пустотѣ и бессмысленной лживости теологіи гражданской, къ которымъ его не истина вела, а толкалъ авторитетъ предковъ, онъ говоритъ: „Я буду писать въ этой книгѣ о богахъ римскаго народа публичныхъ, которымъ посвятили храмы и которымъ усвоили множество отличительныхъ признаковъ, но буду писать подобно Ксенофану Колофонскому, т. е. буду излагать, что думаю, а не то, что утверждаю. Ибо человѣку свойственно имѣть по этому предмету мнѣнія, знать же—Богу“. Итакъ, намѣреваясь говорить о человѣческихъ установленіяхъ, онъ съ робостію обѣщаетъ говорить не о томъ, что дознано и во что вѣрять несомнѣннѣйшимъ образомъ, а о томъ, на счетъ чего имѣются только мнѣнія и что подлежитъ сомнѣнію. Ибо въ какой степени онъ зналъ, что существуетъ міръ, что существуютъ небо и земля, что небо сіяетъ свѣтилами, а земля плодородна отъ сѣмянъ, и прочее тому подобное; и въ какой степени вѣрилъ, съ извѣстнымъ убѣжденіемъ, что всею этою громадою управляетъ нѣкоторая невидимая и могущественная сила,—онъ не могъ

въ такой же степени утвердительно говорить о Янусѣ, что онъ—мѣръ, или давать объясненія относительно Сатурна, какимъ образомъ онъ и отецъ Юпитера, и въ тоже время подчиненъ ему, какъ царю, и проч.

ГЛАВА XVIII.

Какая болѣе вѣроятная причина послужила къ усилению языческаго заблужденія.

Болѣе вѣроятное толкованіе имъ дается въ томъ случаѣ, если представить себѣ, что они были люди, и что каждому изъ нихъ, сообразно съ его дарованіями, правами, дѣйствіями и приключеніями, посвящены были людьми, которымъ вздумалось сдѣлать ихъ изъ лести богами, культы и празднества, и что это, благодаря людямъ, по душѣ похожимъ на демоновъ и жаднымъ до вещей смѣхотворныхъ, мало по малу получило широкое распространеніе въ народѣ, при посредствѣ съ одной стороны поэтовъ, подкрашивавшихъ эти вещи ложью, съ другой — прельщавшихъ ими злыхъ духовъ. Вѣдь гораздо скорѣе могло случиться, что юноша, не питавшій сыновнихъ чувствъ, или опасавшійся быть убитымъ со стороны не питавшаго отеческихъ чувствъ отца, и въ тоже время властолюбивый, свергъ отца съ престола, чѣмъ то, о чемъ толкуетъ Варронъ, т. е. будто Сатурна-отца превзошелъ властію Юпитеръ-сынъ потому, что причина, которую усвояютъ Юпитеру, существуетъ раньше, чѣмъ сѣмя, которое усвояется Сатурну. Если бы это было такъ, Сатурнъ никогда не былъ бы ни болѣе раннимъ, чѣмъ Юпитеръ, ни отцемъ его: потому что причина всегда предшествуетъ сѣмени и никогда не рождается изъ сѣмени. Но когда пустѣйшія басни или человѣческія дѣянія стараются сдѣлать почетными путемъ естественныхъ толкованій, то и самые остроумные люди встрѣчаютъ такіа трудности,

что мы принуждены бываемъ сожалѣть объ ихъ напрасныхъ усиліяхъ.

ГЛАВА XIX.

О толкованіяхъ, при помощи которыхъ оправдывается почитаніе Сатурна.

О Сатурнѣ, говоритъ Варронъ, утверждаютъ, что онъ пожираетъ обыкновенно то, что отъ него рождается; потому что сѣмена возвращаются туда же, откуда рождаются. А что ему вмѣсто Юпитера дали сожрать глыбу земли, это означаетъ, говоритъ онъ, что хлѣбныя зерна, которыя начали садить, прежде чѣмъ открыта была польза обработыванія земли плугомъ, люди зарывали въ землю своими руками. — Но въ такомъ случаѣ Сатурнъ долженъ бы называться самою землею, а не сѣменемъ: ибо земля въ нѣкоторомъ смыслѣ пожираетъ то, что она рождаетъ, когда рождающіяся изъ нея сѣмена опять возвращаются въ нее же. Да и то, что Сатурнъ, какъ говорятъ, за Юпитера принялъ глыбу земли, какое это имѣетъ отношеніе къ тому, что люди прикрывали собственноручно сѣмя глыбою земли? Развѣ то сѣмя, которое прикрывалось глыбою земли, не пожиралось подобно остальному? Вѣдь дѣло представляется такъ, будто человекъ накладывавшій на сѣмя глыбу земли, выкрадывалъ сѣмя, подобно тому, какъ выграденъ былъ Юпитеръ у Сатурна, когда ему подложена была глыба земли; а между тѣмъ покрывая сѣмя глыбою земли, онъ дѣлалъ это скорѣе для того, чтобы сѣмя вѣрнѣе было пожрано. Далѣе, Юпитеръ въ такомъ случаѣ представляетъ собою сѣмя, а не причину, какъ говорилось нѣсколько выше. — Но что дѣлать людямъ, которые, толкуя глупыя вещи, не находятъ, что сказать умнаго? Сатурнъ, говоритъ Варронъ, имѣетъ серпъ, въ знакъ земледѣлія. Но вѣдь въ его царствованіе еще не было земледѣлія и времена этого царство-

ванія, какъ онъ самъ же толкуеть эти самыя басни, потому представляются болѣе ранними, что первобытные люди питались тѣми сѣменами, которыя земля рождала сама собою? Развѣ потерявши скипетръ, онъ потому получилъ серпъ, что, будучи въ прежнее время недѣятельнымъ царемъ, въ царствованіе сына сдѣлался трудолюбивымъ работникомъ?—Затѣмъ, нѣкоторые, говорятъ, потому приносили ему въ жертву дѣтей, какъ напр пунны и даже нѣкоторые изъ предковъ, равно и галлы, что самое лучшее изъ всѣхъ сѣмянъ есть человѣческое рожденіе.—Нужно ли распространяться объ этой суетности, соединенной съ звѣрскою жестокостію? Лучше обратимъ вниманіе на то, что подобныя толкованія относятся не къ истинному Богу, живой, безтѣлесной и непреложной природѣ, отъ которой надлежитъ просить вѣчной блаженной жизни, а возвращаются въ предѣлахъ вещей тѣлесныхъ, временныхъ, измѣнчивыхъ и смертныхъ. — Что же касается того, продолжаетъ онъ, что Сатурнъ, какъ разсказывается въ басняхъ, оскотилъ своего отца небо, то это означаетъ, что божественное сѣмя находится не во власти неба, а во власти Сатурна. И это, насколько можно понимать, потому собственно, что на небѣ ничто не рождается изъ сѣмянъ. — Но въ такомъ случаѣ, если Сатурнъ—сынъ неба, то онъ—сынъ Юпитера; потому что во многихъ мѣстахъ онъ съ настойчивостію утверждаетъ, что Юпитеръ представляетъ собою небо. Такъ по большей части то, что не отъ истины, никѣмъ не опровергаемое, само ниспровергаетъ себя.—Кроносомъ, говорятъ, онъ названъ потому, что греческое слово *κρόνος* означаетъ пространство времени, безъ котораго, сѣмя не можетъ оплодотвориться. Это и многое другое говорится о Сатурнѣ, и все относится къ сѣмени. Но достаточно бы для сѣмянъ по крайней мѣрѣ одного Сатурна, съ его такою властію: къ чему же сочиняются для нихъ еще другіе боги, въ особен-

ности Либеръ и Либера, т. е. Церера? Объ этихъ послѣднихъ онъ говоритъ такъ много касающагося сѣмени, какъ будто о Сатурнѣ не говорилъ ничего.

ГЛАВА XX.

О культѣ Елевзинской Цереры.

Въ культѣ Цереры превозносятся похвалами такъ называемыя Елевзинскія тайнства, которыя у афинянъ были въ особомъ уваженіи. О нихъ онъ не даетъ никакихъ объясненій, кромѣ того, что касается зерноваго хлѣба, изобрѣтеннаго Церерой, и Прозерпины, которую она потеряла, когда ее похитилъ Оркъ. Эта послѣдняя, по его словамъ, означаетъ плодородіе сѣмянъ: когда-де однажды его не было, и земля представляла печальный видъ своею бесплодностію, сложилось мнѣніе, что дочь Цереры, т. е. плодородіе, которое отъ выползанія (*proserpendo*) называютъ Прозерпиной, похитилъ Оркъ и держитъ ее въ преисподней; по этому поводу было установлено публичное сѣтованіе; когда же снова настало плодородіе, Прозерпина была возвращена,—снова явилась радость и были установлены празднества. Затѣмъ онъ говоритъ, что въ мистеріяхъ Цереры передается много такого, что относится именно только къ изобрѣтенію плодовъ.

ГЛАВА XXI.

О мерзости культа, совершаемаго въ честь Либера.

А до какой мерзости достигъ культъ Либера, которому они усвояютъ власть надъ жидкими сѣменами, а потому не только надъ жидкостями плодовъ, между которыми своего рода первое мѣсто занимаетъ вино. но и надъ сѣменемъ животныхъ,—объ этомъ жаль было бы говорить по причинѣ продолжительности рѣчи; но не жаль въ виду ихъ горделивой

тупости. Впрочемъ, я все таки нахожу себя вынужденнымъ опустить кое-что, такъ какъ всего очень много. Онъ говоритъ, что на перекресткахъ Италіи нѣкоторыя подробности культа Либера совершаются съ такою отвратительною свободою, что въ честь его почитается срамный мужескій членъ, — почитается не съ сохраненіемъ сколько-нибудь скромной тайны, а съ открытымъ и восторженнымъ непотребствомъ. Такъ, этотъ гнусный членъ, положенный въ телѣжкѣ, въ дни праздника Либера съ великимъ почетомъ возится сначала въ деревняхъ на перекрестки, а затѣмъ ввозится и въ самый городъ. Въ городкѣ же Лавиніи Либеру посвященъ былъ цѣлый мѣсяцъ, въ продолженіе котораго у всѣхъ на языкѣ были похабнѣйшія слова, пока этотъ членъ не провозили чрезъ площадь и не прятали въ своемъ мѣстѣ. На этотъ почтенный членъ почетнѣйшая изъ матронъ обязана была открыто возложить корону! Такъ, изволите ли видѣть, долженъ былъ умиловляемъ быть богъ Либеръ ради урожая; такъ должна была удаляема быть язва отъ полей: нужно было принудить благородную женщину сдѣлать публично такое, чего не позволила бы себѣ сдѣлать въ театрѣ и блудница, если бы зрительницами были благородныя женщины. Стало быть, одного Сатурна считалось недостаточнымъ для сѣмянъ, если нечистая душа имѣла случай къ изобрѣтенію многихъ боговъ, и отвратившись вслѣдствіе нечистоты отъ единого Бога и чрезъ многихъ боговъ развратившись жадностію еще къ большей нечистотѣ, называла эти святотатства священнодѣйствіями и отдавала себя на поруганіе и оскверненіе толпы мерзкихъ демоновъ.

ГЛАВА XXII

О Нептунѣ, Салаціи и Венерѣ.

У Нептуна уже была жена Салація, подъ именемъ которой они разумѣли нижній слой моря: для чего же въ нему

присоединена еще Венилія, какъ не для умноженія случаевъ обращенія къ демонамъ безъ всякой нужды въ новыхъ культахъ, единственно по капризу развращенной души? Но выслушаемъ толкованіе знаменитой теологіи, которое, указавъ на это основаніе, можетъ быть удержать насъ отъ такого порицанія. Венилія, говоритъ Варронъ, представляетъ собою волну, которая идетъ къ берегу, а Салація—волну, уходящую въ море.—Зачѣмъ же, спрашивается, двѣ богини, когда волна и приходящая и уходящая—одна и та же волна? Въ этомъ-то и проявляется бѣшеная похоть многобожія. Хотя вода приходящая и уходящая остается одною и тою же, однако, воспользовавшись этимъ случаемъ для двукратнаго обращенія къ чарамъ демоновъ, болѣе оскверняется суетный духъ, *ходи и не обращайся* (Пс. 77, 39). Прошу тебя, Варронъ, или же васъ, читавшихъ подобныя сочиненія столь ученыхъ мужей и тщеславящихся, что знаете нѣчто великое,—растолкуйте мнѣ это, не скажу—согласно съ тою вѣчною и непреложною природою, которая есть единый истинный Богъ, а согласно хоть бы съ душою міра и ея частями, за которыя вы считаете своихъ боговъ. Что вы представляете Нептуна частію міровой души, проникающей море, это конечно заблужденіе, но заблужденіе еще терпимое. Но вода, приходящая къ берегу и уходящая въ море, суть ли это двѣ части міра, или двѣ части міровой души? Кто изъ васъ настолько безумствуетъ, чтобы такъ умствовать? Зачѣмъ же сдѣлали вамъ двухъ богинь, какъ не затѣмъ, что мудрые предки ваши предвидѣли не то, что надъ вами будутъ царствовать многіе боги, а то, что васъ подчинятъ своей власти многіе демоны, находящіе удовольствіе въ суетности и лжи подобнаго рода? А почему Салація перестала по этому толкованію быть нижнимъ слоемъ моря, въ качествѣ котораго она являлась подчиненною мужу? Вѣдь вы полагаете ее лишь на поверхности, когда говорите, что она—волна

назадъ уходящая. Ужь не потому ли она прогнала своего мужа съ поверхности моря, что разсердилась на него за то, что онъ взялъ себѣ любовницею Венилію?

ГЛАВА XXIII.

О землю, которую Варронъ считаетъ богиней на томъ основаніи, что тотъ міровой духъ, который признается богомъ, проникаетъ и эту низшую часть своего тѣла и сообщаетъ ей божественную силу.

Земля конечно одна и таже, хотя мы и видимъ ее наполненною свойственными ей животными: зачѣмъ же ее, это великое тѣло и низшую часть въ міровыхъ стихіяхъ, считаютъ они богиней? Развѣ потому, что она плодородна? Но почему же въ такомъ случаѣ не считаются за боговъ скорѣе люди, которые дѣлаютъ землю болѣе плодородною чрезъ культивированіе, т. е. когда пахутъ ее, а не когда ей молятся? Но, говорятъ они, богиней ее дѣлаетъ часть міровой души, которая ее проникаетъ. — Да развѣ бытіе души въ людяхъ не болѣе очевидно, и возможно относительно этого предмета какое-нибудь сомнѣніе? А между тѣмъ люди не считаются же богами; и что всего прискорбиѣе, по странному и жалкому заблужденію, покорно чтутъ и боготворять тѣхъ, кто не боги и кого они сами лучше. Тотъ же самый Варронъ, въ этой же книгѣ о богахъ избранныхъ, утверждаетъ, что во всей и всякой природѣ существуетъ три степени души. Первая проникаетъ всѣ вообще живыя части тѣла, но имѣетъ не чувство, а только лишь оживляющую силу; такъ въ нашемъ тѣлѣ эта сила, говорить, распространена въ костяхъ, ногтяхъ, волосахъ; въ мірѣ неодушевленномъ безъ чувства питаются, растутъ, и въ своемъ родѣ живутъ деревья. Вторая степень души—та, въ

которой есть чувство: эта сила существуетъ въ глазахъ, ушахъ, носѣ, устахъ, осязаніи. Третья степень души—самая высшая, называемая духомъ, въ которомъ преобладаетъ разумность: эту часть міровой души онъ называетъ богомъ, а въ насъ—гевіемъ. Въ неодушевленномъ мірѣ камни и видимая нами земля, въ которыхъ чувство не проявляется, суть какъ бы кости и ногти Божіи. Солнце же, луна, звѣзды, которыя мы чувствуемъ и которыми онъ самъ чувствуетъ, суть его чувства. Наконецъ, эфиръ—духъ Божій: отъ его силы, когда она достигаетъ небесныхъ свѣтилъ, эти свѣтила дѣлаются богами,—когда проникаетъ въ землю, земля является богинею Теллурой, а когда—въ море и океанъ, они становятся богомъ Нептуномъ.

Но пусть онъ вернется назадъ изъ области этой теологіи, которую считаетъ естественною, и куда уклонился онъ какъ бы для отдыха, будучи утомленъ разнаго рода увертками и околичностями. Пусть, говорю, вернется назадъ онъ къ теологіи гражданской: я пока на ней останавливаю его вниманіе, еще о ней говорю я. Я не распространяюсь пока о томъ, что если въ неодушевленномъ мірѣ земля и камни похожи на наши ногти и кости, то они, какъ и эти послѣдніе, не имѣютъ разумности, какъ не имѣютъ и чувства; или что если наши кости и ногти потому имѣютъ-де разумность, что они въ человѣкѣ, который обладаетъ разумностію, то называющій землю и камни міровыми богами, настолько же глупъ, насколько глупъ и тотъ, кто кости и ногти въ насъ назвалъ бы людьми. Объ этомъ предметѣ намъ слѣдуетъ вести рѣчь скорѣе съ философами; въ данномъ же случаѣ я хочу говорить съ политикомъ. Ибо весьма возможно, что хотя онъ и казался желающимъ мало по малу перейти въ область естественной теологіи, какъ въ область свободы своего рода, однако, пиша книгу о богахъ

избранныхъ и сознавая, что ведетъ рѣчь въ этой книгѣ, онъ не терялъ ее изъ виду; и вышеизложенное высказалъ съ тою цѣлю, чтобы не показалось, будто его предки, или другія государства чтили Теллuru и Нептуна напрасно. Итакъ спрашиваю: если земля одна, то почему часть міровой души, проникающая землю, не представляетъ собою также одну богиню, которую они называютъ Теллуруо? Если же она представляетъ собою одну богиню, то гдѣ въ такомъ случаѣ будетъ Оркъ, братъ Юпитера и Нептуна, котораго называютъ еще Дитисомъ-отцемъ? Гдѣ будетъ его супруга Прозерпина, которая, по другому, въ тойже самой книгѣ изложенному, мнѣнію, представляетъ собою не плодородіе земли, а низшую ея часть? Если же скажутъ, что часть міровой души, когда она проникаетъ верхнюю часть земли, представляетъ собою бога Дитиса-отца, а когда—низшую, богиню Прозерпину: то что же будетъ тогда Теллура? Вѣдь все то, что она сама и есть, дѣлится на двѣ указанныя части, и на двухъ боговъ, такъ что невозможно понять, что такое будетъ она третья и гдѣ будетъ находиться. Развѣ ужъ не скажетъ-ли кто нибудь, что эти боги, Оркъ и Прозерпина, вмѣстѣ взяты, составляютъ одну Теллuru, и что слѣдовательно не три есть бога, а или одинъ, или два? Однако они называются тремя, тремя считаются, и почитаются каждый своими особыми алтарями, капищами, культурами, жрецами; и слѣдовательно—тремя особыми демонскими чарами, оскверняющими развращенную душу. Пусть скажутъ еще, какую часть земли проникаетъ часть міроваго духа, чтобы дать бытіе богу Теллумону?—Никакой, говоритъ Варронъ, но одна и таже земля имѣетъ двоякую рождающую силу—мужескую, производящую сѣмена, и женскую, принимающую ихъ и питающую: отсюда отъ женской силы она называется Теллурой, а отъ мужеской—Теллумономъ.—Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ понтифексы, какъ показываетъ онъ же самъ,

прибавивъ еще двухъ другихъ, предоставляютъ это божественное дѣло четыремъ богамъ—Теллурѣ, Теллумону, Альтору и Рузору?—О Теллурѣ и Теллумонѣ уже сказано,—Альтору почему?—Потому что, говоритъ онъ, все, что рождается, питается (*aluntur*). Рузору почему?—Потому что, говоритъ, все возвращается снова (*rursus*) къ тому же самому.

ГЛАВА XXIV.

О прозваніяхъ Теллуры и ихъ значеніяхъ, которыя, если бы даже были указаніями и на многія вещи, не должны подтверждать мнѣнія о многихъ богахъ.

Но ради этой четвероюкой силы земля должна бы имѣть четыре прозванія, а не представлять собою четырехъ боговъ, подобно тому, какъ одинъ Юпитеръ и одна Юнона имѣютъ каждый многія прозванія. Подъ этими прозваніями разумѣтся многообразная сила, относящаяся къ одному богу или одной богинѣ; но множество ихъ не представляетъ собою множества боговъ. Какъ бываетъ это по временамъ и съ самыми презрѣнными женщинами, что онѣ тяготятся толпою тѣхъ, къ которымъ влечетъ ихъ похоть, такъ и душа, сдѣлавшаяся презрѣнною и поруганною нечистыми духами, хотя иначе находить удовольствіе въ умноженіи боговъ, которыми она оскверняется, но иногда и тяготится этимъ. И самъ Варронъ, какъ бы устыдившись этой толпы, утверждаетъ, что богиня Теллура одна. «Она же, говоритъ онъ, называется Великою Матерью: тимпанъ, который имѣетъ она, означаетъ земной шаръ, башни на головѣ—города, сѣдалища вокругъ нея—то, что хотя движется все, но сама она неподвижна. Галловъ ставятъ для служенія ей въ знакъ того, что тѣ, которые не имѣютъ сѣмени, должны служить землѣ, потому что въ ней находится все. А что предъ нею коверкаются, этимъ, говоритъ онъ, дается понять, что воздѣлы-

вающіе ее не должны быть праздными: ибо имъ всегда есть что дѣлать. Звонъ цимбаловъ, громъ отбрасываемыхъ желѣзныхъ орудій, рукоплесканія и трескотня всего этого показываютъ, что бываетъ при воздѣлываніи земли; мѣдь предпочитается потому, что древніе воздѣлывали землю мѣдью, прежде чѣмъ изобрѣтено было желѣзо. Присоединяютъ къ тому же, говоритъ Варронъ, находящагося на свободѣ и прирученнаго льва, для показанія, что нѣтъ ни одного рода земли, такого отдаленнаго и суроваго, котораго нельзя было бы подвергнуть обработкѣ». Продолжая далѣе свою рѣчь, онъ говоритъ: «Теллुरु-мать назвали многими именами и прозваніями, полагая, что она представляетъ собою многихъ боговъ. Ее считаютъ Опою потому, что отъ обработыванія (*opere*) она является лучшею; назвали Матерью потому, что рождаетъ весьма многое; великою потому, что производитъ пищу; Прозерпиной, потому что изъ нея производятъ (*proserpant*) плодовые растенія; Вестой, потому что покрывается (*vestiatur*) травами. Такимъ образомъ, говорить, не безъ основанія относится къ ней другія богини». Но, спрашивается, если это—одна богиня,—хотя на самомъ дѣлѣ она и не богиня даже,—зачѣмъ почитаютъ многихъ? Вѣдь все это—многія имена одной богини, а не столько богинь, сколько именъ. Но гнетомъ лежитъ авторитетъ заблуждавшихся предковъ и въ самомъ же Варронѣ вызываетъ опасенія тотчасъ же вслѣдъ за высказаннымъ мнѣніемъ. Оговариваясь, онъ замѣчаетъ: «Этому не противорѣчитъ то мнѣніе предковъ объ этихъ богиняхъ, по которому они представляли ихъ многими».—Какимъ же образомъ не противорѣчитъ, когда иное дѣло—если одна богиня имѣетъ многія имена, и иное—богинь много? «Но, говоритъ онъ, возможно, что таже самая вещь и одна, и заключаетъ въ себѣ нѣчто многое». Согласенъ, что въ одномъ человѣкѣ есть нѣчто многое, но развѣ поэтому—и многіе люди? Равно и въ одной

богинѣ можетъ быть нѣчто многое, но развѣ поэтому она и многія богини? Впрочемъ, пусть, какъ хотятъ,—раздѣляютъ, соединяють, умножаютъ, распутываютъ и перепутываютъ.—

Итакъ вотъ они, эти знаменитыя мистеріи Теллурѣ и Великой Матери: въ нихъ все имѣетъ отношеніе къ смертнымъ сѣменамъ и къ обработыванію земли. Неужели же относящіяся къ этому предмету и имѣющія подобный смыслъ вещи—тимпанъ, башни, галлы, бессмысленное коверканіе, громъ цимбаловъ и присочиненіе львовъ общають кому-нибудь вѣчную жизнь? Неужели оскопленные галлы прислуживаютъ этой богинѣ въ знакъ того, что тѣ, которые не имѣютъ сѣмени, должны служить землѣ? Не самое-ли служеніе это скорѣе дѣлаетъ ихъ не имѣющими сѣмени? Приобрѣтають-ли, дѣйствительно, сѣмя служеніемъ этой богинѣ неимѣющіе его, а не лишаются скорѣе служеніемъ ей этого сѣмени тѣ, которые его имѣютъ? И не замѣчаютъ, какую силу взяли злые демоны, когда не смѣя общать ничего великаго, были въ состояніи потребовать такой жестокости! Если бы земля не считалась богиней, люди воздѣлывали бы ее, чтобы отъ ней получать сѣмена, а не звѣрствовали бы надъ самими собой, чтобы ради нея терять свое сѣмя. Если бы ее не считали богиней, она дѣлалась бы плодородною благодаря чужимъ рукамъ, но не принуждала бы челоуѣка дѣлать себя бесплоднымъ своими собственными руками. Когда въ культѣ Либера почтенная матрона возлагаетъ вѣнокъ на мужескій половой органъ въ глазахъ толпы народа, въ присутствіи, быть можетъ, краснѣющаго отъ стыда (если только въ людяхъ есть хоть капля стыда) мужа; когда въ брачныхъ церемоніяхъ новобрачной приказываютъ сѣсть на стволъ Пріапа: то эти вещи гораздо терпимѣе и легче въ сравненіи съ этою звѣрскою мерзостію, или мерзкимъ звѣрствомъ, которымъ тотъ и другой полъ одурачивается демонскими ухищреніями такъ, что вслѣдствіе добро-

вольнаго калѣчества дѣлается ни тѣмъ, ни другимъ. Тамъ боятся вліянія дурнаго глаза на поля; здѣсь не боятся отрубать свои члены. Тамъ стыдливость новобрачной оскорбляется такимъ образомъ, что у ней не отнимается не только способность чадородія, но и дѣвство; здѣсь же мужчина уродуется такъ, что ни въ женщину не превращается, и не остается мужчиной.

ГЛАВА XXV.

Какое толкованіе даютъ греческіе мудрецы оскотленію Атиса.

Варронъ не упомянулъ и не далъ объясненія извѣстному Атису, въ воспоминаніе любви къ которому оскотляется галлъ. Но мудрые и ученые греки отнюдь не упустили разъяснить эту знаменитую святыню. Такъ какъ внѣшній видъ земли весною прекраснѣе, чѣмъ въ остальные времена года, то извѣстный философъ Порфирій доказываетъ, что Атисъ означаетъ цвѣты,—потому представляется и оскотленнымъ, что цвѣты опадаютъ передъ плодомъ. Такимъ образомъ въ параллель съ цвѣтомъ поставленъ не самый чловѣкъ, или якобы-чловѣкъ, называемый Атисомъ, а его половые органы. Последніе именно при жизни его и опали,—въ дѣйствительности же не опали и не сорваны, а просто были раздроблены на части; за потерю же этого цвѣта неплодъ какой-нибудь послѣдовалъ, а совершенное безплодіе. Чѣмъ же онъ остался потомъ, и что у него оскотленнаго сохранилось такое, что имѣло бы упомянутое значеніе? Съ чѣмъ можно было бы это сопоставить, и какой вывести изъ этого смыслъ? Или поломавъ надъ этимъ напрасно голову и ничего не придумавъ, станутъ утверждать, что предпочтительнѣе слѣдуетъ вѣрить тому, что разгласила молва и что записано въ книгахъ о чловѣкѣ оскотленномъ? Варронъ нашъ

былъ правъ, что умолчалъ и не захотѣлъ говорить объ этихъ вещахъ: онѣ не были неизвѣстны ему, какъ человѣку ученѣйшему.

ГЛАВА XXVI.

О мерзости культа Великой Матери.

Равнымъ образомъ не захотѣлъ онъ говорить, — не припомню по крайней мѣрѣ, чтобы я читалъ у него гдѣ нибудь, — о посвященныхъ Великой Матери, наперекоръ всякой стыдливости мужчинъ и женщинъ, женоподобныхъ людяхъ, которые съ напояженными волосами, набѣленными лицами, съ расслабленными членами и женскою походкою, еще до вчерашняго дня расхаживали по площадямъ и улицамъ Карфагена, выпрашивая себѣ у толпы средствъ для мерзкой жизни. Не нашлось толкованія, устыдился разумъ, умолкло краснорѣчіе. — Великая Мать побѣдила всѣхъ сыновей-боговъ величіемъ не божественности, а преступленія. Съ чудовищемъ этимъ не сравнится даже чудовищность Януса. Тотъ отличался въ статуяхъ только безобразіемъ, а эта обнаруживала въ культѣ безобразіе, соединенное съ жестокостію; тому прибавляли члены изъ камня, а эта отнимала члены у людей. Въ сравненіи съ этимъ позоромъ кажутся малыми стольгія и такія постыдныя дѣла самого Юпитера: среди любовныхъ связей съ женщинами онъ опозорилъ небо связью съ однимъ лишь Ганимедомъ; а эта столькими женоподобными людьми, публично признанными, и землю осквернила, и небо оскорбила. По отношенію къ этой отвратительнѣйшей жестокости можно бы пожалуй сравнить съ нею или поставить выше нея Сатурна, который приказалъ оскотить своего отца; но въ культѣ Сатурна люди могли быть убиваемы скорѣе чужими руками, чѣмъ оскотляемы своими собственными. Онъ, какъ говорятъ поэты, пожиралъ своихъ

сыновей, и физики выводятъ отсюда, какія хотятъ, толкованія; исторія же гласитъ, что онъ просто умерщвлялъ ихъ. Но если пунны приносили ему въ жертву своихъ дѣтей, то римляне не приняли этого. Между тѣмъ Великая Мать ввела существованіе скопцевъ и въ римскихъ храмахъ, и поддерживала этотъ дикій обычай; ее считаютъ пособницей римскому могуществу,—ее, отсѣгавшую мужскіе половые органы! Что значать въ сравненіи съ этимъ зломъ кражи Меркурія, распутство Венеры, срамныя и мерзвія дѣла остальныхъ боговъ, о которыхъ мы узнали бы изъ книгъ, если бы это каждодневно не воспѣвалось и не представлялось въ театрахъ? Но всѣ эти вещи чтó значать въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, величіе котораго къ лицу было только Великой Матери? Говорятъ, что всѣ эти вещи измышлены по преимуществу поэтами; но развѣ поэты выдумали то, что онѣ богамъ угодны и пріятны? Пусть то было дерзостью поэтовъ, что онѣ воспѣвались и описывались; но что онѣ отнесены къ божественнымъ вещамъ и, по настоянію и требованію самихъ боговъ, совершаются въ честь ихъ,—чѣмъ инымъ назвать это, какъ не преступленіемъ боговъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ вѣры въ демоновъ, и оболъщеніемъ бѣдныхъ людей? Да, если мать боговъ удостоилась, что въ честь ея посвящали на служеніе ей скопцовъ, -- это не поэты выдумали; они напротивъ скорѣе приходили отъ этого въ ужасъ, чѣмъ воспѣвали это. Этимъ-ли избраннымъ богамъ долженъ посвящать себя кто-нибудь, чтобы по смерти жить блаженно, когда посвященный имъ не можетъ жить честно и до смерти, будучи преданъ столь отвратительнымъ суевѣріямъ и подчиненъ нечистымъ демонамъ? Но все это, говоритъ Варронъ, имѣетъ отношеніе къ міру (*mundum*).— Не скорѣе-ли оно относится къ нечистому (*immundum*)? Впрочемъ, почему же и не можетъ относиться къ міру то, чтó, какъ оказывается, существуетъ въ мірѣ? Но мы стре-

мимся достигнуть такого состоянія духа, въ которомъ онъ, возложивши свое упованіе на истинную религію, не боготворилъ бы міръ, какъ бога, а хвалилъ бы міръ, ради Бога, какъ дѣло Божіе,—и очистившись отъ мірскихъ мерзостей, непорочнымъ восходилъ бы къ Богу, который сотворилъ міръ.

ГЛАВА XXVII.

Объ измышленіяхъ физиологовъ, которые чтили не истинное божество и не тѣмъ культомъ, какимъ истинное божество чтить должно.

Итакъ мы видимъ, что эти избранные боги пользовались болѣею извѣстностію, чѣмъ остальные; но пользовались не въ томъ смыслѣ, чтобы прославлялись ихъ заслуги, а въ томъ, что не скрывались ихъ мерзости. Поэтому еще болѣе вѣроятно, что они были люди, какъ объ этомъ передаютъ не только поэты, но и историки. Такъ *Виргилій* говоритъ:

*Первымъ приходитъ съ высей Олимпа Сатурнъ, отъ
меча*

Юпитера уходящій изманникъ, царства мшечный ¹⁾.

Объ этомъ, равно и о другихъ, сопрікосновенныхъ съ этимъ, обстоятельствахъ подробно рассказываетъ *Евгемеръ* въ своей исторіи, которую *Эній* перевелъ на латинскій языкъ. Такъ какъ противъ этого рода заблужденій говорили весьма много раньше насъ писавшіе о нихъ и на греческомъ, и на латинскомъ языкѣ: то мнѣ не хочется останавливаться на этомъ предметѣ.

¹⁾ Virg. Aeneid. VIII.

Разсматривая эти физиологическія толкованія, при помощи которыхъ остроумные и ученые люди стараются обратить подобныя человѣческія вещи въ вещи божественныя, я вижу только то, что онѣ могли быть относимы къ дѣламъ временнымъ и земнымъ, и къ природѣ тѣлесной, а если и къ невидимой, то во всякомъ случаѣ къ измѣнчивой, какою ни въ какомъ случаѣ не могъ быть истинный Богъ. Если бы еще придавали они этому значенія по крайней мѣрѣ согласныя съ чувствомъ благоговѣнія, то хотя бы и приходилось жалѣть, что въ нихъ нѣтъ указанія на истиннаго Бога, однако до извѣстной степени можно было бы мириться съ этимъ, когда бы вмѣстѣ съ тѣмъ не совершалось и не повелѣвалось совершать такихъ мерзкихъ и отвратительныхъ вещей; при данныхъ же условіяхъ, когда нечестиво уже почитать и тѣло или духъ вмѣсто истиннаго Бога, который одинъ, обитая въ душѣ, дѣлаетъ ее блаженною,—въ сколько разъ нечестивѣе—читать эти вещи еще такимъ образомъ, что и спасеніе не приобретається, и не соблюдается ни душевное, ни тѣлесное благоприличіе человѣка чтущаго? Поэтому, когда храмами, священствомъ, жертвоприношеніями, должными только истинному Богу, чтится какая-нибудь міровая стихія или какой либо сотворенный духъ, хотя бы и не нечистый и злой; то худо это не потому, чтобы вещи, которыми выражается это почитаніе, были не хороши, а потому, что онѣ—вещи такія, которыми должно бы чтить того одного, кому приличествуетъ такое почитаніе и служеніе. Если же кто-нибудь утверждаетъ, что нелѣпостію или чудовищностію статуй, убійствомъ людей въ жертву, вѣнчаніемъ мужскихъ половыхъ органовъ, публичнымъ развратомъ, отсѣченіемъ членовъ, оскотленіемъ дѣтородныхъ частей, посвященіемъ женоподобныхъ людей, отпращиваніемъ нечистыхъ и скверныхъ игръ, чтить истиннаго Бога, т. е. творца всякой души и тѣла: то такой не потому

грѣшить, что чтить не того, кого чтить должно, а потому, что чтить его не такъ, какъ чтить его должно. А кто такими именно вещами, т. е. вещами мерзкими и преступными, чтить при томъ и не Бога истиннаго, т. е. творца души и тѣла, а какуюнибудь, хоть бы и невинную, природу, будь то душа или тѣло, или же душа и тѣло вмѣстѣ,—тогда грѣшить вдвойнѣ противъ Бога: потому что чтить вмѣсто Бога то, что не Богъ, и чтить такими вещами, которыми не должно чтить ни Бога, ни не бога. А какъ, т. е. до какой степени мерзко и непристойно, они чтутъ, это очевидно. Что же, или кого они чтутъ, было бы темно, если бы ихъ исторія не свидѣтельствовала намъ, что все, что ни совершается гнуснаго и отвратительнаго, совершается потому, что сами божества ихъ съ угрозою требовали того. Отсюда, если отбросить околичности, ясно будетъ, что вся эта гражданская теологія, предлагая созерцанію нелѣпныя изображенія и чрезъ нихъ овладѣвая глухими душами, услуживаетъ этимъ нечестивымъ демонамъ и нечистѣйшимъ духамъ.

ГЛАВА XXVIII.

О томъ, что доктрина Варрона о теологіи во всѣхъ частяхъ своихъ противорѣчитъ сама себя.

А къ чему послужило то, что Варронъ, человѣкъ ученѣйшій и остроумнѣйшій, въ своемъ по видимому тонкомъ разсужденіи старался распределить и приурочить къ небу и землѣ всѣхъ этихъ боговъ? Онъ оказался не въ состояніи этого сдѣлать: боги ускользаютъ изъ его рукъ, вырываются, валятся, выпадаютъ. Предполагая вести рѣчь о женщинахъ, т. е. богиняхъ, онъ говоритъ: «Поелигу, какъ замѣтилъ я въ первой книгѣ о мѣстахъ, въ отношеніи къ богамъ принимается въ соображеніе ихъ двойное происхожденіе, небесное и земное, почему одни изъ нихъ называются небесными,

а другіе земными; то, какъ въ предыдущихъ книгахъ мы начали съ неба, сказавши о Янусѣ, котораго одни называютъ небомъ, другіе -- міромъ, такъ теперь, начиная рѣчь о женщинахъ, мы начинаемъ съ Теллуры». Чувствую, какое этотъ великій умъ испытывалъ затрудненіе. Руководился онъ довольно правдоподобнымъ предположеніемъ, что небо представляетъ собою начало дѣятельное, земля—начало страдательное, и потому небу приписалъ онъ мужескую силу, землѣ—женскую; но онъ упустилъ изъ виду, что болѣе могущественъ тотъ, Кто творитъ это, Кто сотворилъ и то и другое. Въ такомъ смыслѣ въ предшествовавшей книгѣ онъ объяснялъ знаменитѣйшія мистеріи самоораковъ, и то, что было неизвѣстно у нихъ своимъ же, общалъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ изложить на письмѣ и послать имъ. Онъ говоритъ, что по многимъ признакамъ пришелъ къ заключенію, что въ идолахъ у нихъ одно означаетъ небо, другое—землю, а иное—образцы вещей, которые у Платона называются идеями; подъ небомъ, по его мнѣнію, разумѣется Юпитеръ, подъ землей Юнона, а подъ образцами Минерва,— подъ небомъ—то, отъ чего что-нибудь бываетъ, подъ землей—то, изъ чего бываетъ, подъ идеями—то, сообразно съ чѣмъ бываетъ. Не стану говорить, что по мнѣнію Платона идеи имѣютъ такое значеніе, что сообразно съ ними не небо что-нибудь творитъ, а само оно сотворено. Скажу лишь то, что въ книгѣ о богахъ избранныхъ онъ самъ же упустилъ изъ виду это дѣленіе боговъ на трехъ, которымъ какъ бы обнималъ весь міръ. Онъ приурочилъ къ небу боговъ мужчинъ, къ землѣ женщинъ, и между послѣдними помѣстилъ Минерву, которую прежде ставилъ выше самого неба. Далѣе богъ-мужчина Нептунъ оказался у него въ морѣ, которое относится скорѣе къ землѣ, чѣмъ къ небу. Наконецъ Дитисъ-отецъ, называемый погречески *Πλοτων*, братъ обоихъ и богъ-мужчина, оказался также богомъ земнымъ, завѣдывающимъ

верхнимъ слоемъ земли, а въ самомъ нижнемъ имѣющимъ жену Прозерпину. Какимъ же, спрашивается, образомъ онъ старается пріурочить боговъ къ небу, а богинь къ землѣ? Что твердаго, несомнѣннаго, разумнаго и опредѣленнаго представляетъ собою это разсужденіе его? Вѣдь земля же у него Теллура, начало богинь, Великая-де Мать, предъ которою горланить и шумить безумная мерзость людей женоподобныхъ, оскотенныхъ, уродующихъ себя и кривляющихся? Какой смыслъ послѣ этого въ томъ, что Янусъ называется главою боговъ, а Теллура главою богинь? И тамъ заблужденіе не удержало головы одной, и здѣсь безуміе не сохранило ее здоровой. Къ чему подобные пустяки стараются они относить къ міру? Хотя бы они и успѣли въ этомъ, ни одинъ благочестивый человѣкъ не станетъ почитать міра вмѣсто Бога; но, какъ показываетъ очевидная истина, они и въ этомъ не успѣли. Пусть относятъ все это лучше къ людямъ умершимъ и мерзкимъ демонамъ; и тогда не будетъ болѣе недоразумѣній.

ГЛАВА XXIX.

О томъ, что все то, что фізіологи относили къ міру и его частямъ они должны были бы относить къ единому истинному Богу.

Въ существѣ дѣла все, что они на основаніи будто бы физическихъ законовъ изъ теологіи этихъ боговъ относятъ къ міру,—все это, несколько не оскорбляя благочестиваго чувства, мы можемъ представить относившимся скорѣе къ истинному Богу, создавшему міръ, творцу души и тѣла, и именно такимъ образомъ: Мы почитаемъ Бога, но не небо и землю, изъ коихъ состоитъ міръ, и не душу или души, разлитыя по всемъ живымъ существамъ, а Бога создавшаго небо и землю и все, что въ нихъ находится, сотворившаго

всякую душу живущую-ли только, но чувства и разума не имѣющую, или и чувствующую, и даже разумную.

ГЛАВА XXX.

Съ какимъ благочестіемъ надлежитъ отличать Творца отъ твари, чтобы не чтить столькихъ боговъ, сколько существуетъ дѣлъ единого Творца.

Прослѣдимъ въ общихъ чертахъ тѣ дѣла единого Бога, изъ-за которыхъ они измыслили себѣ многихъ и ложныхъ боговъ, стараясь истолковать благовидно свои сквернѣйшія и преступнѣйшія таинства. Мы чтимъ Бога, который установилъ для тварей, Имъ созданныхъ, начала и цѣли ихъ бытія и жизни, который содержитъ, знаетъ и располагаетъ причины вещей, — который сотворилъ силу сѣмянъ, — который далъ живымъ существамъ, какимъ хотѣлъ, разумную душу, называемую духомъ, — который даровалъ способность и даръ слова, — который сообщилъ духамъ, какимъ хотѣлъ, даръ предсказанія будущаго, и самъ предсказываетъ будущее и исцѣляетъ болѣзни, чрезъ кого Ему угодно, — который распоряжается началомъ, продолженіемъ и окончаніемъ и самыхъ войнъ, когда ими надлежитъ исправлять и очищать человѣческій родъ, — который для благорастворенія безпредѣльной природы сотворилъ сильнѣйшій и сокрушительнѣйшій огонь настоящаго міра и управляетъ имъ, — который есть творецъ и правитель всѣхъ водъ, — который создалъ солнце, свѣтлѣйшее изъ всѣхъ тѣлесныхъ свѣтилъ, и далъ ему соотвѣтственное движеніе и силу, — который простираетъ свою власть и владычество и на самую преисподнюю, — который опредѣлилъ сѣмена и питаніе смертнымъ животнымъ соотвѣтственно природѣ ихъ, однимъ сухія, другимъ жидкія, — который полагаетъ основаніе землѣ и дѣлаетъ ее плодородною, — который раздаетъ щедрою рукою ея плоды живот-

нымъ и людямъ,—который знаетъ и приводитъ въ порядокъ причины не только главныя, но и второстепенныя,—который опредѣлилъ лунѣ теченіе ея,—который указываетъ направленіе небеснымъ и земнымъ путямъ,—который человѣческому разуму, Имъ сотворенному, сообщилъ знаніе различныхъ наукъ для сноснѣшествованія жизни и природѣ,—который установилъ сочетаніе мужа и жены для распространенія человѣческаго рода,—который для наиболѣе удобнаго употребленія сообщилъ человѣческимъ кружкамъ даръ земнаго огня, чтобы они зажигали его на очагахъ и въ свѣтильникахъ. Вотъ это все остроумнѣйшій и ученѣйшій Варронъ, на основаніи не вѣсть какихъ физическихъ толкованій, взятыхъ ли откуда-то или имъ самымъ измышленныхъ, старается распределить между богами избранными. Но все это дѣлаетъ и вѣдьмъ этимъ управляетъ единый истинный Богъ, но именно какъ Богъ, т. е. всюду весь находящійся, никакимъ мѣстомъ не ограниченный, никакими узами не связанный, ни на какія части не раздѣляющійся, ни въ чемъ не измѣняющійся, наполняющій небо и землю присутствіемъ своего могущества и полнотою своей природы. Вѣдьмъ, что сотворилъ, Онъ управляетъ такъ, что оно и само, съ соизволенія Его, совершаетъ и исполняетъ свои собственные движенія. Ибо хотя безъ Него ничего не можетъ быть, однако сотворенное не то, что Онъ. Много совершаетъ Онъ и чрезъ ангеловъ, но блаженными дѣлаетъ ангеловъ только отъ себя самого. Равнымъ образомъ хотя по нѣкоторымъ причинамъ Онъ посылаетъ ангеловъ къ людямъ, но людей блаженными дѣлаетъ не отъ ангеловъ, а отъ самого себя, какъ и ангеловъ. Отъ этого единого и истиннаго Бога мы ожидаемъ будущей жизни.

ГЛАВА XXXI.

Кромѣ общихъ даровъ какими въ частности благодѣяніями Божіими пользуются послѣдователи истины.

Кромѣ этого рода благодѣяній, которыя Богъ щедрою рукою ниспосылаетъ добродѣтельнымъ и порочнымъ людямъ въ силу упомянутаго нами управленія природы, мы имѣемъ отъ Него великое знаменіе великой любви Его собственно къ добродѣтельнымъ людямъ. Мы рѣшительно не въ состояніи возблагодарить Его должнымъ образомъ и за тѣ благодѣянія, что существуемъ, что живемъ, что видимъ небо и землю, что имѣемъ умъ и разумъ, при помощи которыхъ обрѣтаемъ Его самого, сотворившаго все это. Но какое сердце, какой языкъ въ состояніи достаточно возблагодарить Его за то, что Онъ не вовсе оставилъ насъ отягченныхъ и обремененныхъ грѣхами, отворотившихся отъ Его свѣта и омрачившихся любовію ко мраку, т. е. къ непотребствамъ, а послалъ къ намъ свое Слово, которое есть Его Сынъ едиnorodный, чтобы мы научились отъ Него, родившагося плотію и пострадавшаго за насъ, какъ высоко цѣнить Богъ человѣка, — чтобы этою единственною жертвою мы очистились отъ всѣхъ грѣховъ и чтобы, получивши въ свои сердца изліяніе любви отъ Духа Его, не смотря на всѣ трудности, достигли вѣчнаго упокоенія и неизреченной сладости лицезрѣнія Его?

ГЛАВА XXXII.

О томъ, что таинство искупленія Христова извѣстно было во весь прошедшій времена и различными предзнаменованіями проповѣдуемо было всегда.

Эта тайна вѣчной жизни нѣкоторыми знаменіями и соответствовавшими времени таинствами была проповѣдуема черезъ ангеловъ, кому надлежало, съ самаго начала человѣческаго рода. Затѣмъ еврейскій народъ соединенъ былъ въ

одно гражданское общество для сохраненія этого таинства: въ немъ чрезъ посредство нѣкоторыхъ знающихъ и незнающихъ людей было предсказываемо, какъ имѣющее наступить, то, что совершается со времени пришествія Христа до нашихъ дней, и имѣетъ совершаться впослѣдствіи; и разсѣянъ былъ этотъ народъ потомъ среди другихъ народовъ ради свидѣтельства Писаній, которыми проповѣдывалось будущее спасеніе во Христѣ. Ибо не только пророчества, заключающіяся въ словѣ, не только правила жизни, упорядочивающія нравственность и благочестіе и содержащіяся въ книгахъ, но и священнослуженія, священства, скинія, или храмъ, жертвенники, жертвоприношенія, обряды, праздники и все, относящееся къ тому служенію, которое приличествуетъ Богу и погречески называется *λατρεία*, — все это знаменовало и предвозвѣщало то, что ради будущей жизни вѣрныхъ во Христѣ исполнилось, какъ мы вѣруемъ, исполняется, какъ мы видимъ, и должно исполниться, какъ мы уповаемъ.

ГЛАВА XXXIII.

О томъ, что только христіанская религія могла обнаружить хитрость лукавыхъ духовъ, услаждающихся человѣческими заблужденіемъ.

Благодаря этой только одной и истинной религіи, могло обнаружиться, что боги язычниковъ суть нечистѣйшіе демоны, которые подъ видомъ душъ умершихъ или міровыхъ тварей желали быть чтимыми за боговъ, въ надменной нечистотѣ услаждались якобы божественными почестями, а на дѣлѣ — вещами преступными и гнуемыми, не допуская обращенія человѣческихъ душъ къ Богу истинному. Отъ звѣрскаго и нечестиваго господства ихъ человѣкъ освобождается, когда начинаетъ вѣровать въ Того, Который для возстановленія надшаго показалъ на себѣ примѣръ такого же уничи-

женія, какою гордостію они пали. Такъ явились не только тѣ боги, о которыхъ мы уже много говорили прежде, и другіе, имъ же подобные у прочихъ народовъ и въ другихъ странахъ, но даже и эти, о которыхъ мы теперь ведемъ рѣчь, боги избранные, составляющіе какъ бы сенатъ боговъ, въ существѣ же дѣла избранные—по знаменитости преступленій, а не по доблестямъ нравственнымъ. Какъ ни усиливался Варронъ сопоставить ихъ культъ съ естественными законами, стараясь облагородить вещи постыдныя, онъ не въ состояніи былъ придумать, какимъ образомъ согласовать его съ ними: причины этого культа были не тѣ, какія онъ думалъ, или вѣрнѣе—желалъ думать. Будь не только эти, но даже другія какія нибудь причины того же рода, то хотя бы это и не имѣло отношенія къ Богу истинному и жизни вѣчной, которая должна быть въ религіи главною цѣлію, однако существованіе какой бы то ни было причины, заимствованной отъ природы вещей, извиняло бы нѣсколько недосмотръ, допущенный въ культѣ въ видѣ какого нибудь непонятнаго безобразія или глупости. Такого свойства были попытки Варрона въ отношеніи къ нѣкоторымъ баснямъ театровъ и мистеріямъ капищъ. Правда, онъ не оправдалъ въ этомъ случаѣ театровъ подражаніемъ капищамъ, а скорѣе осудилъ капища за подражаніе театрамъ; однако, указавъ въ своемъ родѣ естественныя причины явленія, онъ успѣлъ нѣсколько успокоить чувство, возмущенное приводящими въ ужасъ вещами.

ГЛАВА XXXIV.

О книгахъ Нумы Помпилія, которыя сенатъ велѣлъ сжечь, чтобы не сдѣлать извѣстными изложенныя въ нихъ причины культа.

Но оказывается напротивъ того, что они, какъ передаетъ этотъ же ученѣйшій мужъ, не могли равнодушно

отнестись къ причинамъ культа, изложеннымъ въ книгахъ Нумы Помпилія, и не сочли ихъ заслуживающими не только того, чтобы онѣ дѣлались извѣстными людямъ благочестивымъ посредствомъ чтенія, но и того, чтобы скрывались во мракѣ на письмѣ. Расскажу то, что въ третьей книгѣ этого сочиненія ¹⁾ я обѣщаль въ своемъ мѣстѣ рассказать. У того же Варрона въ книгѣ о культѣ боговъ мы читаемъ: «Нѣкто Теренцій имѣлъ землю у подошвы Янибула. Пахарь его, проходя плугомъ подлѣ гробницы Нумы Помпилія, вырылъ изъ земли его книги, въ которыхъ были изложены причины установленій культа. Теренцій представилъ ихъ въ Римъ къ претору. Тотъ, просмотрѣвъ начало, донесъ объ этомъ важномъ открытіи сенату. Сенатъ, едва были прочитаны лишь нѣкоторыя изъ причинъ, по которымъ то или иное въ культѣ было установлено, высказалъ одобреніе умершему Нумѣ, и какъ люди религіозные, отцы-сенаторы опредѣлили, чтобы преторъ сожегъ эти книги». Пусть каждый думаетъ что ему угодно; пусть даже какой нибудь почтенный защитникъ всевозможнаго нечестія говорить, что внушить ему говорить бессмысленная спорливость. Для меня достаточно напомнить, что причины культа, изложенныя на письмѣ царемъ Помпиліемъ, установителемъ римскаго культа, не должны были сдѣлаться извѣстными ни народу, ни сенату, ни даже самимъ священникамъ, и что самъ Нума Помпилій проникъ въ эти демонскія тайны путемъ недозволительнаго любопытства. Онъ записалъ ихъ, чтобы имѣть возможность посредствомъ чтенія припоминать. Тѣмъ не менѣе, хотя былъ царемъ, никого не боявшимся, не осмѣлился ни учить имъ кого либо, ни уничтожить ихъ, стерши или другимъ образомъ истребивши написанное. Не хотѣлъ онъ, чтобы кто нибудь зналъ ихъ, чтобы не научить людей нечестію; боялся и истребить, чтобы не возбу-

¹⁾ Выше, кн. III. гл. 9.

дить противъ себя гнѣва демоновъ. И вотъ онъ зарылъ ихъ въ такое мѣсто, которое считалъ неприкосновеннымъ, не предполагая, что къ гробницѣ его можетъ приблизиться плугъ. Сенатъ съ своей стороны побоялся осудить вѣрованія предковъ, и потому вынужденъ былъ высказать одобреніе Нумѣ; но упомянутыя книги нашель однакоже до такой степени опасными, что не велѣлъ даже снова зарывать ихъ, чтобы послѣ того, какъ существованіе ихъ сдѣлалось извѣстнымъ, человѣческое любопытство не добивалось ихъ еще съ большимъ жаромъ, а велѣлъ уничтожить въ огнѣ эти памятники съ печатью проклятія. Такъ какъ признавали необходимымъ совершать этотъ культъ, то заблужденіе при незнаніи причинъ его было сноснѣе возмущенія гражданскаго порядка при знаніи.

ГЛАВА XXXV.

О гидромантии, которая, посредствомъ нѣкоторыхъ демонскихъ образовъ, вводила Нуму въ заблужденіе.

Нума же, къ которому не былъ посланъ никакой пророкъ Божій и никакой ангелъ святой, вынужденъ былъ приняться за гидромантию, чтобы увидѣть въ водѣ образы боговъ (а вѣрнѣе—насмѣшки надъ нимъ демоновъ), и отъ нихъ узнать, что онъ долженъ былъ установить и совершать въ видѣ культа. Варронъ говоритъ, что этотъ родъ гаданій былъ придуманъ Персами, и упоминаетъ, что имъ пользовался Нума, а послѣ него философъ Пифагоръ; присоединеніе къ нему крови давало возможность спрашивать даже царство мертвыхъ, и называлось, по словамъ его, по-гречески *νεκρομαντεία*. Но называется ли онъ гидромантиею или некромантиею, во всякомъ случаѣ это тотъ именно родъ гаданій, въ которомъ предсказанія идутъ отъ лица мертвыхъ. Какія искуства они употребляли для этого, это ихъ дѣло. Я не стану говорить, что даже въ провинціальныхъ городахъ,

и до пришествія нашего Спасителя, искусства эти обыкновенно запрещались и весьма строго наказывались законами. Не стану, повторяю, говорить объ этомъ, потому что въ то время можетъ быть они и дозволялись. Но во всякомъ случаѣ Помпилій при помощи этихъ искусствъ узналъ тотъ культъ, обряды котораго онъ привелъ въ общую извѣстность, а причины скрылъ: до такой степени боялся самъ того, что узналъ. Когда же обнаружались книги, излагавшія эти причины, сенатъ ихъ сжегъ. Съ какой же стати Варронъ выставляетъ мнѣ для этихъ обрядовъ не вѣсть-какія-то, якобы физическія причины? Если бы подобныя причины содержались въ тѣхъ книгахъ, ихъ конечно не сожгли бы. Развѣ отцы-сенаторы сожгли подобнымъ же образомъ книги самого Варрона, писанныя имъ и обнародованныя съ посвященіемъ имени понтифекса Цезаря? А то обстоятельство, что Нума Помпилій бралъ воду для совершенія гидромантии, послужило поводомъ въ разсказу, будто онъ имѣлъ супругою нимфу Егерію, какъ говорится объ этомъ въ вышеупомянутой книгѣ Варрона. Такъ обыкновенно дѣйствительныя событія чрезъ прикрытіе ложью обращаются въ басни. Итакъ посредствомъ этой гидромантии упомянутый римскій царь, страстно стремившійся проникнуть въ недоступныя челоуѣку тайны, узналъ и тѣ обряды культа, которые имѣли понтифексы изложенными въ своихъ книгахъ, и тѣ причины этихъ обрядовъ, о которыхъ онъ не хотѣлъ, чтобы зналъ ктонибудь, кромѣ него. Изложивъ ихъ на письмѣ отдѣльно, онъ заставилъ ихъ, такъ сказать, умереть вмѣстѣ съ собою, когда позаботился утаить ихъ отъ людей и погребсти съ собою. Можно думать поэтому, что въ книгахъ тѣхъ или были изложены письменныя требованія демоновъ до такой степени грязныя и преступныя, что вслѣдствіе ихъ вся эта гражданская теологія могла внушить омерзеніе даже такимъ людямъ, которые приняли очень много постыднаго въ самые

обряды культа; или всё эти боги были представляемы ничѣмъ инымъ, какъ умершими людьми, которые за давностію времени у всёхъ почти народовъ стали считаться за боговъ бессмертныхъ: ибо тѣже самые демоны услаждались и такимъ культомъ, потому что вмѣсто мертвыхъ, которыхъ заставляли считать за боговъ нѣкоторыми ложными чудесами, подставляли для почитанія самихъ себя. Но тайнымъ провидѣніемъ истиннаго Бога было устроено такъ, что имъ попущено было высказать все это другу своему Помпилію при посредствѣ тѣхъ искусствъ, которыя дѣлаютъ возможною гидромантию; и въ тоже время не попущено было убѣдить его лучше сжечь книги передъ смертію, чѣмъ зарыть: ибо въ послѣднемъ случаѣ, онѣ и не получили бы извѣстности, и не попались бы подъ плугъ, которымъ вырыты, и изъ сочиненій Варрона мы не узнали бы того, какъ въ этомъ отношеніи было поступлено. Ибо демоны не могутъ дѣлать того, что не попускается имъ. Попускается же имъ это высочайшимъ и справедливымъ судомъ верховнаго Бога въ наказаніе тѣмъ, которые оказываются заслужившими—или подвергнутся только преслѣдованію ихъ, или даже подпасть подъ ихъ власть и быть обольщенными ими. А до какой степени упомянутыя книги были признаны опасными и несообразными съ почитаніемъ истиннаго божества, можно судить по тому, что сенатъ эти книги, которыя Помпилій скрылъ, лучше пожелалъ сжечь, чѣмъ оставаться въ опасеніи того, чего опасался не могшій рѣшиться на это Помпилій. Итакъ кто не желаетъ вести благочестивой жизни, пусть ищетъ посредствомъ такого культа вѣчной смерти. Кто же не хочетъ имѣть общенія съ злыми демонами, пусть не боится того вреднаго суевѣрія, которымъ они почитаются, но старается познать истинную религію, которая ихъ разоблачаетъ и побѣждаетъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

3-й части

твореній блаженнаго Августина.

О градѣ божіемъ, въ Марцеллину противъ язычниковъ, двадцать двѣ книги:

	Стран.
книга первая	1— 60
книга вторая	61—116
книга третья	117—176
книга четвертая	177—230
книга пятая	231—296
книга шестая	297—334
книга седьмая	335—392

(газетное чтение, — „Епархіальныя Вѣдомости“); 2, *религіозно нравственнаго*, общеназидательнаго и общеповѣтнаго чтенія („Воскресное Чтеніе“), и 3, научнаго образованія богословскаго („Труды Кіевской духовной Академіи“).

„Епархіальныя Вѣдомости“ будутъ выходить *ежедневно* въ четвертку, въ два столбца, *не меньше одного листа въ недѣлю*. „Воскресное Чтеніе“ будетъ выходить также *ежедневно*, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, въ два столбца, *не меньше одного листа въ недѣлю*. „Труды Кіевской духовной Академіи“ будутъ выходить *ежемесячно* книжками *не меньше 12 листовъ*, изъ коихъ около 5 заняты переводомъ твореній блаж. Иеронима и Августина и не меньше 7—оригинальными статьями. Изъ годоваго изданія „Трудовъ“ составятся: одинъ томъ твореній бл. Августина, одинъ томъ твореній бл. Иеронима и три тома статей, каждый около 30 печатныхъ листовъ, съ особымъ счетомъ страницъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.; Воскреснаго чтенія—4 р.; Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р.; Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей *вмѣстѣ* съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостей съ Трудомъ—10 р.; Воскреснаго Чтенія съ Трудомъ—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудомъ—12 р. с.

Адресъ: въ Редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или Воскреснаго Чтенія, или Трудовъ, при Кіевской духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, 2) Игн. Л. Тузова—въ С. Петербургѣ, 3) А. Н. Ферапонтова—въ Москвѣ.

Въ редакціи можно получить „Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), II (1838—39), V (1841—42), X (1846—47), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 2 руб. 60 к. за годъ съ пересылкою.

„Труды Кіевской духовной Академіи“ продаются *по уменьшенной цѣнѣ*: 1860—1869 годы (кроме 1867 г.) по 2 р. безъ пересылки, а съ пересылкою 2 р. 60 к.; за 1870—1873 годы по 3 руб. 50 к. безъ пересылки, съ пересылкою 4 р.; за 1874 годъ 4 руб. 50 коп., съ пересылкою 5 р.; за 1875 годъ 6 руб.; за 1876, 1877, 1878, 1879 и 1880 гг. по 7 руб.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

БИБЛІОТЕКА

твореній св. Отцевъ и учителей церкви
западныхъ:

Книга	1	—	Творенія св. Кипріана Е. Кареаген.,	часть	1
"	2	—	" св. Кипріана	"	2
"	3	—	Творенія бл. Іеронима Стридонск.,	часть	1
"	4	—	" бл. Іеронима	"	2
"	5	—	" бл. Іеронима	"	3
"	6	—	" бл. Іеронима	"	4
"	7	—	Творенія бл. Августина Е. Иппонійск.,	часть	1
"	8	—	" бл. Іеронима	"	5
"	9	—	" бл. Августина.	"	2
"	10	—	" бл. Августина.	"	3
"	11	—	" бл. Іеронима	"	6

2007237094